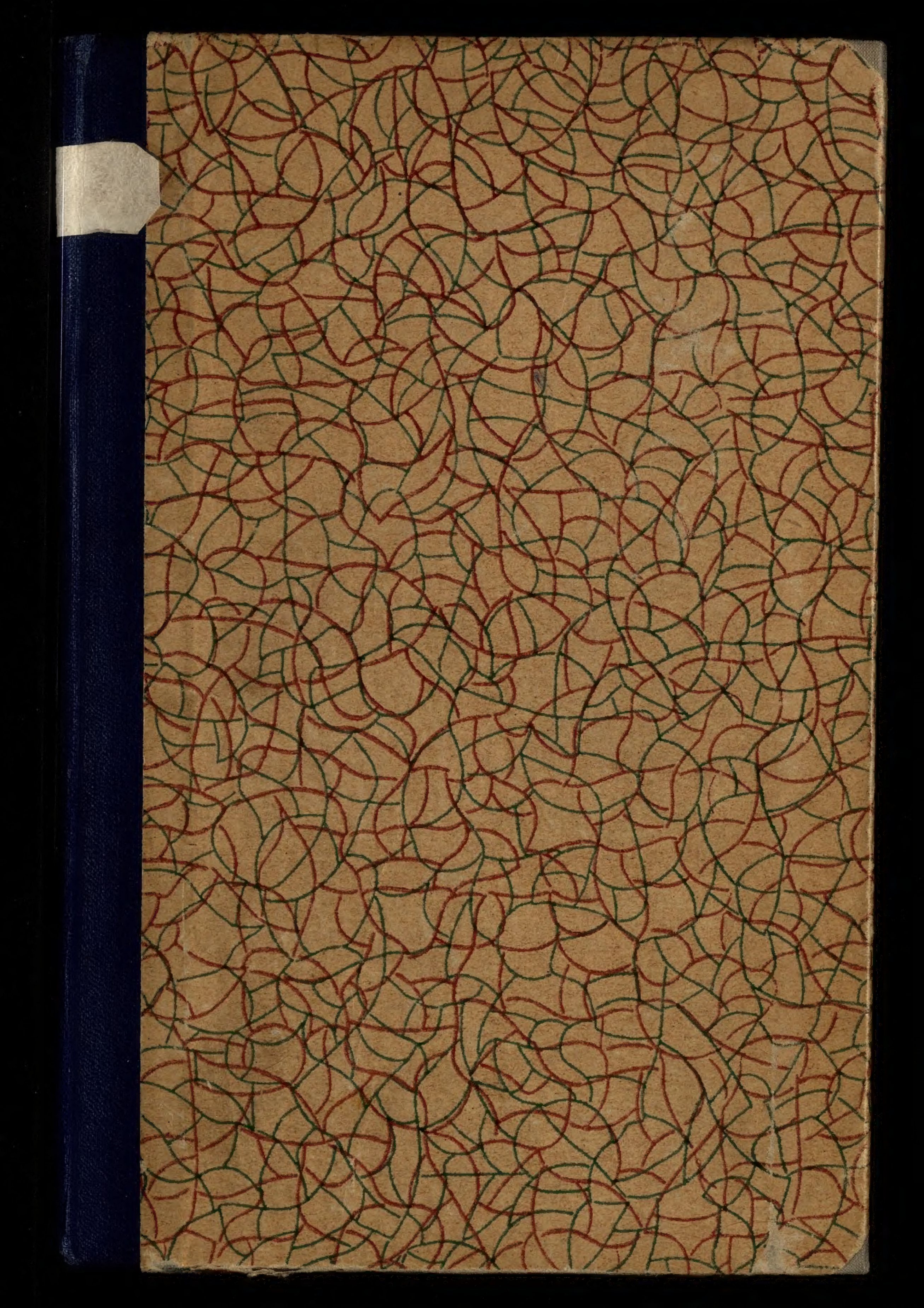
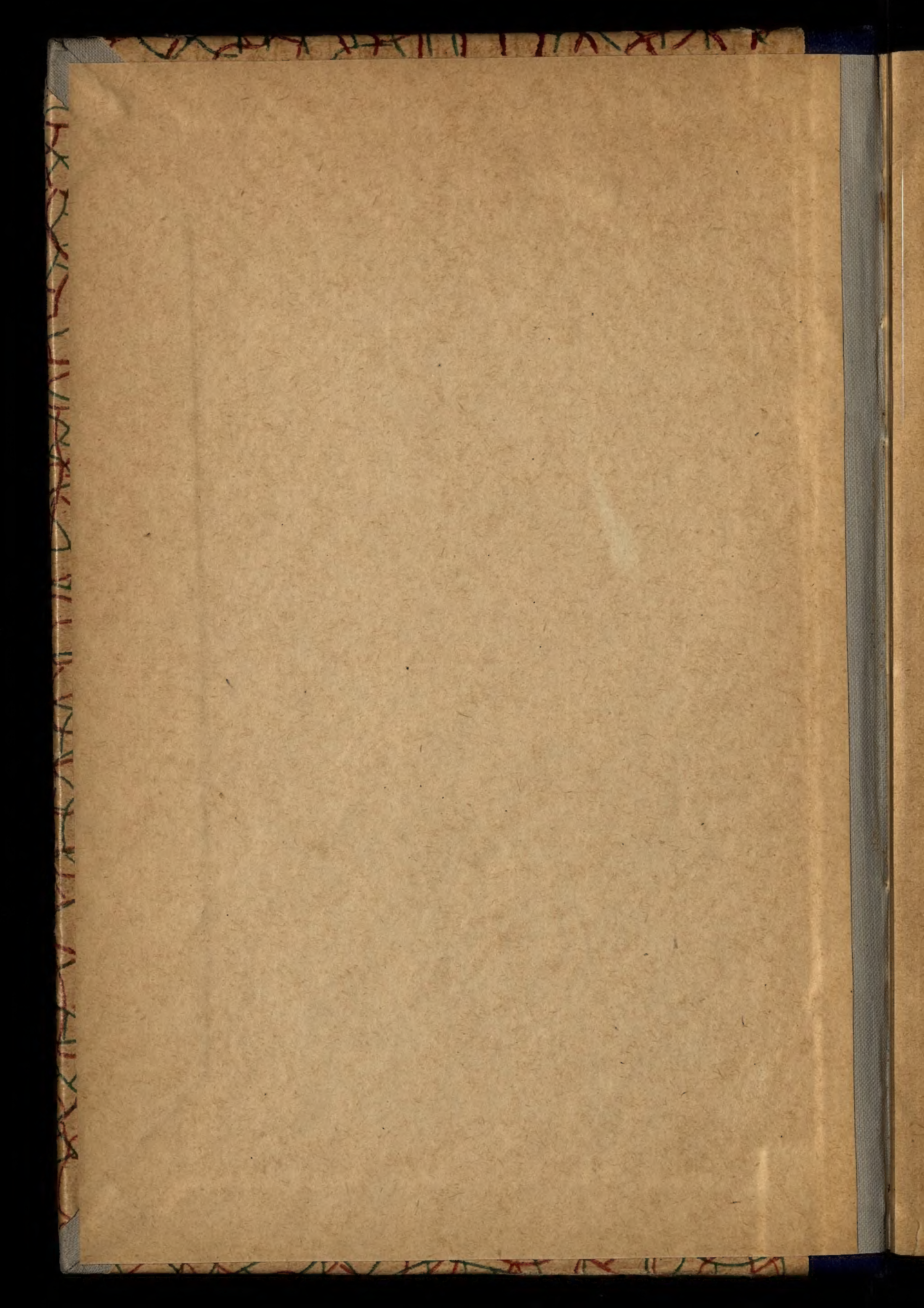




ЗЕРКАЛО ОЧЕВИДНОЕ.

И. Т. ПОСОШКОВА.

(Редакція полная).

По рукописному списку, хранящемуся въ библіотекѣ Казанской Духовной Академіи,

издалъ проф. А. Царевскій.

Выпускъ II.

Казань.
Типо-литографія Императорскаго Университета.
1900.

По опредѣленію Совѣта Казанской Духовной Академіи отъ 3 октября 1898 г. печатать дозволяется.

Ректоръ Епископъ Антоній.

О символѣ перваго и втораго собора и о книжномъ исправленіи.

Глава XV[1].

Архангелъ Гавріилъ во время благовѣстія Пресвятой Дѣвѣ Маріи рекъ: радуйся, въ дому Іаковли Сынъ твой воцарится во вѣки и царствію Его не будетъ конца (Лук. 1, 33). Зри, противниче, яко архангелъ Гавріилъ посланъ бысть отъ самого Бога ко Пресвятой Дѣвѣ, еже рещи о воплощеніи Христовѣ. Не или речете: и того архангела Никонъ патріархъ научи рещи, еже царствію Его вмѣсто *нѣсть* конца *не будетъ* конца? А аще речете, яко той архангелъ не отъ Никона наученъ бѣ, то почто на Никона патріарха пыщетеся, и о глаголѣ томъ, еже царствію Сына Божія не будетъ конца, ропщете? Іоаннъ Златоустый тая-же глаголетъ, яко воцарится Господь въ дому Іаковли во вѣки и царствію Его не будетъ конца, и, еретиковъ обличая, предлагаетъ многая свидѣтельства отъ Божественнаго Писанія, яко царствію Его не будетъ конца. И о семъ кто хощетъ пространнѣе вѣдѣти, той да зритъ въ Маргаритѣ.

---

[1]) Въ краткой редакціи: «Глава XVI. О символѣ».

Бесѣда первая [1].

Видите-ли, яко Іоаннъ Златоустый прежде Никона патріарха о семъ ясно объяви, яко царствію Христову не будетъ конца, а не нѣсть конца,—и съ еретики о томъ словѣ многое преніе имѣлъ. И посему явѣ есть, яко и прежде васъ были такіе-же суеумы, еже спорили той глаголъ, въ символѣ положенный; а вы глаголете, яко Никонъ патріархъ тую рѣчь въ символъ внесе, еже царствію Христову не будетъ конца. И аще бысте не буи вы были, то могли бы есте познать и безъ доводовъ, яко въ символѣ инако быти невозможно, еже написано: не будетъ конца. Понеже предъ тою рѣчію написано ясно, а не сокровенно, яко грядетъ Сынъ Божій судити живымъ и мертвымъ; и та рѣчь возвѣщаетъ о впредь будущемъ судѣ и впредь будущемъ царствіи Христовѣ, а не о настоящемъ, ниже не о мимошедшемъ; и того ради невозможно въ символѣ таковому реченію быть, еже—нѣсть конца. Понеже весь тотъ глаголъ идетъ о вочеловѣченіи Христовѣ и о страданіи Его, и о второмъ Его пришествіи, и еже судити имать живыхъ и мертвыхъ, и потомъ уже речено о нескончаемомъ Его царствіи, которое начнется, царствованіе Христово, послѣди того суда,—а не о предвѣчномъ царствіи Божіи той символъ сказуетъ, еже царствова Богъ до міросозданія: то бо царство предвѣчное, не имать начала. И аще бы въ символѣ глаголъ былъ бы о предвѣчномъ Божіи царствованіи, то бы нельзя было въ немъ тоя рѣчи глаголати, еже не будетъ конца, но надлежало бы глаголати нѣсть конца, и аще бы кто рекъ: не будетъ конца,—подпалъ бы проклятію. А сіе царствованіе Христово, о немъ же въ символѣ поло-

---

[1]) Заглавіе это не поставлено въ краткой редакціи.

жено, начало будетъ имѣти по разореніи сего свѣта и по судѣ,—начнется уже особое царствованіе, а не яко прежде бывшее, и тому царствію начало будетъ, конца же ему не будетъ, но въ нескончаемые вѣки вѣковъ оно простретсяю. И того ради святые отцы, сошедшеся триста осемьнадесять на первомъ вселенскомъ соборѣ, изложиша и въ символѣ положиша, яко царствію Его не будетъ конца; яко бо вочеловѣченію Его есть начало, тако и царству Его тому будетъ начало [1]). А аще же вы речете, яко вочеловѣченію Христову нѣсть начала, то мочно вамъ по таковому вашему разуму глаголати: нѣсть конца. А ежели речете, яко Христову воплощенію есть начало и суду его предбудущему будетъ начало, то како речете, ежебы по судѣ, по обновленіи новаго свѣта, не быти началу? Аще бо кто и слѣпъ чувственныма очима, умныма же не слѣпъ, и той можетъ разумѣти по разуму того символьнаго глагола, тамо реченнаго, яко егда грядетъ судити, то имать по дѣломъ нашимъ судити насъ тогда, егда тому дѣлу время приспѣетъ, а не прежде вѣкъ судилъ насъ по дѣломъ нашимъ. И паки зриши ли, яко не единыхъ токмо живыхъ судити имать, но и умершихъ всѣхъ. И о семъ вси вы вѣсте, яко до Адама мертвыхъ человѣковъ не было и живыхъ прежде Адама, и прежде рожденія нашего не имать Господь насъ судити, но имать судити насъ возрастшихъ и добрыя дѣла или злыя сотворшихъ въ разумѣ. По скончаніи же свѣта добрыя дѣла дѣлавшихъ введетъ во царство небесное и будетъ ими царствовати въ безконечные вѣки вѣковъ, а злыя дѣла дѣлавшихъ отшлетъ отъ себя ко діаволу, и будетъ ими царствовати діаволъ во адскомъ мученіи во вѣки вѣковъ. И сіе все стало быть дѣло предбудущее, а не настоящее, ни мимошедшее. И по всему

---

[1]) Окончаніе этого трактата въ краткой редакціи передано въ нѣсколькихъ словахъ.

сему всѣмъ намъ есть явно, яко начало царствію, въ символѣ положенному, будетъ, но конца ему не будетъ; и того ради и въ символѣ никоими дѣлы *нѣсть* конца глаголати не годствуетъ, но надлежитъ глаголати: царствію Его *не будетъ* конца.

И аще кто не можетъ сего нашего разглагольства во умъ свой вмѣстити и будетъ усумнѣватися, той да идетъ ко святому Іоанну Златоустому: той бо ему отповѣсть, яко то царствованіе будетъ имѣти начало. Зри въ бесѣдахъ на посланіе къ Ефесеямъ: глаголетъ бо тако, яко царство Божіе по скончаніи вѣка сего начало будетъ имѣти. (Листъ 1051). Ты же кто еси и како дерзаеши вся хулити, чего самъ за упорство свое или за несмысліе поняти не можеши, а разумѣющихъ безвинно хулиши? Уже бо когда, по мнѣнію вашему, Никонъ патріархъ виноватъ, то и Іоаннъ Златоустъ виноватъ, но токмо вы едины правы. О, злаго упорства! Сами не разумѣете, а у разумѣющихъ слушати не хощете, и самоизвольство [1]) въ вѣчную погибель рѣетеся.

Аще же кто хощетъ истину увѣдати и о Дусѣ Святѣмъ, яко животворящій есть и яко правильно въ символѣ положено отъ святыхъ отецъ, на второмъ вселенскомъ соборѣ сошедшихся 180 лицъ,—той зри и внемли въ книзѣ Кирилла Іерусалимскаго написано именно: вѣруемъ во единаго Духа Святаго и животворящаго, иже отъ Отца исходящаго. Паки въ той же книгѣ отъ десятыя главы Іоанна Дамаскина написано сице: во единаго Святаго Духа вѣруемъ, Господа животворящаго, отъ Отца исходящаго. И паки въ той же книзѣ, въ словѣ Іоанна Дамаскина же, написано сице: вѣрую во единаго Бога Отца Вседержителя, Творца неба и земли и всѣмъ видимымъ и невидимымъ, и

---

[1]) *самоизвольствомъ*—Кр. ред., 182 стр.

во единаго Господа Іисуса Христа, Сына Божія, единороднаго прежде всѣхъ вѣкъ, и въ Пресвятаго Духа, Господа животворящаго, иже отъ Отца исходящаго, со Отцемъ и Сыномъ покланяемаго и славимаго. И паки въ той же Кирилловѣ книгѣ написано о изображеніи вѣры, то есть о символѣ, и тамо написано именно: и въ Духа Святаго, Господа животворящаго. И въ Правильной книгѣ написано именно же: и въ Духа Святаго, Господа и животворящаго, исходящаго отъ Отца.

Смотрите вси, о символѣ на Никона патріарха ропщущіи, яко бы отъ него въ символѣ написано *животворящаго*: себо издревле тако положено; и явѣ есть, яко внесена въ символъ прибавочная рѣчь сія, еже *истиннаго*, отъ неискусныхъ преводниковъ или отъ самоумствующихъ писателей. Такожде бо самоумствующе написали и вмѣсто: не будетъ конца—*нѣсть конца*, и тѣмъ безумнымъ мудрованіемъ вельми благочестіе поколебали. И аще бы блаженныя памяти Никонъ патріархъ того не усмотрѣлъ, то иному некому было исправляти; аще бы кой патріархъ и позналъ тую неправость, да не смѣлъ бы вступити въ таковое дѣло великое: символъ есть дѣло великое, понеже въ немъ залежитъ основаніе христіанскія правыя вѣры. И вси святіи утвердиша и клятвою запретиша, дабы никто въ символѣ никаковыя рѣчи не измѣнялъ, ниже кто бы что или прибавилъ, или убавилъ. И егда блаженный Никонъ патріархъ усмотрилъ въ символѣ при древле написанномъ символѣ овую рѣчь измѣнену, овую же приложену, отъ любве правовѣрія, въ немъ лежащаго, не могутъ [1]) утерпѣти, еже-бы не исправити. О семъ бо святый Іоаннъ Златоустъ ясно написа, яко аще кто узритъ неправость какую и не потщится о той исправѣ попещися,

---

[1]) *не могъ* (?)

то постраждетъ таяже, еже достоинъ страдати исказивый тую рѣчь древнюю. И вы сами себѣ разсудите: кая есть вина Никона патріарха, еже усмотрилъ въ символѣ, такожде и во иныхъ книгахъ, неправости и потщился исправити? Вамъ надлежало бы его за такое дѣло благое блажити, а не злорѣчити.

И сего себѣ смотрите: аще онъ и вельми разумителенъ былъ, и власть, яко патріархъ, имѣлъ великую, обаче собою правити тѣхъ въ символѣ и прочіихъ погрѣшеній книжныхъ не смѣлъ, но созвалъ соборъ великій и книги рукописныя со всей Россіи собралъ, такожде и отъ грекъ изъ палестинскихъ монастырей собралъ древнія книги рукописныя и печатныя, и доставалъ ихъ великимъ трудомъ и великіимъ иждивеніемъ денежныя казны. И съ тѣхъ древнихъ греческихъ и русскихъ книгъ правили святыя книги соборно, а не самоумствуя. И за такую онъ по Бозѣ ревность блаженъ и благословенъ,—а вы воздаете ему злая за благая и ненависть за возлюбленіе правды, и благословеннаго проклинаете, и за сіе сами на ся судъ влечете! Тотъ проклятъ бываетъ, аще кто станетъ мудрствовати собою, противно Церкви святѣй, а не соборнѣ и съ древними книгами славянскими и греческими не согласяся. И таковое на собоpѣхъ проклятіе бываетъ архіереами учинено, а не вами мужиками, не имѣющими отъ Бога данныя власти таковыя, еже вязати или рѣшити.

А кіи рѣчи въ печать внесены были отъ неискусства преводниковъ или въ коихъ рѣчахъ преписатели отъ недоумѣнія и забвенія измѣнили или пропустили, и тіи человѣцы проклятію не подлежатъ, но токмо достоитъ тѣ рѣчи, кто ихъ усмотритъ, исправити; а кая рѣчь была лишняя приложена, то тое рѣчь надлежитъ отставити; а буде же что было проронено, и то прибавить. Развѣ вы сего не вѣсте, еже вси наши книги россійскія переведены суть съ

греческаго языка, еже ропщете о поправкахъ книжныхъ? Невозможно бо въ переводѣ безъ погрѣшенія быти, потому что переводили переводчики не природные наши русскіе люди. И того ради вельми должно есть всѣ книги, аще и нынѣ, со греческими посвидѣтельствовати нашимъ русскимъ преводникамъ, кіи нынѣ научились эллиногреческаго языка [1]); то я вѣмъ, яко еще и нынѣ много погрѣшеній въ русскихъ книгахъ обрящется, и въ самомъ Евангеліи многія рѣчи требуютъ исправленія; да аще ихъ исправить истинно по разуму, то вы и паче возбѣснѣете и таковаго исправленія не восхощете и въ руки взять. Есть бо во Евангеліи такія рѣчи, иже и вельми противны настоящему дѣлу, и нѣкоторыя рѣчи и ереси породили. Объявилъ быхъ и сѣмо многія рѣчи во Евангеліи неисправныя, да за продолженіемъ умолчимъ: егда бо кого Богъ воздвигнетъ благочестію рачителя, будетъ исправлено; намъ же нынѣ надлежитъ о надлежащемъ дѣлѣ глаголъ кончати.

Аще бо кто всею душею истинно спасенія своего желаетъ, а отъ раскольниковъ развращенъ и въ сумнѣніе о новоисправленныхъ книгахъ приведенъ, тогда [2]) идетъ въ патріаршу книгохранительницу или на печатной дворъ, и тамо да видитъ своима очима древнія рукописныя книги, и да разсмотритъ самъ—право-ли въ новопечатныхъ книгахъ напечатано, или не право. И аще право и сходно, то Никонъ патріархъ блаженъ и преблаженъ, и, тамо зря, будеши безсумнителенъ. А правовѣрному и разумному человѣку мочно и безъ досмотру старыхъ книгъ вѣрить, еже правлени суть книги право. Всѣмъ намъ сіе и безъ испытанія извѣстно, яко не Никонъ патріархъ книги правилъ, но его токмо стараніе о исправѣ было, и со тщаніемъ о многихъ вещахъ ис-

---

[1]) Окончаніе этого трактата опущено въ краткой редакціи.
[2]) *той да* (?)

пытаніе чинено. При томъ правленіи были вселенстіи патріархи и палестинскіе епископы, и иноки ученые тамошнихъ великихъ обителей. И по сему явно есть, яко право исправишася святыя книги. Всякому бо дѣлу, отъ отецъ совѣщанному и соборне установленному, подобаетъ намъ повиноватися и вѣрити. О семъ бо и любимая ваша книга Соборникъ повелѣваетъ патріаршихъ соборовъ слушати и повиноватися имъ, а лицемѣрныхъ священниковъ слушати не повелѣваетъ (332 л.). Вы же чесо ради книгу тую любезно почитаете, а что въ ней написано—не внимаете? Тамо бо повелѣно повиноватися патріаршимъ соборамъ, а лицемѣрныхъ поповъ не слушати; а вы отъ честныхъ патріарховъ и многихъ епископовъ исправленная словеса отставляете и вмѣсто тѣхъ честныхъ лицъ слушаете лицемѣрныхъ поповъ, подъ запрещеніемъ сущихъ и неправильныхъ и самихъ себя проклемшихъ. А инніи въ васъ вмѣсто поповъ простыхъ мужиковъ почитаютъ и предводительми себѣ ихъ имѣютъ, и тѣмъ мужикамъ, восхитившимъ санъ священства, повинуются, и у нихъ исповѣдываются и иная таинства совершаютъ; иніи же дѣвокъ себѣ вмѣсто поповъ избраша и исповѣдываются у нихъ и иная священнодѣйствія кудесятъ. И тако слѣпъ слѣпа ведетъ и, по Господню словеси, вси въ яму впадутъ, изъ нея же и изыти не могутъ ни въ сей вѣкъ, ни въ будущій.

Паки инную бесѣду о символѣ предлагаю.

Внемлите себѣ вси, прящіися о символѣ! Ей-ей истину вамъ сказую, яко грѣшите, напрасно прящеся о символѣ, и самохотнѣ въ вѣчную погибель рѣетеся; сами ничесого не разумѣете, а разумѣющихъ не слушаете и, отъ великаго сво-

его буйства, глаголющихъ истину и слышати не хощете. Аще бы во символѣ изначала положено было *нѣсть конца*, то бы они и символъ на то склоненіе сочинили; и по всему явѣ есть, яко инако нельзя было быти символу, яко бо его сочинили. И по тому разуму никоими дѣлы рещи *нѣсть конца* невозможно; понеже той глаголъ (нѣсть конца) содержитъ въ себѣ заминеніе обоихъ концовъ неимущество: яко-бы царству Христову яко нѣсть конца, тако нѣсть и начала. Аще бы символъ токмо о Божествѣ былъ сочиненъ, а о вочеловѣченіи умолчано было, то никоими дѣлы не возможно бы написати: не будетъ конца; понеже той глаголъ (не будѐтъ конца) являетъ начало тому царству, конца же не сказуетъ. И по тому разуму всячески написали бы: нѣсть конца. Сей же нашъ православный символъ въ началѣ аще и о Отцѣ, и о сотвореніи свѣта, и о предвѣчности Сыновни, и о единосуществѣ Сыновни со Отцемъ начатъ, обаче потомъ возвѣщаетъ онъ о снитіи съ небесъ и о вочеловѣченіи Христовѣ, и о страданіи Его, и о впредьбудущемъ судѣ. И по сочиненію символа мочно бы и всѣмъ намъ разумѣти безъ всякаго испытанія, аще кто имѣетъ въ себѣ совершенство разума, еже инако въ символѣ невозможно быти, еже речено: не будетъ конца; понеже святіи отцы, окончивъ равносущіе Сыновне со Отцемъ, особо начали разсуждати Христово вочеловѣченіе. И вочеловѣченіе Христово како речете—безначально? А аще вочеловѣченіе Христово, по вашему мудрованію, безначально, то и страданіе Христово безначально же; и если тако мудрствуете, по таковому вашему разумѣнію достоитъ вамъ глаголати: нѣсть конца; а еже—не будетъ конца,—по такому вашему разумѣнію отнюдь невозможно глаголати. А аще и вы перваго вселенскаго собора не порочите и сему вѣрите, яко вочеловѣченію Христову было начало, такожде и страданіе Его не безначально, и суду Его вѣруете, яко будетъ начало,—то явѣ есть,

яко по окончаніи суда и царство Христово будетъ начало имѣти.

И аще кто въ васъ есть остроту разума имый, то позри въ символъ съ разсмотрѣніемъ силы глаголовъ, въ немъ положенныхъ; узриши бо и уразумѣеши, яко тако подобаетъ глаголати, еже—не будетъ конца. Сіе себѣ внемлите: аще Сынъ Божій отъ Отца имѣетъ рожденіе свое и безначально, обаче отъ матери плотское рожденіе имѣетъ начало; о семъ бо въ символѣ ясно изъявлено, яко Господь плоть отъ Маріи дѣвицы воспрія; воспомянуто же въ символѣ и о страданіи Христовѣ, и о погребеніи, и о воскресеніи, и о восшествіи Его на небеса. По окончаніи же того глагола речено о второмъ Его сошествіи съ небесъ, и яко имать судити живымъ и мертвымъ; и той судъ объявленъ въ символѣ впредьбудущій, а не мимошедшій, ниже настоящій [1]). А еже въ печать внесено, тому нечего ревновати, ниже за то претися: явѣ бо есть, яко то учинися либо отъ преводниковъ неискусныхъ, либо отъ преписателей; а справщики тогдашніе были люди неученые и языка греческаго были не искусны. И тако, не исправяся со греческими письменными и печатными книгами, такожде якоже и въ письменныхъ было написано, ниже со архангеловымъ словомъ, реченнымъ ко Пресвятѣй Дѣвѣ Маріи, согласилися, еже по воплощеніи Христовѣ рече, яко царствію Его, Сына Божія, не будетъ конца (Лук. I гл. 33 ст.), а не нѣсть конца,—яко же вы нынѣ утверждаете [2]). На второмъ же вселен-

---

[1]) Здѣсь въ рукописи—вѣроятно по ошибкѣ переписчика—опущена мысль, необходимая для связи съ дальнѣйшимъ текстомъ; въ краткой ред. она передана такъ: «Еслибы о предвѣчномъ царствіи символъ глаголалъ, а не о предбудущемъ, то всячески святыи отцы, сошедшеся 318 на первомъ соборѣ, положили бы и узаконили глаголати: нѣсть конца». Стр. 187.

[2]) —«тако не выправясь и въ печать внесоша». Кр. ред.

скомъ соборѣ сошедшіися святіи отцы, 150, той символъ свидѣтельствоваша, и что было не довершено, то довершили; а что на первомъ соборѣ узаконено, того ничего не измѣнили, ни прибавить, ни убавить не смѣли. Благочестивый царь Іустиніанъ просилъ тѣхъ святыхъ отцевъ, сошедшихся на второмъ вселенскомъ соборѣ, дабы ко имени Богородицыну приложили токмо *присно*, еже бы въ символѣ глаголати: воплотившагося отъ Духа Свята и Маріи *приснодѣвы*; и святіи отцы и того глагола не могли приложити, аще и пристоитъ глаголъ той и вельми потребенъ бяше, понеже Пресвятая Богородица до рождества бѣ Дѣва и по рождествѣ Дѣва, и тако бысть приснодѣва [1]).

А вы кто есте,—простцы суще, а нудитеся той отъ святыхъ отцевъ на вселенскихъ седьми соборахъ свидѣтельствованный символъ повредити и вопреки лежащаго въ символѣ разума нудитеся превратити: вмѣсто не будетъ конца, хощете утвердити—нѣсть конца! Кто бо чего разумѣти не можетъ, тому и претися не подобаетъ, но лучши ему молчати и на Бога уповати: Той бо управитъ тя лучши; а на свой разумъ уповающіи вси погибнутъ, понеже Богъ имъ не помогаетъ.

Паки вы преніе имѣете великое и во утвержденіе благочестія полагаете той глаголъ, иже преводники отъ своего неискусства о третіей ѵпостаси написаша: и въ Духа Святаго, Господа *истиннаго*. А и любимая ваша книга, иже нарицается Кирилла Іерусалимскаго, являетъ токмо: Духа Святаго, животворящаго. И Кормчая тоежде глаголетъ. И посему явѣ есть, яко не Никонъ патріархъ сіе учинилъ, что отъ неразумія приложенный глаголъ (истиннаго) отставилъ; се бо мочно и простому человѣку разумѣть: егда уже символъ есть въ печати безъ приложенія *истиннаго* до Никонова патріаршества за многіе годы, то почто было и роп-

---

[1]) Вся эта ссылка на Юстиніана въ краткой ред. опущена.

тати на неповиннаго Никона? И ропщуще, людей Божіихъ малосмысленныхъ съ истинныя вѣры совращаете и къ своему суемудрію присовокупляете. И по сему явному и достовѣрному свидѣтельству, како вамъ на страшномъ судѣ стати и како имате отвѣтъ Богу дати, безъ вины множество народа въ вѣчную погибель сведши и доброревнителя Никона патріарха безъ вины озлословивши, и ревность его, иже по Бозѣ, въ ересь превративше, и яко бы онъ символъ исказилъ! Символъ святый сочиняли святіи отцы на первомъ и второмъ соборѣхъ, сошедшися числомъ 468, и въ томъ числѣ былъ и Николай Чудотворецъ и иніи мнозіи чудотворцы [1]); и ужели они не разумѣли съ ваше, еже вы той символъ превращаете такъ и глаголете, яко такъ подобаетъ глаголати, яко во Іосифовскихъ книгахъ, и то не во всѣхъ, напечатано, а древняя писанія вся, съ нихъ-же книги правлены, отставляете? Той бо православный символъ нашъ на всѣхъ седьми вселенскихъ соборѣхъ чтенъ бысть и подтвержденъ, еже тако ему быти. Тако подобаетъ ему и быти, а собою вамъ или намъ нечего мудровать; но аще кто прибавитъ что или убавитъ, или измѣнитъ какой глаголъ, и той подпадетъ соборному проклятію. И того ради вельми страшно о символѣ безъ ума мудрствовати и погрѣшеній, въ него внесенныхъ, держатися. Блаженный бо Никонъ патріархъ велію ревность о благочестіи показа, ибо, егда усмотрѣ во символѣ погрѣшеніе, не сталъ собою правити, аще всесовершенно разумѣлъ, еже погрѣшено; но ради того исправленія со всея вселенныя изъ благочестивыхъ древнихъ христіанъ собра книги древнія и созва люди разумные, и по свидѣтельству вселенскихъ патріарховъ и инѣхъ мнозѣхъ епископовъ и иноковъ то исправленіе учинися. А вы,

---

[1]) Окончаніе этого трактата и слѣдующіе два въ краткой ред. переданы въ сильномъ сокращеніи, на стр. 189 и 190.

бѣдные, хлопочете, а о чесомъ хлопочете, того ничего не разумѣете, но яко мухи, въ щель забившеся, бурчите. А аще бы вы что признали противно благочестію, то вамъ не потаенно надобно по домамъ простолюдинскимъ ходити и развратъ въ народѣ чинити, но надлежитъ вамъ явно пріити предъ архіерея и предъ весь освященный соборъ, да изнесетъ неправости. И аще бы о дѣлѣ донесли вы, то бы вы здѣсь отъ начала [1]), а онамо отъ Бога пріяли почесть великую; а аще бы здѣ почести и не пріяли, то онамо усугубленную почесть приняли. И по таковому дѣлу мочно бы васъ назвати ревнительми; а аще же въ чесомъ вы не дозналися, то бы вамъ соборнѣ растолковали. И по таковому вашему дѣлу были бы вы разумны, а не безумны, и пользы бы вы наполнилися.

То себѣ вѣдайте, яко невозможно то переправливать, кое дѣло вселенскими и помѣстными соборы утверждено; а символъ той христіанскій благочестивый на всѣхъ соборѣхъ былъ чтенъ, яко на вселенскихъ соборѣхъ, тако и на помѣстныхъ, и засвидѣтельствованъ, яко быти ему такъ. И аще кто и мало нѣчто будетъ въ символѣ колебати, той проклятію подпадаетъ. Но какъ его святіи отцы узаконили, тако ему подобаетъ и до скончанія вѣка сего быти; а чего они на соборѣхъ святыхъ не положили, о томъ нечего много и суетитися, но лучше, по Кирилловѣ книгѣ Іерусалимскаго, повиноватися вамъ честнымъ патріаршимъ соборамъ, а не безумнымъ своимъ лжеучителямъ. А аще кто станетъ самоумничати, то и того хуждши: всякъ бо мудрствуяй свое впадаетъ въ погибель; и нѣсть того погибельнѣе, аще кто станетъ на свой разумъ уповати; понеже Богъ тѣмъ людемъ не помогаетъ, кіи не на Его волю уповаютъ. Зрите на древніе еретики, отчего они погибли—не отъ своеумствованія-ли своего? Ей, отъ своеумства. Они бо не яко вы простцы суще,

---

[1]) *отъ начальства.*

но высокоученые люди были, и во умѣ своемъ вознесошася, и никого въ равенство свое не почтоша, и того ради никого слушати не восхотѣша,— и тако вси въ вѣчное проклятіе впадоша и вѣчной муцѣ наслѣдницы быша. Аще бо кто и о маломъ дѣлѣ восхощетъ стояти, то надобно въ него не безъ ума вступати; а символъ дѣло есть великое и неподвижное, символу прибавка или убавка есть нарушеніе благочестія.

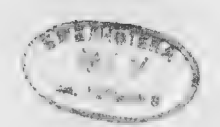
И аще кто сему моему изъявленію и разглагольству не имѣетъ вѣры, то явѣ есть, яко въ разумѣ не достаточенъ; а аще же кто остроту разума имать, тотъ и безъ разглагольства моего вся по основанію символа можетъ разумѣти, яко не подобаетъ тако глаголати, яко раскольницы прятся и глаголютъ: и въ Духа Святаго Господа *истиннаго*. Понеже той глаголъ (истиннаго) приложенъ отъ самыхъ простцовъ, кіи не разумѣли силы въ символѣ и разума, въ немъ лежащаго.

Зриши-ли, малосмысленне, яко ко Отеческому, ни къ Сыновнему имени не приложено такова приложенія, якобы былъ написалъ [1]) тамо: Отецъ истинный, или Сынъ истинный; вы же како дерзаете, минувъ два лица, къ третьему лицу приложити, еже есть ко Святому Духу—*истиннаго*, и хощете во святѣй единосущнѣй и единоравнѣй и нераздѣльной Троицѣ учинить разнство и неравенство, яко бы тѣ двѣ ѵпостаси не истинніи, а третія истинная! По тому бо сочиненному символу никоими дѣлы не возможно ко Святому Духу приложити того глагола (истиннаго). Какимъ случаемъ то прежнее погрѣшеніе въ символѣ учинися и отъ кого, того совершеннаго разумѣнія азъ не вѣмъ; отъ простоты ли кто тако написа, или отъ злохитрства, про то Богъ вѣсть. Намъ только то извѣстно, что отъ того приложенія и измѣненія великія бѣды въ Россіи потрясошася. Сомняйся бо всякій смотри сего, яко Духа Святаго напи-

[1]) *было написано* (?)

саша: Господа истиннаго; а въ началѣ въ символѣ во второмъ членѣ написано: и во единаго Господа Іисуса Христа,— а еже бы истиннаго Господа, того тамо не написано. А вы ропщете и котораетеся, яко бы то право, еже глаголати: Господа истиннаго. Сами вы вси разсмотрите, яко въ символѣ отъ святыхъ отецъ нареченъ токмо единъ Богъ истинный, а не ко иному какому имени приложенъ той глаголъ истинства. Понеже много есть господовъ, или по просту рещи господиновъ истинныхъ, и ложныхъ много же есть; а духа и нѣсть ложнаго, но вси дуси, яко человѣчь, тако и скотей, тако и пещный, аще есть, то онъ истиненъ; аще же нѣсть, то ни истиннаго, ни ложнаго нѣсть. А Богъ токмо единъ истинный, иже въ символѣ утвержденный, а иніи бози вси суть ложніи. И того ради въ символѣ той глаголъ (истинный) и приложенъ токмо ко единому имени Божію.

И сего ради время уже всѣмъ вамъ, сомнящимся и прящимся о символѣ и утверждающимъ неприсутственный глаголъ къ символу, отъ упорства своего престати и людей Божіихъ къ тому не развращати; но время вамъ умолкнути и ко святѣй Церкви прибѣгнути, и съ покаяніемъ слезнымъ о погрѣшеніи своемъ прощенія просити,—да истинный нашъ Богъ дастъ вамъ вѣчный животъ и сотворитъ васъ наслѣдниками царствія небеснаго. Насъ же всѣхъ, православныхъ христіанъ, соблюди, Христе Боже нашъ, отъ таковыя слѣпоты, ею же отъ святыя Церкви отпадшіи ослѣпоша, и даждь намъ, Боже, вся въ Божественномъ Твоемъ Писаніи положенная догматы вся право зрѣти и во всѣхъ церковныхъ преданіяхъ неподвижно стояти до скончанія вѣка сего свѣта! Аминь.



Бесѣда о книжномъ исправленіи [1].

Паки, откуда вы и сіе взясте, еже на святыя новоисправныя книги возстасте? По какому разумѣнію хулу на нихъ возложисте? Что зло и развращенно въ нихъ обрѣтосте— ереси-ли какія, или нарушеніе христіанскія вѣры? И въ свое-ли вы дѣло вступаете, еже простцы суще за учеными людьми смотрите? Яко бо безграмотный человѣкъ, аще въ книги и зритъ, обаче ничесого не видитъ, не разумѣетъ, что въ нихъ написано, подобно и ваше разумѣніе противо высокоученыхъ людей. Азъ вамъ сказую: свойственно есть совершенство всеконечное знати — святителю во святительствѣ, воину въ воинстѣмъ управленіи, въ купечествѣ же купцу, приказному въ приказныхъ дѣлахъ, пахарю въ пашнѣ; подобнѣ и художницы, аще кой въ которомъ художествѣ пребываетъ, тотъ того дѣла и совершенство знаетъ: кузнецъ во своемъ кузнечествѣ, древодѣлъ же во древодѣльствѣ, тако и правописатель во правописаніи своемъ. А кто коего художества не училъ, тому не треба о чуждихъ дѣлѣхъ и суда полагати; всякой бо художникъ во своемъ художествѣ и совершенство знаетъ, и то разумный, а безумный и въ своемъ мастерствѣ совершенно сочиненія своего не знаетъ, но, яко слѣпца, иніи его направляютъ. И въ книжномъ художествѣ, той склоненія и падежи реченій и сочиненія силу и разумѣетъ, кто грамматики и прочіихъ наукъ доступилъ; а простцу, земледѣльцу, или купцу, или какому иному художнику, или волочаю, аще по книгамъ кой и читаетъ, а ученія высокаго не коснулся, какъ ему можно разумѣти,

---

[1]) Въ краткой редакціи эта Бесѣда составляетъ отдѣльную главу—XVII.

чего у кого въ головѣ нѣтъ! Зрите и на прежніе святые отцы, на Василія Великаго, на Григорія Богослова, на Іоанна Златоустаго, на Іоанна Дамаскина, на Діонисія Ареопагита и на прочіе таковые [1]); кіи во ученіи высоки были, тіи и о книжномъ составленіи трудилися, тіи и церковные догматы и вся уставы уставляли; а кіи аще и великіи чудотворцы быша, якоже Николай Мирликійскій и Спиридонъ Тримифійскій,—не великіе-ли чудотворцы быша!—а книгъ не сочиняли, понеже въ книжномъ наученіи не высоки быша. И мнози святіи быша не книжни, и ученымъ людемъ прешкоды никаковы не чинили, и ни въ какія книжныя исправы не вступали, но вся та отдавали высокоученымъ людемъ; и о семъ чаю, что и въ васъ не безъ вѣдущихъ, яко тако есть. Вы же что о себѣ разсуждаете? Негли вы высши естества человѣческаго родистеся, еже, не учився книжной премудрости, вся книжная реченія паче всѣхъ ученыхъ людей разумѣете? Я вамъ не обинуяся глаголю, яко далеко вы отстоите отъ разумѣнія Божественнаго Писанія: аще бы разумѣли, то бы не такъ вы и чинили. И изъ святыхъ отецъ не вси Божественная Писанія разсуждать могли, но имъ же даръ отъ Бога данъ былъ. А книжное исправленіе безъ науки никоими дѣлы чинитися не можетъ; отъ неразумія бо прежнихъ справщиковъ вси бѣды потрясошася: ни они были грамматики, ни они риторики, ни иныхъ каковыхъ наукъ коснулися,—и тако правя книги, наблудили, что кошки. И по всему ихъ правленію явѣ, яко самые простцы суще были; а вы ихъ справу похваляете и въ законъ себѣ поставляете. И сіе не безуміе-же-ли ваше, еже вы нарицаете себя всѣхъ людей разумнши, и въ Божественномъ Писаніи все совершенство знающе? Каковъ былъ святой апостолъ Павелъ, пролетѣвый трои небеса и великій проповѣдникъ слова Божія

---

[1]) Окончаніе этого трактата сокращено въ кр. редакціи.

былъ, и отъ самого Бога свидѣтельствованный, обаче тако о себѣ глаголалъ, яко *отчасти* разумѣетъ, отчасти и пророчествуетъ. А вы о себѣ сказуете, яко вся разумѣете! Отчасти же, по дарованію Божію, можетъ и невысокоученый человѣкъ разсуждати; а книжнаго исправленія, не учився въ достатокъ ученія грамматическаго, отнюдь не возможно. А вы, не токмо грамматики, но ниже нарѣчія силу разумѣете, а въ справу грамматическія науки вступаете,—ей, напрасно сами себя въ погибель рѣете!

Я и самъ человѣкъ не ученый есмь, но токмо въ нарѣчіи Божіимъ дарованіемъ отчасти признаваю; отъ малыя же части и въ разсужденіи Божественнаго Писанія силу разумѣю; и по тому малому своему разумѣнію, учителей вашихъ, кои ведутъ васъ въ вѣчную погибель, вопрашивалъ о книжномъ разумѣ, елико могъ. И ни единъ человѣкъ мнѣ, и неучену сущу, отвѣту чистаго ни о чесомъ не учинилъ; только и присмотрихъ въ васъ разуму, еже глаголете: тѣ книги всѣ правы, кои до Никона печатаны; а кои при немъ и по немъ печатаны, и нынѣ печатаютъ, тѣ всѣ перепорчены. И я у тѣхъ вашихъ учителей спрашивалъ: чѣмъ перепорчены? И о томъ сказать ничего не знаютъ; но токмо кіи въ нихъ являются мудрѣйшіи, тіи рѣша мнѣ: въ началѣ-де Часовника было напечатано: Царю Небесныи, Утѣшителю, Душе истинныи; и та-де рѣчь была полная и совершенная; а нынѣ-де всѣ тѣ рѣчи перепорчены и вмѣсто цѣлыхъ рѣчей и совершенныхъ напечатали полуименныя: Царю Небесный,—и то-де стало полуимя, а не цѣлое. И паки напечатали: Душе истины,—и то-де стало самое полуимя; и тѣмъ-де глаголомъ Духъ Святый обезчещенъ, отнято-де два письмени: вмѣсто дву нашей напечатанъ токмо единъ, а другій въ безвѣстіе вверженъ, такожде и иже отвержено-же. Всегда-де во всѣхъ именахъ честныхъ пишется, ради отмѣны, вмѣсто единаго по два письма: якоже-

де простое имя—Аврамъ, а почтенное—Авраамъ, паки простое имя Сара, а почтенное Сарра, и паки простое имя Іоанъ, а почтенное Іоаннъ. И посему-де всякому мочно, не токмо въ лѣтахъ сущему человѣку, но и самый младенецъ можетъ сіе разумѣти, яко усугубленіе нашей значитъ честь того имени или человѣка. И та-де честь у Духа Святаго отнята и напечатанъ простымъ духомъ, а иже-де протяженное значило полную рѣчь, якобы со окончаніемъ былъ той глаголъ. Такъ же-де и трисвятое все перепорчено; было-де напечатано полными рѣчьми: святыи Боже, святыи крѣпкіи, святыи безсмертныи [1]), помилуй насъ; а нынѣ-де всю трисвятую пѣснь обругали и вмѣсто цѣлыхъ и полныхъ именъ и глаголовъ печатаютъ все полуименемъ, сице: святый Боже, святый крѣпкій, святый безсмертный, помилуй насъ. И тою де измѣною Святая Троица стала быть обезчещена и Божество обругано. Все-де сіе перепортилъ Никонъ: честные-де глаголы отставилъ да напечаталъ полуименные глаголы, повелѣлъ-де онъ говорить и пѣти на краткую; и нынѣшніе-де справщики тому же безумію послѣдуютъ: такожде вмѣсто полнаго иже ставятъ полуиже, еже есть подъ краткою, и вмѣсто протяженнаго и яснаго глагола обернетъ будто обертенку на краткую. Краткая-де значитъ полуимя, якобы вмѣсто Ивана—Ванька, или вмѣсто Семена Сенька и пр.; и о семъ, чаю-де и вы можете разумѣти, яко тако есть. Кольми-де паче подобаетъ имена Божія и глаголы, Божеству къ чести приложенные, полными имены писати; а нынѣ-де всѣ тѣ полные честные и продолженные глаголы учинены безчестными.

---

[1]) **Въ рукописи, безъ сомнѣнія по ошибкѣ писца оной, конечное** *и* **въ словахъ молитвы какъ въ данномъ мѣстѣ, такъ и во всѣхъ дальнѣйшихъ случаяхъ, безразлично написано съ знакомъ краткости—***й*.

Отвѣтованіе[1].

О бѣдные, бѣдные лжефилософы! Кто вашему безумному философству не удивится? Воззрите вы, бѣдные, первое на свой разумъ: коль вы довольни въ книжномъ разумѣніи, еже не токмо по грамматикѣ, но ниже по нарѣчію написанные глаголы можете разумѣти, а нудитеся, бѣдные, и богословные глаголы исправляти! И такимъ своимъ блядословнымъ мудрованіемъ малосмысленныхъ людей съ истиннаго пути сводите и къ своей же погибели приводите. Мнѣ ся мнитъ, что и отрочата разумныя могутъ се разумѣти, еже учиненный глаголъ на краткую содержитъ въ себѣ разумъ лица единственнаго, еже есть: Святый Боже, Святый Крѣпкій, Святый Безсмертный; а по вашему разуму, аще глаголати протяженнымъ глаголомъ, а не на краткую, и той глаголъ станетъ не единственный быти, а множественный. И егда уже речеши: Святыи,—то уже не надлежитъ рещи Боже, но свойственнѣе рещи Святыи Боги; такожде и Святыи Крѣпкіи—множественнаго числа, значитъ разумъ многихъ лицъ, а не единаго. И вы, собравшися съ умомъ, да посмотрите на свой разумъ: коль вы высоки въ разумѣ своемъ, что и того не разумѣете, кая рѣчь множественнаго числа, кая единственнаго! И отъ такова своего неразумія, множественнымъ числомъ вводите многобожіе! И аще бы вы сіе творили отъ вымыслу, а не отъ недознанія своего, то надлежали бы есте и за едину сію безумность проклятіе воспріяти; да свободни вы того ради, что ничего не знаете и что ни дѣлаете, то сами не вѣдаете, а се слагаетеся вы на прежде бывшихъ справщиковъ, напечатавшихъ такъ просто; а вы, такожде отъ самаго своего несмыслія, послѣдуете тѣмъ несмыслен-

---

[1]) Въ краткой редакціи это заглавіе опущено и никакого раздѣленія въ статьѣ нѣтъ.

нымъ справщикамъ. А мочно бы вамъ и самимъ сіе познать, кои въ васъ есть мало посмысленнѣе, что прежніе справщики были люди неученые, понеже и въ нарѣчіи силы неразумѣли, и во всемъ были они вамъ подобни, такіе же простцы суще; а вы нынѣ поставляете ихъ въ законоположники, и что они ни сбредили, тому вы и вѣрите.

И по сему моему изъявленію, мочно нынѣ и самимъ вамъ знать, что нельзя было книгъ не исправлять, и что тѣ справщики отъ неразумія своего въ печать внесли, того нельзя не отставить, а что измѣнили и книжный разумъ изронили, и того нельзя не исправить. А еже было въ прежней печати напечатано: Царю Небесныи, Утѣшителю, Душе Истинныи, Иже вездѣ сыи; а въ новоисправныхъ напечатано: Душе истины, и о семъ правомъ глаголѣ ропщете и блядословите, якобы то Духу Святому хула, еже вмѣсто истинныи исправиша и напечаташа истины,—и сіе не явное-ль ваше безуміе? Не разумѣете бо вы ни въ какой рѣчи силы, ниже въ нихъ содержащагося разума, а дерзаете глаголати о томъ, егоже не вѣсте. И се азъ вамъ сказую, яко бо небо отъ земли отстоитъ, вящши того сей глаголъ положенный *истины* отстоитъ отъ *истинныи*: Духъ истины есть токмо одинъ на свѣтѣ, то есть Духъ Божій; а духовъ истинныхъ, си есть неложныхъ, есть множество безчисленное. Азъ и не вѣмъ, кой бы былъ духъ не истинный, но вси истинніи: яко человѣчьи, тако и скотіи, подобно и коегожда животна, по свойству коегождо ихъ, духъ истинный есть. И ужели не разумѣете въ достатокъ, яко прежніи справщики были несмысленни и внесоша отъ несмыслія своего Духу Святому глаголъ, не свойственный Богу, но всесвѣтный [1])? Можно бо и воздухъ нарещи духомъ истиннымъ, глаголя: дхнулъ духъ

[1]) Это разсужденіе сокращено въ краткой редакціи.

прямой, теплой, то есть истинной теплой, еже есть не ложно. И по сему всему изъявленію, кая честь Святому Духу, егда речеши: Духъ истинный,—понеже той глаголъ есть общій, а не собственный, Духу Святому надлежащій? А ежели рещи: Духъ истинныи, то и того худши, понеже той глаголъ протяженный значитъ число множественное, а не единственное, якобы рещи: духи истинныи, то есть многіе. А ежели речеши: Духъ истины, и той глаголъ собственный и свойственный токмо единому Духу Святому, а инному никаковому духу не свойственъ есть. Того бо ради въ новоисправныхъ книгахъ и исправиша тако и рекоша: Душе истины, понеже той глаголъ святъ и пресвятъ, великъ и превеликъ есть и честенъ, несравненно вышшій прежняго глагола. Подобнѣ и духъ лжи токмо единъ-же на свѣтѣ и никому не свойственъ, но токмо единому діаволу, а иныхъ духовъ лжи, кромѣ діавола, нѣсть. А вы, отъ душевныя своея слѣпоты, ничего сего не видите и не разумѣете, а нудитеся претися о томъ, чего въ вашихъ головахъ нѣтъ и не бывало! А аще бы имѣли поне малую стезю истиннаго, праваго разумѣнія, то не стали бы вы на святую Церковь воевати и истиннаго свѣта отбѣгати. Вы, за безумное свое упорство, свѣта, просвѣщающаго человѣки, видѣти не хощете, и того ради самый свойственный Богу глаголъ отмещете. И по сему истинно подобни есте землянымъ кротамъ: тіи бо никогда на свѣтъ не исходятъ, но присно въ темнотѣ земной пребываютъ и древеса плодовитая подъядаютъ; тако бо и вы: аще живете и въ темности адской, обаче Божія винограда плодовитая древеса подгрызаете, ложнымъ своимъ учительствомъ и неправымъ въ Божественномъ Писаніи толкованіемъ людей Божіихъ отъ правовѣрія совращаете и къ своему зловѣрію привращаете.

Видѣсте-ли [1]), яко и другое въ томъ вышеявленномъ глаголѣ прежнихъ справщиковъ безуміе: напечаташа бо они: Душе истинныи,—и той глаголъ, якоже и выше рѣхъ, содержитъ въ себѣ разумъ числа множественнаго, а той глаголъ весь отъ начала, еже: Царю небесный... даже и до конца, сочиненъ единому Духу Святому единственный, а не множественный [2]). А тіи справщики, по множественному глаголу, отъ неразумія своего, ввели было многобожіе-жъ. И аще вамъ хощется множественнымъ числомъ глаголати: цари небесныи, духи истинныи, иже вездѣ сыи, и вся исполняете, источники благіи и жизни податели, пріидите и вселитесь въ ны, и очистите ны отъ всякія скверны, и спасите, благіи, души наша,—и тако той глаголъ будетъ весь множественнаго числа. И аще кто въ васъ и маленькій разумъ имѣетъ, чаю, что признаетъ, еже тако глаголати богопротивно есть, понеже отъ тѣхъ вашихъ протяженныхъ глаголовъ и отъ полныхъ, по вашему мудрованію, рѣчей явится многобожіе и изъявленіе Духовъ Святыхъ множество. И аще, отрясши тьму безумія и упорства вашего, добре вникнете во множественный глаголъ, то и вамъ омерзѣетъ той протяженный глаголъ. Азъ вамъ глаголю: аще кто въ васъ вѣритъ, яко единъ токмо Духъ Святый, а не много ихъ, то вѣждь, яко тако подобаетъ глаголати, яко нынѣ исправися: *Душе истины.*

А вы, ничего того не разумѣюще, да ропщете на новоисправныя книги! Азъ глаголахъ вамъ многократно, и паки глаголати имамъ, яко прежде надобно учиня подлинное разсмотрѣніе, не будетъ-ли какова погрѣшенія, да аще совершенно разсмотриши,—то тогда надлежитъ вступати [3]), и то

---

[1]) *Видите-ли* (?) **Въ кр. ред.:** *зрите.*

[2]) **Окончаніе этого трактата опущено въ краткой редакціи.**

[3]) *въ какое преніе.* **Кр. ред.. 199 стр.**

со опасеніемъ, дабы не погрѣшить въ чесомъ либо. И апостолъ Павелъ глаголетъ: аще бысте сами себѣ разсуждали, не бы осуждени были [1]). И вы, по апостолову словеси, чесо ради, сами себя не разсудя и своего безумія не осудя, иныхъ осуждаете? Въ чесомъ сами ничего не знаете, иныхъ зазираете! Аще бо хощете на ся знаніе наложить, то надобно свой разумъ добре разсмотрѣть: аще речеши—знаю, то знай уже совершенно. О семъ бо и Самъ Господь глаголетъ, яко аще бы слѣпи были, не бысте имѣли грѣха: нынѣ же глаголете: видимъ,—и грѣхъ вашъ пребываетъ. Что же сіе, разумѣете-ли? Не о тѣхъ бо слѣпцахъ Господь глагола, иже слѣпи чувственныма очима, но о слѣпотѣ разума, еже аще кто глаголетъ, яко разумѣетъ, а не разумѣетъ,—и то [2]), по Господню словеси, впадаетъ въ грѣхъ. А аще бы кто и разумѣлъ нѣчто, а рекъ бы: азъ не вѣмъ, но Богъ вѣсть; или бы рекъ: вѣдаютъ о томъ тіи, кому Богъ открылъ, или кому Богъ вручилъ,—и по такому глаголу никогда бы той человѣкъ во грѣсѣ не былъ.

Азъ же вамъ глаголахъ уже многократно, и паки имамъ глаголати, яко аще бысте могли въ истинное разумѣніе Божественнаго Писанія притти, то истинно начали бы сами своей слѣпотѣ и безумію дивоватися, въ какомъ безумномъ упорствѣ стояли есте. Посмотрите вы на ся умныма очима: не погибельный-ли вашъ разумъ и мудрованіе ваше не безумное-ли? Въ крещеніи святомъ, егда крещаютъ человѣка, пресвитеръ, погружая въ купели, глаголетъ: во имя Отца, аминь, во имя Сына, аминь, во имя Святаго Духа, аминь. И окончевая то тричисленное погруженіе, глаголетъ: нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ, аминь. И той окончанный глаголъ нарицаете четвертымъ лицемъ, и глаголете, яко должно таковыхъ снова крестити, понеже въ четыре лица крещени

---

[1]) Конецъ этого трактата опущенъ въ кр. редакціи.

[2]) *той* (?)

суть, а не въ три, и, церковное крещеніе поправше, въ домахъ своихъ снова крещаете. Оле, безумія несказаннаго! Оле, погибельнаго разума! Истинно безумнѣе скота есте: како такое великое таинство крещенія святаго за единъ окончанный аминь попираете, и снова въ домѣхъ своихъ крещаете, и тѣмъ, по Кирилловѣ книгѣ Іерусалимскаго (Кирил. Іер., листъ 226), второе Христа распинаете! И аще тако во всѣхъ глаголѣхъ безумно будете мудровати, то можете многое множество четыреличнаго сочиненія обрѣсти. Издревле бо пишутъ и печатаютъ: Святый Боже, Святый Крѣпкій, Святый Безсмертный, помилуй насъ,—то, по вашему мудрованію, и сѣмо речете лица четыре, егда причтете глаголъ сей, иже послѣди троичнаго исполненія речено: помилуй насъ. И аще сей глаголъ и приличнѣе, по вашему безумному мудрованію, неже въ крещеніи святомъ единъ аминь за четвертое лице пріемлете, и въ томъ своемъ мудрованіи не будете-ли весьма безумни? Кольми же паче безумни есте, егда единъ аминь счисляете въ четвертое лице и за тотъ аминь все святое крещеніе порочите и снова крещаете. Паки, егда узрите во святыхъ книгахъ древнихъ и новопечатныхъ: Святъ, Святъ, Святъ Господь Саваоѳъ,—не или и ту речете четыре же лица, понеже по исполненіи троичнаго числа речено: Господь Саваоѳъ? И паки, егда узрите: Святый, Святый, Святый, Трисвятый Господи, не или и сѣмо вознепщуете четыре же лица, понеже послѣди троичнаго исполненія приречено: Трисвятый Господи? И паки реку, аще въ крещеніи обрѣли есте четыре лица, то обрящете и въ славѣ четыре же лица, понеже и тамо речено: слава Отцу и Сыну и Святому Духу,—и то стало три лица Пресвятыя Троицы; послѣди же речено: нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ, аминь,—и то, по вашей безумной мудрости, стало самое же четвертое лицо. И по таковому же вашему суемудрію и во аллилуіи обрящете четыре же лица, понеже и тамо речено: аллилуія, аллилуія, аллилуія; по ис-

полненіи же троичнаго числа речено: слава Тебѣ, Боже. И сицевому вашему безумію кто не посмѣется!

Ей, азъ не вѣмъ, кому васъ уподобити; по видимому образу являетеся якобы и прочіи человѣцы; по разуму же и безсловеснаго всякаго скота безумнѣйши есте. Скотъ бо, аще и безсмысленъ, обаче, егда узритъ свѣтъ дневный, радуется и изъ прикровенныхъ мѣстъ исходитъ на свѣтъ. Во птицахъ же гуси стократно васъ разумнѣйши суть, ибо, егда узрятъ свѣтъ дневный, возглашаютъ веліимъ гласомъ; а егда же бываютъ испущени изъ темныхъ мѣстъ на свѣтъ, то, наипаче радующеся свѣту, веліимъ и радостнымъ гласомъ восклицаютъ. А вы, аще и человѣцы есте по образу зримому, а о свѣтѣ не радуетеся, но радуетеся паче о тьмѣ, а о свѣтѣ и слышати не хощете; и егда кто будетъ о свѣтѣ истину сказывати вамъ, и вы отъ него бѣжите, яко отъ злодѣя. Тако бо васъ діаволъ улови и ослѣпи, яко изъ животныхъ по всему токмо подобни есте землянымъ кротамъ, якоже и выше рѣхъ: тіи бо на свѣтъ зрѣти не желаютъ и не ищутъ свѣта, но всегда пребываютъ въ подземной темности. Вторымъ подобни есте летучимъ мышамъ; понеже и тіи, аще и крилѣ имутъ, но любятъ тьму паче свѣта [1]): егда бо свѣтъ дневный минуетъ, темность же ночная начнетъ наступати, и тогда тіи мыши, радующеся тьмѣ, изъ дуплинъ своихъ излетаютъ и по воздуху летаютъ. И тіи нетопыри и кротове тако чинятъ по естеству своему, понеже тако ихъ Богъ сотворилъ; а человѣка Богъ создалъ во свѣтѣ, и на то и сотворилъ, еже работати свѣту, а не тьмѣ. И діаволъ, видя человѣка во свѣтѣ пребывающа, позавидѣлъ ему и, обольстивъ, свелъ его во тьму. Богъ же, человѣколюбецъ сый, сожалися о человѣкѣ: не восхотѣ бо, да во вѣки пребудетъ во тьмѣ, сниде съ небесъ и воплотився, своими усты научи

---

[1]) **Окончаніе трактата опущено въ краткой редакціи.**

насъ, дабы мы темныя дѣла оставляли, а свѣту работали. И того ради вельми намъ тяжко будетъ, еже аще вмѣсто свойственнаго намъ свѣта несвойственную тьму будемъ любити; на что насъ Богъ создалъ, то намъ подобаетъ и творити.

И паки, на преждереченная обратився, вамъ, отпадшимъ отъ святыя Церкве, глаголю: кто васъ таковому безумію научилъ, еже вамъ возмердѣлъ свѣтъ Божія благодати и возлюбисте тьму и злодѣтеля діавола? Подобни [1]) ваши кроти и нетопыри многократно лучши васъ есть, понеже они во своемъ природномъ пребываніи и пребываютъ, а любящимъ свѣтъ не препинаютъ, ниже завидятъ тѣмъ звѣремъ и птицамъ, кіи во свѣтѣ любятъ пребывати. А вы во свѣтѣ благоразумія живущимъ всячески препинаете и въ ней же тьмѣ сами пребываете, тудѣ-жъ и изъ свѣта исторгаете и ко своему зловѣрію темностному присовокупляете. И такъ въ васъ зависть діаволя вкоренися, еже не хощете и единаго человѣка, еже бы во свѣтѣ пребывалъ, но вси бы съ вами во единой тьмѣ пребывали. Азъ бо выше рѣхъ и нынѣ не умолкая глаголю: время вамъ отъ блядословія своего престати и чего не смыслите, въ то не вступати. Вамъ, безумія вашего ради, не подобаетъ книгъ читати и о недовѣдомыхъ вами словесѣхъ разсуждати: не на пользу бо вамъ книги, за безуміе ваше, но на вящшее осужденіе. Вамъ полно [2]) по вашему разуму и т го, еже овымъ овощіемъ торговати, овому же гребни протирати, а иному бобры чесати, а не книги чесати [3]) и людей соблазнати. А кіи таковаго себѣ пищеобрѣтенія себѣ не имутъ, тѣмъ подобаетъ землю копати или гной человѣчъ очищати, понеже гной, аще и гнусенъ есть очми зрѣти и

---

[1]) *подобники.* Краткая ред. 201 стр.
[2]) *довольно.* Кр. ред.
[3]) *читати.* Кр. ред.

ноздри обоняти, обаче отъ тоя гнусности гнойной и отъ смрадности предъ Богомъ никогда не погрѣшиши и мученъ за то не будеши, а питатися мочно до сыточти [1]). А еже, по домахъ ходя, людей Божіихъ отъ Бога и отъ всея Божія благодати отвращати, ради своего чрева, и той хлѣбъ, аще зрится въ началѣ и сладокъ, но послѣди обратится ти въ болѣзнь лютую и въ горесть непримѣрную. По моему суду, лучши ти есть итти на разбой и отъ того разбою пищу себѣ пріобрѣтати, нежели ради своея пищи людей Божіихъ со истиннаго пути совращати. Понеже разбойницы могутъ признати [2]) и каятися; мнозіи бо уже и покаяшася и спасошася, якоже о томъ Божественная Писанія повѣствуютъ; а изъ васъ раскольниковъ никто на покаяніе придти не можетъ: уже бо вы вси за богохуленія запечатлѣни есте антихристовою печатію, и того ради покаятися вамъ невозможно,— отъяся бо отъ васъ благодать Божія. И тако сами погибаете, а инѣхъ понуждаете въ тую погибель идти. Азъ бо вамъ добръ сей совѣтъ предлагаю: аще кто отъ земледѣльства или отъ заходочищенія питатися не восхощетъ, то истинно тіимъ на разбой идти: отъ того разбою, аще и кровавъ хлѣбъ будете ясти, обаче многократно лучши сея вашея пищи, ею же нынѣ питаетеся отъ лжеучительства; понеже въ разбоѣ и во весь свой животъ толико душъ не погубишь, елико во единомъ дни погубиши своимъ лжеучительствомъ. И разбойнича пагуба не столь душевредна есть: понеже, аще и сто человѣкъ убійствомъ меча погубиши, а души ихъ взыдутъ иніи на небо, и кійждо ихъ пріиметъ отъ грѣховъ своихъ за изліяніе крове своея невинныя [3]) и отраду. А ваше раскольниче убійство стократно злѣе разбойнича убійства, понеже

---

[1]) Окончаніе этого трактата и первыя строки слѣдующаго въ краткой ред. опущены.

[2]) признатися (?)

[3]) *отпущеніе* (?)

вы кого убіете своимъ смертоноснымъ ядомъ, той уже вѣчною смертію умретъ и воскресенія ему уже не будетъ, но токмо адъ и вѣчное мученіе. А вы, за таковое невинныхъ душъ погубленіе, пріимете со умноженіемъ вѣчную муку. И того ради лучши вамъ престати людей Божіихъ соблазняти, дабы сугубаго мученія не пріяти; Самъ бо Господь рекъ о семъ, яко горе тому человѣку, имъ же соблазнъ пріиметъ другій.

Азъ и сего не вѣмъ, чесо ради того не разумѣете, еже книжная премудрость паче морскія глубины. И того ради, ему же далъ [1]) книжную премудрость, той и да читаетъ и ихъ, той и да разсуждаетъ, насъ, недостаточныхъ въ разумѣ, да поучаетъ. Вы, бѣдные, вси всуе трудитеся: ей-ей, ослѣпи васъ діаволъ сугубою слѣпотою и тако васъ ослѣпи, яко и того не видите, еже слѣпотою поражени есте. Аще бысте и малую часть свѣта зрѣти могли, то бы чего не дознали, знающихъ вопрошали; а вамъ, егда либо случится о чесомъ спроситися, то вы вопрашиваете таковыхъ же слѣпцовъ, каковы и сами есте; и тако слѣпъ слѣпа ведете, и оба въ яму впадете, изъ нея же не изыдете ни въ сей вѣкъ, ни въ будущій.

О семъ же, аще не вѣсте, то вопросите невѣдущихъ [2]), еже всѣ наши словенскія книги преведены суть отъ иного языка, и въ переводѣ не возможно быти безъ погрѣшенія, понеже языкъ греческій къ переводу многотруденъ есть, и иная рѣчь преведена право, а иная неправо. И того ради не возможно никоими дѣлы, еже не поправити ихъ послѣди. А се по преводѣ многая лѣта въ Россіи быша книги письменныя, и преписующе, ово отъ забвенія, ово же отъ незнанія правописанія, изрониша, ово же умствующе измѣниша. А справщики тогда были люди неученые, простецы сущіе, и

---

[1]) *Богъ*—Кр. ред.

[2]) *не невѣдущихъ* (?)

отъ простоты своея, не справяся со греческими, тако и въ печать внесоша. Буди же вамъ и сіе не невѣдомо, еже не одни книги были перепорчены, но и вся церковная дѣйства и управленіе было странно. Ибо пѣли въ церквахъ клирики странными и необычными реченьми: Христа нарицали Христосо, Спаса—Сопасомъ, а гдѣ было рещи: Богъ, глаголали: Бого, вся земля—веся земеля. И по сему видите ли, коль разумни были въ книжномъ разумѣніи, еже не токмо глаголы, но и имена Божіи измѣниша и глаголали страннымъ нарицаніемъ. Или паки, въ пѣніи пѣли демествомъ, предъ аллилуіею глаголали: *хабува*, а что то за хабува, про то никто не вѣдаетъ. Паки на всенощныхъ пѣли: *а и не не найне а и нани сотвори*,—а что то за нененайки, про то никто же вѣсть. И къ Трисвятому прилагали: *сила* святый Боже. И аще вы и всѣхъ людей безумнши есте, обаче, чаю, речете, яко было то не добро. И то безуміе усмотря, блаженный Никонъ патріархъ исправилъ, не описываяся со вселенскими патріархи, но своимъ повелѣніемъ все то древнее и застарѣлое безуміе отсѣкъ, и повелѣлъ пѣти нарѣчно, дабы было церковное согласно съ книжнымъ чтеніемъ [1]). И о семъ аще и рекутъ нѣкоторые отъ васъ безумнѣйшіи человѣцы, иже во лѣсахъ живутъ, яко добро было и такъ; но слышите, что пророкъ Давидъ глаголетъ, ибо рече: пойте Богу, пойте разумно. Паки было во церквахъ во чтеніи безчиніе же великое, говорили голоса въ два и въ три и въ четыре, и овые по книгамъ читаютъ, кто псалмы и кто канонъ, а иной тропари, а клирошане свое правящее поютъ, а пресвитеръ свое правитъ. И было во церквахъ такое пировище, что паче торговыя бани, и нигдѣ таковаго безчинія не обрѣталось, каковое было во церквахъ, и кто внидетъ въ церковь послушати пѣнія, то никако не уразумѣетъ, что читаютъ, по-

[1]) Окончаніе этого трактата въ краткой редакціи передано въ нѣсколькихъ словахъ (203 стр.).

неже иной послѣднее напреди говоритъ, а иное переднее послѣди отправляетъ. И такая во церкви была сумятица, что и сами между собою не вѣдали, кто что отправляетъ, и другъ друга спрашивали: ты что говорилъ? а тотъ того спрашивалъ: а ты что говорилъ? И буде что у нихъ преднее не говорено явится, то послѣди отправляютъ. А Іоаннъ Златоустый тако глаголетъ: чего ты умомъ своимъ не чуеши, того и Богъ не слышитъ. Апостолъ же святый Павелъ глаголетъ согласно же сему, ибо рече: аще молюся языкомъ, духъ мой молится, а умъ мой безъ плода,—то что есть, аще умъ того не вѣсть, что языкомъ вѣщаетъ? А во многомятежіи како было мочно человѣку помолитися?—невѣдомо, кого было слушати, и невѣдомо, куды умъ свой приклонити, понеже всякъ свое голоситъ. И сіе коль лѣпо было, сами себѣ разсуждайте. А блаженный Никонъ патріархъ вся та отсѣкъ.

И во Успенскомъ соборѣ много дѣлалось нелѣпыхъ дѣлъ, ибо на святки отпускали нарядя людей халдеями; и тѣ халдеи, ходя по Москвѣ, всякія нелѣпыя дѣла дѣлали и пакости чинили многія: трубы бо съ собою носили огнепальныя и, испуская изъ нихъ огнь, многихъ опаляли и сѣно у пріѣзжихъ мужиковъ пожигали, на возахъ везенное, и тѣмъ обиды чинили великія; но аще кто дастъ имъ даръ, того и не шкодили. А въ день Богоявленія, послѣди освященія воды, поновляли тѣхъ халдеевъ во Іорданѣ крещеніемъ, паки тричисленнымъ погруженіемъ. И въ самомъ соборѣ въ навечеріи Рождества Христова ангела мѣднаго изваяннаго по верьвямъ сверху спускали и иная многая непотребная дѣйства бывали, о нихъ же за прешествіемъ многихъ лѣтъ освѣдомитися невозможно. И всю ту нелѣпость Никонъ патріархъ истребилъ, не описываяся же съ палестинскими патріархи, и устроилъ въ церквахъ благочиніе; и то благочиніе и до нынѣ содержится въ церквахъ зѣло изрядно. А въ книгахъ, аще

и многая усмотрилъ неправости, обаче не дерзнулъ ихъ править собою, аще и высокаго разума былъ, но послалъ ко вселенскимъ патріархомъ и въ палестинскія древнія обители, и со многимъ иждивеніемъ казны собралъ самыя старыя книги на греческомъ и на славенскомъ языкѣ; и съ тѣми древлеписанными книгами сличая, книги правили, а не самоумствомъ, якоже въ васъ обычай есть. А вы блядословите, яко Никонъ патріархъ книги исказилъ. Его надлежало вамъ блажити, за еже онъ возревновалъ по Бозѣ и возжелалъ самыя истины, и, елико могъ, въ книгахъ исправилъ; а чего не доправилъ онъ, надлежитъ то и нынѣ исправити. А вы, напыщася на великаго Божія ревнителя, ропщете и благія его дѣла хухнаете, и многотрудіе его попрасте, и нынѣ не умолкая попираете, и о исправѣ книжной ропщете.

Аще бо вамъ желаніе прямое о книжномъ разумѣніи есть, то вы чадъ своихъ даждьте въ наученіе грамматическаго разума; и аще едину токмо ороографію выучатъ, то могутъ правописаніе познати: а егда достигнутъ синтаксиса, то и во глаголѣхъ всякихъ и въ сочиненіи силу будутъ познавать, и вамъ будутъ возвѣщать, аще гдѣ право или неправо исправлено. И тогда и вы достовѣрни будете, за что вамъ достоитъ упорно стояти. А безъ науки отнюдь не подобаетъ въ книжное исправленіе вступати [1]). Господа ради, аще кто въ васъ есть истинный ревнитель о православіи,

---

[1]) Окончаніе этого трактата опущено въ краткой редакціи. Вмѣсто того въ кр. редакціи имѣется слѣдующая важная вставка: «Я, аще и неукъ есмь, обаче въ Библіи много позналъ неправостей, не по наукѣ какой, но токмо по разуму рѣчей позналъ, яко неправо переведены и напечатаны. И ради свидѣтельства, со иноязычными библіи сличалъ, и тамъ явились правѣе и приличнѣе тѣ глаголы, по разуму надлежащаго глагола». Въ этой вставкѣ нельзя не усматривать доказательства, подтверждающаго высказанное нами предположеніе, что и краткая редакція Зеркала Очевиднаго принадлежитъ самому Посошкову. (См. Выпускъ I, XXII стр. Предисловія).

отложите вы свое сумнѣніе и отдайте безъ замедленія дѣтокъ своихъ къ грамматическому ученію; и егда тѣ ваши дѣти научатся токмо единой грамматикѣ, то въ васъ тогда свѣтъ книжнаго разумѣнія возсіяетъ; а безъ того, колико вамъ бѣднымъ ни суетитися, а кромѣ вѣчныя погибели не обрѣсти. Уже бо и прежде явихъ вамъ, яко Павелъ апостолъ похваляетъ ревность тѣхъ, кіи по разуму ревнуютъ; а кіи аще и по Бозѣ ревность имѣютъ, а не по разуму, и тѣхъ оглаголуетъ. И сего ради вельми подобаетъ вамъ дѣтокъ своихъ научить грамматическаго разума. О семъ и сами вы не невѣсте, яко Василій Великій, Григорій Богословъ, Іоаннъ Златоустый и Іоаннъ Дамаскинъ, и Діонисій Ареопагитъ, почесому были велицы и славни?—явѣ есть, яко книжныя ради премудрости въ достатокъ научившися. А еслибы въ наукахъ высокихъ не были, то бы и они, якоже и прочіи человѣцы, простцы были и имена бы ихъ не слышны были. И вы, Господа ради Вседержителя, отложите всѣ свои нужды, снидитеся вси во едино собраніе и сотворите себѣ совѣтъ полезный: отберите своихъ чадъ, иже уже граматѣ поучились, человѣкъ хотя десятка два-три, и отдайте ихъ въ наученіе грамматическое. И егда тыи ваши дѣтки научатся аще токмо единой грамматикѣ, а не то что риторики или философіи, то ей-ей возсіяетъ въ васъ свѣтъ благоразумія, и сами вси вы возрадуетеся радостію великою, а негли изъ тѣхъ вашихъ чадъ изберется и будетъ подражатель Іоанну Златоустому или Василію Великому. И дондеже дѣти ваши изъ училищъ не изыдутъ, Господа ради, умолкните!

[1]) Егда бо дѣти ваши научатся, то сильнѣе будете, и никто противо васъ стояти не будетъ. А если же кто въ васъ явится сему вашему совѣту противенъ и не повелитъ

---

[1]) Этотъ и слѣдующій трактаты опущены въ краткой редакціи.

вамъ дѣтей своихъ въ науку отдавати, то вы прожените того человѣка отъ себя, яко пса; понеже той изъ тьмы пришелъ и отъ самого сатаны, и внутрь себя адскую тьму имѣетъ, и того ради на свѣтъ не хощетъ зрѣти, но хощетъ всегда самъ во тьмѣ со діаволомъ пребывати и васъ въ туже тьму совлещи хощетъ. И аще того вы безумнаго совѣта послушаете и дѣтей своихъ въ науку не отдадите, то вси вы такіе-жъ безумники будете, и свѣта истины видѣти не хощете, но хощете во тьмѣ невѣденія своего присно пребывати, якоже и кроты подземные,—то вамъ азъ не обинуяся возвѣщаю, еже не хощете вы наслѣдниками царства небеснаго быти, но самоизвольнѣ возжелали есте итти ко діаволу во тьму кромѣшную, идѣже будетъ вмѣсто свѣта тьма, вмѣсто райскія сладости адская горесть, вмѣсто радости и веселія плачъ и рыданіе, и вмѣсто здравія болѣзнь нестерпимая. И аще того себѣ совершенно хощете, то кто вамъ воспретити можетъ? Богъ силою къ себѣ никого не влечетъ, но произволяющаго пріемлетъ. Азъ бо вамъ на пользу, а не на погибель совѣтъ сей предложилъ.

А не научась книжнаго разума, безъ ума, нечего много претися. Надобно первѣе въ конецъ книжный разумъ познати, да тогда уже въ него вступати. Не то что въ Божественная Писанія, его же глубина паче морскія глубины, но аще и въ мастерство какое станетъ вступатися, не совершенно въ немъ вѣдая силу, безъ бѣды не бываетъ: любо отъ великаго Государя наказаніе подъемлетъ, любо имѣній своихъ погубу изобрѣтаетъ, иніи же и живота своего лишаются. Кольми же паче Божественнаго Писанія въ невѣдомыя дѣла отъ несмыслія нашего бѣдственно есть вступати! Вы вси, еже и азъ видѣхъ, и изъ устъ учителей вашихъ слышалъ, яко вся недознанная словеса инако сказуютъ; а инная можно бы и имъ разумѣти, да не хощутъ, но замыслили во упорствѣ своемъ стояти. Тако бо ихъ діаволъ укрѣпилъ, еже не хо-

щутъ ни малаго свѣта истины видѣти, и васъ, бѣдныхъ послушниковъ своихъ, съ собою въ вѣчную погибель ведутъ.

[1]) И сего ради, якоже лжеучители ваши, тако и вы, слушающе ихъ, ничимъ же отмѣнни есте отъ жидовъ: они отъ злости своея Господа возненавидѣли и возжелали Его за то паче убити, зане человѣка умерша и уже возсмердѣвша воскреси отъ мертвыхъ; и вы такожде злобитеся на Никона патріарха, за еже онъ во церкви благочиніе устави и развращенная книги исправи. И тіи жидове тако ожесточишася, яко и въ воскресша Христа вѣровати не восхотѣша, и того ради стражамъ довольныя деньги [2]) дали, дабы на Христа солгали, яко бы Онъ не воскресъ, но нощію изъ за ихъ стражи ученицы украдоша. Имъ было мочно и по сему единому вѣрить во Христа, за еже изъ за стражи вооруженныхъ воиновъ ученикомъ было невозможно украсти мертваго человѣка; къ тому же еще имъ на обличеніе и камень, возложенный на гробъ, великій, понеже той камень многими людьми надлежало со гроба сняти, и тихимъ образомъ, татьски нельзя было его ворочать, но съ великимъ шумомъ; и воини, аще бы каково крѣпко ни спали, могли бы той шумъ услышати. А се: аще бы и спали, то при самомъ гробѣ, а не индѣ гдѣ, и той камень всячески не минулъ бы ихъ, но на нихъ бы взваленъ былъ и ихъ бы всячески возбудилъ: а возбудясь, безъ битвъ бы у воиновъ со ученики Христовыми не было, и не поймать бы тѣхъ крадуновъ было невозможно. А если бы подлинно, по ихъ жидовскому лжесловію, воини вси стрегущіе спали, то како тѣ воини отъ наказанія отбыть могли? А уже егда игемонъ наказанія имъ не учинилъ, ни ихъ жидовскаго прошенія о томъ не было,

---

[1]) Этотъ трактатъ въ краткой редакціи сильно сокращенъ.

[2]) Первоначально въ рукописи было написано: *книги;* послѣ это слово зачеркнуто и надъ строкою позднѣйшей рукою вписано: *деньги.*

еже бы имъ наказаніе учинить, и тѣмъ сами сошвенную свою ложь ясно всему свѣту объявили. И ужели бо по сему не можно знать, яко совершенно Господь воскресъ отъ мертвыхъ? да ради своего упрямства того не вѣровали. И тако въ нихъ та проклятая злоба затвердѣла, еже и нынѣ изчадія ихъ вѣровать не хотятъ; тако бо ихъ діаволъ затверди, яко и крещеные многіе токмо именемъ словутъ христіаны, а дѣлесы своими жидовствуютъ и воскресенію Христову не имутъ вѣры, но ждутъ себѣ иного Христа, то есть, антихриста. И жидомъ свойственно есть по породѣ своей жидовской на Христа ратовати и воскресенію Его не вѣровати,—вы же что? Или и вы тоже жидовскія породы? Азъ сіе достовѣрно вѣмъ, яко не токмо вы, но и отцы ваши и дѣды и прадѣды породишася и скончашася въ благочестивой вѣрѣ христіанстѣй, и вы напрасно жидомъ ревнуете и Христовымъ словесемъ, отъ устъ Его пречистыхъ глаголаннымъ, не вѣрите и стоите во своемъ безумномъ упорствѣ!

Молю васъ: Христа ради, престаньте отъ своего безумнаго упорства, и дондеже дѣти ваши не научатся грамматическаго ученія, перестаньте святыя новоисправныя книги хулити; хула бо и въ вѣдомыхъ дѣлахъ неполезна есть, а недовѣдомыя дѣла хулити вельми безмѣстно. И Апостолъ о хульникахъ пишетъ тако: сіи же убо, елика не вѣдятъ, хулятъ [1]). И сіе Апостолъ не ясно ль написа о васъ, понеже вы и сами не знаете, за что что хулите? Господа ради, осмотритеся, не ревнуйте упорнымъ жидомъ; видѣсте бо, яко, по вышеписанному изъявленію, вси жидове явно на Христа лгутъ, и вся ихъ ложь объявися. Выше сего такожде и ваша ложь и сошвеніе ваше на истину все явно-жъ и паче жи-

---

[1]) Отселѣ окончаніе главы въ краткой редакціи изложено въ измѣненномъ и нѣсколько болѣе распространенномъ текстѣ. При этомъ нѣкоторыя фразы, повидимому, заимствованы изъ ранѣе опущенныхъ мѣстъ полной редакціи. Изд. Погодина, стр. 206—208.

довскаго въ сей книзѣ означено; но за упорство ваше не явно есть вамъ. Вы бо христіанскія породы, а не жидовскія; проженитe отъ себя безумное упорство: яко древлеписанныхъ, тако и новопечатныхъ книгъ не хулите. И припадите къ Господу Богу со слезами, и отъ всего своего сердца и отъ всего праваго намѣренія попросите у Него о откровеніи очей вашихъ умныхъ,—то вѣмъ, яко открыетъ вамъ, и познаете истину; понеже Онъ, Господь Богъ, рекъ: просите и дастся вамъ, ищите и обрящете, толцыте и отверзется вамъ. И прирекъ Господь: у котораго аще отца попроситъ сынъ хлѣба, еда подастъ ему камень, или вмѣсто яйца [1]) подастъ ему скорпію? И аще убо вы, зли суще, умѣете даяти благая даянія чадомъ вашимъ, кольми-жъ паче Отецъ вашъ небесный съ небесе дастъ Духа Святаго просящимъ у Него. И по сему Господню обѣщанію, мочно всѣмъ намъ припаднути къ ногамъ Его Христовымъ и просити у Него съ самымъ сердечнымъ намѣреніемъ. А аще же вы, возгордѣвшися, мняще себя разумныхъ быти, не восхощете умныхъ своихъ очей просити, и того не желаете, еже бы вамъ познать въ Божественномъ Писаніи самую истину, то мы, вѣрніи, едини возопіемъ: Господи Боже нашъ! не забуди убогихъ Твоихъ до конца, даждь намъ вся Божественная Твоя Писанія ясно зрѣти и разумѣти, и яко древлеписанныя и старопечатныя, тако и новопечатныя святыя Твоя книги любезно чтити, и Тебя, Господа Бога, по нимъ читающе, хвалити и благодарити до скончанія вѣка! Аминь.

---

[1]) Первоначально было написано: *яда*.

О антихристѣ: коего онъ рода и въ коей странѣ будетъ, и о запечатлѣніи и о печати его.

Глава XVI-я [1].

Наши россійстіи лжеучители и лжепророцы въ началѣ лжепророчествовали на блаженнаго Никона патріарха и доводами многими доводили и лѣтами учитали и имя звѣрино ему исчисляли, яко той есть истинный антихристъ. А егда той Никонъ патріархъ скончался, тогда вси лжепрорицатели и лжетолкователи стыдомъ покрышася, обаче весьма не умолкоша, но дерзнули и на иное лице прорицати, и доводы доводятъ. И по сіимъ ихъ ложнымъ пророчествамъ мочно и самымъ простымъ людемъ познать ихъ, яко лживіи суть пророцы. Понеже Самъ Господь нелoжными усты рекъ, яко о дни томъ и о часѣ никтоже вѣсть, ни ангели небесніи, но точію единъ Богъ. А раскольницы не токмо высши апостоловъ, но и ангеловъ Божіихъ превысшили своимъ разумомъ: глаголютъ бо, яко вѣдятъ они кончину вѣка сего. А Господь и повтори свой глаголъ, рекуще: бдите убо и будите

---

[1]) Въ краткой редакціи—глава XVIII. Текстъ этой главы въ кр. ред. существенно сокращенъ, такъ что вся она занимаетъ тамъ только двѣ страницы (209 и 210). Никакой параллели текста обѣихъ редакцій относительно этой главы и провести нельзя.

готови, яко, въ онь-же часъ не мните, Сынъ Человѣческій пріидетъ. И вы, православніи, зрите и внемлите, кому лучши вѣрити: лживымъ ли нынѣшнимъ прорицателемъ, иже о Никонѣ патріархѣ прорицали и солгали, или самому истинному Богу вѣрити, Его же словеса твердѣйши неба и земли? Лжепророцы глаголютъ, яко уже пріиде антихристъ и лице ему сказуютъ и самую кончину вѣка сего учитаютъ, и глаголютъ, яко отъ апостоловъ Господь кончину вѣка сего утаилъ, а имъ открылъ. И тѣмъ своимъ лжепророчествомъ многихъ соблазниша и во отчаяніе приведоша, и иныхъ огнемъ пожгоша, а инѣхъ гладомъ и въ яминахъ томною смертію умориша, а пожитки ихъ себѣ похитиша. И тако кончину вѣка сего сказующе, и нынѣ непрестанно людей Божіихъ соблажняютъ и во отчаяніе приводятъ. И тѣмъ своимъ проклятымъ вымысломъ и Господень глаголъ порочатъ, и лжива Господа Бога творятъ, понеже — они паче Господа вѣдятъ! Господь глаголетъ, яко никтоже о кончинѣ вѣсть: ни ангели, ни Сынъ, токмо Отецъ,—и той глаголъ Господень отвергоша, глаголютъ, яко они совершенно кончину вѣка сего вѣдятъ.

Також де и антихриста сказуютъ уже въ міръ пришедша. Азъ же вамъ сказую, яко есть антихристи, но не прямые, токмо дѣлесы, а не естественно. Мнози бо быша и при Христѣ антихристи, и нынѣ въ васъ есть нареченные Христы, якоже и Иванъ Сусловъ и иніи такіи; по славенскому діалекту—ложный Христосъ, а по греческому—антихристъ; и тѣхъ антихристовъ много было, а и нынѣ много есть, и впредь имутъ быти мнозіи же. И тіи—антихристы токмо дѣлесы своими и именованіемъ; а естественный антихристъ имать токмо быти единъ и той при самой кончинѣ вѣка сего. А и Вавилонъ существенный токмо единъ, въ халдейстѣй странѣ токмо обрѣтающійся, а прикладнѣ мнози могутъ обрѣстися Вавилоны: идѣже бо собраніе беззаконій,

тамо и Вавилонъ есть. Можетъ бо и всякое мѣсто раскольниче нарещися Вавилономъ, понеже въ нихъ самое всесовершенное содѣвается беззаконіе: тамо блудъ, тамо и всякая нечистота всескверная. И аще въ коихъ раздѣленіяхъ раскольничихъ отъ блуда плотскаго и воздержатся, то въ тѣхъ мѣстахъ наипаче умножается блуда душевнаго, понеже вси тамо, сущій законъ Божій оставивъ, живутъ въ беззаконіи и живутъ прелюбодѣйствуя своими богомерзкими законы. А еже въ васъ иніи ссылаются на словеса Иппполита и Ефрема святаго, еже они рѣша, яко во дни антихристова пришествія не будетъ жертвы, ни приношенія во церквахъ, и то они правду глаголаша: отъ Святаго бо Духа откровено имъ сіе. Но тако будетъ токмо во Іерусалимѣ и предѣлѣхъ его, понеже тамо онъ имать быти и царствовати тамо будетъ, а не у насъ въ Россіи то имать быти. Не возможно бо есть въ полчетверта году тако антихристу уловити всю вселенную во свою область. Мочно бо вамъ всѣмъ, отпадшимъ отъ святыя Церкви, разумѣти, яко вящши получетверта года не имать антихристъ царствовати. А вы, бѣдные, суеумствуете и глаголете, яко уже пришелъ существенный антихристъ и царствуетъ. И сами въ себѣ помыслите: како тако онъ много лѣтъ не противо Писанія святаго царствуетъ? Или Богъ во откровеніи Іоанну Богослову ложно яви, яко точію имать антихристъ царствовати 42 мѣсяца, т. е. полчетверта года?

О антихристѣ бо тако пишется, яко во дни своя отвержетъ вся тайны церковная, и жертвы и приношенія не будетъ. И се нынѣ зримъ въ васъ уже тое писаніе сбыстся, ибо нѣсть у васъ ни жертвъ, ни приношенія, и тайны церковныя вся суть уже отвержены у васъ. И по тому вашему дѣлу, явѣ есть, яко вы со усердіемъ его ожидаете, и еже ему надлежало самому творити, то все вы сотворили есте и путь ему управили есте. И по всему сему, истинніи вы пред-

течи антихристовы, иже путь ему уготовисте чистый. И егда онъ пріидетъ, не много ему труда будетъ, понеже уже трудомъ и радѣніемъ вашимъ предуготована суть вся. И мнѣ сіе не диво, еже вы путь антихристу предуготовляете, понеже тако подобаетъ быти: у Господа Бога быша предвозвѣстители, святіи пророцы, за многая лѣта, а у лжехриста діаволъ такожде изводитъ лжепророковъ, предвозвѣщающихъ пришествіе его. И тая вся ваша лжепророчества не дивна суть, понеже подобаетъ симъ быти; но сіе ми дивно: по чесому вы познали кончину вѣка сего? Святый апостолъ Павелъ глаголетъ о пришествіи Господнемъ второмъ тако: день Господень пріидетъ, яко тать въ нощи; егда бо рекутъ: миръ, тогда найдетъ на нихъ всегубительство (1 Солун. V, 2). А вы паче пророковъ Божіихъ и паче апостоловъ Христовыхъ увѣдали есте тайну Божію, отъ вѣка сокровенную. Святіи бо апостоли много трудились, хотяще увѣдѣти о второмъ Христовѣ пришествіи; обаче не открылъ имъ. Егда бо предъ вольною страстію Христовою на Елеонстѣй горѣ вопросиша Господа о кончинѣ вѣка, отрече имъ, глаголя, яко о дни томъ не только ангели, но и Сынъ не вѣстъ, токмо Отецъ (Марк: XIII, 32),—и тогда апостоли умолкоша. По воскресеніи же Христовѣ паки покусишася Его вопрошати о кончинѣ вѣка, уже измѣншеся, инымъ образомъ, и Господь такожде отрекъ имъ, глаголя: нѣсть ваше разумѣти времена и лѣта, яже Отецъ положи во своей власти.

И по сему Господню глаголу, Господа ради, православніи христіане, не имите вѣры имъ, лживцамъ; вся бо ихъ глаголы, еже когда что они глаголютъ, не къ созиданію спасенія человѣческаго, но къ вѣчной погибели. Святый Іоаннъ Богословъ во откровеніи, ему отъ Бога показанномъ, глаголетъ сице: видѣхъ, рече, въ десницѣ сѣдящаго на престолѣ книгу, написанную, внутрь уду и внѣ уду запечатлѣнную седмію печатьми, и видѣхъ ангела крѣпка, проповѣ-

дающа гласомъ великимъ: кто есть достоинъ разгнути книгу и разрѣшити печати ея? И никто же можаше ни на небеси, ни на земли, ниже подъ землею разгнути книгу, ниже зрѣти ю. И азъ, рече Богословъ, плакахъ много, яко никтоже обрѣтеся достоинъ разгнути и почести книгу, ниже зрѣти ю. Видите ли, требезумніи мудрецы, яко никто не удостоился тайну Божію сокровенную вѣдати ни на небеси, ни на земли. А вы како удостоились есте ту книгу, въ руцѣ Божіей держимую и седмію печатьми запечатлѣнную, разгнути и тайну Божію, въ ней сокровенную, увѣдати? Дивные вы люди! Какъ вы и сами себѣ не зазрите? Уже бы вашей лжепроповѣди и азъ памятствую вящши четыредесяте лѣтъ, еже не по едино [1]) лѣто ждали свѣта преставленія на Иліинъ день, и въ затворъ сажались, и не пили, не ѣли въ той день. И сему вашему [2]) вельми есть удивительно, еже, видя свое пророчество и первое не сбывшееся, образумитися не можете. А у васъ уже безчисленное множество пророчествъ вашихъ явилось, а вы не умолкая и нынѣ лжепрочествуете.

[3]) И сіе не явное ль ваше безуміе, еже глаголете, яко бы антихристъ будетъ въ Россіи и царствовати будетъ на Москвѣ? И любимая ваша книга Кирилла Іерусалимскаго сказуетъ, яко антихристъ будетъ въ ветсѣмъ Римѣ и все девятое знаменіе ясно являетъ, яко будетъ онъ тамо. И паки являетъ, на пятьдесятомъ листѣ, яко антихристъ сядетъ во церкви жидовстѣй, отъ жидовъ и пріятъ будетъ, а не отъ русскихъ людей. Вы, бѣдные, напрасно и суетитеся, уготовляюще путь ему. Не надѣйтеся, не узрите бо его въ животѣ суща, далеко-бо отъ насъ Іерусалимъ, идѣже онъ имать быти. Развѣ вы сподобитеся его видѣти тамо, идѣже

---

[1]) не *во* едино (?)

[2]) Очевидно, пропущено слово.

[3]) Отсюда начинается текстъ соотвѣтствующей главы (XVIII) и въ краткой редакціи, но съ большими пропусками.

ему уготовано мѣсто во грядущемъ вѣцѣ? И любезнѣйшая ваша книга, глаголемая О вѣрѣ, являетъ, яко антихристъ имать быти жидовскаго рода, отъ колѣна Данова родится, отъ скверныя дѣвки. И о семъ многіе учителіе церковніи ясно глаголютъ, яко родится онъ въ Римѣ, а воцарится во Іерусалимѣ и пріятъ будетъ отъ жидовъ, якоже о томъ ясно являетъ многотруднымъ трудомъ сочиненная книга преосвященнымъ рязанскимъ митрополитомъ Стефаномъ. И хотя подлинно о антихристѣ увѣдатися, коего онъ рода и гдѣ и когда родится и что ему имя, тамо же узрите и о безвѣстіи кончины вѣка сего. Азъ не вѣмъ, откуду вы сіе взясте, яко сказуете кончину дней уже многая лѣта, такожде и антихристово пришествіе изъ давныхъ же лѣтъ сказуете, яко уже пришелъ бѣ, и лице ему являете, и бредите, якобы уже онъ пришелъ; Илію пророка со Енохомъ сказуете пришедша яже. И сіе не бредня ли ваша, еже тако глаголете?

[1]) Зрите и во Откровеніе; тамо бо явлено отъ самого Бога, яко звѣрь, исходящій изъ бездны, сотворитъ со Иліею и Енохомъ брань и убіетъ ихъ, и тѣлеса ихъ имутъ лежать на стогнахъ града великаго, идѣте Господь нашъ распятъ былъ, то есть, во Іерусалимѣ, а не на Москвѣ. Зрите вси лжепророцы и лжеучители, яко и тайновидецъ вѣщаетъ о семъ ясно, яко антихристъ будетъ во Іерусалимѣ; а вы блядословите и людей Божіихъ, не вѣдущихъ Писанія, соблазняете и во отчаяніе приводите. Отрите слѣпоту отъ очей вашихъ и зрите въ Апокалипсисѣ, въ главѣ XI и прочее; заградите уста своя блядословная: ей, время ко истинѣ приступити, лжесловная же своя пророчествія отвергнути, дабы въ томъ не умрети!

---

[1] Этотъ трактатъ опущенъ въ краткой редакціи.

[1]) Павелъ апостолъ о судьбахъ Господнихъ тако глаголетъ: кто разумѣ умъ Господень и кто совѣтникъ Ему бысть (Рим. XI, 33)! И сего вы не видите, яко и пролетѣвый трои небеса святый Павелъ не уразумѣ ума Господня и неизвѣстности судовъ Его удивляется. А вы, бѣдные суеумы, нудитеся сокровенную тайну Божію познати; или вы чаете себя больши святыхъ апостоловъ Христовыхъ быти, иже тайну свою отъ нихъ закры, а вамъ откры? Вси-бо вы на свою душу лжете и тою своею ложію многихъ безвинныхъ погубляете. О, безумства неизмѣримаго и вышши мѣры человѣческія вознесшагося! Коего духа вы напились и тако суемудрствуете и паче всѣхъ богословцовъ вознесостеся? Никто бо и отъ богослововъ святыхъ того не достигъ, еже вы глаголете, яко Божію сокровенную тайну познасте. И тако блядословя, многихъ во отчаяніе приводите и въ преисподній адъ сведосте. Паки и сіе такожде не безумное ли ваше мудрованіе, еже глаголете, яко бы печать антихристова будетъ очевидна; аще бы она была видима, то кто бы ее не могъ познать? Но вѣждьте, яко печать имать быти не видима. И нынѣ уже печать антихристову мнозіи пріемлютъ произволеніемъ своимъ, овіи на десную свою руку, овіи же и на чела своя, и, пріявъ на ся, не видятъ ю, ни чуютъ, но токмо видятъ тіи, имъ же Богъ открылъ есть.

Бесѣда первая[2]).

Азъ бо много отъ лжеучителей вашихъ и отъ послушниковъ ихъ и отъ всѣхъ, отъ святыя Церкви отпадшихъ, слышахъ, яко единіи изъ васъ, обезумившиеся, глаголютъ, яко триперстное сложеніе печать есть антихристова, а за-

---

[1]) Этотъ трактатъ существенно измѣненъ въ краткой редакціи. Имъ и оканчивается въ краткой редакціи XVIII глава.

[2]) Этой бесѣды нѣтъ въ краткой редакціи.

печатлѣніемъ то, еже аще кто, сложивъ три персты, вообразитъ на себѣ крестное воображеніе. И я славнаго вашего лжеучителя бородатаго, его же нарицаете вы философомъ, о семъ спрашивалъ, чего ради такъ глаголете, еже запечатлѣніе сказуете не противо Писанія: въ Писаніи святомъ изъявлено запечатлѣніе любо на челѣ, любо на деснѣй руцѣ, а вы проповѣдуете на обоихъ плещахъ и на пупѣ,—и тако стало ваше мудрованіе противно святому Писанію, И противо того моего словесе сказалъ онъ мнѣ тако: а тебѣ бы-де было обо всѣхъ мѣстѣхъ написано имянно! Тако-де во всякомъ святомъ Писаніи писано и о всякомъ дѣлѣ не по самому существу. И того-де ради велѣно разумъ имѣти и написанная разумѣти, понеже изъ малыя рѣчи письменныя раждается расположеніе многое; апостолъ-де Петръ о семъ имянно написа, яко книжное пророчество по своему сказанію не бываетъ. И сіе не безуміемъ [1]) того вашего лжеучителя. еже сказуетъ антихристову печать зримую и осязаемую! Сіе же и того безумнѣе, еже сказуетъ печатлѣніе крестообразное: антихристъ бо будетъ сынъ діавола, аще и не по естеству, обаче по дѣйству сынъ ему есть, и Христу будетъ онъ во всемъ противенъ,—то како ему крестъ Христовъ любити? Онъ будетъ креста ненавидѣти, якоже и предочи [2]) его ненавидятъ; онъ, егда пріидетъ, то и съ церквей кресты сниметъ. Отъ инѣхъ же слышалъ я и того безумнши, ибо тако блядословятъ, якобы на всѣхъ четырехъ мѣстѣхъ—на челѣ и на плещахъ и на пупѣ отъ воображенія треперстнаго садятся на человѣкѣ бѣсове. И то не явная-ль же блядь: когда бѣсове могутъ крестообразно вообразившися быти? Они бо и на крестную силу зрѣть не могутъ и отъ воображенія крестнаго, яко дымъ, изчезаютъ. И тѣмъ блядо-

---

[1]) *не безуміе-ли* (?)
[2]) *предотечи* (?)

словіемъ людей Божіихъ паче инѣхъ страхованій устрашиша. И мню, яко сію хитрость самъ сатана изнесъ изъ преисподняго ада и въ посланники своя вдохнулъ на устрашеніе простому народу. И тако простіи человѣцы тѣмъ страхованіемъ устрашени, яко мнозіи и церкви святыя держатся и отцовъ духовныхъ благочестивыхъ имѣютъ, а знаменатися триперстнымъ сложеніемъ не смѣютъ, и того ради знаменуются двоперстнымъ сложеніемъ, мняще тому быти тако, якоже они, отпадшіи отъ святыя Церкви, глаголютъ

Друзіи же безумнѣйши и того глаголютъ, ибо наричутъ самый святый крестъ Христовъ четвероконечный антихристовою печатію, а начертаніе того святаго креста нарицаютъ запечатлѣніемъ антихристовымъ. И сего безумства и на свѣтѣ безумнѣе быть уже не возможно. Сіе бо издалъ нѣкоторый лжеучитель, мудряся и на отца своего сатану; но мудрость его всѣхъ буйствъ буйственнѣйши есть; понеже издревле вся святыни посвящаются четвероконечнымъ крестомъ, и всякій человѣкъ православный въ крещеніи помазуется святымъ мvромъ четвероконечнымъ крестомъ, и пресвитеръ, помазуя крещаемаго, глаголетъ: печать дара Духа Святаго. И то есть правда, понеже крестъ есть гербъ, или рещи клейнотъ Христовъ. Того бо ради и вси человѣцы, егда воображаютъ на себѣ воображеніе четвероконечнаго креста, діаволъ, не терпя того знаменія крестнаго, изчезаетъ. Чаю, есть и въ васъ о семъ вѣдатели. Егда жидъ зашелъ обнощевати во идольское капище, въ нощи снидошася въ то капище бѣсове, и той жидъ одержимъ бѣ отъ того множества бѣсоваго страхомъ, воспомяну, яко христіане отбываютъ отъ бѣсовъ воображеніемъ на себѣ крестнаго знаменія, того ради возложи на ся по обычаю христіанскому образъ четверокрестнаго креста; бѣсы же, егда ощутиша его, и хотѣху его вредити; пришедше же къ нему, рѣша: сосудъ нашъ, а печать не наша. И тако той жидъ спасеся отъ бѣсов-

скаго нападенія. Видите ли, безумніи: егда бы было крестное знаменіе антихристово запечатлѣніе, то бы бѣсове не сказали, что печать не наша; но наипаче бы еже восхотѣли, то бы тому жиду и учинили. А вы не токмо безумни, но и требезумни явистеся: не вѣсте, какъ уже крестъ Христовъ ругати, и назвали Христову печать печатью антихристовою. И сему вашему проклятому мудрованію и самый простый простецъ можетъ удивлятися, и уразумѣетъ, яко діаволи посланницы есте и мудрованіе ваше есть діавольское, а не человѣческое; понеже, чѣмъ человѣкъ освящается и отъ діавола защищается, а вы о томъ глаголете, яко бы тѣмъ человѣкъ оскверняется и діаволу присвояется. О, горе, горе! Доколѣ сіе безуміе пребудетъ въ васъ? Како вы Бога не боитесь и вѣчнаго мученія не страшитеся? Чего человѣку въ мысль свою взять невозможно, а вы то смѣете усты своими глаголати и Христову печать, еже есть крестъ Христовъ, кровію Его пресвятою освященный, смѣете нарицати антихристовою скверною печатію! И тѣмъ своимъ блядословіемъ всю Россію потрясосте, ибо не токмо простіи и безкнижніи соблазнишася на ваша блядословная словеса, но множество и книжныхъ людей соблазнили есте и отъ благочестія отвлекосте.

Бесѣда вторая о антихристовой печати[1].

Воспомянухъ-бо азъ въ первой бесѣдѣ о антихристовой печати, яко она будетъ не видима и не осязаема, а нынѣ приложихъ рещи, яко и нечувственна она имать быти. Многіи бо глаголютъ, яко егда пріидетъ всесовершенный антихристъ и послушниковъ своихъ имать тогда печатлѣти

[1]) Въ краткой редакціи эта Бесѣда также опущена.

своею печатію, овыхъ же на десной руцѣ, овыхъ же на челѣхъ; азъ-же присмотрихъ и удостовѣрихся, яко уже много и нынѣ дѣйствуется сего, еже произволеніемъ своимъ мнозіи печатлѣются антихристовою печатію. Овіи токмо на десной руцѣ-же, иніи же приложили запечатлѣтися и на челѣ. Святый Іоаннъ Богословъ въ Откровеніи, ему явленномъ, пишетъ сице, яко кіи запечатлѣніи будутъ антихристовою печатію, тіи уже не покаются. И о томъ запечатлѣніи тамо написано краткостно и невельми явственно,—того не расположено, кіи на десной руцѣ пріимутъ печать и кіи на челѣ, и обоимъ [1]) не покаются, или едини тяжше, а друзіи легчайше. И о семъ азъ много трудихся и отъ инѣхъ человѣковъ искахъ вѣденія достовѣрнаго, и не получихъ ни отъ писанія, ни отъ сказанія извѣстія достовѣрнаго, и, на волю Божію положився, въ размышленіи своемъ тако положихъ:

Яко кіи человѣцы правды не любятъ и вмѣсто правды чинятъ неправду, яко судіи, тако и судящіися, подобнѣ и купцы, купующе и продающе, вмѣсто правды чинятъ неправду: единъ продаетъ обманываетъ, другій купуетъ неправедно поступаетъ; такожде и во всѣхъ чинѣхъ и дѣлахъ: аще кто правыхъ дѣлъ не творитъ, а творитъ всякія неправости въ мірскихъ дѣлахъ, а Божіимъ дѣламъ и церковнымъ не касается, тіи, мню, яко токмо запечатлѣни на десной руцѣ, и о тѣхъ азъ признаваю, яко могутъ и покаятися. А кіи-же о главнѣйшихъ дѣлахъ, о Божествѣ и церковныхъ догматѣхъ, неправо будутъ мудрствовати и божественная писанія имутъ неправо разсуждати, тіи пріемлютъ печать уже и на чело свое; и тіи, двѣ печати на себѣ имущіи, покаятися уже не могутъ. И сему явное свидѣтельство ратники святыя церкве: вначалѣ Арій проклятый, егда неправо о Бозѣ началъ разсуждати, тог-

[1]) *обои-ли* (?).

да произволеніемъ своимъ пріялъ и на чело свое антихристово запечатлѣніе, и того ради покаятися уже не могъ: аще и много отъ святыхъ отецъ на первомъ вселенскомъ соборѣ собравшихся увѣщаваемъ былъ, обаче не могъ покаятся, и тако погиблъ бѣ вѣчною погибелію. Такожде и Несторій, и Македоній, и Аполлинарій, и вси прочіи еретицы, кіи о Бозѣ и о догматѣхъ церковныхъ начали мудрствовати неправо, тіи вси пріяша за неправыя свои дѣла на десную руку и за божественную хулу на чела своя антихристово запечатлѣніе; и тіи вси уже не покаяшася, и сбыстся на нихъ въ Откровеніи реченное слово, еже пріемльшіи антихристово запечатлѣніе не покаяшася. Подобнѣ и наши россійскіи раскольницы: уже кіи впали на божественныя дѣла въ хулу, тіи вси совершенно покаятися уже не могутъ. Аще который речетъ, яко позналъ свою прелесть, и якобы кается, а послѣди то покаяніе отвергаетъ отъ себе и ногама своима попираетъ е, якоже распопъ Никита, прозываемый пустосвятъ: покаялся и многая лѣта былъ въ покаяніи, и вси возмнили, яко истинно покаялся, а послѣди великою войною вооружився на святую церковь, и, якоже Арію, не попусти Богъ болѣе пресвятому своему имени отъ него похуляему быти: гонзну бо живота своего безвременно. И ины мнози таковіи быша, иже по случаю покаются, а послѣди паки раскаются и на первая своя дѣла, яко псы на блевотину свою, обращаются. Уже бо и нынѣ, въ 58-мъ году, родная моя сестра Анна, бывшая въ расколѣ, въ безпоповщинской ереси, возвратилася было отъ того раскольнича заблужденія, и пришедъ ко мнѣ ногъ моихъ касалася и съ великими слезами каялась. И я ей велѣлъ попоститися и у приходскаго священника исповѣдатися, и она за Яузою рѣкою у приходскаго никольскаго священника исповѣдалася и божественныхъ таинъ причастилась, — и не помнозѣ на свою блевотину возвра-

тилась, и, ходя по домамъ, и инѣхъ уже съ истиннаго пути совратила и ко своему зловѣрію присоединила мнозѣхъ.

И по сему азъ множае утвердихся, яко во Откровеніи написана суть правда: еже аще кто запечатлѣнъ будетъ антихристовымъ запечатлѣніемъ на челѣ, то уже той человѣкъ обратитися къ Богу и покаятися не можетъ. И посему вѣрно ми бысть сіе: яко вси отпадшіи отъ святыя церкве и хулу во уста своя на святую церковь вложившіи, уже запечатлѣни суть антихристовою печатью; и тѣ люди уже обратитися и покаятися не могутъ,—уже бо они быша сынове тмы. И на сицевый страхъ зря, отъ православныхъ кто не убоится и душею и тѣломъ не вострепещетъ? О, горе, горе всѣмъ впадшимъ въ расколъ! Кто бо, видя такую вашу погибель вѣчную, не возрыдаетъ? Понеже были есте единыя матере нашея святыя восточныя церкве чада, а нынѣ въ запечатлѣніе антихристово своею волею впадосте, и уже отъ тоя погибели возвратиться невозможно вамъ. Аще бо и покусится кто изъ васъ покаятися, но не возможетъ той, кой уже въ богохуленіе впалъ; понеже богохульцы вси запечатлѣни суть двомя печатьми, на руцѣ и на челѣ. Но развѣ изъ васъ тіи могутъ покаятися, кіи не отъ своея охоты хулили, а отъ невѣденія и отъ самаго своего неразумѣнія; и тѣхъ человѣкъ возложить токмо покаяніе на волю Божію и на неизмѣримую пучину щедротъ Его Божіихъ, а повидимому и по вышеписаннымъ свидѣтельствамъ, единъ токмо Богъ вѣсть[1]).

И сего ради всѣмъ намъ, оставшимся отъ такова ихъ злохульнаго бытія при святѣй церкви держащимся, вельми надлежитъ страшитися и Богу непрестанно молитися, дабы соблюлъ насъ своею божественною властію отъ такова ихъ паденія. Азъ бо отъ вышеявленныхъ свидѣтельствъ твердо

---

[1]) Очевидно, здѣсь текстъ въ рукописи переврaнъ.

увѣрился, яко нынѣ всесовершенно дѣйствуется антихристово запечатлѣніе. И того запечатлѣнія никто на себѣ познати не можетъ, понеже оно печатлѣется на челѣ и на руцѣ произволенія человѣческаго, а не на видимомъ челѣ и руцѣ плоти нашея. И того ради никто и познать того запечатлѣнія собою не можетъ, но токмо развѣ кто по дарованію Божію со стороны, по дѣломъ его и по всему его намѣренію, присмотритъ и познаетъ, яко запечатлѣнъ есть. Вси бо пріемшіи запечатлѣніе на чела своя не могутъ никаковыя святыни коснутися, ниже благословенія архіерейскаго и іерейскаго; но тіи уже подобни суть бѣсовомъ: не могутъ стерпѣти ни благословенія, ни водокропленія, и не токмо пріяти какую святыню, но ниже зрѣти ю могутъ. Нѣкогда бо ми великою скорбію одержиму бывшу и страха ради смертнаго, возжелахъ причаститися тѣла и крове Христовы. И прилучися у меня въ той храминѣ баба безпоповщинной ереси; и егда той пресвитеръ со святымъ причастіемъ на дворъ взыде, не ощутила она; но егда вниде въ сѣни поющимъ клирикомъ, и тая баба, услышавъ пѣніе, изъ памяти своей изступила, вся вострепета и начала во храминѣ метатися, яко возбѣснѣлая, и пала во уголъ ницъ и прикрыся, да невидима будетъ іереемъ и еже бы и ей не видѣти пресвятаго тѣла Христова; а въ той храминѣ бяше другая дверь въ другія сѣни, а она тако обезпамятися, яко и дверь забыла, въ нюже многократно прежде ходила. Тако бо діаволъ запечатлѣнцевъ своихъ мучитъ еще и на семъ свѣтѣ; что же будетъ тогда, егда съ душею и тѣломъ въ его области будутъ? И таковіи запечатлѣнцы никогда не каются отцовъ духовныхъ себѣ не имѣютъ, тѣла и крове Христовы не имѣютъ и всѣхъ святынь лишаются и къ церкви ни на каковую службу не приходятъ; и по таковымъ признакамъ присмотря, аще кто станетъ имъ возвѣщати, еже они впали въ антихристово запечатлѣніе, такова возвѣщенія и слушати не хощутъ.

И на таковая раскольнича дѣла и на запечатлѣніе антихристово зря, намъ православнымъ христіаномъ крѣпко надлежитъ себя блюсти, и не токмо въ богохуленіе внити, или на святыни, или на освященный иноческій соборъ, или, на дѣла ихъ зря, каковыя хулы изнести; но еже бы и въ купечествѣ, а не то что въ судейскомъ или во иныхъ каковыхъ дѣлѣхъ, неправда каковая дѣлать, дабы намъ за неправость нашу на десную свою руку запечатлѣнія антихристова не пріяти. О главныхъ же дѣлѣхъ тако надлежитъ себя хранити, еже бы намъ и въ мысль свою не вложить того, еже бы что отъ божественныхъ дѣлъ похулити, не токмо нашея благочестивыя вѣры, но ниже на иноязычная, понеже всякъ своему Господу стоитъ или падаетъ. Судити ихъ Богъ будетъ, якоже Онъ человѣколюбецъ вѣсть, а намъ прежде Бога судити не для чего; но всякому человѣку надобно свои грѣхи исчислять и судить ихъ, а не чуждые, дабы на чела своя не пріяти антихристова запечатлѣнія. Намъ нечего на раскольники смотрѣти и у нихъ перенимати, намъ надлежитъ отъ ихъ блядословныхъ словесъ бѣжати, яко отъ лютаго и ядовитаго змія; понеже они вси запечатлѣни суть антихристовою печатію и уже они покаятися не могутъ, заеже своею волею на чела своя запечатлѣніе пріяша, и осуждени они не отъ насъ, но отъ самого Бога. Тако бо Господь Богъ рече, яко всякая хула отпустится человѣкомъ, а Духа Святаго восхулившему не отпустится ни въ сей вѣкъ, ни въ будущій. А они раскольницы явно и всѣмъ зримо на Духа Святаго хулу износятъ, ибо глаголютъ, яко-бы нынѣ во святыхъ церквахъ Духъ Святый не дѣйствуетъ. О, лютѣ, лютѣ тѣмъ человѣкомъ, кіи хуленіемъ своимъ усвоилися антихристу и запечатлѣніе его на ся пріяша! Еще же и сіе во Откровеніи написано, яко начертаніе имый на челѣ своемъ или на руцѣ своей имать пити отъ вина ярости Божія и будетъ мученъ огнемъ

и жупеломъ предъ ангелы Божіи и предъ Агнцемъ, и дымъ мученія ихъ во вѣки вѣковъ восходити имать. И сицеваго Божія гнѣва кто не убоится и не вострепещетъ?—Токмо развѣ тотъ, кой человѣкъ отчаялся своего спасенія и кой въ раскольничье мудрованіе впалъ; расколницы бо вси не боятся Божія суда и вѣчнаго мученія; они бо надежду свою твердую возложили на діавола. Той бо имъ обѣщаваетъ нѣкакое воздаяніе или облегченіе въ мукахъ,—того бо ради со усердіемъ путь антихристу пріуготовляютъ. Намъ же, боящеся вышеявленнаго вина, иже отъ Божія гнѣва пити будутъ, крѣпко надобно боятися, дабы никаковыя и въ житейскомъ дѣлѣ неправости не чинити, дабы и на десную свою руку за неправыя своя дѣла антихристова зъпечатлѣнія не пріяти.

Раскольницы же вси глаголютъ, яко будетъ запечатлѣніе на челѣ и на десной руцѣ очевистое, и ссылаются въ томъ на Большой Катехизисъ, на главу, иже о второмъ пришествіи Христовѣ и о скончаніи міра, въ которой написано сице: уже бо многихъ нынѣ видимъ, иже не пріемлютъ на ся крестнаго Христова знаменія, сирѣчь десницею своею узаконеннаго воображенія не возносятъ на чело главы своея и на животъ, таже и на правое плечо и на лѣвое. И аще убо кіи человѣцы реченнаго сего Христова крестнаго знаменія не пріемлютъ, то явѣ есть, яко тіи имутъ пріяти на чело свое и на десную руку антихристову печать по реченному: идѣже бываетъ свѣта лишеніе, ту бываетъ тмѣ пришествіе. И сей глаголъ катехизской къ сложенію триперстному прилагаютъ, сказующе, яко бы той Катехизисъ нарицаетъ триперстное сложеніе антихристовою печатью, и тѣмъ неправымъ своимъ глаголомъ многихъ малосмысленныхъ людей и въ божественномъ писаніи неразумительныхъ соблажняютъ и отъ истиннаго правовѣрія совращаютъ. А по прямому здравому разумѣнію, мочно бы и безкнижному, самому простому человѣку сіе ра-

зумѣти, яко сія рѣчь въ Катехизисѣ написана не о сложеніи перстовъ, но о неистовомъ на себѣ воображеніи: кіи небрегуще, отъ гордости или отъ лѣности, или отъ нелюбленія совершеннаго и яснаго крестнаго воображенія, или отъ простоумія своего тако кто чинитъ. И вы, православніи христіане, не поползшіеся въ расколы, зрите и разумѣйте, коль они разумительны въ писаніи, еже и сего не могли катехизскаго глагола яснаго о воображеніи на себѣ крестнаго знаменія уразумѣти и приложили къ сложенію триперстному, и на томъ катехизисномъ глаголѣ утверждаются вси раскольницы, яко на твердомъ камени. А та ихъ твердость хуждши паутинныя сѣти, понеже не о томъ она идетъ, о чесомъ они отъ безумія своего ссылаются. И я славнаго ихъ учителя бородатаго обличалъ о несмысленномъ ихъ глаголѣ и являлъ имъ, поелику возмогъ, о истой антихристовой печати, что есть она и что его запечатлѣніе. И по моему расположенію, сложилось антихристово запечатлѣніе на ихъ расколничье сонмище, яко вси запечатлѣни суть антихристовою печатью отпадшіи отъ святыя церкве. И они моего глагола внимающе, токмо свой глаголъ утверждаютъ тою катехизною главою, о ней же выше речеся, а инаго оправданія себѣ на антихристову печать не обрѣтоша, обаче діавольскимъ ослѣпленіемъ паче евангельскаго Христова словесе того катехизнаго глагола держатся.

И такова ради ихъ раскольнича безумія, со усердіемъ припадая, молимъ Тя, Христе Боже нашъ: не остави насъ, убогихъ Твоихъ, до конца! Понеже мало обрѣтается оставшаго сѣмене благочестія христіанскаго; да не порадуется и о насъ ненавидяй рода христіанскаго діаволъ. И не попусти, Боже, запечатлѣнію антихристову на насъ, рабѣхъ своихъ, быти—не токмо на челѣхъ своихъ, но ниже на десностѣхъ нашихъ; но сподоби насъ, Боже нашъ, пріяти запечатлѣніе

отъ святыхъ Твоихъ ангеловъ, Боже нашъ, ихъ же святый тайновидецъ во откровеніи видѣ печатлѣющихъ рабовъ Твоихъ, Боже нашъ! И за тѣмъ Твоимъ, Господи Боже, запечатлѣніемъ, еже бы безбѣдно прейти намъ воздушныхъ препинателей препятія, и да сподобимся на брацѣ Агнчи быти и вѣчныя вечери тамо вкусити и съ прочіими святыми, Тебѣ Господи Боже, угодившими, часть вѣчнаго радованія, елику по своей человѣколюбнѣй милости опредѣлиши, пріяти, и тамо Тебя, Боже нашъ, славити и воспѣвати во вѣки вѣковъ! Аминь.

О прочитаніи книгъ божественнаго писанія.

Глава XVII [1].

[2]) Самъ Господь Богъ рекъ: испытайте писаній, яко вы мните въ нихъ имѣти животъ вѣчный; и та суть свидѣтельствующая о Мнѣ; и не хощете пріити ко Мнѣ, да животъ имате. И паки рекъ: разумѣхъ вы, яко любве Божія не имате въ себѣ; Азъ пріидохъ во имя Отца Моего, и не пріемлете Мене; аще инъ пріидетъ во имя Мое, того пріимете. Видите, яко Самъ Господь повелѣваетъ испытати писанія. И сказа намъ, тако глаголя, яко въ писаніи имате обрѣсти животъ вѣчный, понеже та свидѣтельствуютъ о Господѣ Бозѣ; обаче—не хощете пріити ко Мнѣ, рече Господь, да животъ имате. И сіе не истинно ли тако есть? Господь сказа намъ, яко животъ вѣчный въ Немъ обрящемъ. И сіе истинно тако есть: аще кто здраво разсуждаетъ святая писанія, той животъ вѣчный себѣ обрѣтаетъ; а кто не здраво разсуждаетъ, той не животъ, но погибель вѣчную получаетъ. Инамо же Господь рекъ къ неразумѣющимъ писанія сице: прельщаетеся, не вѣдуще писанія, ни силы Божія. Аще бы вси мы испытывали писанія и силу, въ немъ лежащую, разумѣли, то могли бы вси мы правый путь знати, къ животу вѣчному

---

[1]) Въ краткой редакціи—глава XIX.
[2]) Этотъ трактатъ въ краткой редакціи опущенъ.

ведущій. Нынѣ мнози суть въ насъ явишася, иже не хощутъ живота вѣчнаго и развратишася въ различные пути; и явѣ есть, яко тіи не имутъ въ себѣ любве Божія. И паки Господь рекъ: Азъ пріидохъ во имя Отца Моего, и не пріемлете Мене. И се нынѣ, кіи отъ святыя церкве отпадоша,—и отъ Самого Бога: уже бо егда тѣла Христова возгнушашася, Самого Господа Бога возгнушашася. Тамо же Господь рече: аще инъ пріидетъ именемъ Моимъ, того пріимете. И се нынѣ сбыстся сіе въ нашихъ россійскихъ раскольникахъ; ибо Христа Спасителя своего презрѣша и не пріемлютъ Его, а вмѣсто Христа возлюбиша противника Божія, антихриста, и его пріяша, и съ великимъ тщаніемъ путь ему уготовляютъ, и тако отъ невѣденія писаній вринушася въ ровъ вѣчныя погибели. А аще бы могли здраво святая писанія разумѣти, то не бы въ таковую погибель вринулись. Аще бо человѣкъ не можетъ чего познати и разумѣти, то надо у Бога откровенія просити и потомъ и у людей знающихъ вопрашивати, а собою отнюдь мудрствовати не подобаетъ. Аще бо кто собою мудрствуетъ, о таковыхъ апостолъ Павелъ тако глаголетъ, къ Римляномъ пиша: осуетишася помышленьми своими и омрачися неразумное ихъ сердце: глаголющеся мудри быти, объюродѣша. И сего ради отнюдь не подобаетъ собою мудрствовати, дабы дуракомъ не быть, а и написанная всякая реченія божественнаго писанія надобно не своемудрственно разсуждать. И того ради кто чего собою не можетъ разумѣти, мудрѣйшихъ вопрошать, наипаче же Бога просити имаши, дабы открылъ тому, у кого вопрашивать имаши. И видя Богъ твое смиреніе и о откровеніи друга своего молящася, дастъ тебѣ сугубое разумѣніе, и тако уразумѣеши написанная, каковъ гдѣ разумъ лежитъ; а безъ труда само въ разумъ не вольется. О семъ бо и Самъ Господь рекъ: просите и дастся вамъ, ищите и обрящете, толцыте и отверзется вамъ. И сего ради подобаетъ съ великимъ прилежаніемъ

просити у Бога, дабы открылъ въ писаніи, еже разумѣти силу.

Къ сему же пріими совѣтъ отъ Святаго Іоанна Златоустаго, той бо глаголетъ сице: аще не можеши частымъ писаніемъ [1]) вразумитися, то пойди къ мудрѣйшему и, вопрошая его, покажи тщаніе, и аще той не скажетъ ти вопрошеннаго, то Богъ, видя твое усердіе, открыетъ ти самому. И паки рече, яко велія есть стремина и пропасть глубока писаній невѣденіе, веліе предательство спасенія, еже не вѣдети отъ божественныхъ законовъ. Сіе и ереси породило есть, сіе и житіе растлѣнное введе, сіе и горнее долу сведе. Той же Іоаннъ Златоустый, въ бесѣдахъ на первое посланіе къ Тимоѳею, пишетъ, яко самомнѣніе раждаетъ невѣденіе. Въ предисловіи-жъ Павловыхъ посланій Златоустъ святый пишетъ сице: откуду безчисленная злая прозябоша? Явѣ есть, яко отъ неразумія писаній; отсюду бо прозябе ересь многопагубная: яко бо слѣпіи прямо ходити не могутъ, тако и неправо разсуждающіи писанія много понуждаются и часто согрѣшаютъ, аки во тмѣ вселютѣйшей шествуютъ.

Зри, православный христіанине, каково зло книжное недознаніе: книжный бо разумъ уподобися морстѣй глубинѣ. Того бо ради и древніи святіи отцы не вси быша довольни на разсужденіе книжное, но имъ же дано бысть отъ Бога, наипаче же кіи въ наукѣ книжныя премудрости разума достигоша. И того ради надобно со всеусердіемъ Бога молити о откровеніи сокровенныхъ писаній, и потомъ, по завѣщанію святаго Іоанна Златоустаго, поискать мудрѣйшаго разсудителя изъ ученыхъ людей, понеже простіи люди, кіи сложенія писаній не разумѣютъ, тіи и разсудити всесовершенно не могутъ. Зриши ли: егда каженникъ, путемъ ѣдучи, чтяше книгу Исаіи пророка и не можаше разумѣти напи-

---

[1]) *почитаніемъ*—въ кр. ред.

саннаго, Филиппъ же апостолъ по повелѣнію Духа Святаго прилѣпився колесницѣ, вопроси его, глаголя: разумѣеши ли, еже чтеши? Каженникъ же, аще и честенъ бяше и богатъ сый, обаче не устыдѣся рещи, яко не разумѣетъ чтомаго, и приложи рещи: аще кто не наставитъ мя, како могу разумѣти? И посадивъ съ собою святаго Филиппа въ колесницѣ, нача вопрошати его съ моленіемъ: о комъ пророкъ глаголаше? (Дѣян. VIII, 30).

Зрите вси каженниково смиреніе; аще и убогаго видѣ человѣка, прилѣпившася къ колесницѣ, не отринулъ его и не возгордѣвся предъ нимъ, но съ любовію его пріятъ за едино слово, еже рече: разумѣеши ли, еже чтеши? И аще бы и мы тако творили, о недоразумныхъ дѣлѣхъ и словесѣхъ вопрошали бы со смиреніемъ и моленіемъ, видя наше истинное желаніе и смиренное вопрошеніе, открылъ бы Богъ любо тому, егоже вопросилъ, любо и самому вопросившему. Азъ же зрю, яко въ насъ противно сему содѣвается; обыкли бо вопрашивать потаковщиковъ, иже согласно коегождо намѣренію будетъ разсуждати. И той разсудокъ гнилъ бываетъ, понеже Богъ разсыплетъ и кости человѣкоугодникомъ, а не то чтобы былъ той совѣтъ Богу угоденъ. Богу той совѣтъ угоденъ, аще отъ всего сердца возжелаеши здраваго разсужденія аще въ духовномъ, аще и въ житейскомъ; и вопрашивати годствуетъ не потаковщиковъ избирающе. И аще со всею любовію и усердіемъ вопросиши, самъ Богъ тутъ помогаетъ; а аще вопросиши токмо для лица, то тутъ Бога нѣсть, но къ таковымъ приступаетъ діаволъ съ своими разсудками. Паки, аще кто ти станетъ истинно сказывати противо твоего вопрошенія, а ты того его разсужденія не пріимеши, то гнѣвъ отъ Бога пріимеши, а аще же ктому еще и разсудителя твоего возненавидиши, то никогда никаковыя истины познать не возможеши и Божія благодати обрѣсти ти будетъ не возможно: отъ та-

ковыхъ бо благодать Божія отъемлется, и оставляется той домъ пустъ, пометенъ и празденъ; и въ таковый пустый домъ вселяется діаволъ и вводитъ таковыхъ во многопагубныя ереси. Апостолъ Павелъ не повелѣваетъ мудрымъ быти о себѣ. И паки рече: никтоже себя да прельщаетъ; аще кто въ васъ мнится мудръ быти въ вѣцѣ семъ, буй да бываетъ. И паки въ томъ же посланіи рече, глаголя: отъ наю научитеся не паче написанныхъ мудрствовати, да не единъ по единому возгордится на другаго. И паки той же святый Павелъ глаголетъ: аще кто мнитъ себе быти что, ничтоже сый.

Православніи христіане! Время намъ, зря на сія апостола Павла словеса, отъ самоумничанія престати и къ здравому разсужденію людей разумныхъ пристати, и всякой вещи совѣтъ творити правый, а не самоумный. Но всегда надобно намъ божественная писанія разсуждати съ добрыми людьми, кіи не враждуютъ на матерь свою, святую церковь Христову, а ежебы единому особно отнюдь не умствовати. И Господь Богъ глаголетъ: аще два или три собрани о имени Моемъ, и тамо обѣщася Господь посредѣ ихъ быти. Зрите сей Господенъ глаголъ и внемлите, рече бо Господь: аще собрани о имени Моемъ,—и собраніе являетъ постороннихъ людей, а не единыя келліи. И намъ надобно, аще о имени Божіи собраніе чинить, надо разныхъ лицъ, разумныхъ людей и ученыхъ собирать, то между такова собранія посредѣ будетъ Богъ и поможетъ въ совѣтѣ томъ. А если же собраніе будетъ подъ именемъ Божіимъ, якоже раскольницы чинятъ собранія единомышленниковъ своихъ, извѣтомъ, якобы на дѣло божественное снидутся и начнутъ совѣтъ творити о развращеніи святыя вѣры и о хулѣ на святыя церкви и на иныя святыни, тамо посредѣ ихъ возгнѣждается діаволъ со всѣмъ своимъ соборомъ и помогаетъ имъ хулу къ хулѣ прилагати. Егда бо жидове совѣтъ на Христа совѣщавали, былъ ли посредѣ ихъ Богъ? Ни, но посредѣ

ихъ былъ самъ сатана. Такожде бо и нынѣ, кіи человѣцы снидутся на хулу церкви, на хулу тѣла Христова, на хулу животворящаго креста и на иныя тѣмъ подобныя хулы, и ту, посредѣ ихъ, якоже и выше рѣхъ, бываетъ не Христосъ, но Христовъ противникъ, сатана, со всѣми своими силами. И того ради всѣмъ православнымъ христіаномъ надобно себя хранити, дабы на совѣтъ нечестивыхъ хульниковъ не внити. Тѣхъ бо и царь Давидъ блажитъ, кіи на совѣтъ нечестивыхъ не идутъ,—тѣмъ бо словомъ началъ и Псалтырь сочинять. Истинно истину святый Давидъ рекъ, яко блаженъ той человѣкъ, иже не иде на совѣтъ нечестивыхъ: вси бо тіи блаженни суть, иже не пріобщаются поповщиннымъ и безпоповщиннымъ и прочимъ, отщепившимся отъ святыя церкве, раскольникомъ; понеже тіи вси не на хвалу Божію сходятся, но на хулу; а о хулѣ уже извѣстно, еже та уда первая есть діаволя. И о хулѣ довольно бесѣдовахомъ въ первой главѣ книги сея, и аще кто хощетъ о хулѣ вѣдати, и той зри тамо. Нынѣ же подобаетъ намъ на предреченная обратитися. Истину бо святый Іоаннъ Златоустый написа, яко велія стремина и пропасть глубока, еже не разумѣти писаній, и веліе предательство спасенія, еже не вѣдети отъ божественныхъ законовъ,—сіе и ереси породило есть.

О великій свѣтильниче, святый Іоанне Златоустый, всея вселенныя учитель! Кто тя научи сице пророчески написати? Явѣ есть, яко самъ животворящій Духъ сіе тебѣ открылъ. Истинно бо, вся ереси и хуленія на Бога и на святую Его церковь израстоша отъ неразумія писаній; аще бы наши россійстіи раскольницы разумѣли писанія, то не бы дерзнули на святую церковь и на Духа Святаго хулу изнести. Истинно, по твоему, святый Златоусте, изреченію, стремина велика и пропасть глубока, еже не разумѣти писаній: вси бо людіе погибаютъ и въ бездонную пропасть впа-

дають отъ неразумія писаній [1]). И сего ради мы, оставльшееся малое стадо, молимъ тя, Христе Боже нашъ, отверзи намъ очи наши умныя, да возможемъ святая Твоя писанія ясно зрѣти и силу въ нихъ написанную разумѣти и Тебя, Господа Бога, со Отцемъ и Духомъ Святымъ славити во вѣки вѣковъ! Аминь.

---

[1]) Этими словами оканчивается XIX глава въ краткой ред.

О сложеніи перстовъ.

Глава XVIII[1].

[2]) Яко обычай есть рыбаремъ, ради уловленія рыбъ, ввергати въ море удицы ловительныя, и тѣ удицы прикрываютъ смиреннымъ червемъ, и тако хитро предлагаютъ предъ рыбу пищу лестную, и рыба, не вѣдая въ томъ червѣ сокровенныя удицы, поглощаетъ червя, а съ червемъ поглощаетъ и удицу, мня въ томъ червѣ пріобрѣсти себѣ пищу, и тако прельстився, вмѣсто пріобрѣтенія пищи, сама подавшему ей червя пищею бываетъ, — подобно тому и діаволъ творитъ. Ибо, въ началѣ всякаго отступленія отъ правовѣрія христіанскаго въ расколъ. яко уду, ввергаетъ въ житейское море двоперстное сложеніе къ воображенію на себѣ крестнаго знаменія, и то двоперстное сложеніе прикры, яко червемъ, извѣтомъ благочестія. И егда кіи люди, возмнѣвъ въ томъ сложеніи получити себѣ пріобрѣтеніе пользы, треперстное сложеніе, издревле узаконенное, отвергнутъ и тому его діаволю подлогу повинутся, тогда онъ, діаволъ, тѣхъ поглотившихъ ту его сокровенную удицу, то есть, двоперстное сложеніе иже пріимутъ за благочестіе, уловляетъ во свою волю

---

[1]) Въ краткой редакціи—глава XX.

[2]) Въ краткой ред. этотъ трактатъ опущенъ.

и влечетъ, амо восхощетъ, и всю свою волю въ тѣхъ двуперстникахъ исполняетъ, умъ у нихъ помрачаетъ и ничего право зрѣти не допускаетъ. Вся бо правая дѣла имъ зрятся крива и вся святыни имъ видятся кляты, а проклятыи дѣла зрятся имъ святы,—и въ томъ двуперстнаго сложенія уловленіемъ діаволу пищею бываютъ.

Въ книзѣ бо Кирилла Іерусалимскаго написано, яко въ преніи благочестивый грекъ римскому кардиналу Азимиту рекъ: почто не сгибаеши три персты и крестишися десною рукою, егда полагаеши на челѣ своемъ, и не одѣваешися оружіемъ креста Господня, но твориши обоими персты, то есть двоперстнымъ сложеніемъ? А наши раскольницы, кіи пріяша на ся двоперстное сложеніе, держатъ себѣ за великій догматъ и глаголютъ, якобы безъ двоперстнаго сложенія и спастися человѣку не возможно. А и по Кирилловѣ книгѣ явно есть, яко троперстное сложеніе древнее преданіе есть, а не новостное изданіе и не Никонъ патріархъ сіе преданіе уставилъ. Азъ бо, аще и грѣшенъ есмь паче всѣхъ человѣкъ и въ суетствіи велицѣмъ житіе свое провождаю, обаче любитель есмь правды, и видя правду отвержену и попрану, возжелахъ ю возновити и православнымъ христіаномъ, елико Богъ даровалъ есть, объявити. Буди всѣмъ сіе извѣстно, еже и азъ изначала хромахъ недугомъ раскольничи болѣзни и знаменахся двоперстнымъ сложеніемъ; но не мудрствовахъ тако, яко всесовершенніи раскольницы мудрствуютъ, глаголя, якобы въ томъ ихъ двоперстномъ сложеніи все спасеніе, и тако мудрствуя все свое спасеніе заключаютъ въ сложеніи перстовъ. И азъ, слышахъ отъ нихъ таковая словеса, мнѣ[1]) то и правда и надѣяхся тому быти преданію древнему; но Богъ не остави мя въ невѣденіи быти:

[1]) *мнѣхъ*—въ краткой редакціи.

ибо, по смотрѣнію Божію, вологжанинъ, посадской человѣкъ, житія моего [1]) имый вящши штидесяте лѣтъ, до московскаго мороваго повѣтрія родивыйся лѣтъ за двадцать, зовомый Сергій, по прозванію Патрикіевъ, рече о себѣ, глаголя: азъ на своемъ роду въ сложеніи перстовъ третію перемѣну [2]): изъ младенчества моего отецъ мой и мати учили меня креститися тремя персты, то есть треперстнымъ сложеніемъ; а не задолго мороваго повѣтрія стали учить меня снова, еже бы двомя персты креститися; а нынѣ-де паки велятъ по прежнему креститися тремя же персты. И я, то слово слышавъ, много увѣрихся, яко то есть правда, понеже той человѣкъ не книгочей и не спорщикъ, но самый мужъ правдивый и постоянный, не краснословъ и ни отъ кого о семъ не наученный, но отъ самаго простаго сердца ту истину изъяви, не по вопрошенію какому, но по разглагольству между иными глаголы просто. И я, то слышавъ, вельми обрадовахся, ибо бысть мнѣ оно весьма имовѣрно. И по Божію изволенію, а не по моему хотѣнію, не по мнозѣ времени учинися у меня о сложеніи перстовъ разглагольство, и въ томъ разглагольствѣ сталъ я сказывати то, еже слышахъ отъ того вологжанина; и новгородецъ, посадской человѣкъ, нарицаемый Ѳеодоръ, по прозванію Ташлыковъ, имый отъ рожденія своего вящши семидесяти лѣтъ, того вологжанина старѣе лѣтъ десятью или и вящши, то мое слово слышавъ, рече: то-де правда, и мы-де со младенчества учены были креститися тремя же персты. И то я слово слышавъ, наипаче увѣрихся, яко то есть самая правда. А по Господню словеси, двумъ свидѣтелемъ повелѣно вѣрити. И та бесѣда моя и разгла-

---

[1]) *своего*—въ кр ред.

[2]) *нажилъ*—кр. ред.

гольство мое было не нынѣ, но близь двадесяти [1]) лѣтъ уже прейде.

[2]) А нынѣ слышалъ я, что есть въ дальнихъ городахъ отъ Москвы и много таковыхъ стариковъ, еже памятствуютъ о семъ, яко изстари знаменалися вси въ Россіи треперстнымъ сложеніемъ; токмо азъ въ лице ихъ не видѣ и словесъ отъ нихъ никаковыхъ не слышахъ. Обаче, аще и самое сіе древнее преданіе, еже знаменатися тремя персты, но за преумноженіе отъ діавола испущенныхъ въ міръ лжеучителей, изсяче отъ народа треперстное сложеніе; вси бо простіи народи сложилися на многословіе раскольниче: за древнее преданіе пріяша двоперстное сложеніе, мня, по ихъ раскольничу многолживому ученію, въ томъ двоперстномъ сложеніи спасенію быти. И тако бѣдные, отъ невѣденія своего, идутъ въ вѣчную погибель.

И аще кто речетъ, яко азъ сіе извѣстіе о вышеупомянутыхъ двухъ свидѣтелехъ вписахъ своимъ вымысломъ, а не истинно отъ нихъ глаголъ той изыде, да пріиму я часть со лженачальникомъ діаволомъ въ вѣчномъ мученіи. И потому ближнему и достовѣрному свидѣтельству явѣ есть, яко треперстное сложеніе въ Россіи не отъ Никона патріарха началося быти, но издревле. Да и по сему не Никоново сіе законоположеніе, зане вси православніи народы—греки, сербы, волохи, мылтане, молдавы, грузинцы, меретійцы и малая Россія, кіевляне и вси черкасы и въ венецейстѣй землѣ обрѣтающіися благочестивыя вѣры христіаны—вси единоравно и неизмѣнно изъ самыя застарѣлости знаменуются треперстнымъ сложеніемъ. А двоперстнымъ сложеніемъ знаменуются токмо отпадшіи отъ правовѣрія еретицы армени да наши

[1]) *пятинадесяти*—въ кр. ред.

[2]) Этотъ трактатъ въ краткой редакціи опущенъ.

россійстіи раскольницы. А римляне токмо отчасти нѣкоторые знаменуются двуперстнымъ сложеніемъ [1]).

И по всему сему явѣ есть, яко въ нашу Россію сей плевелъ всѣялъ нѣкто врагъ въ негораздо давныхъ лѣтѣхъ. А по сему явѣ есть, яко издревле въ Россіи знаменалися съ прочіими православными странами единогласно тремя персты. Да и нельзя было издревле не тремя персты знаменатися, понеже наша Россія пріяла святое крещеніе отъ грекъ, а не отъ арменъ; а греки вси неизмѣнно знаменуются треперстнымъ сложеніемъ и до нынѣ, а двоперстнаго сложенія во грекахъ не обрѣтается. И по сему всему лгутъ раскольницы, сказующе, якобы то древнее преданіе, еже знаменатися двоперстнымъ сложеніемъ; но по многимъ свидѣтельствамъ явѣ есть, яко самое то древнее преданіе, еже знаменатися православнымъ христіаномъ треперстнымъ знаменіемъ. И сему древностному преданію, еже у насъ въ Россіи изстари знаменалися людіе треперстнымъ сложеніямъ, а не двоперстнымъ, свидѣтельствуетъ и служебникъ московскаго митрополита Θеогноста, породою бывша грека, иже былъ на Москвѣ послѣ Петра митрополита, въ лѣто 6836; и тому времени прейде уже близъ четырехъ-сотъ лѣтъ, и явѣ есть, яко еще Никонъ патріархъ въ то время и не родился. И въ томъ Θеогностовѣ заручномъ служебникѣ о семъ явѣ написано, яко благочестивымъ христіанамъ подобаетъ знаменати на себѣ крестное воображеніе треперстнымъ сложеніемъ. И аще кто не имѣтъ ми вѣры о семъ, той да

---

[1]) Тутъ оканчивается параллельный текстъ этой главы въ обѣихъ редакціяхъ. Все обширное продолженіе XVIII главы въ полной редакціи съ пятью нижеслѣдующими статьями (четыре Бесѣды и Совѣтъ) въ краткой редакціи замѣнены небольшимъ разсужденіемъ на 218—220 страницахъ.

идетъ въ книгохранительницу патріаршую и тамо да видитъ ту сущую книгу, и написанная въ ней ясно да зритъ своима очима, и да не не вѣритъ сему. И той служебникъ по листамъ бѣ закрѣпленъ рукою самого митрополита Ѳеогноста. И аще восхощеши, то узриши тамо и литургисаніе на пяти просфорахъ сущее, а не на седьми. И тако увѣришися о всемъ, яко вся нынѣ дѣйства совершаются по древнему преданію, а не новымъ каковымъ изданіемъ.

И аще кто сему таковому явному и достовѣрному свидѣтельству не имать вѣры, той никаковому древнему писанію не поиметъ вѣры. Тому и вся божественная писанія древняя явятся тмою, но токмо свѣтомъ ему зрятся раскольничи изданія и іосифовскія печатныя книги, еже о вѣрѣ изъ Слѣдованныя псалтири въ коихъ напечатанъ плевелъ о двуперстномъ сложеніи; а въ кіихъ плевела того книгахъ нѣтъ, тѣ книги вся позрятся ему тмою. И таковый человѣкъ явѣ есть, яко во тмѣ вселютѣйшей жительствуетъ, а свѣта истины видѣти не хощетъ. Мнѣ бо сіе не вельми есть дивно, еже кто отъ невѣденія или отъ безумія своего двоперстнымъ сложеніемъ по еретическому знаменуется; но мнѣ сіе ихъ безуміе вельми дивно, еже то двоперстное сложеніе за догматъ вѣры себѣ пріемлютъ и глаголютъ: аще кто тремя персты знаменатися будетъ, той погибнетъ и спастися уже не можетъ. А гдѣ такое мудрованіе взяли, про то и сами не вѣдятъ и сказати не умѣютъ. И я признаваю по силѣ того дѣла, что научилъ ихъ тому мудрованію адскій философъ діаволъ, дабы тѣмъ православныхъ христіанъ устрашити. И глаголютъ, яко токмо тіи и спасутся, кіи двомя персты знаменуются. И сіе мочно и самому простцу разумѣти, еже единымъ сложеніемъ перстовъ не возможно человѣку спастися. И аще по ихъ раскольничу блядословію токмо

единымъ сложеніемъ перстовъ человѣцы спасаются, то армены вси отъ мала и до велика во царство небесное идутъ, да вкупѣ съ ними они, наши раскольницы; а кіи во благочестивой вѣрѣ стоятъ неподвижно, вси вышепомянутые народы и елико отъ начала проповѣди апостольской было правовѣрныхъ христіанъ по всей вселеннѣй, потому ихъ злодышущему хуленію, вси внидоша во адъ, понеже вси тіи народы тогда знаменалися и нынѣ знаменуются неизмѣнно треперстнымъ сложеніемъ. О, безумія великаго, о всепагубнаго мудрованія! Како тако обезумилися есте, еже единымъ токмо сложеніемъ перстовъ хощете внити во царство небесное! А кіи догматы отъ святыхъ апостолъ и намѣстниковъ ихъ уставлени, безъ нихъ же во царство небесное внити не возможно, отвергосте и ногама своима попрасте.

И по таковому вашему безумію, и святіи отцы вси, яко палестинстіи, тако и наши россійстіи, царствія Божія не наслѣдиша, за еже вси они знаменалися треперстнымъ сложеніемъ. И тому ихъ треперстному сложенію явное есть свидѣтельство—вышеписанное греково преніе со Азимитомъ, иже являетъ любимая ваша книга Кирилла Іерусалимскаго и служебникъ блаженнаго Θеогноста митрополита московскаго, понеже той Θеогностъ былъ воспреемникъ россійскаго престола по Петрѣ митрополитѣ. А послѣди его Θеогноста воспріялъ престолъ московскія паствы святый Алексій митрополитъ и чудотворецъ. И той святый Алексій митрополитъ и прочіи святіи вси знаменалися не инымъ каковымъ сложеніемъ перстовъ, точію треперстнымъ; понеже въ та лѣта былъ на россійскомъ престолѣ Θеогностъ митрополитъ, и служебникъ за рукою своею остави послѣдствующимъ по немъ митрополитамъ и всѣмъ намъ во благочестіи сущимъ, и для неподвижности той служебникъ закрѣпилъ по листамъ

своею рукою, дабы кто чего по немъ не измѣнилъ. А святый Алексій митрополитъ былъ у того Ѳеогноста судіею духовныхъ дѣлъ 12 лѣтъ и три мѣсяцы, и той служебникъ подписанъ при немъ, Алексіѣ митрополитѣ, и аще бы той служебникъ былъ въ чемъ порочѐнъ или въ чемъ бы былъ противенъ святѣй церкви, то бы святый Алексій истребилъ его.

Бесѣда первая къ отпадшимъ отъ благочестія.

Посмотрите на себя вси отпадшіи отъ святыя церкве, въ каковое безуміе отъ упорства своего впадосте, еже всѣхъ святыхъ оглаголуете и отъ наслѣдія царства небеснаго отрицаете ихъ. По вашему бо суемудрію, токмо вы со армены спасетеся и во царство небесное идете, а прочіи вси, во благочестіи живущіи, погибаютъ. О, бѣдные, бѣдные суеумы, кто бо можетъ безуміе ваше изслѣдити? Вся заповѣди Божія и святыхъ отцевъ преданія отвергосте и попрасте и единымъ токмо сложеніемъ перстовъ хощете во царство небесное внити. На что бо сего вашего безумнѣе? Господь рекъ: аще кто не родится водою и духомъ не внидетъ во царство небесное, а лжеучители ваши и вы глаголете, яко аще кто не крестится двоперстнымъ сложеніемъ, той не внидетъ во царство небесное,—Божіе бо повелѣніе отвергосте и попрасте, да свои нововымышленныя заповѣди издасте. Безпоповщенники бо ваши и моисеевщинники и инѣхъ многихъ вашихъ раскольничихъ законовъ крещеніе святое весьма отвергоша и не крестившися хочутъ во царство небесное внити, за еже двоперстнымъ сложеніемъ знаменуются. И сіе сами вы себѣ разсудите: не самый ли адскій демонъ научи васъ сему, еже

вся заповѣди Божія отвергши, да хощете внити двоперстнаго ради сложенія во царство небесное!

Ей, такъ вы обезумились, что никто отъ прежде бывшихъ еретиковъ не изобрѣлъ такова близкаго пути до царства небеснаго, еже вы изобрѣтосте, иже за одно токмо сложеніе двухъ перстовъ входите во царство небесное. Азъ же вамъ реку, яко прельстилъ васъ діаволъ симъ ложнымъ догматомъ. О семъ себѣ вѣдите, яко сложеніемъ перстовъ не токмо двухъ, но и трехъ, не внидете во царство небесное; не есть бо догматъ сложеніе перстное, но токмо христіанскій обычай. А аще бы въ сложеніи перстовъ былъ каковый догматъ, то бы подтвердили его соборнымъ свидѣтельствомъ на вселенскихъ или на помѣстныхъ соборахъ. Паки и сего ради на соборѣхъ ни малымъ чимъ не подтвердили, понеже тогда еще сія ересь арменская не произникла, но вси тогда армeня и римляна и италіане и вси нѣмецкіе народы были во единогласіи и знаменалися вси единымъ токмо треперстнымъ сложеніемъ, и того ради и не было тому треперстному сложенію подтвержденія. Вси бо, яко армeня, тако и римляне и лютеране и кальвины отъ благочестія отпадоша, тогда и сложеніе перстовъ овіи измѣниша, а иніи и весьма не токмо сложеніе перстовъ, но и вообраafженіе на себѣ крестнаго знаменія отвергоша и вся церковная преданія, якоже и вы, измѣниша.

Паки вамъ глаголю: не безуміе ли ваше сіе? Господь глаголетъ: покайтеся, приближибося царство небесное, а вы то повелѣніе Господне отвергосте, и, не покаявшися о грѣхахъ своихъ, хощете чисти быти отъ грѣховъ своихъ единымъ токмо двоперстнымъ сложеніемъ? И паки, Господь глагола: ядый Мою кровь во Мнѣ пребываетъ и Азъ въ немъ, и воскрешу его въ послѣдній день (Іоан. VI. 54, 55), а вы и

то Господне повелѣніе и не токмо повелѣніе, но и законоположеніе Его отвергосте и ногама своима попрасте, и не сами токмо едини, но и инѣмъ возбраняете съ великимъ запрещеніемъ, дабы никто отъ человѣкъ, сущихъ на землѣ, не причащался тѣла и крови Господней. И тако злѣ блядословите, якобы аще кто причастится тѣла Христова, той погибнетъ вѣчною погибелію. И сіе такое самое великое и главнѣйшее дѣло, отъ Самого Бога узаконенное, отвергосте,— то како введетъ васъ во царство небесное двоеперстное сложеніе ваше? Ни, ни, не льстите себя! Погибельное бо сіе ваше мудрованіе, понеже не отъ Бога взясте, ниже отъ апостоловъ или отъ святыхъ отцевъ и учителей церковныхъ, но токмо отъ единыхъ арменъ. А еже въ томъ своемъ сложеніи положили есте спасеніе паче всѣхъ спасеній, и тому научи васъ самъ діаволъ, понеже въ томъ двоперстномъ сложеніи есть грѣхъ смертной, и сокровена въ немъ ересь, проклятію подлежащая. Того бо ради діаволъ и научи васъ, и тверждаетъ васъ въ той двоперстности неуступно стояти, заеже онъ симъ подлогомъ, яко удою потаенною, великое множество людей Божіихъ отъ благочестія отвлекаетъ и въ погибель низводитъ. Вѣдаетъ бо діаволъ, въ чесомъ ему есть прибытокъ, на то послушниковъ своихъ и поущаетъ.

Никто бо не вѣсть о васъ, коего духа есте, еже вся заповѣди Божія, во царство небесное ведущія, отвергосте и съ каломъ смѣсисте, да хощете единымъ сложеніемъ двухъ перстовъ во царство небесное внити. Ей, сами вы о себѣ не вѣсте, еже вы отъ безумнаго своего упорства бредите. Зрите, что о таковыхъ Господь Богъ глаголетъ, иже отъ заповѣдей Его удалишася; рече бо: всуе Мя чтутъ сіи людіе; устами бо мя чтутъ, сердце же ихъ далече отстоитъ отъ Мене. Оставльше бо заповѣди Божія, держите

преданія человѣча. Видите ли, коль ясно Господь о оставльшихъ заповѣди Божія, держащихъ же заповѣди человѣческія, изъяви. Не о васъ ли глаголъ сей изрекъ Господь? Ей, о васъ: вы сложеніе перстовъ за великій себѣ законъ держите; а о семъ, чаю, и сами вы не вѣсте, еже не отъ Бога сію заповѣдь пріясте, но своимъ вымысломъ сію себѣ заповѣдь избрасте; а Божіи заповѣди вся отъ себя отвергосте, якоже о томъ выше речеся, и вмѣсто Божіихъ заповѣдей держитеся заповѣдей и преданія человѣческаго, еже есть къ воображенію на себѣ креста Господня держите двоперстное сложеніе, и то есть преданіе человѣче, а не Божіе. И тѣмъ своимъ человѣческимъ преданіемъ, изложеннымъ отъ еретиковъ, хощете внити во царство небесное!

И въ помощь тому еретическому преданію пріясте четыре преданія отъ адскаго начальника, реку, отъ діавола изданная: первое діаволе преданіе—хуленіе на Духа святаго и на тѣло Христово и животворящую Его кровь и на всечестный крестъ Господенъ и на вся святыни, святящія человѣкъ. Второе діаволе преданіе, еже есть къ тому своему хуленію приложисте ругапіе, дабы не просто тыи святыни хулились, но и обруганы бы были. Третіе діаволе преданіе—осужденіе, имъ же всѣхъ, во православіи стоящихъ, всѣхъ отъ мала до велика, кіи къ вашему зловѣрію не присташа и держатся святыя церкве, осуждаете. Четвертое діаволе преданіе—ложь, ей же начальникъ и отецъ есть діаволъ; и того ради, что ни глаголете, то все лжете. О сихъ вашихъ діаволу присутствующихъ добродѣтеляхъ писахъ довольно въ началѣ книги сея. И четыре свои добродѣтели душепагубныя приложа къ двоперстному сложенію, безъ покаянія и безъ причащенія тѣла и крови Христовы, хощете внити во царство небесное. Азъ вамъ глаголю: худа ваша надежда, худши бо паучинныя сѣти!

И аще восхощете надежду свою—двоперстнаго сложенія—освидѣтельствовати, то инамо не обрящете, токмо у отпадшихъ отъ благочестія, реку у арменъ; да развѣ нѣтъ ли каковаго свидѣтельства и у римлянъ, понеже и у нихъ нѣціи знаменуются двоперстнымъ сложеніемъ. А во благочестивыхъ христіанахъ во всѣхъ странахъ таковаго мудрованія еже бы двоперстнымъ сложеніемъ тако мудрствовали, якоже вы мудрствуете, нѣсть и не бывало. А изъ васъ мнозіи невѣгласи за двоперстое сложеніе и измроша,—а то забыли, еже святый апостолъ Павелъ написа, яко аще кто не законно мученъ будетъ, не вѣнчается.

И нынѣ паки вопрошаго васъ, скажите ми: откуду вы таковую надежду взясте, еже паче всѣхъ добродѣтелей и паче Господнихъ заповѣдей исправленія хощете двоперстнымъ сложеніемъ внити во царство небесное, и за то сложеніе и умираете? Не діавольская ли сія есть въ васъ блазнь? Се бо не токмо въ Господнихъ заповѣдехъ, но ниже во отеческихъ обрящете, еже бы каковымъ сложеніемъ перстовъ мочно было человѣку спастися. Гдѣ вы умъ свой подѣли? Уже бо чего во святомъ писаніи во спасеніе человѣче не положено отъ святыхъ отцевъ, то нечего о томъ безъ ума суетитися и людей Божіихъ въ соблазнъ приводити. Лучшее бо ваше утвержденіе—іосифовскія псалтири, идѣже въ предисловіи написано, яко бы подобало знаменатися двоперстнымъ сложеніемъ; и вы первѣе посмотрите основанія того изложенія аще кто изъ васъ имѣетъ книжный разумъ, то есть книжнаго сочиненія силу, то той узритъ, яко и той слагатель началъ писати здраво, якоже и подобаетъ, но совершилъ противно своему началу. Началъ бо онъ писать о нераздѣльной и единосущнѣй Троицѣ, глаголя, яко въ знаменаніи на себѣ креста совершается великая тайна: Святая единосущная и нераздѣлимая Троица Отца и Сына и Святаго Духа про-

славляется; и въ подтвержденіе тому тречислію приложено, яко и во святомъ крещеніи треми въ воду погруженьми тридневное Христово погребеніе и воскресеніе показуется. И по сему основанію всякъ, имѣяй разумъ, зри несмеженныма очима, яко свойственно есть то реченіе треперстному, а не двоперстному сложенію, понеже единосущіе Святыя Троицы прообразуетъ треперстное сложеніе, а не двоперстное.

И по слогу того начала явѣ есть, яко писалъ сіе изложеніе самый человѣкъ благочестивый; но нѣкто къ тому основанію лжетворецъ приложилъ отъ себя, якобы подобаетъ знаменатися двоперстнымъ сложеніемъ, а Святую Троицу повелѣлъ прообразовать не единосущну и не единоравну; и тѣмъ онъ вмѣсто почитанія Святыя Троицы явилъ безчестіе. И то стала самая ересь, проклятію подлежащая, заеже повелѣлъ начальнѣйшій палецъ, преминувъ два великіе персты, пригнуть къ самымъ малѣйшимъ перстамъ. И таковымъ онъ умствованіемъ явилъ Святую Троицу раздѣльну и не равну. Сіе бо всякій человѣкъ можетъ разумѣти: какое равенство великаго пальца съ мизинцемъ и какое тое единосущная, еже, два великіе персты преминувъ, да совокуплять съ мизинными персты? А въ началѣ того вышеявленнаго изъявленія написано ясно, яко знаменованіемъ на себѣ прообразуется образъ Святыя нераздѣльныя Троицы. И по сему явѣ есть, яко нѣкто былъ на печатномъ дворѣ лжетворецъ и примѣнилъ то троичное единосущіе къ двоперстному сложенію собою, да той своей лжи не умѣлъ утаити, понеже не измѣнилъ начала. А въ концѣ что онъ ни сбредилъ, да явѣ его бредню обличаетъ того изданія начало: начало бо сочинено свято, окончаніе же сочинено клято; и тако стало быть то изложеніе развратно. И сіе развратство разумный человѣкъ всякій можетъ разобрать, а безумный и безсмыс-

ленный ничего сего разумѣти не можетъ, но что лжеучители изрекутъ, тому и вѣритъ, а лежащія въ Божественномъ писаніи никаковыя силы не разсмотряетъ.

Паки въ тойже псалтири напечатано, яко и Максимъ Грекъ тожде рекъ, глаголя, яко знаменованіемъ честнаго креста все вкупѣ благовѣрія таинство учитъ ны исповѣдывати таинственно, глаголю же, самую Святую и покланяемую Троицу. И то явѣ есть, яко той Максимъ Грекъ о треперстномъ же сложеніи, а не о двоперстномъ изъяви, понеже рекъ, яко воображеніе крестнаго знаменія таинственно учитъ ны, то есть сложеніемъ треперстнымъ, проповѣдати самую Святую и покланяемую Троицу. А той же лжетворецъ приложилъ къ его максимовымъ правымъ словесемъ, якобы подобаетъ прообразовати Святую Троицу не единоравными персты, якоже и выше речеся. Паки той же лжетворецъ приличилъ къ тому двоперстному сложенію Мелетія епископа антіохійскаго, еже онъ преніе имѣлъ со аріаны о единосущіи Святыя Троицы, и, проповѣдуя ту Святую Троицу, показалъ онъ распростерши три персты; и егда тіи три персты быша въ разни, не бысть знаменія, а егда ихъ совокупи, тогда изыде отъ руки его огнь, яко молнія. И то его треперстное совокупленіе приличаетъ той же лжетворецъ къ тому своему двоперстному сложенію: написа бо въ концѣ того изложенія, яко тако подобаетъ знаменатися, и приложи рещи, яко такова сила сложенія перстовъ. И то той, аще и лжетворецъ былъ, обаче и не хотя истину изрекъ, глаголя, яко такова сила треперстнаго сложенія, еже изыде отъ совокупленія ихъ огнь, яко молнія. И то его Мелетіево совокупленіе тріехъ перстовъ вельми подкрѣпи треперстное сложеніе, а къ двоперстному сложенію ни малымъ чимъ то его Мелетіево сложеніе перстовъ не приличилось. Аще бо у него и не о

сложеніи перстовъ было слово, обаче всѣмъ намъ, православнымъ христіанамъ, свойственно есть то его Мелетіево треперстное сложеніе имѣти къ воображенію на себѣ честнаго креста, понеже свято есть совокупленіе тріехъ первыхъ перстовъ и отъ Самого Бога чуднымъ знаменіемъ оно утверждено есть. А васъ не діаволъ ли научи сему, еже то святое треперстное сложеніе и чуднымъ знаменіемъ засвидѣтельствованное нарицати антихристовою печатію? А откуду то свое безумное и богопротивное мудрованіе взясте, того и сказать не знаете, но яко во снѣ бредите.

Паки и сіе не бредня ли ваша, еже и вы, тому творцу послѣдуя, то Мелетіево показаніе и сложеніе тріехъ перстовъ прилагаете къ своему двоперстному сложенію, и суемствующе въ сложеніи перстовъ своихъ являете три ереси великія, развращающе и снижающе Святую Троицу. Первая ересь, еже учинисте во Святѣй Троицѣ раздѣленіе, заеже Троицу числите не рядомъ первыми персты, но минуете два перста, великосредній и указательный,—и раздѣлисте Святую Троицу. Вторая ересь, еже единоравенство отъ нея отъясте, ибо большой палецъ совокупляете съ самыми послѣдними мизинными персты,—и тако исповѣдуете не равну и не единосущну Святую Троицу. Третія ересь, еже тѣмъ своимъ мудрованіемъ проповѣдуете два сына: единаго во двухъ перстѣхъ, а другаго въ тріехъ перстѣхъ сказующе. И еще же и по сему то ваше мудрованіе святѣй восточной церкви не противно ли, понеже вы тѣмъ своимъ сочиненіемъ перстовъ прообразуете вмѣсто Троицы четверицу: ибо сказуете въ большомъ пальцѣ прообразованіе ѵпостаси Отчи; подлѣ же того пальца, во указательномъ перстѣ, сказуете божество, въ великосреднемъ же перстѣ сказуете человѣчество, въ безъименномъ же сказуете прообразованіе Сыновни ѵпостаси, а въ мизинцѣ

исповѣдуете третія ѵпостаси прообразованіе Духа Святаго,— и тако проповѣдуете четверицу, а не Троицу. И вы, аще кіи имѣете въ себѣ разумъ, посмотрите явно на тотъ свой новоизданный догматъ: не самая ли ересь, еже божество Святыя Троицы отлучили во особность и человѣчество отъ Сыновни ѵпостаси во особность же; а по истинному благочестію, божество неразлучно есть во Святѣй Троицѣ и никогда отлучитися во особность не можетъ, но тріѵпостасно есть, и ниже человѣчество можетъ отъ Сыновни божественныя ѵпостаси разлучно быти, но вся вкупѣ суть. А въ православномъ сложеніи тріехъ перстовъ вся та заключаются неразлучно и несліянно и единоравно. И аще кто и поищетъ въ треперстномъ сложеніи каковыя любо вины, не обрящется. Самъ бо Богъ въ томъ треперстномъ сложеніи опочиваетъ, яко бо въ совокупленіи тріехъ человѣкъ Господь обѣщася быти, аще на добро совѣщаются. Подобно и въ совокупленіи тріехъ перстовъ Господь имать быти, понеже сложени суть персты на воображеніе святаго крестнаго знаменія, а не на злое какое дѣло. А въ двоперстномъ сложеніи не ересь ли и сіе, еже почтосте человѣчество высши Сына Божія и Духа Святаго, за еже человѣчество исповѣдуете въ великосреднемъ перстѣ, а Сыновнюю ѵпостась въ безъимянномъ перстѣ, то есть въ мизинцѣ? И по тому вашему безумію сталъ быть Сынъ Божій и Духъ Святый хуждши человѣчества.

И сего ради сами ся осмотрите и то свое двоперстное сложеніе еретическое, понеже все оно наполнено еретичества. Тотъ токмо не согрѣшитъ, кто не вѣдая имъ знаменуется и ничтоже мудрствуя. Въ православной благочестивой вѣрѣ таковаго мудрованія нѣсть, еже бы отъ Святыя Троицы божество было особно или бы человѣчество отъ Сыновни

ѵпостаси особно, но идѣже речется Святая Троица, ту и божество, ту и человѣчество. Божество никогда отъ Святыя Троицы не отлучается, ниже человѣчество отъ Сына Божія, но Троица есть Богъ и Богъ есть Троица. А вы въ томъ своемъ сложеніи перстовъ божество отлучили отъ Троицы и человѣчество отъ Сына Божія.

А и въ семъ худа ваша правда, еже вы умствуете о сложеніи двухъ перстовъ, прилагающе имъ таинство двухъ естествъ въ Христѣ сущихъ, понеже Христосъ отъ двухъ естествъ бысть единъ. Божество бо, совокупився съ человѣчествомъ, никогда разлучитися не можетъ, а два персты единымъ же перстомъ быти не могутъ, но овогда они вкупѣ, овогда же и разно бываютъ. И того ради вельми не свойственно есть двомя персты божество и человѣчество исповѣдывати.

Вся бо ваша о сложеніи перстовъ мудрованія вельми богопротивна суть и душепагубна. Вы превысшили своимъ мудрованіемъ арменъ; тіи бо аще и отпадоша отъ восточныя церкве, а въ сложеніи перстовъ таковаго еретичества не имѣютъ, каково вы сочинили. Тіи бо просто двомя персты знаменуются, прямо ихъ держаще, а равночестія троичнаго не развращаютъ, ни четверицы вмѣсто Троицы не исповѣдуютъ, и божества отъ Святыя Троицы, ни человѣчества во особность не отдѣляютъ. Азъ не вѣмъ, откуду толико ересей въ сложеніе перстовъ собрали есте и на Святую Троицу очевидно возстасте и разными развраты ю развратисте. И таковымъ великимъ еретическимъ развратомъ хощете спасеніе себѣ получити; тако сами погибаете и инѣхъ за собою понуждаете. Сицеваго бо еретичества ни въ коихъ странахъ до вашея бытности не бывало. Нѣкто, вашея же чреды, до московскаго мороваго повѣтрія токмо начало учинилъ и въ печать внесъ, и въ свидѣтельство тому двоперстному сложенію напечаталъ вышепомянутую исторію святаго Мелетія и иже Божіимъ про-

мысломъ сотворися чудо удивительное въ совокупленіи тріехъ первыхъ перстовъ, приложивъ къ двоперстному сложенію. А иніи ваши учители, безумствуя, то чудо толкуютъ, глаголя: егда-де той Мелетій два перста—великосредній и указательный—совокупилъ, а палецъ пригнулъ къ мизинцу и къ безъименному, якобы отъ того совокупленія изшелъ огнь и еретики устрашилъ. А то мелетіево чудо ни по какому образу къ тому вашему двоперстному сложенію не прилично, но той сложитель лжи во псалтири отъ себя прирекъ о двоперстномъ сложеніи, яко тако подобаетъ православнымъ христіанамъ благословляти и креститися; а въ мелетіевѣ исторіи таковаго глагола нѣтъ и не бывало. И той плевелъ единъ человѣкъ своимъ умышленіемъ или діавольскимъ подущеніемъ въ печатныя іосифовскія книги вкинулъ, а нынѣ и соборнѣ того письма истребити не могутъ, понеже той непотребный плевелъ разсѣяся во вся страны россійскія и немѣрными дѣлы отъ раскольниковъ вкорененъ бысть. И діаволъ, вѣдая въ томъ сложеніи поруганіе Божеству и еже оно на пагубу человѣку, а не на спасеніе, того ради вельми послушниковъ своихъ принуждаетъ, дабы ни о чесомъ тако не подвизалися, яко о двоперстномъ сложеніи. И діаволя ради понужденія и поможенія, вельми вкоренися оно и ко истребленію вельми трудно есть. Уподобися бо сей плевелъ вверженному въ морскую глубину каменю, о немъ же въ народѣ есть пословица сицевая: аще и дуракъ ввержетъ въ глубину камень, то и множество умныхъ нескоро вынутъ. Тако бо и сей плевелъ единъ человѣкъ вкинулъ, а колико о томъ уже труда положено и колико лѣтъ соборнаго о томъ истребленіи тщанія есть, но и ничтоже успѣваютъ, но токмо вящши той плевелъ разсѣвается, ово отъ раскольниковъ, ово же отъ неискусныхъ пресвитеровъ, заеже тѣмъ раскольникамъ ничѣмъ не воспящаютъ, а иніи еще и пота-

каютъ: кіи и нераскольницы отъ недознанія своего двоперстнымъ сложеніемъ знаменаются, а отцы духовные въ томъ имъ не запрещаютъ; и того ради нельзя его весьма истребити. И аще сему инымъ особымъ поведеніемъ не будетъ пресѣченія, то и до скончанія свѣта не истребить того плевела.

Азъ помышляю, яко инако его не истребити, аще кійждо пресвитеръ на исповѣди всякаго своего сына духовнаго и дочь духовную съ клятвою не будетъ заклинати, дабы двоперстнымъ сложеніемъ никто когда не знаменался. Аще двоперстное сложеніе и не догматъ вѣры, обаче всячески надобно тщатися, дабы сей плевелъ истребити, понеже вси раскольницы, колико ихъ есть въ Россіи, двоперстное сложеніе держатъ своему зловѣрію за великій догматъ; и того ради весьма его надлежитъ истребляти. Аще кого не мощи духовнымъ отцомъ запретити, тіихъ годствуетъ градскому суду отдавати и пощады ни малыя имъ не чинити. А буде же кой пресвитеръ будетъ таковыхъ прикрывати, таковаго и пресвитера градскому же суду годствуетъ предавати. А если сице сего не учинится, то, якоже и выше рѣхъ, еже и до скончанія свѣта сей плевелъ не истребится. А если сей плевелъ истребленъ весьма будетъ, то мало по малу будутъ и отъ главныхъ ересей людіе отвыкати.

Мы же вси во православіи сущіи знаменаемся по преданію святыхъ отецъ древнему треперстнымъ сложеніемъ того ради, еже бы быти согласнымъ съ древними святыми отцы, матери своей святѣй церкви въ противленіи бы не явитися и еже бы со отпадшими отъ святыя церкве сообщниками намъ не быти. Мы со святою церковію вѣруемъ и исповѣдуемъ Бога быти въ Троицѣ, а не особно отъ Святыя Троицы Бога разумѣемъ въ двоицѣ быти. Такожде и человѣчество Сына Божія отъ Святыя Троицы во особность

не отдѣляемъ, но идѣже Сынъ Слово Божіе, ту и человѣчество исповѣдуемъ; и тако вѣрующе во Святую единосущную и нераздѣльную Троицу, совокупя три персты во едино совокупленіе, воображаемъ на себѣ животворящій крестъ Христовъ четвероконечный, а не осьмиконечный.

И паки обратимся на предреченную повѣсть святаго Мелетія. Всѣмъ, яко отпадшимъ, тако и не отпадшимъ глаголю: внемлите себѣ вси читающіи о его преніи и разумѣйте, яко то преніе было у него со аріаны не о сугубости во Христѣ естествъ, но о Святѣй Троицѣ и о единосущіи ея, и о нераздѣльности тоя. А аще бы той святый Мелетій преніе свое имѣлъ не о святѣй Троицѣ, но о сугубости естествъ, то бы онъ не показалъ народу три персты, но показалъ бы точію два перста, и по тому глаголу надлежало бы и совокупить ему два перста, а не три. И аще бы сіе было тако, то всячески могли бы на то двоперстное сложеніе ссылатися армены, а вамъ тогда бы на то двоперстное сложеніе ссылатися было не возможно, понеже вы издасте то свое сложеніе отъ своего безумнаго мудрованія новое, ибо приложисте къ тому сложенію изображеніе Святыя Троицы безчестное и развращенное,—многія бо ереси въ то свое сложеніе внесосте, и о томъ выше речеся. Сія бо ссылка мелетіевы исторіи вся на васъ есть, а не по васъ. Нѣкто бо предводитель вашъ отъ малосмыслія своего внесъ то чудо во Слѣдованныя псалтири и въ книгу, названную О вѣрѣ, на подтвержденіе двоперстному сложенію; обаче нѣсть вамъ въ немъ ни малаго подтвержденія, понеже оно не о сложеніи перстовъ, и въ подтвержденіе двоперстному сложенію внесено оно не по разуму. Явѣ есть, яко на печатномъ дворѣ въ правильной палатѣ былъ нѣкто полякъ или арменинъ и внесъ то

двоперстное сложеніе, всѣвая отъ паденія арменскаго плевелы. И книга, названная О вѣрѣ, сочинена не отъ святыхъ древнихъ и богоносныхъ отецъ, но нѣкто полякъ сочинялъ ю; кто онъ такой былъ, имени своего не явилъ; токмо по нарѣчію явно, яко полякъ сочинялъ. И аще кто не имѣтъ вѣры, то возьми тую книгу и прочти ю: во многихъ бо мѣстѣхъ узриши нарѣчія польская. Того ради и сами разсмотрите, яко двоперстное сложеніе привниде въ Россію не отъ грековъ, но отъ полякъ; и бѣ то двоперстное сложеніе арменскаго злочестія прозябь, и плевелъ сей вельми намъ православнымъ христіанамъ вредителенъ есть. Намъ православнымъ христіанамъ отнюдь не подобаетъ новыхъ обычаевъ въ вѣрѣ отъ иноязычниковъ принимати, кромѣ благочестивыхъ грековъ, понеже мы и крещеніе святое пріяхомъ отъ грековъ, а не отъ поляковъ, и всякому благочестію научилися отъ грековъ, и вся наша книги переведени суть со греческаго діалекта. Того ради и къ воображенію на себѣ крестнаго знаменія подобаетъ намъ отъ нихъ же пріявъ держати, а не отъ иныхъ странъ что намъ принимати и не новизны искати, но въ древнемъ преданіи стояти, понеже отъ новизнъ раждаются ереси и въ вѣчную погибель низводятъ.

Аще кто речетъ, яко сложеніе перстовъ не есть догматъ вѣры: кто знаменается двоя персты или тремя или четырьмя или всею пятерицею, Богъ того во время правосуднаго своего суда не спроситъ, тако ли кто персты слагалъ или иначе, но спроситъ добрыхъ дѣлъ,—и азъ тая же глаголю, яко не догматъ есть вѣры перстное сложеніе, и Богъ аще и не спроситъ на судѣ сложенія перстовъ, но ради согласія съ православными христіаны подобаетъ знаменатися единаче, дабы между христіанъ не было какого разногласія, но у всѣхъ бы была едина вѣра и всякаго христіанскаго состоянія было исправленіе едино. И не токмо состояніе, но

надлежитъ и мысль о всѣхъ божественныхъ дѣлѣхъ имѣти едину, понеже Богъ вселяетъ единомысленныя въ домъ свой Божій, то есть во царство небесное. А святый Павелъ апостолъ вельми намъ возбраняетъ, дабы мы между собою никаковыя распри не имѣли; а Самъ Господь рекъ, яко и за праздное слово людіе въ день судный воздадятъ отвѣтъ: кольми же паче воздадятъ тіи отвѣтъ Богу, кіи церкви святѣй супротивляются и развращаютъ ю, къ тому же еще и ереси новостныя богопротивныя вводятъ и Святую Троицу развращаютъ. А кіи человѣцы знаменаются и двомя персты или и всею пятерицею отъ самаго простонравія, ничтоже о томъ мудрствующе, таковымъ въ томъ ихъ сложеніи нѣсть грѣха ни малаго. Обаче всячески пресвитерамъ годствуетъ то двоперстное сложеніе весьма истребляти, дабы оно искоренилося и безъ вѣсти творилося, понеже то двоперстное сложеніе есть преддверіе всѣмъ раскольничимъ ересямъ, и ежебы благочестивый христіанинъ ни чимъ со злочестивыми раскольниками согласенъ не былъ. А кіи мудрствуютъ о Святѣй Троицѣ не по разуму, тіи смертно грѣшатъ и въ проклятіе впадаютъ. И того ради всѣмъ намъ во православіи сущимъ всячески подобаетъ тщатися, дабы со всѣми благочестивыми странами и единовѣрными—со греками, съ сербами, съ волохами, съ меретійцами, съ грузинцами и съ кіевляны быть единогласнымъ; а со отпадшими отъ святыя восточныя церкве и со армены, аще они и правѣе раскольниковъ нашихъ, обаче отнюдь никакова согласія съ ними имѣти не подобаетъ намъ. А наши россійстіи раскольницы арменъ вельми въ сложеніи перстовъ и во иныхъ дѣлѣхъ превышшили духовными своими ересьми.

И сіе изъявивъ, всѣмъ отпадшимъ отъ святыя церкви глаголю: Господа ради, осмотритеся, время бо уже вамъ познати свое отпаденіе и покаятися. Ей, и сами не знаете,

за что погибаете. Возьмите вы ту исторію святаго Мелетія и разсмотрите ее съ прилежнымъ вниманіемъ; узрите бо, яко вамъ она не оправданіе и не опора. Вы не того смотрите, что еретичествуя или отъ простоты несмысленные справщики готовую ересь, до нихъ сочиненную, подложиша подъ мелетіеву исторію о двоперстномъ сложеніи, но разсмотрите хорошенько то, о чесомъ у него со аріаны преніе было. И аще кто и малый разумъ въ себѣ имѣетъ, можетъ уразумѣти, яко у него слово было не о сложеніи перстовъ, ниже о двухъ естествахъ во Христѣ, но о единосущіи Троичномъ. И по тому его мелетіеву пренію, отнюдь не подобаетъ двомя персты знаменатися, но приличнѣе по тому его мелетіеву пренію и по явльшемуся отъ совокупленія тріехъ перстовъ чудеси знаменатися тремя персты, якоже и вси благочестивіи христіане знаменаются. И аще колико вы не поищете въ мелетіевомъ преніи своему нововымышленному двоперстному сложенію опоры, не обрящете въ томъ мелетіевѣ чудеси ни единыя черты, подтверждающей двоперстное ваше сложеніе, но токмо троеперстное сложеніе вельми подтверждается, и ужаснымъ чудомъ отъ Бога посланнымъ то троеперстное сложеніе запечатлѣся. А аще бы отъ сложенія двухъ перстовъ изшелъ огонь, то бы посрамленъ былъ достохвальный мужъ, а аріане рогъ свой вознесли бы, понеже они въ божествѣ утверждали двѣ ѵпостаси, а третью отдѣляли во особность, якоже и вы отдѣляете въ томъ своемъ двуперстномъ сложеніи человѣчество во особность отъ божества. А святый Мелетій бесѣдовалъ о единоравенствѣ всѣхъ трехъ ѵпостасей, а не о естествахъ, во Христѣ сущихъ. А еже вы толкуете, якобы Мелетій совокупилъ два перста во едино совокупленіе, а третій пригнулъ къ тѣмъ двумъ перстамъ, къ мизинному и безъимянному, и то ваше безумное мудрованіе и еретическое вымышленіе, отъ аріанъ насажденное; они бо неравенство во Святѣй Троицѣ исповѣдуютъ, а

святая восточная церковь исповѣдуетъ святую Троицу единоравну, единочестну и единосущну. И вы начало взяли есте сложенію своему отъ арменъ и совершили то сложеніе отъ аріанъ, понеже они исповѣдуютъ во Святѣй Троицѣ неравенство; тако и вы прообразуете сложеніемъ перстовъ неравенство во святѣй Троицѣ, якоже и выше рѣхъ, еже первый палецъ, минувъ два перста великіе, слагаете съ послѣдними двумя персты. Ей, не омысляя тако согрѣшаете и изъ добрыя своея воли въ погибель рѣетеся! Уже бо рѣхъ вамъ, но и еще, напамятствуя, глаголю вамъ: сами на свои дѣла посмотрите, не самое-ль сіе ваше безуміе, еже то двоперстное сложеніе за самый великій догматъ вѣры себѣ поставляете? Нѣсть бо, нѣсть въ сложеніи перстовъ догмата ни малаго, ниже спасенія, ведущаго во царство небесное, не токмо въ двоперстномъ, но ниже въ треперстномъ, аще кто въ Божіихъ заповѣдяхъ не будетъ пребывати. А вы, отъ безумнаго своего мудрованія, или рещи, отъ діавола такого наставленія, вся заповѣди Божія и вся благовѣрія догматы отвергосте и попрасте ихъ, да единымъ сложеніемъ перстовъ хощете спастися и глаголете во оправданіе себѣ, яко единъ Христосъ, единому подобаетъ и сложенію перстовъ быти. И азъ тожде глаголю, яко къ воображенію на себѣ крестнаго знаменія единому сложенію перстовъ быти подобаетъ—благочестивому, а не еретическому, но древнему, имъ же вси православніи христіане, во всѣхъ странахъ живущіи, кромѣ отпадшихъ арменъ да васъ другихъ. Сами бо вы глаголете, яко единому подобаетъ сложенію перстовъ быти, а не то дѣете, но особое издасте сложеніе, отъ всѣхъ правовѣрныхъ странъ отлучившися; взясте отъ проклятыхъ арменъ да отъ аріанъ и тѣмъ еретическимъ сложеніемъ знаменуетесь, да хощете тѣмъ неправымъ сложеніемъ перстовъ внити во царство небесное!

Господа ради, вонмите во вся глаголы вышеписанная

и отвержите отъ себя еретическое преданіе и суетную свою надежду отложите; сами бо вы глаголете, яко единъ есть Христосъ, единому подобаетъ и сложенію перстовъ быти, и мы тожде утверждаемъ, яко ни малаго разногласія со благочестивыми странами не подобаетъ имѣти; и святый апостолъ Павелъ тожде глаголетъ, яко единъ Господь, едина вѣра, едино крещеніе, единъ Богъ и Отецъ всѣхъ: а вы не то дѣете, но вся сія дѣла духовная дѣлаете развратно. По апостолову словеси, подобаетъ всѣмъ намъ быти въ соединеніи и въ единомысліи; о семъ бо и Псаломникъ вопіетъ, яко вселяетъ Богъ единомысленныя въ домъ. И сего ради молю васъ: Господа ради, вначалѣ отложите блазнь сію двоперстнаго сложенія мудрованія и, со отложеніемъ того еретическаго новоизображеннаго двоперстнаго сложенія отложите и вся отъ лжеучителей насѣянная еретическая преданія и на то свое двоперстное сложеніе самоумничное, безумное толкованіе, иже ведетъ въ погибель вѣчную. Повинитеся вышеписанному апостолову слову: отложите отъ себе вся дѣла темная и развращенная, о нихъ же въ сей книгѣ изъявишася, и будите согласни со святою церковію Христовою, облецытеся во одежду свѣта, да будете сынове свѣта, а не тмы. Уже бо и такъ діавола довольно потѣшили и многочисленные милліоны людей Божіихъ къ нему лжеучительствомъ своимъ сведосте. Мнѣ сіе вельми дивно есть, еже комаровъ видите и отцыжаете ихъ, а верблюдовъ не видите и тако пожираете ихъ. Ей - ей, истину вамъ сказую, яко время уже вамъ на покаяніе пріити и со слезами Господа Бога молити, еже отъ невѣденія своего или отъ безумія согрѣшили, и со всеусердіемъ своимъ къ своей матери, святѣй церкви, отъ неяже породистеся, припадите, да паки чада ея будете. И за то ваше покаяніе и ко святѣй церкви обращеніе получите наслѣдіе вѣчныхъ благъ, еже даждь, Боже, вамъ за обращеніе, намъ же за неподвижное отъ бла-

гочестія, вкупѣ получити царство небесное и тамо со всѣми во благочестіи жившими, поелику кто удостоится, райскія сладости наслаждатися въ нескончаемые вѣки вѣковъ. Аминь.

Бесѣда вторая.

Хощу бо и еще мало нѣчто побесѣдовати съ вами о томъ же сложеніи перстовъ. Се бо предложихъ предъ очи ваши новаго вашего догмата о двоперстномъ сложеніи, коль оно порочно есть: нынѣ же хощу отъ васъ слышати: поподлиннѣе рцыте ми не обинуяся, откуду вы взясте и отъ какого писанія, еже такую великую надежду, паче всѣхъ добродѣтелей, почтосте двоперстное свое сложеніе и глаголете тако, якобы аще кто не двумя персты знаменуется, той спастися не можетъ? Азъ бо, соболѣзнуя о васъ, умножая глаголю сіе: сами себѣ разсудите, не въ самыя ли діаволи сѣти впадосте! Ни отъ Самого Бога не узаконено, ни отъ апостоловъ Его не изложено, ниже отъ святыхъ отцевъ усоборовано и во святомъ писаніи ни въ какомъ не обрѣтается, ежебы сложеніемъ либо-каковымъ перстовъ внити во царство небесное. Ей, увязосте въ великія діаволи сѣти! Азъ не вѣмъ, гдѣ вы разумъ свой подѣли. Что Самъ Господь Богъ узаконилъ, то отвергосте все, и что святіи апостоли издаша и что святіи отцы соборнѣ уставиша, вся та съ каломъ смѣсисте и хощете единымъ токмо сложеніемъ перстовъ внити во царство небесное. Ни, ни! Сложеніемъ бо перстовъ, аще бы оно и безгрѣшно было и ересей бы въ томъ вашемъ двоперстномъ сложеніи не было, и тогда бы имъ во царство небесное не внити было; а нынѣ развѣ отъ великаго своего унованія на то еретическое сложеніе внидете въ преисподняя земли. То себѣ вѣдите безъ всякаго испытанія: аще діаволъ коего дѣла не препинаетъ, но еще и вослабляетъ, то въ томъ дѣлѣ уже у діавола не безъ крю-

ка; въ каковомъ дѣлѣ онъ не претитъ, то уже въ томъ дѣлѣ корысть ему есть. Вы и по сему себѣ разумѣйте, яко вси, колико есть отпадшихъ въ Россіи разновѣрій вашихъ, не токмо въ поповщинѣ, но и лжехристовщенники, моисеевщинники, и елинаршенники, и сожигатели, и морители, и подпольные лжебогомольцы, и иже послѣдуютъ скверной богинѣ артемидѣ, еже непрестанно въ блудѣ пребываютъ и скверный блудъ за Христову любовь почитаютъ, вси тіи сквернодѣлателіе всю надежду спасенія своего полагаютъ въ двоперстномъ сложеніи, и всѣмъ вышеписаннымъ и инымъ таковымъ отпаденіямъ отъ благочестія начало сочиняется отъ двоперстнаго сложенія. Вси бо предводители ваши всѣхъ разновѣрій вашихъ вначалѣ предлагаютъ пришедшему къ нимъ двоперстное сложеніе. Первѣе бо то въ новопришельца водружаютъ, ежебы онъ двоперстнымъ сложеніемъ знаменался; и егда кой пришлецъ приметъ то ваше погибельное сложеніе, то потомъ уже сѣютъ въ него, еже кой лжеучитель хощетъ, то въ него и сѣетъ. И посему признаваю я, что въ томъ вашемъ сложеніи есть таинство богоотступное великое; понеже всему злу, всѣхъ зловѣрій и всей погибели начало начинается отъ двоперстнаго сложенія. [1].... по вашему мудрованію, не наложитъ на себя, той никогда отъ лжеучителей вашихъ прельщенъ не бываетъ. И о семъ много писати мнѣ не для чего, сами вы вси сіе вѣсте, понеже вси не собою отъ благочестія отпали есте, но по наученію лжеучительскому. И тіи лжеучители не ино что предъ очи ваши вначалѣ предлагали, точію двоперстное сложеніе; а егда вы тому ихъ предложенію склонистеся, потомъ уже начали вамъ и иные предлоги предлагати. А вы, егда пріяли то на ся еретическое сложеніе, бысте уже плѣнени въ ихъ

---

[1]) Очевидно, пропущено: Кто двоперстнаго крестнаго сложенія,....

богоотступную раскольничу волю, и что они ни почали вамъ глаголати, тому вы и почали вѣру яти: всему сему всякій не токмо лжеучитель, но и послушницы вси свидѣтели суть, яко тако есть.

Нѣкогда бо и меня призвалъ къ себѣ славный вашъ безпоповщинныя ереси вождь, зовомый Козьма Ксенофонтовъ, иже нынѣ въ брынскихъ лѣсахъ обрѣтается предводителемъ; и той Козьма вначалѣ не ино что предъ очи мои предложилъ, точію двоперстное сложеніе. Егда бо азъ пришелъ къ нему, сидѣла у него баба, тоже безпоповщинныя ереси, зовомая Ѳеодосія, Григорьева дочь; сѣдя у дверей, та лжеучительница, подъя свои руцѣ, показала ми правою рукою сложено двоперстное сложеніе, лѣвою же рукою сложено благочестное древняго преданія троеперстное сложеніе, и держа обѣ руцѣ свои, испустила гласъ: Іоаннъ Тихоновичъ! скажи мнѣ, съ которымъ оружіемъ иттить намъ во царство небесное? И я, отъ простоты своея не вѣдая въ нихъ того, что они лжеучителіе суть, ниже тому извѣстенъ быхъ, еже они раскольнича сонмища (призванъ я былъ по принужденію свойственнаго человѣка, не ради того предложеннаго ми дѣла, но токмо запросто хлѣба ѣсть), и я отповѣдалъ ей, глаголя: Григорьевна! съ коимъ хощеши, съ тѣмъ и пойди, —и прирекъ, глаголя, яко не сложеніемъ перстовъ, но добрыми дѣлами входятъ въ царство небесное. И то слышавъ, той Козьма началъ мнѣ говорить, дѣло-де Григорьевна говоритъ, надобно-де первѣе сыскать главизну своего спасенія, да къ тому уже награждать добрыя дѣла, и, оборотясь ко мнѣ и зря на меня веселымъ лицомъ, началъ мнѣ говорить: буде хощешь въ рай, пристань къ намъ, то тотчасъ въ раю будеши. И я ему отрекъ, глаголя: я не достоинъ есмь въ раю быти, понеже грѣшенъ есмь. И онъ паки ми рекъ: вѣру ми ими—аще къ намъ пристанешь, то всѣ грѣхи твои очистятся и будеши съ нами въ раю. И сталъ мнѣ руку

давать въ правдѣ; и я паки ему отрекъ (уже признавъ, что онъ раскольникъ есть), еже не хощу съ вами соединятися и въ рай скоростно итти, но како Богъ житіе мое управитъ, тако и да будетъ, и аможе повелитъ ми Богъ во грядущій вѣкъ быти, тамо и буду, а райскаго наслѣдія азъ вѣмъ о себѣ, яко не достоинъ есмь. И тако отъидохъ отъ него. И во иное время призвалъ меня паки, уже на слово божественнаго писанія, и началъ ми читати книги и, яко песъ, кусье вырывать: разгнувъ книгу, строку или двѣ прочтетъ, да перекинувъ листовъ пять, шесть или больше, да паки прочтетъ строку-другую, да тако по книгѣ, переметывая листы, рѣчь къ рѣчи подбираетъ, кое реченіе къ ихъ зловѣрію согласно. И я сталъ ему говорить, что такъ читая и рѣчь подъ рѣчь подбирая, и святыхъ грѣшными поставишь. И онъ на меня осердился и азъ на него, и тако разыдохомся, —не сотворилъ онъ лову себѣ во мнѣ, понеже Божія сила удержала мя, еже не пріялъ я на ся перваго его сѣянія, то есть, того вашего двоперстнаго сложенія не пріяхъ и тѣмъ двоперстнымъ сложеніемъ не запечатлѣхся. И того ради и умъ мой не омрачихся, но бодръ бысть.

И видя въ нихъ такую погибель, у Бога прося милости во откровеніи писаній, начахъ сію книгу сочиняти. И елико ми Богъ помощи подалъ, предложихъ вамъ вся, и аще чесому имѣте вѣру, то имите, а чему вѣры не поимете, буди по волѣ вашей; понеже Богъ сотворилъ человѣка самовластна: еже хощеши, то и твориши. Токмо я чистъ отъ погибели тѣхъ, кіи не внимаютъ написаннымъ въ божественномъ писаніи и въ сію книгу изнесеннымъ словесемъ. И сіе оставивъ, паки на преждерѣченная обратимся.

Вопросихъ васъ въ началѣ сея бесѣды и паки нынѣ вопрошаю васъ: дайте ми знать хотя малое свидѣтельство отъ писанія, почесому таковую силу двоперстное ваше сложеніе въ себѣ имать, еже глаголете, якобы преодолѣваетъ

оно смертные и всескверные грѣхи блудные и сотворетъ человѣка безгрѣшна? О, бѣдные, бѣдные лжефилософы, изъ ада отъ самого сатаны изшедшіе! Како вы, тако пріявъ на ся тьмотысячную тяготу, да хощете по паутинной верви взыти на высоту небесную! Азъ тако мню, яко аще кто и совершенно добродѣтельно живетъ и на церковь святую не воюетъ, а знаменуется двоперстнымъ сложеніемъ, мудрствующе тако, якоже и вы, то той не внидетъ во царство небесное, понеже въ томъ вашемъ двоперстномъ сложеніи многія ереси заключишася, проклятію подлежащія. Но развѣ кто отъ простоты своея, ничтоже мудрствующе и упованія на то сложеніе не возлагая, знаменуется, то тому Богъ не вмѣнитъ во грѣхъ, понеже онъ уповаетъ на Бога, а не на сложеніе перстовъ. Зри и посему: аще святую икону чтиши и покланяешися ей, воздающе честь самому Богу, на небеси живущему, то свято есть; а аще чтиши святую икону, нарицая ю Богомъ, то смертно согрѣшиши и проклятію подпадеши. Подобнѣ и двоперстное сложеніе не пошкодитъ того человѣка, кой не боготворитъ того сложенія; а аще кто станетъ то двоперстное сложеніе боготворити и упованіе своего спасенія возлагати на него, то той сквернѣ согрѣшитъ и въ проклятіе впадетъ, и причтется то двоперстное сложеніе идолу. И явѣ есть, яко того ради всѣхъ человѣковъ влачитъ къ двоперстному сложенію діаволъ, понеже въ немъ потаенный идолъ сохраненъ есть. Азъ бо много трудихся и едва его усмотрѣхъ откровеніемъ Божіимъ и пособіемъ Его ученика возлюбленнаго и наперстника, Іоанна Богослова, яко въ двоперстномъ сложеніи поганской идолъ сокровенъ есть, и вси отпадшіи отъ святыя церкви почитаютъ его за Бога себѣ,—того бо ради діаволъ вельми и принуждаетъ къ двоперстному сложенію. Выше азъ рѣхъ, яко есть нѣкакое сокровенное діаволе таинство въ немъ; и се отнынѣ отры ми Богъ то діаволе таинство, въ двоперстномъ сложеніи сокро-

венное. И аще кто ми воспретитъ и речетъ, яко сложеніе перстовъ не есть идолъ, азъ повелѣваю тому молчати: всякую бо вещь, аще будеши боготворити, то та вещь будетъ ти идоломъ. Зрите ли, яко вси раскольницы двоперстное сложеніе обоготвориша, въ немъ бо все свое спасеніе заключиша,—и по таковому боготворенію како то сложеніе не идолъ? А злохитрый діаволъ того своего идола прикрылъ извѣтомъ благочестія; и тако тѣхъ идольскихъ поклонниковъ великими полками къ себѣ гонитъ. О Боже, Боже нашъ! не остави насъ, но соблюди во своей Божіей воли жити и Тебя единаго Бога знати и почитати. Отъ того же сокровеннаго идола защити насъ, Боже, да не явимся идолопоклонниками; но даждь намъ, Боже, истинный разумъ имѣти и треперстное сложеніе, аще и свято есть и ужаснымъ чудомъ отъ Бога уставленное, за Бога не чтити или имъ очиститися отъ грѣховъ нашихъ, но дажь намъ, Боже, вѣровати въ Тебя, единаго Бога, и грѣхи свои по повелѣнію Твоему покаяніемъ и пресвятаго Твоего тѣла и крове причащеніемъ очищати!

И нынѣ всѣмъ во благочестіи сущимъ глаголю: Господа ради, бойтеся двоперстнаго сложенія, по раскольничу мудрованію сущаго, зане есть въ немъ видимыя ереси великія, о нихъ же выше изъявися, и сверхъ тѣхъ ересей есть прозябь потаенная великая, еже то двоперстное сложеніе со идолы сравнися, и того ради всѣмъ погибельнымъ разновѣріямъ начало, и всякое отпаденіе отъ Бога начинается отъ двоперстнаго сложенія. И сего ради вельми достоитъ двоперстнаго сложенія боятися, дабы и не невѣденіемъ имъ никому изъ вѣрныхъ не знаменатися. Намъ подобаетъ держатися древняго преданія и знаменатися треперстнымъ сложеніемъ, якоже древніи святіи отцы предаша и во всю вселенную распростроша, да со всѣми святыми и благочестивыми христіаны будемъ во единомысліи. И тако во единомы-

сліи нашемъ вселитъ насъ Господь Богъ въ домъ свой небесный и да сподобитъ насъ Его, Господа Бога, славити и воспѣвати неразвратными усты, но единомысліемъ и единосогласіемъ въ безконечные вѣки вѣковъ. Аминь.

Къ сему жъ и еще православнымъ даю совѣтъ.

Аще возъимѣеши съ каковымъ либо раскольникомъ разглагольство о сложеніи перстовъ и если онъ будетъ то свое двоперстное сложеніе правити и святити его и станетъ Святую Троицу проповѣдати въ первомъ пальцѣ да въ послѣднихъ двухъ, въ мизинцѣ да въ безъимянномъ, тогда вопроси его, глаголя: тако мудрствуя, ты святыя Троицы единосущіе и единоравенство развратилъ еси неравенствомъ перстовъ; обаче скажи ми: въ коемъ перстѣ исповѣдуеши божество? И аще укажетъ ти на указательный перстъ, тогда рцы ему: почто божество отъялъ еси отъ Святыя Троицы во особность и Святую Троицу учинилъ еси безбожну,—и како за такую злую ересь отъ Бога наказани не будете? А аще речетъ ти, яко есть божество въ тѣхъ трехъ перстѣхъ, въ нихъ же онъ Троицу проповѣдуеть, тогда рцы ему: почто тако злѣ еретичествуеши, сказующе въ сложеніи своемъ два божества—едино въ тріехъ перстѣхъ, а другое во указательномъ? И паки вопроси его: есть ли въ тѣхъ трехъ перстѣхъ человѣчество, въ нихъ же Троицу проповѣдуеши? И аще речетъ ти—нѣсть, но укажетъ ти на великосредній перстъ, и ты рцы ему: почто ты тако злѣ безумствуеши—человѣчество Христово отторгнулъ еси отъ Святыя Троицы во особность? Или не вѣси, яко уравнился еси сею ересію Арію проклятому: той бо отлучаетъ Божія сына вочеловѣченіе отъ Святыя Троицы; вначалѣ въ сложеніи своемъ всепагубномъ отъялъ еси Святыя Троицы едино-

сущіе и безбожну Ее сотворилъ и единоравенство раздѣлилъ въ разность; къ тому же и человѣчество Христово отъ святыя Троицы отъялъ еси. А аще речетъ ти, есть въ тѣхъ трехъ перстѣхъ человѣчество, то ты и паче на него возстачи и рцы: почто такую ересь новую, отъ вѣка неслыханную, вводиши, проповѣдующе въ сложеніи своемъ два человѣчества: едино въ тріехъ перстѣхъ, а другое въ двухъ перстѣхъ, въ нарицаемомъ великосреднемъ? И по сему разглагольству и самъ ты уразумѣеши, яко всуе вси труждаются, двоперстное сложеніе утверждающіи, ибо нѣмы будутъ тіи на отвѣтствованіе.

И паки рцы ему: слышалъ еси, каковъ великъ порокъ въ двоперстномъ сложеніи; нынѣ же рцы ми ты не стыдяся: какой порокъ вы усмотрили въ благочестивомъ древнемъ треперстномъ сложеніи и отъ какова вы свидѣтельства взяли есте, еже то треперстное сложеніе нарицаете антихристовою печатію? И вѣмъ, яко на сіе слово не дастъ тебѣ отвѣта, понеже нѣсть въ треперстномъ сложеніи ни малаго порока, свято бо есть треперстное сложеніе, носитъ на себѣ образъ святыя единосущныя и равночестныя Троицы. И тако и въ маломъ семъ разглагольствѣ заградиши уста его, глаголющая лжу.

Бесѣда третія. православнымъ.

Видѣхъ бо въ книзѣ, нарицаемой Миръ съ Богомъ, яко крестъ, на немъ же распятъ бысть Христосъ Богъ нашъ, сооруженъ изъ тредревеснаго древа, ибо кипарисъ и кедръ и певкъ срастошася во едино древо. И то Божіе сокровенное таинство въ томъ крестномъ древѣ зря, возжелахъ всѣмъ православнымъ христіаномъ и отпадшимъ отъ христіанства объявити, яко бысть въ томъ крестномъ древѣ образъ святыя нераздѣльныя Троицы, якоже о томъ являетъ намъ

крестный канонъ, осмыя пѣсни въ концѣ, яко крестъ носитъ на себѣ образъ тріѵпостасныя Троицы. И по тому слову явѣ есть, яко отъ тресовокупнаго древа сооружися крестъ святый, на немъ же распятъ бысть Христосъ Богъ нашъ.

Тако бо подобаетъ и намъ на себѣ изображати крестъ святый, употребивъ въ сложеніи три персты, дабы единъ перстъ значилъ кипариса, вторый кедра, третій певка, дабы то наше изображеніе на себѣ святаго креста согласно было съ сочиненіемъ существеннаго креста, на немъ же распятъ бысть Христосъ Богъ нашъ, имъ же побѣди діавола и всю силу его разруши. И яко же той существенный крестъ носитъ на себѣ образъ Святыя Троицы, подобнѣ годствуетъ и къ воображенію на себѣ святаго креста въ сложеніи перстовъ имѣти тречисленное совокупленіе, дабы и то воображеніе наше носило на себѣ образъ Святыя-жъ Троицы. И посему свято будетъ на лицахъ нашихъ крестное изображеніе, за еже подобіе тредревеснаго древа, въ крестѣ Христовѣ бывшаго, то воображеніе крестное на насъ воображаемо совершится; и за такое въ немъ таинство лежащее и діаволу страшнѣе явится. А двоперстное сложеніе весьма есть безмѣстно, понеже въ немъ таинство діаволе есть заключено, о немъ же выше, во второй бесѣдѣ, речеся. И того ради, аще кто, и не мудрствуя о немъ по раскольничу мудрованію, знаменатися имъ будетъ, то онъ пользы себѣ таковыя не обрящетъ, якова приходитъ отъ треперстнаго совокупленія; а аще кто будетъ мудрствовати по раскольничу и вмѣнять себѣ будетъ двоперстное сложеніе паче иныхъ святынь, якоже о томъ въ первой и во второй бесѣдѣ явися, и станетъ въ великое спасеніе себѣ поставляти и за избавителя себѣ, яко Бога, вмѣняти, то и въ проклятіе той человѣкъ впадетъ.

А треперстное сложеніе вельми есть свято: первое, за еже Богъ удивительнымъ чудомъ его огради въ мелетіевомъ

со аріаны преніи, — аще и не ради изображенія крестнаго знаменія, обаче ради прообразованія Святыя Троицы въ совокупленіи перстовъ то чудо сотворися; а отъ двоперстнаго сложенія никакова никогда знаменія не бывало и свидѣтельства на него древняго, кромѣ іосифовскихъ книгъ, не обрящеши. Второе треперстному сложенію свидѣтельство—еже изъ тресовокупнаго древа крестъ сочиненъ бысть, на немъ-же Христосъ Богъ спасеніе наше содѣла; и то тресовокупное древо таинство прообразовало святыя единосущныя и нераздѣльныя Троицы. И явѣ есть, яко вси православніи христіане обычай въ сложеніи тріехъ перстовъ издревле пріяли отъ того чудеснаго, три вида въ себѣ имущаго, древа. Дивное бо есть сіе древо. его-же Богъ предуготова на сооруженіе святаго креста Своего, да на чудновомъ древѣ чудное свое и дѣло сотворитъ. А и сіе кто поставитъ не за свидѣтельство, еже во всей вселенной издревле имъ знаменаются во православіи сущіи христіане, а двоперстнымъ токмо армяне да наши раскольницы. И тому древнему преданію свидѣтельствуетъ греково преніе со Азимитомъ и Ѳеогностовъ служебникъ, о нихъ-же въ первой бесѣдѣ речеся. И сего ради всѣмъ намъ, во православіи сущимъ, безъ всякаго прекословія подобаетъ къ воображенію на себѣ креста святаго слагати три персты, а не два, да якоже крестъ Христовъ сооруженъ отъ тресовокупнаго древа, тако и мы сочиняемъ на себѣ крестъ святый тѣмъ-же подобіемъ—тресовокупнымъ сложеніемъ перстовъ, дабы то наше воображеніе крестное носило на себѣ образъ Святыя Троицы. И яко тогда бѣсовская держава разрушися, тако и нынѣ отъ нашего таковаго послѣдствованія тому, обліянному кровію Христовою, кресту тредревесному отъ воображенія вся силы діавольстіи со всѣми его козньми проженимы были отъ насъ, тако знаменующихся.

Паки тые-жъ лжеучители глаголютъ, якобы свято двоперстное сложеніе потому, еже двоперстнымъ сложеніемъ ар-

хіереи и іереи всякое священнодѣйствіе осѣняютъ и людей осѣняютъ. И таковымъ отвѣтуя, глаголю: истинно архіереямъ и іереямъ ко благословенію слагати двоперстное сложеніе, не по раскольничу мудрованію, но по ихъ святительскому узаконенію свято есть. Обаче къ воображенію на себѣ и таковое іерейское сложеніе не свято есть, и того ради и сами они таковымъ сложеніемъ не знаменуются, но знаменуются треперстнымъ сложеніемъ. То себѣ всякъ внемли: како кому или коему дѣлу какъ узаконено бысть и коему чину повелѣно что творити отъ святыхъ отецъ соборнѣ, то и свято, и управляти тако полезно есть; а что запрещено, а отъ упорства своего, не повинувся тому уставу, будетъ кто чинити, то той вмѣсто святости впадетъ въ проклятіе.

Святый апостолъ Павелъ глаголетъ тако, яко грѣхъ вину пріемлетъ отъ заповѣданія, а безъ заповѣди грѣхъ мертвъ, то есть вины не творитъ. Вси сіе напамятствуютъ: егда создалъ Богъ Адама и далъ ему заповѣдь, еже не ясти плода отъ единаго древа, посредѣ рая стоящаго, а отъ прочіихъ всѣхъ, тамо сущихъ, повелѣ ясти, и егда Адамъ тоя заповѣди не соблюлъ и отъ того заповѣданнаго древа едино только яблоко снѣде, впалъ въ грѣхъ смертный, и за едино то согрѣшеніе изгнанъ бысть изъ рая, а по смерти и во адъ затворенъ бысть со всѣмъ своимъ родомъ, и той адамовъ грѣхъ на человѣцѣхъ и доднесь лежитъ, но токмо онъ очищается святымъ крещеніемъ,—а аще бы Господь заповѣди о томъ древле Адаму не далъ, еже не ясти, то бы аще и много яблоковъ отъ того древа съѣлъ, не согрѣшилъ бы и за то и многое яденіе изъ рая изгнанъ не былъ бы. Видите ли, за что Адамъ рая лишился: не скверны бо ради каковы, но ради преступленія заповѣди Божія. Богъ ничего поганаго не создалъ, но яже создалъ, вся та добра суть. Тако и сложеніе двухъ перстовъ, пресвитерскаго узаконенія по благословенію, имъ свято есть, а къ воображенію на себѣ и имъ самимъ не

свято. Паче же намъ простолюдинамъ преступительно есть тѣмъ неповелѣннымъ намъ сложеніемъ знаменатися. И аще кто, не вѣдая въ двоперстномъ сложеніи раскольнича мудрованія потаенныхъ ересей и не ставя себѣ въ догматъ вѣры и не боготворя его и ничтоже о томъ сложеніи мудрствующе и запрещенія о немъ не вѣдая, знаменается, то нимало той не согрѣшитъ; и кіи человѣцы тѣмъ двоперстнымъ сложеніемъ знаменались до соборнаго о томъ запрещенія, вси не имѣли грѣха. А егда уже сошедшеся вселенніи патріархове и палестинскіи многихъ обителей иноки и россійстіи святителіе, усмотрѣвъ той непотребный плевелъ, соборнѣ отсѣкоша и знаменатися имъ возбраниша, то уже кіи и ничто о сложеніи мудрствуютъ, а отъ упорства своего, святѣй церкви не повинувся, знаменаются двоперстнымъ сложеніемъ, то грѣхъ себѣ пріемлютъ. И того ради не токмо отъ двоперстнаго, но и отъ всякаго дѣла заповѣданнаго годствуетъ намъ веліимъ охраненіемъ охранятися, дабы въ упорствѣ не быть и въ соборное бы проклятіе не впасть.

Зрите же вси, ставящіи себѣ въ оправданіе пресвитерское двоперстное сложеніе, и по сему: пресвитерамъ священнодѣйствіе ихъ свято имъ есть, а мірянинъ, аще будетъ то святое священнодѣйствіе дѣйствовати, то не токмо свято, но будетъ и клято. Зрите и еще: іерей по данной ему власти отъ Бога грѣхи отпускати можетъ, самъ же себѣ грѣховъ своихъ отпустить кто можетъ? И аще кой пресвитеръ дерзнетъ самъ себѣ грѣхи отпустити, то ему не токмо отпустятся грѣхи его, но еще ко грѣхамъ его приложится клятва. Тако и сложеніе двух перстовъ: аще сложитъ пресвитеръ ко благословенію, по ихъ іерейскому уставу, то свято есть; а аще тѣмъ же сложеніемъ будетъ себя знаменати, то тожъ сложеніе будетъ и не свято, понеже то двоперстное сложеніе повелѣно пресвитерамъ слагати ко благословенію, а не къ воображенію на себѣ. И не токмо пресвитерамъ, но и

крайнимъ архіереямъ повелѣно на себѣ изображати крестъ святый, якоже и прочіимъ человѣкомъ, сложеніемъ треперстнымъ. И посему раскольницы всуе на пресвитерское сложеніе ссылаются: нѣсть бо имъ ни малыя опоры въ пресвитерскомъ сложеніи.

Святый апостолъ Павелъ о таковыхъ глаголетъ, яко осуетися ихъ разумъ и неразумное ихъ сердце омрачися, мнящеся быти (мудри) объюродѣша. Истинно тако есть: вси бо раскольницы мнятъ себя быти разумныхъ и премудрыхъ. А и по сему не самое ль ихъ явное безуміе, еже въ двоперстномъ своемъ сложеніи положиша себѣ спасеніе паче всѣхъ добродѣтелей, и глаголютъ, яко бы недвоперстнымъ сложеніемъ знаменующуся никаковому человѣку спастися не можно. И таковымъ блядословіемъ весь россійскій народъ простый возмутиша. А откуду таковый новый догматъ взяша, того азъ довѣдатися у нихъ не могъ, и мню, яко и сами они не вѣдятъ, откуду таковую надежду взяша.

Намъ, православнымъ христіаномъ, святый апостолъ Павелъ повелѣваетъ не вскорѣ отъ ума подвизатися, ни ужасатися; и аще кто речетъ, яко апостолъ посланъ есмь, не яти вѣры. И того ради бодрствуйте, вси православніи христіане, и не давайтеся въ раскольнича блядословія, но держитеся матере своея святыя церкве, дабы ни мало отъ нея не разлучитися, но еже она содержитъ, того и намъ всѣмъ подобаетъ держатися. Всѣмъ бо намъ подобаетъ во единствѣ вѣры быти, а не въ разновѣріяхъ раскольничихъ спасенія себѣ искати, и шествовати надлежитъ намъ единымъ правымъ царскимъ путемъ, а не малыми прелестными тропами. Вси бо совратившіися съ праваго церковнаго пути и устремившіися итти по малымъ тропинамъ заблуждаютъ и вѣчно душею и тѣломъ погибаютъ. О семъ бо видѣсте въ началѣ сея главы, яко древнее святыя церкви преданіе было еже пра-

вославнымъ христіаномъ знаменатися треперстнымъ сложеніемъ, и вся вселенная издревле, кромѣ отпадшихъ отъ восточныя церкве армянъ, знаменается треперстнымъ сложеніемъ; тако и у насъ въ Россіи издревле знаменалися вси святіи наши россійскіи святителіе, Петръ и Алексій, московскіе митрополиты, и вси прочіи святіи, въ Россіи просіявшіи. И о томъ треперстномъ сложеніи древнемъ явственно намъ являетъ служебникъ Ѳеогноста митрополита, рукою его закрѣпленный, иже бысть на Москвѣ по Петрѣ митрополитѣ. А святый Алексій митрополитъ у того Ѳеогноста былъ духовныхъ дѣлъ судіею.

И сего ради вельми намъ подобаетъ держатися того древняго преданія—треперстнаго сложенія. Раскольницы бо на душу свою лгутъ, еже двоперстное сложеніе нарицаютъ древнимъ преданіемъ. Всякому бо человѣку можно и по сему разумѣти, яко не древнее есть преданіе двоперстнаго сложенія мудрованіе: ибо началось то двоперстное сложеніе отъ армянъ,—тіи только въ догматъ вѣры своея то сложеніе полагаютъ; а и у армянъ то сложеніе двоперстное учинилось по отпаденіи отъ благочестія. И наши россійскіи раскольницы весьма неключими быша, не яко армяне и аріане, но вящши ихъ; вящши же и люторовъ благочестіе развратиша, и то свое развращеніе старою вѣрою благочестивою нарекоша. А простіи людіе, не вѣдящіи въ божественномъ писаніи силы, той ихъ лжи вѣру имутъ и во слѣдъ за ними въ вѣчную погибель идутъ. И о томъ ихъ отпаденіи отъ благочестія и о всѣхъ ихъ богопротивныхъ дѣлахъ въ книзѣ сей ясно изъявися, и чтый всякъ можетъ ересь ихъ познати.

Намъ же православнымъ христіаномъ, хотящимъ въ будущемъ вѣцѣ съ Богомъ быти, надлежитъ держатися прямаго, а не ложнаго, древняго преданія—треперстнаго сложенія, якоже о томъ выше речеся, а о раскольничемъ отпаденіи рыдати и Бога молити объ обращеніи ихъ, а не то что имъ

ревновати. Аще имъ кто поревнуетъ и будетъ знаменатися двоперстнымъ сложеніемъ по ихъ раскольничу мудрованію и будетъ надежду своего спасенія возлагати на то двоперстное сложеніе, якобы тѣмъ сложеніемъ отъ грѣховъ очистится и за то сложеніе царствія небеснаго вознадѣется наслѣдіе получити,—той не токмо древнему еретику Арію и по немъ бывшему Несторію и прочіимъ таковымъ, но уподобится онъ самимъ древнимъ идолопоклонникамъ, понеже то двоперстное сложеніе за Бога себѣ вмѣняетъ, за еже всю свою надежду въ немъ заключаетъ. Раскольницы бо наши вся древнія ереси, на вселенскихъ соборѣхъ проклятію преданныя, и идолопоклонство возновиша, и къ тѣмъ древнимъ ересямъ и отъ своего вымыслу многія ереси издаша, о нихъ же въ прежнихъ главахъ речеся. И таковаго ради ихъ состоянія вельми намъ православнымъ подобаетъ того боятися, дабы намъ ничемъ съ ними не сообщитися и ни въ чесомъ бы съ ними не согласоватися, дабы и намъ въ проклятіе не впасти. Сами они собою отъ святыя церкве отпадоша, сами собою и отвѣтъ Богу дадутъ. И аще кто не хощетъ раскольникамъ сообщникъ быти, тому отнюдь не подобаетъ двоперстнымъ сложеніемъ знаменатися, дабы и знаку ихъ раскольнича мудрованія не было, понеже у нихъ всему ихъ зловѣрію и всему ихъ погибельному мудрованію преддверіе—двоперстное сложеніе [1]).

---

[1]) Въ рукописи, конечно, ошибочно, стоитъ: преддверіе *къ двоперстному сложенію.* Вообщс, въ данной части рукописи встрѣчается особенно много описокъ и ошибокъ, и притомъ не исправленныхъ. Такъ напр. начальныя буквы трактатовъ на протяженіи всей рукописи написаны киноварью, но здѣсь нерѣдко для такихъ буквъ оставлено только мѣсто, а самыя буквы отсутствуютъ, т. е. ни писцомъ рукописи ни читателями ея не вписаны. Эти и тому подобныя очевидныя описки и недописки рукописи издатель не считаетъ нужнымъ воспроизводить ни въ печатномъ текстѣ, ни въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ.

А аще же кто не будетъ двоперстнымъ сложеніемъ знаменатися, но будетъ по древнему преданію, отъ святыхъ отецъ уставленному, знаменатися двоперстнымъ [1]) сложеніемъ, того Богъ никогда не оставитъ, и донележе не пріиметъ на ся двоперстнаго сложенія, раскольникомъ не будетъ, понеже благодать Божія отъ него не отъимется и діаволъ таковымъ не прикоснется, за еже треперстное сложеніе свято есть и носитъ на себѣ образъ Святыя Троицы, и якоже Христовъ крестъ, на немъ же распятъ бысть, сооруженъ былъ отъ тредревеснаго древа, и мы, подражающе тому тредревесію, воображаемъ на себѣ крестъ святый треперстнымъ сложеніемъ.

Бесѣда четвертая, раскольникамъ.

Видѣсте бо въ сей книзѣ, коль свято треперстное сложеніе! И аще бы вы не мерзили имъ и знаменались бы имъ неизмѣнно, то никогда бы отъ святыя церкве не отпали есте и благочестію развратниками не были бы. Діаволъ, аще и тонокъ есть естествомъ своимъ и проходитъ сквозь камень и сквозь железа, а въ человѣка безъ диры внити не можетъ. Аще бо кто во благочестіи стоитъ твердо и заповѣди отца своего духовнаго исправляетъ, въ того человѣка никогда діаволъ вселитися не можетъ, понеже свѣтъ благочестія въ немъ сіяетъ и тма ко свѣту присоединитися не можетъ.—не можно бо тмѣ и свѣту вкупѣ быти; но аще кой человѣкъ самъ отъ себя свѣтъ преступленіемъ заповѣдей Божіихъ прогонитъ, тогда въ того человѣка тма входитъ. А кто заповѣди Божія исправляетъ, въ томъ Богъ пребываетъ

[1]) Конечно, должно читать—*треперстнымъ* сложеніемъ.

и тамо діаволъ и наипаче возгнѣздитися не можетъ. А егда кой человѣкъ о благочестіи будетъ сумнѣваться, тогда діаволъ къ тому и приступъ возъимѣетъ, и начнетъ подущати, како бы каковую заповѣдь Божію или отеческую нарушилъ. И егда кую заповѣдь, аще и малую, нарушитъ, тогда уже и власть надъ тѣмъ человѣкомъ возъимѣетъ и, вселяся въ него, начнетъ подущати, дабы восхулилъ онъ на Духа Святаго; и егда приведетъ кого на хуленіе, иже восхулитъ дѣйство Святаго Духа, тогда уже діаволъ со всѣми своими силами вселится въ него и запечатлѣетъ того антихристовою печатію. И той человѣкъ на покаяніе никогда уже пріити не можетъ и право разсудить ничего не разумѣетъ; уже бо той вѣчною погибелію погибнетъ и наслѣдникъ ада будетъ, понеже благодать Божія отъ таковыхъ отъемлется, и ангелъ хранитель отъ него отступаетъ; и что уже онъ ни дѣлаетъ, того и самъ не вѣдаетъ, понеже умъ его помраченъ бываетъ. И того ради всѣмъ православнымъ христіанамъ съ великимъ тщаніемъ подобаетъ себя охраняти, дабы діаволу приступу къ себѣ не дати. И аще кой человѣкъ раскольнича совѣта послушаетъ и, отложа троеперстное сложеніе, начнетъ знаменатися двоперстнымъ сложеніемъ, и тако той человѣкъ учинитъ въ себя проходъ діаволу, понеже двоперстное сложеніе дверь всему отпаденію отъ благочестія. И въ ту дверь вшедъ, діаволъ еже хощетъ, то и творитъ имъ. Уже бо егда чрезъ то отреченное двоперстное сложеніе діаволъ внидетъ въ коего человѣка, тогда той человѣкъ уже и самъ въ себѣ неволенъ будетъ, и вся благочестивая дѣла будетъ попирати и заповѣди Божія будетъ готовъ отъ себя отринути; токмо до тѣхъ мѣстъ и твердъ человѣкъ во благочестіи, дондеже не возложитъ на ся двоперстнаго сложенія. И сего ради вельми годствуетъ всѣмъ православнымъ христіанамъ блюстися двоперстнаго сложенія, яко яда смертоноснаго. И аще кто не имѣетъ вѣры сему моему изрече-

нію, той вникни въ раскольничу науку: что первѣе предлагаютъ, егда начнутъ кого къ себѣ призывати? То бо и первое слово: знаменайся двоперстнымъ сложеніемъ, то въ раю будеши, а треперстнымъ сложеніемъ не знаменайся, понеже то есть антихристова печать,—тако бо вси отпадшіи отъ святыя церкве нарицаютъ треперстное сложеніе. И я много лжеучителей раскольнича злочестія вопрашивалъ, почесому наричутъ такъ святое сложеніе, Святыя Троицы образъ на себѣ носящее, и ни единъ ми отвѣту никакого не далъ. Имъ было свойственнѣе нарещи антихристовою печатію двоперстное сложеніе, понеже оно не носитъ на себѣ образа Святыя Троицы, но носитъ на себѣ образъ двоицы,—а антихристово пришествіе будетъ въ двухъ лицахъ, якоже тайновидецъ намъ являетъ. Тако бо рече: и видѣхъ звѣря, исходяща изъ моря, имущаго главъ седмь и роговъ десять, и на главахъ его имена хулы. И паки рече: и видѣхъ иного звѣря, восходяща отъ земли, имуща рога два. И сіи два звѣря прообразуютъ антихристово пришествіе въ двухъ лицахъ, а не въ трехъ. И того ради вельми вамъ свойственно есть нарицати антихристовою печатію двоперстное сложеніе, а не треперстное. И аще двоперстное сложеніе и свойственно есть антихристовою печатію нарещи, обаче мы не нарицаемъ того вашего сложенія антихристовою печатію, понеже мы вѣмы, яко печать антихристова имать быти не видима и не осязаема, но на произволеніи человѣчестѣмъ лежащая. А о двоперстномъ сложеніи явно есть, яко оно преддверіе тоя антихристовы печати. Аще бо кто не пріиметъ на ся двоперстнаго сложенія, той въ чело запечатлѣнъ быти не можетъ: въ чело бо запечатлѣетъ тѣхъ діаволъ, кіи хулу изнесутъ на святую церковь и на прочія святыни, Духомъ Святымъ освященныя. И такое хуленіе никогда отъ благочестивыхъ христіанъ не износится и на люторская священнодѣйствія. А у тѣхъ че-

ловѣковъ, кіи воспріяли на ся двоперстное сложеніе, тѣмъ и утѣшаются, еже вся святыни, Духомъ Святымъ освященныя, хулятъ: крещеніе святое хулятъ, тѣло Христово хулятъ, покаяніе хулятъ, мνропомазаніе хулятъ, елеосвященіе хулятъ, вѣнчаніе хулятъ, священство со всѣмъ священнодѣйствіемъ хулятъ. И тѣмъ своимъ хуленіемъ всю тайну антихристову исправили: ибо первый звѣрь, видѣнный отъ Іоанна Богослова, иже изъ моря изыде, имѣяше седмь главъ, а на всѣхъ седми главахъ написаны хулы,—и раскольницы, знаменующіися двоперстнымъ сложеніемъ, вся та хулы исполнили, на вся бо тайны церковныя возложиша хулы. Но еще тіи раскольницы потщавшеся приложили къ тѣмъ седми хуламъ и еще два хуленія: едино на святый и животворящій крестъ Господень, второе возложили хуленіе на троеперстное сложеніе. И тѣми своими хуленьми на троеперстное сложеніе потрясоша всю Россію, и тѣмъ своимъ хуленіемъ загнали россійскаго народа многіе милліоны во адъ. А всей той человѣческой погибели начало двоперстное сложеніе.

И сего ради, для Господа Бога, на тредревесномъ крестѣ распеншагося и отъ тмы невѣденія на свѣтъ благоразумія насъ изведшаго, бойтеся двоперстнаго стоженія, и на раскольнича словеса всепагубныя не слагайтеся, но стойте во благочестіи неподвижно и не пріемлите на ся двоперстнаго сложенія, дабы въ запечатлѣніе антихристово не впасти. Видите бо, каково пагубно есть двоперстное сложеніе, еже безъ него не можетъ никаковъ человѣкъ раскольникомъ быть.

Азъ бо сія пишу остерегая благочестивыхъ христіанъ, кіи въ расколъ еще не впали; а кіи [1]) восхулили троеперстное сложеніе и прочія святыни, святящія человѣки, восхулили, тѣмъ уже сія моя бесѣда не пользуетъ, понеже тіи вси за-

---

[1]) Это слово опущено въ рукописи.

печатлѣни суть антихристовою печатію и покаятися уже не могутъ, якоже и древніи еретицы. Арій, колико отъ святыхъ отецъ увѣщаваемъ ни былъ, не покаялся, и прочіи вси еретицы—Несторій и Македоній и Аполлинарій и инніи таковіи—елико отъ православныхъ увѣщаваемы ни были, не покаялись, понеже вси богохульницы запечатлѣваются антихристовою печатію. Тако и раскольницы, знаменающіися двоперстнымъ сложеніемъ и то свое двоперстное сложеніе вышши всѣхъ святынь вознесшіи, святыни же, святящія человѣки, снизившіи, покаятися не могутъ, понеже вси они пріяша отъ діавола на чела своя и на десную руку антихристово запечатлѣніе. И сего ради вси отпадшіи отъ святыя церкве и благочестіе обругавшіи, упованіе же своего спасенія на двоперстное сложеніе возложившіи, да пріимутъ часть себѣ со армяны и со иными богохульниками,—якоже о томъ Божій судъ постигнетъ ихъ, то и буди имъ.

Насъ же, Господи Боже нашъ, оставшееся отъ раскольнича сообщенія малое Твое стадо, преддверія, къ погибели ведущаго, то есть двоперстнаго армянскаго сложенія на ся не пріемшихъ, соблюди, Боже, по своей человѣколюбнѣй милости отъ того двоперстнаго сложенія и отъ прочіихъ діавольскихъ сѣтей, раскольничимъ вымысломъ распростертыхъ! Но утверди насъ, Боже, неподвижно во благочестіи Твоемъ быти и заповѣди Твоя хранити, и святыхъ отецъ преданія держати, и святымъ треперстнымъ сложеніемъ, образъ Святыя Троицы на себѣ носящимъ, знаменатися во вся дни живота нашего, да не явимся и въ сложеніи перстовъ святѣй Твоей церкви противниками! И сподоби насъ, Боже нашъ, причастниками быти царствія Твоего небеснаго со всѣми древле бывшими христіаны и ненарушимо святую Твою вѣру держати; и тамо, еже бы Тебя, Господа Бога нашего, во Святѣй и нераздѣльнѣй, единосущнѣй и единоравнѣй Троицѣ славити, Отца и Сына и Святаго Духа, въ безконечные вѣки вѣковъ! Аминь.

О молитвѣ Іисусовѣ.[1]

Въ книзѣ Кирилла Іерусалимскаго написано сице: Господи Іисусе Христе, Боже нашъ, помилуй насъ, аминь. И тая святая молитва растолкована сице: *Господи*, то есть обще божественному естеству; *Іисусе* же являетъ существо человѣческое; *Христе* знаменуетъ единъ составъ, во двою естеству отъ Божества и человѣчества составльшійся; а еже рещи *Боже*, и сіе имя на Божественномъ естествѣ носится; а еже рещи *нашъ*, то совокупляетъ выше реченныя имена во едино сочиненіе, да и насъ всѣхъ во едино братство совокупитъ; а еже рещи *помилуй насъ*, и то реченіе являетъ совокупную нашу христіанскую любовь; а еже рещи *аминь*, то есть—право, или воистинну, или буди такъ. Зрите вси, ненавидящіи сію святую молитву, коль она велика! И аще слѣпи есте, то вопросите зрящихъ, и тіи возвѣстятъ вамъ, коль ясно въ Кирилловѣ книгѣ она изъяснена и всякая рѣчь тоя молитвы истолкована въ тонкость; и, слышаще, уразумѣете, коль она велика, и яко древняго преданія, а не вновь сочинена. А вы вси, отъ святыя церкве отрекшіися, вкупѣ отрекостеся и отъ Самого Христа и не токмо отъ Христа, но и отъ молитвы Его, древле уставленныя, вкупѣ со всѣми прочіими святынями. И тако сія святыя молитвы возненавидѣли, еже не токмо вамъ ю глаголати, но ниже слышати хощете; и егда кто изречетъ ю, затыкаете уши свои, яко аспиды, и глухи бываете, и аминя ему не отвѣщаете. И сіе отъ какова разума дѣете? Ей, вси вы въ конецъ обезумилися есте. За двоперстное ваше сложеніе, овладѣлъ вами діаволъ, и что ему потребнѣе, то и дѣете.

---

[1]) Въ краткой редакціи эта статья составила особую, самостоятельную главу—XXI.

Есть въ той молитвѣ небольшая часть Аріева зловѣрія, еже онъ Господа Іисуса Христа Сыномъ Божіимъ нарицалъ [1]). Того бо ради діаволъ, живый въ васъ, и возбраняетъ вамъ сія святыя молитвы, въ Кирилловѣ книгѣ написанныя и въ тонкость истолкованныя, глаголати; а тую повелѣваетъ вамъ глаголати, въ коей есть прозябь Аріевы ереси—въ коей молитвѣ Іисусъ Христосъ Богомъ не нареченъ, но токмо Сыномъ Божіимъ. И за тую молитву повелѣваетъ вамъ страдати, и нѣціи изъ васъ помроша, а Богомъ Іисуса Христа не проглаголаша. И о той молитвѣ древней на блаженнаго Никона патріарха вину возложили, якобы онъ тую святую молитву древнюю издалъ отъ себя вновь, и прозвали ее новою молитвою, якоже и церковные догматы древніе нарекосте новыми догматы, и тѣмъ злословіемъ весь народъ простый возмутисте. И вы, бѣдные слѣпцы, возьмите книгу святаго Кирилла Іерусалимскаго и исчислите лѣта: въ толь лѣта она напечатана, въ кіихъ лѣтѣхъ Никонъ былъ на Москвѣ патріархомъ, или до его патріаршества? И азъ вѣмъ, яко книга святаго Кирилла Іерусалимскаго бысть напечатана во .... году, при Іосифѣ патріархѣ, а Никонъ патріаршество воспрія послѣди тоя напечатанныя книги лѣтъ десять спустя. И аще можете по лѣтописи разумѣти, еже тая книга до Никонова патріаршества напечатася, то не положите-ли руки на устѣхъ своихъ блядословныхъ, и не заградятся ли уста ваша, глаголющая неправду? И како въ сіей

---

[1]) Эта фраза въ рукописи, очевидно, искажена до полнаго извращенія смысла, въ чемъ убѣждаетъ слѣдующая же, рядомъ съ ней стоящая, фраза. Въ краткой редакціи, начиная со ссылки на Арія, дальнѣйшій текстъ всей этой статьи о молитвѣ Іисусовой переданъ въ существенно сокращенномъ видѣ (стр. 222—223).

[2]) Цифра года въ рукописи перечеркнута, такъ что разобрать ее нельзя.

молитвѣ явилась ваша неправда, тако и во всѣхъ вашихъ глаголѣхъ явная неправда; да живый въ васъ діаволъ очи ваши ослѣпилъ и умъ омрачилъ, и того ради никаковыя правды разумѣти не можете. Мочно было и по единой сей молитвѣ всѣмъ и простымъ людямъ безуміе ваше и діаволомъ наущенную ложь познать, еже вы всякое старое преданіе нарицаете новымъ и на Никона патріарха всуе клевещете, и за что клевещете, того и сами не вѣсте,—да не вѣмъ, чесо ради тако вси людіе обезумилися, еже не могутъ видѣти вашея лжи, и послѣдуютъ вамъ. И вамъ мочно бы и самимъ уже образумитися и надъ душами христіанскими умилитися и престати ихъ прельщати и въ вѣчную погибель сводити. Ей, не токмо сугубо, но и стогубо пострадждете, за всякую бо душу воздадите отвѣтъ Богу. Мочно бы вамъ сіе слово Христово памятствовати, еже рече: аще кто соблазнитъ токмо единаго вѣрующаго въ Господа, унѣе ему есть, да обѣсится на выю его осельскій жерновъ и потонетъ въ морской пучинѣ. Видите-ли, и за единаго человѣка что Господь придече за соблажненіе; кольми же паче тому зло, кто многихъ соблазнилъ и лжесловіемъ своимъ отъ святыя церкве и отъ всего благочестія и отъ пріятія тѣла Христова отлучилъ и души ихъ во адъ свелъ. Всѣмъ вамъ, отпадшимъ отъ благочестія и въ расколы вдавшимся, глаголю: Господа ради осмотритеся и предъ Господомъ Богомъ покайтеся; а аще за запечатлѣніемъ антихристовымъ сами покаятися не можете, то престаньте иныхъ развращати и во адъ сводити, дабы вамъ на томъ свѣтѣ мало поотраднѣе было.

Ей, аще вы осмотритеся, то сами себѣ будете дивитися, за еже безъ ума трудитеся и Никона патріарха злорѣчите и ругаете безвинно; и за то руганіе на томъ свѣтѣ воздадите страшному Судіи отвѣтъ. Діаволъ на него ратуетъ, по своему демонскому бытію, дѣльно, понеже онъ діа-

волъ Божіихъ ревнителей ненавидитъ, а Никонъ патріархъ великія шкоды ему діаволу подѣлалъ: въ церквахъ бывшее безуміе и мятежи отставилъ и уставилъ единогласіе, дабы вси людіе слушали и разумѣли, что читаютъ и что поютъ, и всякое благочестіе уставилъ и инная многая безчинія, въ церквахъ содѣвающаяся, отсѣкъ, о нихъ же отчасти воспомянухомъ въ 15 главѣ сея книги, и аще кто хощетъ, тамо зри. И се паки речемъ о блаженномъ Никонѣ патріархѣ: егда бо узрѣ и въ книгахъ кая погрѣшенія, многая въ нихъ исправилъ, и за таковое его благое раченіе нельзя діаволу на него не ратовати. А вы за что на него ратуете, того и сами, азъ вѣмъ, еже не вѣсте; а нынѣ присмотрихомъ, за что на него ратуете: діаволъ бо, по двоперстномъ сложеніи вшедый въ васъ, научаетъ васъ сему и всему богопротивному дѣлу. И аще мнѣ не имѣте вѣры, то разумѣйте по дѣломъ своимъ, яко азъ право глаголю. Діаволъ крещенія святаго ненавидитъ, и васъ научи ненавидѣти; діаволъ покаянія ненавидитъ, и васъ научи покаянія ненавидѣти; діаволъ тѣла Христова ненавидитъ, и васъ научи ненавидѣти: діаволъ и зрѣти на тѣло Христово не можетъ, тому и васъ научаетъ, дабы и вы вси тѣла Христова не требовали. Діаволъ и креста святаго четвероконечнаго ненавидитъ, и васъ томуже научаетъ, дабы и вы креста святаго ненавидѣли. Діаволъ святаго четвероконечнаго креста ненавидитъ того ради, за еже имъ побѣжденъ бысть, понеже Христосъ Господь распятъ бысть на четвероконечномъ крестѣ. И мы вси ограждени и освящени четвероконечнымъ крестомъ, и отъ него защищаемся не инымъ каковымъ крестомъ, но токмо четвероконечнымъ, — того ради вельми діаволъ ненавидитъ креста четвероконечнаго; и вы ревнуя поревновали есте, паче бо діавола ненавидите святаго креста четвероконечнаго. Осмиконечнаго жъ креста не возбраняетъ вамъ діаволъ чтити, за еже онъ не осмиконечнымъ крестомъ бысть по-

8

бѣжденъ, но четвероконечнымъ, и понеже осмиконечный крестъ и силу въ себѣ не таковую содержитъ, ибо вся сила божественная заключена въ четвероконечномъ крестѣ. И вся святая писанія прославляютъ крестъ Христовъ четвероконечный, а о осмиконечномъ крестѣ нѣсть въ божественномъ писаніи ни единаго словесе, еже бы онъ похваленъ, или чѣмъ почтенъ, или какое о немъ было свидѣтельство; вся бо святыни освящаются и мы вси знаменаемся и отъ діавола защищаемся безъ приложенія подножнаго и надглавнаго единымъ существеннымъ крестомъ безъ всякаго притвору, то есть четвероконечнымъ. И того ради нельзя діаволу его не ненавидѣть; а вамъ что зло четвероконечный крестъ содѣла? За что вы его ненавидите? И явѣ есть, яко живый въ васъ діаволъ повелѣваетъ вамъ его ненавидѣти, дабы ему свободно въ васъ жилище свое имѣти; а о осмиконечномъ вамъ не претитъ того ради, понеже нѣтъ ему отъ осмиконечнаго креста тѣсноты: той бо крестъ не дѣйствителенъ. И аще четвероконечнымъ крестомъ, охуливъ его и обругавъ, знаменается, то уже онъ вами не дѣйствуетъ,—по вѣрѣ бо вашей тако вамъ быстъ за Господнее слово, реченное: по вѣрѣ ваю буди вама. Вы вси нарицаете его мерзостью запустѣнія и антихристовою печатью и весьма его уничтожили есте, ктому же знаменаетеся двоперстнымъ сложеніемъ, и того ради онъ не дѣйствуетъ въ васъ. И посему мочно вамъ и самимъ познати, что живетъ въ васъ діаволъ; того ради и дѣла вся исправляете угодная діаволу, а не Богу. Подобнѣ и молитву Іисусову сильнѣйшую отъя отъ васъ и повелѣваетъ вамъ глаголати согласную со аріевою ересію.

Что діаволу угодно и невредительно ему, то вы и любите, за то вы готовы и души свои положити, а еже діаволу противно, а Богу свойственно, то все отъ себя отвергосте въ далекость и попранію предасте. И сице творя, какъ вамъ не разумѣти, еже діаволъ живетъ въ васъ: аще бы онъ

въ васъ не жилъ, то иное бы отъ невѣденія своего сдѣлали худо, а иное сдѣлали-бъ и добро. И посему вси о себѣ вѣдайте, яко діаволъ уже вами овладѣлъ есть, да видяще не видите и слышаще не разумѣете. И о семъ себѣ извѣстно вѣдайте, яко и до покаянія святаго уже васъ не допуститъ, но исторгнетъ души ваши по своей ему воли; понеже благодать Божія, зловѣрія ради вашего, отъяся отъ васъ, и ангелъ Господень, бывый вамъ охранитель, за охуленіе дѣйства Святаго Духа, отступи отъ васъ. Такую надъ вами погибель зря, кто отъ вѣрныхъ не возрыдаетъ? О, горе, горе! О, горе, всѣмъ впедшимъ въ расколъ и самоохотнѣ въ діаволи руцѣ вдавшимся! Сего ради съ великимъ опасеніемъ намъ надобно жити, дабы чѣмъ не присоединитися къ раскольничу зловѣрію, дабы и въ насъ діаволъ не вселился и такожде-бъ не овладѣлъ, яко и раскольниками владѣетъ.

Паки вамъ реку о блаженномъ Никонѣ патріархѣ: аще узрѣли есте въ немъ богословныя какія вины, отъ правовѣрія отводящія, то безгрѣшно есть вамъ на него ратовати, ито тогда безгрѣшно, егда бы вы отъ заблужденія своего на истинный путь обратилися; а егда сами вы во тмѣ шатаетеся, не свойственно вамъ о свѣтѣ поущати. А аще же богословныя вины въ немъ не зрите, то вы ревнуете діаволу, и той, обладаяй вами, ведетъ васъ, яко сомовъ, за собою въ бездну. Вамъ было на діавола смотрѣть нечего; хорошо бы вамъ разумъ свой имѣти и, разсмотря, праведнаго поносить и злословить, дабы Богу за то отвѣту не дать. За что надлежало Никона патріарха блажить, а вы за то его злословите и, возненавидя его, возненавидѣли есте вкупѣ и вся правая его исправленія, и изнесосте на него ложное слово, якобы онъ изъ Іисусовы молитвы Сына Божія отставилъ, и простый народъ возмутили есте и подвигли всѣхъ ихъ на роптаніе на того добраго ревнителя, и пронесли есте слово, якобы и всѣ книги онъ перепортилъ. Ей-ей, дать

вамъ Богу отвѣтъ за тое напрасное оклеветаніе! И аще до днесь слѣпотствовали есте, то нынѣ прозрите и о молитвѣ посмотрите въ книзѣ Кирилла Іерусалимскаго, такожде и о иныхъ исправахъ догматическихъ посмотрите въ древнихъ греческихъ и русскихъ рукописныхъ книгахъ; и тамо вся узрите, яко новоисправныя книги съ древнихъ правлены. И то правленіе ста соборное, а не собою Никонъ патріархъ правилъ; якоже о сей молитвѣ лжеучители ваши солгали на Никона, тако и во всѣхъ богословныхъ исправахъ ненавидяй правовѣрія діаволъ научилъ васъ по своему свойству лгати, понеже діаволъ лжи начальникъ и отецъ есть. А еже ропщете и на исправу правописанія, и то безъ ума ропщете на Никона: правописанію убо учитъ наука грамматическая, а не Никонъ научилъ, како реченія исправляти. И вы, Господа ради, осмотритеся и на истинный путь обратитеся, съ покаяніемъ ко Господу Богу прибѣгните, и православныхъ христіанъ не развращайте, на Никона патріарха роптать не поучайте, дабы не пріяти вамъ сугубаго мученія —здѣ и въ будущемъ вѣцѣ. Насъ же утверди, Господи Боже нашъ, еже бы неподвижнымъ отъ благочестія быти и вся преданія церковная неизмѣнно держати и яко Отца Богомъ нарицати, тако и Сына не токмо Сыномъ Божіимъ, но истиннымъ Богомъ въ молитвѣ и во всякомъ реченіи именовати, и Духа Святаго Богомъ глашати, и не три Бога числити, но единаго Бога въ тріехъ лицахъ славити и воспѣвати во вся дни живота нашего. И по разлученіи отъ тѣла сподоби насъ, Боже Тріѵпостасный, не по дѣломъ нашимъ, но по Твоей неизреченной человѣколюбной благости въ десности Твоей, Боже нашъ, стати и Тебе, Господа Бога Отца и Сына и Святаго Духа, славити и воспѣвати въ безконечные вѣки вѣковъ! Аминь.

Православнымъ христіанамъ съ еретиками и со отвергшимися отъ святыя церкве не молитися.

Глава XX[1]).

Помѣстнаго собора, иже въ Лаодикіи, правило 33-е повелѣваетъ сице: съ еретики и со отвергшимися отъ соборныя церкве да никтоже молится; а аще кто помолится со еретики или со отлучившимися своею волею отъ соборныя церкве, самъ отлученъ да будетъ. И тое же правило сказуетъ намъ явственно, кто есть еретикъ, рече бо сице: еретицы же глаголются, иже о вѣрѣ блазнятся и согрѣшаютъ; отлучившіися же отъ соборныя церкве епископовъ нашихъ богатства ради хулятъ, друзіи же ради иныхъ винъ имѣютъ нѣкія особыя распри, недоразумная словеса божественнаго писанія неправо сказующе. И противо сего святаго правила что отвѣщаете вы вси, отпадшіи отъ святыя церкве? Довольно бо вамъ на пораженіе вашего суесловія единаго сего правила [2]). Азъ не вѣмъ, како вамъ противу его отвѣщати или что возглаголати; но лучши руку на устѣхъ своихъ положити и

---

[1]) Въ краткой редакціи—XXIII глава.

[2]) Все продолженіе этого трактата до слѣдующей красной строки въ краткой редакціи опущено.

молчаніемъ себя прикрыти, понеже въ самое лице поразило васъ и блядословная ваша уста замкнуло. Сіе правило намъ православнымъ ясно васъ показа, обнаженныхъ суще:— вы бо по сему правилу совершенные еретицы, понеже о вѣрѣ блазнитеся,—и намъ православнымъ христіаномъ запрещаетъ съ вами молитися. И аще сего правила, толь яснаго о васъ написаннаго, познать не можете, яко въ самое лице васъ біетъ, и речете, якобы не о васъ оно глаголетъ, то васъ примѣнить уже не къ чему: всѣхъ бо тварей на свѣтѣ хуждши есте и нѣсть ни единаго животнаго вамъ подобнаго, но токмо по всему вашему разуму подобни вы бездушнымъ идоламъ. Тіи бо очи имутъ и не видятъ, уши имутъ и не слышатъ; и ничимъ-же вы отъ нихъ не разнитеся есте: очи имате, якоже и прочіи человѣцы, а еже написано правотою не видите; и уши имате человѣческія жъ, а правду глаголющихъ не слышите, ниже разумѣете, что о васъ писано. Азъ вѣмъ, яко и самые простцы и поселяне сущіи могутъ познать, еже о васъ оно речено и все бытіе ваше въ немъ объявлено и ясно обнажено, а вы не можете его разумѣти. Святіи отцы, на томъ Лаодикійскомъ соборѣ сошедшеся, Духомъ Святымъ движими въ предбудущая, предувѣдаша и ясно прорекоша о нашемъ народѣ, въ расколы впадшемъ. Се бо видите ли и разумѣете ли, кто своею волею отлучися отъ святыя церкве?—не вы ли? Кто же и о вѣрѣ блазнится?— не вы ли? Кто же и архіереевъ ради богатства хулитъ?— токмо вы едини. И недоразумная словеса божественнаго писанія кто неправо разсуждаетъ?—точію вы со лжеучительми своими. И все то правило Лаодикійское, якобы на васъ зря, написано. И тое-жъ святое правило намъ православнымъ христіанамъ съ вами, отпадшими отъ святыя церкве, и молитися не повелѣваетъ. И тако намъ запрещено, аще кто съ вами помолится, и тотъ человѣкъ, аще и раскола не держащься,

обаче подобенъ будетъ вамъ и отлученіе таковое-жъ воспріиметъ.

Святый Іоаннъ Златоустый глаголетъ сице: слышите вси, иже съ еретики вкупѣ ядущіи, болѣзненный сей отвѣтъ, яко и вы врази бысте Христовы. Иже бо врагамъ царевымъ другъ, той уже не можетъ царевъ быти другъ, и жити таковый не достоинъ есть, но со враги погибнетъ и горшая подъиметъ [1]). Зрите, православніи, и внемлите, что святый Златоустый глаголетъ: се бо не повелѣваетъ никогда съ еретики содружія имѣти; а аще кто съ ними дружбу будетъ имѣти, той постраждетъ горши еретиковъ. И сему всему намъ, во православіи сущимъ христіаномъ, твердо подобаетъ внимати и съ великимъ опасеніемъ жити, дабы со отвергшимися отъ святыя церкве содружія никакова не имѣти и во обществѣ съ ними по ихъ зловѣрію не помолитися, дабы отъ Бога казни, имъ уготованныя, намъ не пріяти и вѣчнѣ бы себя не погубити. Людіе православніи! аще въ чесомъ либо возмните, яко азъ не дѣльно о раскольникахъ написахъ, или кто не вѣсть ихъ зловѣрія, той самъ себѣ о нихъ разсмотри со вниманіемъ. Узриши бо, яко они самые суть враги Христовы и, по лаодикійскому вышеписанному святыхъ отецъ правилу, совершенные еретики: они бо ни кѣмъ принуждаеми, но сами своею волею отъ святыя церкве отрекошася. А еже о вѣрѣ блазнятся, о томъ всѣмъ живущимъ въ Россіи извѣстно есть, и отъ блазни своея и въ ереси всепагубныя впадоша. И тамо въ правилѣ написано: аще кто токмо о вѣрѣ блазнится, той еретикъ есть; а наши раскольницы не токмо блазнятся, но уже и отрекошася отъ всего правовѣрія и воспріяша себѣ новую особую еретическую вѣру. Вмѣсто святыхъ церквей Христовыхъ въ домѣхъ своихъ молятся, и въ

[1]) Все продолженіе этой главы въ краткой редакціи передано въ сокращенномъ перифразѣ.

подполіяхъ, и въ подовиніяхъ службы церковныя отправляють; дѣтей своихъ новорожденныхъ по дважды крестятъ, а иніи и ни по однажды, и живутъ по мордовски, причащенія тѣла и крове Христовы весьма отметнушася,—овіи сказуютъ о себѣ, яко ангели ихъ причащаютъ невидимо, а инѣхъ изверженные попы причащаютъ запаснымъ причастіемъ, — а гдѣ тѣ распопы берутъ запасъ, о томъ никто изъ нихъ не вѣсть. А иніи причащаются таковымъ проклятымъ причастіемъ: иже въ скитѣхъ живущіи, держатъ у себя дѣвокъ и съ ними блудно приживъ младенца, егда младенецъ родится, не токмо его крестятъ, но и не обмывъ того младенца со всѣмъ причащаютъ[1]), и той пепелъ въ просфоры своя запекаютъ и таковою скверною причащаютъ единовѣрцевъ своихъ. И тые ихъ раскольничи потаенные попы, по существу же распопы, у тѣхъ ли скитянъ запасъ берутъ или гдѣ индѣ, того азъ не извѣстенъ. А во иныхъ мѣстѣхъ вмѣсто поповъ дѣвки священнодѣйствуютъ и причащаютъ ягодами. И колико ихъ есть разныхъ уставовъ, того исчислити не возможно; обаче вси они единодушно отъ святыя церкве отвергошася, а аще кіи къ церкви святѣй и ходятъ, обаче никто изъ благочестивыхъ да не вѣритъ имъ: они бо ходятъ токмо ради лица, дабы имъ непознаннымъ быти, а не ради духовныя пользы. Они во церкви стоятъ тѣломъ, а духомъ внѣ церкви; нѣсть бо того во церкви, чего бы они не хулили и не ругали. И аще кто хощетъ удостовѣриться о ихъ ложномъ прихожденіи, то посмотри: многія-ль ко святому причащенію приступаютъ? Азъ бо быхъ въ великомъ Новѣ-городѣ на страстной недѣлѣ у церкви Димитрія Селунскаго; и какой тамо приходъ великій, богатый и многонародный, а въ великій четвертокъ и въ великую субботу не бысть ни единаго причастника, ниже на пасху кто приступилъ къ тѣлу святому, и не токмо къ такому великому та-

[1]) *сожигаютъ?*

инству, но ниже ко антидору приступилъ,—вси бо вкупѣ отрекошася. Посадники такожде отъ лжеучителей развращени суть; егда сотая часть обрящется изъ нихъ благочестія держащаяся, но вси, якоже выше рѣхомъ, тѣло Христово хулятъ и мерзостію запустѣнія его нарицаютъ, крестъ Христовъ хулятъ и антихристовою печатью его наричутъ, и вся святыни, святящія человѣки, хулятъ и оскаржаютъ. И за такія ихъ богомерзкія дѣла, свойственно ли православному христіанину съ ними сообщатися? Ей, никако. Не достоитъ бо съ ними ни ясти, ни пити, ниже иное какое содружіе имѣти. И аще кто отъ вѣрныхъ съ ними сообщится, то како ему за то не воспріяти мученія? Господа ради Бога, бойтеся сообщенія съ раскольники, со всѣми беззаконноучительми и со учениками ихъ, но бѣжите отъ нихъ, яко отъ лютаго змія!

Лжеучителемъ и лжепророкомъ и всѣмъ ратующимъ на святую восточную церковь не молчати.

Глава XXI[1]).

Самъ Господь Богъ рекъ: внемлите отъ лживыхъ пророкъ, иже приходятъ къ вамъ во одеждахъ овчихъ, внутрь же суть волцы и хищницы; отъ плодовъ ихъ познаете ихъ: егда объемлютъ отъ тернія грозды или отъ рѣпія смоквы? Тако всякое древо доброе плоды добры творитъ, а злое дерево плоды злые творитъ; не можетъ древо злое плодъ добръ творити. И прирече Господь, глаголя: всякое убо древо не творящее плода добра посѣкается и во огнь вметается. Тѣмъ же убо отъ плодовъ ихъ познаете ихъ.

Зрите, лжепроропы и лжеучители и вси отъ святыя церкви отщепившіися, что о васъ глаголетъ Господь: повелѣваетъ бо васъ огнемъ сожигати. А вы злорѣчите добраго пастыря и по Бозѣ ревнителя блаженнаго Никона патріарха. Онъ имѣлъ ревность Иліину: святый бо пророкъ Илія своима рукама не право творящихъ, въ ветхомъ завѣтѣ,

---

[1]) Въ краткой редакціи—XXIV глава.

закла ножемъ и двократно по пятидесяти человѣкъ огнемъ попали и кровь человѣческую многую пролія, — негли онъ согрѣшилъ, еже вааловыхъ жрецовъ изби? И посему, что-жъ вина и Никона патріарха, еже не ветхозавѣтныя вѣры, но новыя Христовы вѣры развратниковъ, соборнымъ судомъ осудивъ, повелѣ огню предавати? Видите ли, несмысленніи, яко Самъ Господь Богъ осуди васъ огнемъ сожигати; рече бо притчею, сице глаголя: всякое убо древо, не творящее добра плода, посѣкается и во огнь вметается. И вы сами на ся посмотрите дѣлаете ли вы плоды добрые?—Ни, но дѣлаете плоды злы: лжепророчествуете о антихристовѣ пришествіи, чего не токмо апостолы Христовы, но ни ангели, ниже Сынъ человѣческій, то есть Христосъ Господь, по человѣчеству вѣсть; а вы ту отъ Бога сокровенную тайну нудитеся вѣдати и тѣмъ своимъ лжепророчествомъ многихъ во отчаяніе приводите. И святыни вси хулите, тѣло Христово всѣхъ на свѣтѣ хуждшихъ сквернъ сквернѣе поставляете. И сего ради нѣсть въ васъ плодовъ добрыхъ; добрѣ бо о васъ Никонъ патріархъ чинилъ, еже огнемъ всѣхъ развратниковъ церковныхъ сожигалъ. Зрите, что содѣла прежде Никона святый Левъ, епископъ Катанскій: егда бо узрѣ во церкви человѣка соблазняющаго люди и прешкожающаго люди, оставивъ бо святыя литургіи службу, изшедъ изъ алтаря, ятъ того блазнителя и, связавъ своимъ омофоромъ, изведе изъ церкве и повелѣ возгнетити огнь и того развратника вовлече въ той разженный огнь; и стоя той святый Левъ во огни держалъ того врага Божія связаннаго, дондеже сгорѣ. По истребленіи же того непотребнаго плевела, изыде святый Левъ изъ огня невремденъ и вшедъ во церковь доверши святую литургію. Негли речете, яко и сей согрѣши, еже, оставивъ божественную службу святыя литургіи, человѣка предаде своима рукама смерти? Но зрите: аще бы сіе дѣло

было Богу не угодно, то небы послѣдовало чудо, еже и самъ той святитель, во огни стоявъ, не опалися.

И въ Кормчей написано въ 36 листу: отъ Леона царя повелѣно манихеанъ и монтанъ мечемъ посѣщи. Видите ли, ропщущіи на Никона патріарха: се бо издревле повелѣно еретиковъ истребляти и смерти предавати, и сей уставъ о погубленіи еретиковъ не отъ Никона начася, но Самъ Господь повелѣлъ притчею, глаголя къ неправостнымъ, яко не творящее плода добра древо посѣкается и во огнь вметается. И се отнынѣ не ропщите на Никона патріарха: надобно бо такъ, еже развращающихъ благочестивую христіанскую вѣру подобаетъ, аще огнемъ и аще мечемъ, обаче достоитъ смерти предавати, дабы болѣе не расширялись. Святый же Іоаннъ Златоустъ глаголетъ сице: аще кто понуждаетъ на зло или вѣру развращаетъ, ты же, то въ немъ зря, умолчиши, Бога ратника себѣ сотвориши и брата повредиши; возвѣщая же и явѣ творя, и Бога имѣти будеши милостива, и сего пріобрящеши, и друга стяжеши не неистинна. И по сему Златоустову словеси, видя кого въ расколъ впадша, наипаче же егда кого узритъ кто совращающа людей съ истиннаго пути, отнюдь молчати не подобаетъ, но обличати ихъ и явѣ творити я, дабы Бога ратника себѣ не сотворити и за умолчаніе бы души своея вѣчною погибелію (не погубити), но еже бы за обличеніе врага Божіяго милость себѣ отъ Бога получити.

Святый апостолъ Петръ за едину токмо ложь мужа со женою смерти предаде. Видите ли, яко Ананія со женою своею токмо въ цѣнѣ солгали, обаче отъ верховнаго апостола Петра смерть пріяли незапную; а вы многотысящнѣе Ананіи и Сапфиры должни есте за многая ваша ложная глаголанія смерть пріяти. Ананія токмо единою солга и то не на Бога солга и не на святыню каковую любо ложь сши,

но въ цѣнѣ своего села солга; вы же что ни глаголете, то лжете,—вся бо глаголы ваши исполнени суть лжи. Ананія ложью своею никого отъ правовѣрія не отврати и въ пропасть адскую не сведе, а тако пострада; вы же на вся святыни лжете и ложными своими глаголы тѣло и кровь Христову въ скверность превращаете, и людей Божіихъ благочестивыхъ тѣмъ лжесловіемъ развращаете и въ пропасть адскую низводите, а обаче живы есте. Аще бо бы прозрѣлъ кто изъ васъ поне единымъ умнымъ окомъ, то бы и самъ той осудилъ себя, яко достоинъ есть смерти. Самъ бо Господь повелѣ о васъ внимати и познавати васъ отъ плодовъ вашихъ; и прирече, яко древо злое не можетъ плода добра творити, а кое древо плода добра не творитъ, рече Господь, посѣкается и во огнь вметается. И сіе слово Господне слышавъ и Петра апостола, смерти предавша токмо за едино солганіе цѣны, мочно вамъ отъ лживыхъ словесъ престати и въ покаяніе пріити.

И аще вы сами о себѣ не вѣсте, еже плодовъ добрыхъ нѣсть въ васъ, то вопросите вы Іоанна Златоустаго; той бо вамъ скажетъ (намъ же уже давно объявилъ), кто есть безплодный человѣкъ и како познавать тыхъ человѣковъ, въ нихъ же плодовъ добрыхъ нѣсть. Рече бо тако: можете ихъ познать отъ ложнаго пророчества и отъ хуленія ихъ. И вы, аще и о семъ не вѣсте, еже вы, отпадшіи отъ святыя церкве, плоды злы творите, то нынѣ посмотрите на себя, нѣтъ ли въ васъ какова лжепророчества и нѣтъ ли въ васъ какова хуленія; и аще ощутите въ себѣ сіи двѣ страсти, то вѣдайте себѣ, яко нѣсть въ васъ плодовъ добрыхъ. А аще, за затменіе ума, и сего познать не можете, то азъ вамъ скажу: не вы ли пророчествуете о скончаніи міра и о антихристовѣ пришествіи? И о семъ вси вы вѣсте, яко всѣхъ

вашихъ разновѣрій наставники ваши погибельніи не умолкая вамъ сказують антихристово пришествіе,—и сіе не ложное ли вашихъ лжеучителей пророчество?—Ей, ложное: чесого и ангели Божіи не вѣдятъ, а ваши лжеучители сказуютъ, яко вѣдятъ. Ей, на своя главы лжете, понеже сію тайну Богъ соблюдаетъ токмо въ Себѣ Самомъ Единомъ. Егда бо Христа ученики вопрошали о скончаніи міра, аще и всякую имъ власть даде и предвѣденіе о многихъ дѣлѣхъ откры, о скончаніи жъ вѣка не токмо даде имъ знати, но на вопрошеніе ихъ и отрече, глаголя: нѣсть ваше разумѣти времена и лѣта, яже положи Отецъ во области своей [Дѣян. I—7.]. А вы бѣдные въ такое великое таинство Божіе вступаете и, чего не вѣсте, прорицаете и людей Божіихъ во отчаяніе приводите и отъ правовѣрія христіанскаго отводите. Сами вы на прорицанія своя посмотрите: не ложное-ль вашихъ тѣхъ проклятыхъ лжеучителей пророчествованіе? [1]) Уже бо вы вѣсте, яко изъ давныхъ лѣтъ прорицаютъ, сказующе—того года, то иного скончаніе вѣка будетъ. Подобнѣ и о антихристѣ такожде прорицали и лицо сказывали, и вся тая ихъ ложная лжепророчества минушася; обаче и нынѣ не престая прорицаютъ. И аще Богъ въ сердце не вложитъ благочестивому нашему Монарху, еже бы по Господню глаголу сихъ злоплодныхъ человѣковъ отъ земли всѣхъ истребити, то и дѣти ваши послѣди васъ и дѣтей вашихъ дѣти такожде будутъ лжепророчествовати. И азъ уже вѣмъ, яко близъ пятидесяти лѣтъ влечется вышеписанное лжепророчество; а аще истребленія имъ не будетъ, то ни во сто лѣтъ собою не престанутъ лжепророчествія своего; понеже діаволъ на таковое лжепрорицаніе подущаетъ, дабы тѣмъ благовѣріе христіанское повредити.

---

[1]) Окончаніе трактата опущено въ краткой редакціи.

Посмотрите-жъ въ себѣ и вторыя признаки: нѣтъ ли въ васъ какова хуленія? И аще не видите, яко есть въ васъ таковыя страсти, азъ вамъ изъявляю, яко есть со излишествомъ въ васъ хуленія и не бывало отъ начала свѣта таковыхъ на Духа Святаго и на тѣло Христово и на вся святыни хульниковъ, яко вы явистеся, и о хуленіи вашемъ много уже напреди бесѣдовахомъ. И по таковой признакѣ не мочно ли вамъ познати, яко всему сему вси вы причастницы; а уже когда причастницы есте хулѣ, то паки нѣсть въ васъ, по Златоустову сказанію, плодовъ добрыхъ. А таковыхъ злоплодныхъ Самъ Господь Богъ повелѣ посѣкати и огнемъ сожигати. И ужели не уразумѣли есте, яко безгрѣшно есть сіе, еже лживыхъ учителей отъ земли истребляти и огню предавати, дабы то ихъ ложное ученіе не расширялося? О семъ, чаю, и сами вы вѣсте, яко добрый врачъ, егда узритъ у человѣка гнилый удъ, то ножемъ отрѣзуетъ и пилою оттираетъ и огнемъ сожигаетъ, дабы все тѣло не согнило; и за то не злобятся на того врача, но и похваляютъ его, за еже не даде всему тѣлу согнитися. Подобнѣ и блаженный Никонъ патріархъ, усмотря гнилые уды церковнаго тѣлесе, отсѣкалъ и огнемъ сожигалъ, и за то не достоитъ его злорѣчити, но достоитъ его блажити, заеже былъ добрый пастырь и ревнуя поревнова по святѣй церкви. Я чаю, что и въ васъ есть таковые люди, иже вертограды у себя имѣютъ, и егда узрятъ на древѣ плодоносномъ вѣтвь сухую, не отрѣзаютъ ли ю прочь, дабы все древо не посохло? Или, егда узрите во овощіи тернъ возрастающъ, не исторгаете-ль его, дабы овощія не подавило? Тако бо и въ духовномъ дѣлѣ вся соблазны подобаетъ истребляти. И посему всему блаженъ есть и треблаженъ Никонъ патріархъ, за еже Божіе повелѣніе исполнялъ и древеса, неплодящая добра, посѣкалъ и во огнь вметалъ.

Паки и о семъ чаю (не) невѣсте, еже Господь рекъ, глаголя: горе міру отъ соблазнъ и горе человѣку тому, имъ же соблазнъ приходитъ: лучши бо есть да обѣсится на выи его жерновый камень и потонетъ въ пучинѣ моротѣй. А въ вашей ереси пребывающіи и по домамъ понырающіи есть таковые, иже соблазнили многія тысячи человѣковъ и во адъ свели, и таковые человѣцы како не достойни истребленію?—Ей, достойни самой злой и горькой смерти [1]). И таковыхъ враговъ Божіихъ отнюдь не подобаетъ на покаяніе отпускати: Самъ бо Господь пречистыми своими усты рекъ, яко таковымъ хульникамъ не отпустится грѣхъ ни въ сей вѣкъ, ни въ будущій. Уже бо нѣсть имъ покаянія; и аще бы кто изъ лжеучителей и помнилъ покаятися, да уже не можетъ, понеже вси отпадшіи, вшедшіе въ хуленіе на каковыя святыни, сами собою не владѣютъ, но владѣетъ ими предводитель ихъ діаволъ. Егда бо кой человѣкъ восхулитъ святую церковь и въ ней дѣйствуемыя святыни, и, треперстное сложеніе отвергши, по раскольничу умству возложитъ на ся двоперстное сложеніе, тогда отъ того человѣка благодать Божія отступаетъ и власть надъ нимъ пріемлетъ діаволъ и антихристовою печатію его на челѣ и на деснѣй руцѣ запечатлѣваетъ; и уже таковые человѣцы никогда покаятися не могутъ,—то имъ и покаяніе, еже смерти преданіе. И аще кто надъ таковымъ человѣкомъ помилосердствуетъ и свободитъ на покаяніе, той таковъ же врагъ Богу явится, заеже врага Божія пощадилъ и пустилъ его паки на первая его злая дѣла; и по отпущеніи колико той врагъ Божій душъ человѣческихъ во адъ сведетъ, то всѣхъ тѣхъ душъ взыщетъ Богъ на томъ, кто его отъ смерти свободилъ. Азъ много таковыхъ видѣ, иже явились, якобы на покаяніе при-

---

[1]) Отселѣ все окончаніе главы въ краткой редакціи передано сокращенно и съ существеннымъ измѣненіемъ въ содержаніи.

шли, и къ церкви ходили, и тѣло Христово принимали, послѣди-жъ горше перваго своего бытія быша врази Христовы. Истинно бо подобаетъ всѣмъ православнымъ христіанамъ ревновати Никону патріарху и всѣми силами подвизатися, како бы тѣхъ враговъ Божіихъ въ конецъ истребити. Аще бы по уставу Никона патріарха не послабляли тымъ раскольничимъ лжеучителямъ, то до днесь не протягнулась бы тая ихъ раскольнича ересь и давно бы уже безъ вѣсти они были, и святая церковь въ тишинѣ бы велiей была.

Зрите-жъ и сѣмо, что святый Павелъ апостолъ глаголетъ; рече бо: не пріобщайтеся дѣламъ непотребнымъ тмы, паче же обличайте; понеже бываемая отай отъ нихъ срамотно есть и глаголати; вся же обличаемая отъ свѣта является, все бо являемое свѣтъ есть (Ефес. V, 11—13). Зри, лжеучитель, и внемли, что святый Павелъ вѣщаетъ: се бо и той повелѣ васъ обличати и, располагая, глаголетъ, яко тайно содѣваемая дѣла тма есть, явѣ-жъ вѣщаемая свѣтъ есть. И вы и посему Павлову сказанію посмотрите на ся: не вси-ль ваши лжеучители тайно о своихъ догматахъ разглагольстствуютъ? И то ваше ученіе, по Павлову словеси, тма есть, и вы тоя тмы держитеся, ко свѣту-жъ не приходите и ясно ничего не проповѣдуете. И посему явно есть, яко служите тмѣ, а не свѣту.

И паки святый Павелъ, уча насъ, рекъ: не бывайте несмысленни, но разумѣвайте, что есть воля Божія [Ефес. V, 17],—то есть, еже, по апостольскому ученію, наставникамъ покарятися и о грѣхахъ каятися, тѣла и крове Христовы причащатися и всѣхъ церковныхъ преданій держатися, отъ супротивленія-жъ удалятися и во ученія странная не вдаватися. А вы, не вѣмъ, коего духа напившися, вся повелѣнія Божія и апостольская завѣщанія и отеческіе уставы и церковные догматы далече отъ себя отвергосте и уклонистеся въ волю діаволю: пастыремъ благочестивымъ не

покаряетеся, о грѣхахъ не каетеся, тѣла и крове Христовы не причащаетеся и во всемъ со святою церковію пребываете въ разорваніи, и вдастеся въ наученія странная и развращенная,—вдастеся бо всѣмъ своимъ бытіемъ въ волю діаволю. И нынѣ вы осмотритеся и сами въ себѣ поразсудите: діавольстѣй-ли воли лучши послѣдовати, въ ней же кромѣ погибели нѣсть, или лучше волю Божію исполняти, еже ведетъ въ животъ вѣчный?

Во православіи сущимъ христіанамъ подобаетъ къ добрымъ своимъ дѣламъ приложить исполненіе воли Божія сея, еже Самъ Господь устави: древеса, не творящая плода добра, посѣкати и во огнь вметати, то есть развратниковъ благочестія и въ расколъ впадшихъ обличати и на правовѣріе наставляти, а лжеучителей ихъ и лжепророковъ всѣхъ, яко непотребныхъ и согнившихся удовъ, отъ тѣла церковнаго отсѣкати и огню предавати, дабы и память ихъ отъ земли взималася и святая церковь отъ соблазновъ очищалася. И за таковую по Бозѣ ревность повелитель нашъ Господь Богъ дастъ намъ наслѣдіе вѣчныхъ благъ и сподобитъ насъ на брацѣ Агнчи вечери тоя всерадостныя вкусити и въ нескончаемые вѣки вѣковъ веселитися. Аминь.

О двухъ царствахъ—Божіемъ и діаволемъ.

Глава XXII[1]).

Святый Іоаннъ Златоустый въ бесѣдахъ на посланіе къ ефесеемъ глаголетъ тако, яко испразднитъ Богъ царство бѣсовское, о немъ же речено: нѣсть ваша брань къ плоти и крови, но къ властемъ и къ міродержителемъ тмы вѣка сего. Нынѣ бо не у испразднишася совершенно (дѣйствуетъ бо на мнозѣ), тогда же престанетъ. И паки: се есть царство испразнити, еже разрушити смерть. (И паки) той же Златоустый глаголетъ, яко царства Божія два писаніе повѣствуетъ: едино убо по присвоенію, другое же по созданію. Царствуетъ бо всѣми—и еллинами, и іудеями, и бѣсами, и противниками—по словеси созданія; царствуетъ же вѣрными—и вольными и покаряющимися—по присвоенія словеси. Сіе царство и начало имѣти будетъ. Зри всякъ и разумѣй, яко присвоенія царство начало имать; о семъ бо царствѣ и въ Сvмволѣ речено, еже „не будетъ конца“. Понеже начнется оно совершенно по испраздненіи смерти. А егда уже начало будетъ, то како было въ Сvмволѣ рещи „нѣсть конца“? —но по началу царствованія тако подобаетъ въ Сvмволѣ и глаголати, еже положено: не будетъ конца. А кто во гла-

---

[1]) Въ краткой редакціи—XXVI глава.

голѣхъ силы не разумѣетъ, тому не подобаетъ и мало пре-тися; не имѣя бо въ себѣ разума таковаго, подобенъ есть бубну, понеже бубенъ что гласитъ, того онъ самъ ничесого не вѣсть. И таковому человѣку паче годствуетъ слушати тѣхъ, имъ же Богъ откры. А кто не вѣдая, не разумѣя пpется, той сугубо согрѣшаетъ и не токмо людей, но и себя прельщаетъ.

И любимая раскольнича книга, глаголемая О вѣрѣ, являетъ два царства, сице глаголя, яко кіи человѣцы не въ соединеніи, но въ смущеніи суть, тіи во адѣ и смерти пасутся. И отъ сихъ указаній познавается Божественное и діавольское царство. [„О вѣрѣ", листъ 92]. И паки таяжде книга глаголетъ: ибо, якоже царства Божія благодѣяніемъ и чистотою взыскуемъ, такожде и діаволю царству изволеніемъ злобы повинни бываютъ; идѣже бо царство Божіе, тамо и животъ вѣчный, а идѣже царство діаволе, тамо нeложно смерть и адъ есть. Зри, православный читателю, что книга, глаголемая О вѣрѣ, глаголетъ: се бо иже живутъ противнымъ обычаемъ, про тѣхъ сказуетъ, яко неправи суть; а кіи человѣцы не въ соединеніи, но въ смущеніи, о тѣхъ глаголетъ, яко во адѣ и смерти пасутся. И по сему сказанію всякій человѣкъ воззри на свое житіе: нѣтъ ли какова смущенія о чесомъ либо или противленія свят҄ѣй церкви и въ ней дѣйствуемымъ дѣйствамъ? Охъ, надобно всякому православному христіанину прилежно самому за собою смотрити, дабы и отъ невѣденія своего въ чемъ не погрѣшити и въ сѣти, отъ діавола распростертыя, не впасти, и еже бы во адѣ и смерти не пастися, но въ животѣ бы и царствіи Божіи пастися. И паки зри, что и еще тая-жъ книга, глаголемая О вѣрѣ, вѣщаетъ; рече бо: яко царствіе Божіе взыскуется чистотою и благодѣяніемъ; подобнѣ и діаволе царство достизается изволеніемъ злобы. А кіи человѣцы впали въ сѣти лжеучительскія и пребываютъ въ смущеніи о вѣрѣ, и

тіи явѣ есть, яко обрѣтаются въ злобѣ: они бо непрестанно злобятся на блаженнаго Никона патріарха за то, что онъ внесенныя во церковь неправости истребилъ и еже поврежденныя книги, съ древними слича, повелѣлъ исправити, —и за то злобятся на него, и книги новоисправныя порокуютъ, якобы тѣ книги токмо правы, кіи печатаны до Никонова патріаршества, а кіи при немъ и по немъ и нынѣ печатаны, тыи вси вмѣняютъ за еретическія, и того ради и въ руки свои ихъ не пріемлютъ. И такую злобу діаволъ имъ чрезъ лжеучителей и лжепророковъ вложилъ, яко и на Духа Святаго восхулиша и непростимый грѣхъ на души свои съ любовію и съ великимъ желаніемъ пріемлютъ, и вси отпадшіи отъ святыя церкве въ великомъ смущеніи пребываютъ и яко внѣ ума своего шатаются. И по сказанію книги, зовомыя О вѣрѣ, вси тіи во адѣ и смерти пасутся: уже бо пастырь и предводитель имъ діаволъ, и всѣхъ послушниковъ своихъ ведетъ въ царство свое адское [1]).

---

[1]) Въ этомъ мѣстѣ краткая редакція Зеркала Очевиднаго даетъ единственный случай гораздо болѣе подробнаго изложенія сравнительно съ редакціею полною: въ краткой слѣдуютъ шесть страницъ текста, не имѣющагося въ нашей рукописи. Только въ нѣсколькихъ фразахъ этотъ дополнительный текстъ напоминаетъ одну изъ первыхъ страницъ I главы сочиненія въ полной редакціи. (Сравни вторую половину 246 страницы кр. ред. съ 34 стр. 1 выпуска полной ред.). Такъ какъ въ своемъ изданіи мы имѣемъ въ виду не только воспроизвести нашу рукопись, но въ тоже время дать вообще «Зеркало Очевидное» Посошкова во всемъ полномъ и цѣлостномъ составѣ его текста, то и находимъ нужнымъ здѣсь привести эти не достающія въ рукописи страницы по печатному тексту краткой редакціи.—

«Сей грѣхъ (т. е. хула на Духа Святаго) Самъ Господь Богъ глаголомъ своимъ закрѣпи, рекущи (Матѳ. XII, ст. 32), яко всякая хула отпустится человѣкомъ, а на Духа Святаго хулившему не

Господи Боже нашъ, не остави насъ рабовъ твоихъ до конца, разруши божественною ти властію царство адское діаволе и вся плѣненныя отъ него люди свободи и омрачен-

---

отпустится ни въ сей вѣкъ, ни въ будущій. И кому глаголъ сей Христовъ не страшенъ есть? Развѣ токмо тому, кто уже спасенія своего отчаялся и намѣреніе свое положилъ непревратное, еже быти со діаволомъ и пастися во адѣ,—то токмо развѣ тому мочно Духа Святаго хулить безъ боязни, дабы ему болѣзнь свою во адѣ усугубить. А буде-жъ у кого желаніе и есть, еже бы во адѣ быть, а муки сугубыя пріять не желаетъ, то тому надобно опасеніе имѣти немалое отъ хуленія Духа Святаго, дабы геенскія муки не усугубились. А аще-жъ кто намѣренія себѣ и такова не положилъ, еже во адѣ пастися, но еще желаетъ и вѣчныхъ благъ наслѣдникомъ быть, и той человѣкъ како уста своя отверзетъ на хуленіе? Понеже всякая хула происходитъ отъ діавола, а во Откровеніи святого Іоанна Богослова имянно о семъ изъявлено, яко сынъ діаволь, нареченный антихристъ, отверзетъ уста своя въ хуленіе на Бога и на селеніе Его, сирѣчь на святую Его церковь. И въ томъ же Откровеніи Іоанна Богослова изъявлено, яко изыде звѣрь, имѣяй седмь главъ, и вся тыя главы исполнены именъ хульныхъ. И тыя вся хульная имена нынѣ изліяшася на міръ: вся бо святыни, во церкви святѣй содѣвающаяся, охулиша. И тако вси посланницы антихристовы усердно о распространеніи тѣхъ седмоглаваго звѣря именъ подвизаются, яко день и нощь сошедшеся вымышляютъ и совѣщаваются, како бы вящшую хулу на святыню кую изнести, и уже превышшили своимъ усерднымъ радѣніемъ того седмоглавнаго звѣря. Той бо имѣ точію на седми своихъ главахъ имена хульная, и тѣ седмь главъ съ хульными имены прообразовали, яко той антихристъ хулити имать седмь таинствъ церковныхъ; а посланницы его, расширяя его власть, сверхъ тѣхъ седми таинъ восхулиша и на животворящій крестъ Господень: и овіи называютъ его мерзостью, иніи же болваномъ, иніи же иначе его хулятъ и ругаютъ, и всякую святыню во скверну превращаютъ, и новопечатныя книги и новописныя иконы хулятъ, Іисусову молитву, ре-

ные раскольничи умы просвѣти, Господи Боже нашъ, свѣтомъ Твоего божества и всѣхъ насъ во едино Твое, Боже нашъ, избранное стадо собери и въ вѣрѣ соедини, и всѣхъ

ченную—Боже нашъ, помилуй насъ,—отмещутъ присвоеніемъ таковымъ, якобы тое молитву уставилъ Никонъ патріархъ собою и якобы той Никонъ Сына Божія изъ молитвы изринулъ. И аще кіи суть слѣпы отъ васъ, вопросите зрящихъ, и тіи вамъ рекутъ, яко не Никонъ ю состави, но уставлена бысть издревле, и въ книзѣ Кирилла Іерусалимскаго напечатана она въ концѣ тоя книги и растолкована всякая рѣчь яснымъ изъявленіемъ — до Никона патріарха. И тое книгу вси вы объемлете и лобженіе, а что въ ней написано, не видите, но все дѣлаете по своему умничанію особому. И сіи не діавольскіе ли плевелы во всѣхъ противникахъ Божіихъ явишася? И вси противницы святыя церкве Божія то и умышляютъ, какъ бы простыхъ людей соблазнити и во отчаяніе привести. Я не вѣмъ, коего духа есте: языкомъ Бога вспоминаете и являетеся якобы на расширеніе царства Божія подвизаетеся, а дѣлаете всѣмъ своимъ намѣреніемъ дѣла на распространеніе царства сатанина. По моему глупому разуму, кому уже служить, та и слава чинить. Слышахъ бо васъ глаголющихъ на кійждо день: Отче нашъ, иже еси на небесѣхъ, да святится имя Твое, — а дѣлами своими весьма отъ Бога отвергостеся, якоже о томъ выше изъявися. Господь Самъ рекъ, яко не можетъ человѣкъ Богу и мамонѣ работати. Разумѣете ли сей глаголъ Божій? — Яко аще кто и мамонѣ работаетъ, сирѣчь міру сему, и похотѣмъ своимъ, и той уже Богу работати не можетъ. Кольми же паче работающимъ самому діаволу и сыну его, седмоглавному звѣрю, и во всемъ вѣрно имъ служащимъ, не весьма слично есть, еже работати и Богу. Но кіи уже возлюбили работати діаволу и антихристу, и аще въ покаяніе пріити не хотятъ, то имъ и въ помощь свою достоитъ діавола призывать, а не Бога, и глаголати: отче нашъ, иже еси подъ землею, да славится имя твое—и прочая, якоже сами вѣсте, на размноженіе славы любезнаго вашего отца діавола и сроднаго его сына антихриста. Яко бо Божіи пророцы повелѣваютъ Бога хва-

насъ во Твоемъ, Боже нашъ, царствованіи и на семъ свѣтѣ до конца житія нашего соблюди, да не распудитъ адскій волкъ избраннаго Твоего, Господи, стада; и по преселеніи

лити, діавольстіи же пророцы повелѣваютъ Бога хулити. Нынѣ бо мнозіи, грѣхъ ради нашихъ, паче возлюбиша послѣдовати пророкамъ діавольскимъ, нежели Божіимъ. Уже бо россійскаго народа многочисленное число обратилося въ хуленіе. А иже въ хулѣ пребываютъ, тіи вси антихристу и отцу его діаволу работаютъ. И аще тіи хульницы, си есть наши россійстіи раскольницы, во покаяніе не пріидутъ, то вси, по апостолову слову, вѣчною погибелію погибнутъ. Сего бо во всѣхъ божественныхъ писаніяхъ не обрящеши, идѣ же бъ хульницы были похвалены, но токмо погибель. И Самъ Господь о нихъ изъяви, яко не отпустится имъ ни въ сей вѣкъ, ни въ будущій. А Петръ апостолъ глаголетъ, яко погибель ихъ не дремлетъ. И паки рекъ: во истлѣніи своемъ истлѣютъ. Павелъ же апостолъ отъ хульниковъ повелѣ отступать. И паки рекъ: кличъ и хула да возьмется отъ васъ. Іоаннъ же Златоустый святый глаголетъ, яко ими же путь истины хулитися имать и охулившимъ Духъ благодатный не отпустится ни въ семъ вѣцѣ, ни въ будущемъ. Ты же, хульниче, охуливый дѣйство Святаго Духа и пресвятое тѣло Христово омраживый и животворящую Его кровь въ скверну вмѣнивый, противно сихъ святыхъ писаній что отвѣщаете? Вѣмъ, яко лучши, руку положивъ на устѣхъ своихъ, молчати. А аще восхощете и сіимъ Божіимъ и апостольскимъ словесамъ сопротивлятися, то не вѣмъ, како вамъ стати и противо рожна прати: колико вамъ на церковь святую ни воевати, а никогда вамъ ю не одолѣти. Уже бо когда Господь Богъ рекъ, яко врата адова не одолѣютъ ю, то вѣрно есть, яко до скончанія вѣка имать стояти, а ратующіи на ню яко дымъ исчезнутъ, и память ихъ со шумомъ погибнетъ.

Зрите жъ еще, что и любимая ваша книга Соборникъ глаголетъ,—глаголетъ бо сице: яко въ послѣдняя времена будутъ ругатели и будутъ чада діаволя. Зрите ли, что Соборникъ глаголетъ, яко ругатели суть чада діаволя; кто жъ ругатель — сами о семъ

нашемъ отъ вѣка сего, въ вѣчное и безконечное Твое, Боже нашъ, царство всели, и тамо, купно со угодшими Тебѣ,

---

вѣсте, яко вси отпадшіи отъ святыя церкве, яко поповщинные и безпоповщинные и иныхъ ересей раскольницы, вси ругаются тѣлу Христову и вся святыни ругаютъ, и животворящій крестъ ругаютъ, и святителей, и всѣхъ ругаютъ, и нѣсть того, еже бы ни обругано было отъ нихъ. И по Соборнику, вси сіи стали чада діаволя, и уже имъ отнюдь не подобаетъ Бога отцемъ нарицати, но нарицати того отцемъ, его же суть чада и его же волю исполняютъ.

Аще бо азъ и паче всѣхъ грѣшенъ есть, обаче дерзновенно реку, яко вси вы, отщепившіися отъ святыя церкве, внѣ ума ходите и яко во тмѣ вселютѣйшей шествуете. Кто вамъ сказа, еже убѣжати суда Божія? Вси бо хульницы погибнутъ. Ко хульникамъ и святый апостолъ Іуда сице рече: сіи жъ, елика убо не вѣдятъ, хулятъ: елика жъ по естеству, яко безсловесная животная вѣдятъ. Видите ли, яко Іуда апостолъ хульниковъ примѣняетъ ко безсловесному скоту, понеже скотъ ничего не разумѣетъ. Явѣ есть, яко тако хульницы вси, аки скотъ, ничего не разумѣютъ. А аще бъ разумъ имѣли, то бы въ хулѣ грѣхъ разумѣли и всячески бъ отъ хулы остерегались. Азъ не могу сего разумѣти, какая грубость непримѣрная во всѣхъ ратующихъ на святую церковь вселилась; отъ природы ли суть тако вельми буіи, или отъ непріязненнаго духа такъ объюродѣша, что ни малыя черты самыя истины не разумѣютъ, и вси яко во тмѣ шатаются. Мочно бы и по сему самимъ ся познать, еже святый Іоаннъ Златоустый изъяви; глагола бо сице: вопроси еретиковъ по единому, то вси будутъ сказывати разногласно, а кіи стоятъ во благочестіи, то, аще кто и малосмысленъ, обаче будутъ сказывати согласно. И по сему Златоустову слову, мочно и вамъ въ себѣ поразумѣть, понеже вси вы, отщепившіися отъ святыя церкви, развратилися есте въ разные пути: овіи въ поповщину, иніи же во христовщину, а иніи въ моисеевщину, иніи же во иные пути; и такъ разыдостеся, яко и сами между собою совершенно не вѣсте, како кой мудрствуетъ. И по сему не явно ли, что вси отъ истиннаго пути заблудили есте, и

Боже нашъ, сподоби насъ быти и Тебѣ, Царю небесному, отъ діаволя царствованія насъ исхитившему, славу возсыла-

---

како по пустынѣ вѣка сего блудите, того и сами не вѣсте, но шествуете власно, яко слѣпіи. Азъ бо съ вами много бесѣдовахъ, и не могъ въ васъ соображенія видѣти, и во единой ереси поповщинной, такожде и въ безпоповщинной, но съ кѣмъ ни станешь говорить, то разно увидишь: понеже всякій вашъ учитель отъ своего разума догматы свои износитъ, яко ему ненавидяй рода христіанскаго діаволъ въ мысль его вложитъ. О единомъ крестѣ Господнемъ четвероконечномъ — овіи въ васъ глаголютъ, яко то есть антихристова печать, иніи же наричутъ мерзостію, иніи жъ болваномъ, иніи же ветхозаконною сѣнію, и иніи перекрестьемъ, иніи же латинскимъ крыжемъ. Тако бо о всякомъ дѣлѣ кійждо свое мудрствуетъ. А кіи право вѣруютъ, то вси (яко же Іоаннъ Златоустый сказа) будутъ глаголати согласно.

Воззри и на художныя дѣла: яко аще кто единъ истешетъ дщицу, будучи во градѣ, правильною прямизною, другой же, будучи въ другомъ градѣ, истешетъ такожде правильно вторую дщицу,—и тыи дщицы, аще и въ дальнемъ разстояніи истесаны суть, обаче будутъ согласны. И аще ихъ едину со другою сложиши, то будутъ толь во плотности согласны, что ни малыя скважни между има не узриши; и аще ихъ и многое число истешеши въ разныхъ храминахъ и разными художники, обаче вси будутъ согласны между собою, яко едина дщица. А неправильно, аще и во единой храминѣ истешутъ или и единъ человѣкъ двѣ или три или множае истешетъ неправильнымъ устроеніемъ, и тіи дщицы, не токмо къ тѣмъ правильнымъ дщицамъ будутъ согласны, но и между собою вси будутъ не согласны. Тако бо и въ духовномъ дѣлѣ: кіи о прямой правдѣ стоятъ, и у тѣхъ всѣхъ будетъ сходно; а кіи правду изрониша, тіи ни съ право стоящими, ни между собою согласны быти не могутъ, но вси, яко слѣпіи, прямо идти не могутъ, но кій ждо во свой путь.

И паки не умолкая глаголю: воззри на святаго архистратига Божія Михаила, яко онъ и на самаго адскаго сквернавца хулы

ти купно со Отцемъ и Духомъ Святымъ въ безконечные вѣки вѣковъ! Аминь.

не смѣлъ нанести. Ты же бренный человѣкъ еси, а смѣло дерзаеши, не адскую скверную скверну, но пресвятую святыню хулиши и скверною ю наричеши. И како устнѣ твои растворишася на такое страшное и неприступное таинство хулу возложити? Не былъ бы безъ грѣха, аще бы и діавола восхулилъ еси. Самъ въ себѣ размысли, въ коликое великое согрѣшеніе впалъ еси, и кто тя изъ сего непростимаго грѣха исхитить, аще не покаетеся и со слезами Господа Бога о прощеніи того хульнаго, непростимаго грѣха умолиши!

О, Боже нашъ человѣколюбче, како на толико дерзо дерзнувшія Тя хулити терпиши и на покаяніе, яко блуднаго сына, ожидаеши! О, неизслѣдимыя Твоея щедрости, Боже нашъ! Доселѣ не погубилъ еси насъ за беззаконія наша и за пререканіе наше не попустилъ еси землѣ зинути и со беззаконіи нашими, яко Даѳана и Авирона, поглотити. И прочее, человѣколюбныя Твоея милости, не отрини насъ отъ Себе и посли къ намъ ангела Твоего святаго съ повелѣніемъ Твоимъ Божескимъ, дабы проженулъ отъ насъ вся діавольская козни, и вся распростертыя на насъ сѣти расторгнетъ». (Соч. И. Посошкова, изд. М. Погодинымъ. Ч. 2, стр. 243—250).

Слѣдующія за симъ заключительныя слова главы въ краткой редакціи представляютъ сокращенный перифразъ послѣдняго трактата оной въ полной редакціи.

О иконоборной ереси и о возновляющихъ ю[1].

Глава XXIII[2]).

Якоже вначалѣ злохитрый діаволъ послушниковъ своихъ, кіи отпадоша отъ святыя церкве, отторгъ отъ почитанія новописанныхъ иконъ, тако нынѣ нача уже отторгати и отъ всего иконнаго почитанія, и тіи послушницы діавола начаша древнюю ересь, на седьмомъ вселенскомъ соборѣ проклятую, возновляти.

Православніи христіане, внемлите и недреманно смотрите на діаволи козни, лютъ бо есть и зѣло хитръ, всякими бо образы тщится древнее благочестіе истребити.

Вначалѣ началъ было онъ христіанство истребляти и явнымъ лицомъ, губилъ христіанство наглостно, разноличными муками и томными смертьми принуждалъ къ своей діавольстѣй волѣ, и на то свое дѣло изводилъ жестокихъ мучителей, нетокмо изъ князей и владыкъ, но и царей и кесарей вели-

---

[1]) Сверху каждаго изъ 74 листовъ рукописи, заполненныхъ текстомъ этой главы, стоитъ сокращенное ея заглавіе—«О иконоборцахъ».

[2]) Въ краткой редакціи Зеркала Очевиднаго главы этой нѣтъ. По содержанію и даже по построенію своему глава О иконоборцахъ представляетъ какъ бы особое, самостоятельное полемическое сочиненіе Посошкова противъ лютеранства. См. предисловіе въ 1 выпускѣ Зеркала Очевиднаго, стр. XVIII—XX.

кихъ. И егда той діаволъ не могъ съ лѣвыя страны христіанства сбити, т. е. во идолопоклоненіе явно привести, тогда онъ вымыслилъ иную хитрость злопагубную: началъ христіанство губить съ десныя страны, ибо прикрылъ своихъ воиновъ одеждами овчими, то есть злый свой ядъ прикрылъ извѣтомъ благочестія. И егда забѣжалъ онъ съ десныя страны, то многое множество людей Божіихъ уловилъ, понеже людіе не могли вскорости познать тоя его діаволи всепагубныя сѣти, за еже подъ прикрытіемъ благочестія той свой адскій, всепагубный и смертоносный ядъ положилъ, и тѣмъ своимъ ядомъ многіе милліоны православныхъ христіанъ отъ прововѣрія отвратилъ и во адъ низвелъ.

И вначалѣ на то свое дѣло извелъ перваго своего адскаго воина Арія, и прикрылъ его одеждою овчею, т. е. извѣтомъ благочестія, якобы исправленіемъ (якоже и Лютора) Христовыхъ словесъ, написанныхъ во Евангеліи. И той адскій воинъ началъ учить людей, яко бы пути правому; и лукавый оный потаенный волкъ Христова стада овецъ многое число уловилъ и въ жертву діаволу принесъ. А потомъ извелъ діаволъ и иныхъ таковыхъ же своихъ воиновъ: Несторія, Македонія, Діоскора, Манента, Евтиха, Мессаліанъ и иныхъ таковыхъ многое множество изводилъ на разореніе православнаго христіанства, и всѣхъ ихъ прикрывалъ такожде одеждами овчими, и всѣ они учили якобы благочестію и пути правому. Обаче всѣ тѣ его діавольстіи воини быша не отъ великія власти, и того ради діаволъ тѣми малочинными людьми весьма преодолѣть христіанства не могъ. И егда діаволъ уразумѣлъ то, еже малочинными людьми своими воинами весьма христіанства ему преодолѣти не можно, тогда онъ воздвигъ великихъ царей константинопольскихъ: Льва Исавренина, по немъ сына его Константина Копронима, иже и въ купель во время крещенія напроказилъ; и сіи до седьмаго собора быша. Послѣди жъ собора паки діаволъ на-

иконоборную ересь воздвигъ иного воина, зовомаго Льва Арменина; по Львѣ воздвигъ Михаила Травлаго; по Михаилѣ же сына его Ѳеофила. И ихъ діаволъ, подобнѣ первымъ волкамъ, прикрывалъ овчими же одеждами, т. е. извѣтомъ благочестія же, якобы то самое благочестія и богоугодности дѣло, еже святыя иконы отвергнути и никаковыя чести отдавати имъ. Егда же и тыми царьми древняго благочестія на востоцѣ не могъ истребити, то онъ забѣжалъ на страну западную, и тамо обрѣлъ себѣ способника — римскаго папу Формоза и иныхъ способниковъ, и прикрылъ ихъ извѣтомъ правовѣрія же. И тѣми своими способниками всю западную страну отвратилъ отъ благочестія, и аще отъ иконнаго почитанія и не могъ отвратить, обаче желаніе свое въ нихъ исполнилъ: ибо въ волю свою пріусвоилъ ихъ, вложи бо имъ мысль высокомнѣнную, якобы токмо они одни спасаются. А кіи въ Греціи и у насъ въ Россіи и въ прочіихъ православныхъ народѣхъ, иже древняго благочестія вселенскими и помѣстными соборы утвержденнаго и мученическою кровію запечатлѣннаго держатся, тіи вси погибаютъ,—токмо они одни спасаются. И древняго благочестія не токмо единыхъ пресвитеровъ, но и самыхъ крайнихъ архіереевъ за простыхъ мужиковъ и не посвященныхъ вмѣняютъ,—токмо у нихъ однихъ прямые пресвитеры, прямые епископы; и тѣхъ своихъ епископовъ святыми почитаютъ. И Духъ Святый токмо у нихъ однихъ дѣйствуетъ, по ихъ новоизданному призыванію, а инамо нигдѣ Духъ Святый не дѣйствуетъ и ни на какое священнодѣйствіе не сходитъ. И таковымъ своимъ высокомнѣніемъ и на Духа Святаго хулу изнесоша, и, по Христову словеси, въ непростимый грѣхъ впадоша, понеже вся святыни, кромѣ ихъ отпаденія, иже по древнему уставу дѣйствуемая, уничижаютъ и ни во чтожность поставляютъ. Чудное бо есть дѣло: сами отъ благочестія и вѣры отпали, и чѣмъ было себя порочить, понеже они новость внесли, бла-

годатную древнюю вѣру порокуютъ. И по таковому ихъ безумному высокомнѣнію тако злѣ согрѣшиша, яко Господь, по неложному своему словеси, не отпуститъ имъ того ихъ грѣха ни въ семъ вѣцѣ, ни въ будущемъ (Мѳ. XII, 32).

А папа римскій тако себя возвысилъ, якобы онъ ничимже меньше святаго апостола Петра поставляетъ себя, и никого подобника себѣ на семъ свѣтѣ не эказуетъ; и аще кого онъ разрѣшитъ, той токмо во царство небесное внидетъ, а инъ никто того учинить не можетъ, еже бо во царство небесное ввести кого. И азъ о немъ тако глаголю: аще сѣнь его больныхъ исцѣляетъ, якоже и Петрова, то истинно и намъ мочно разумѣть, яко онъ подобенъ есть Петру апостолу. (Обаче како онъ ни нудься, препять ему входа во царство небесное невозможно,—сіе его умствованіе свойственно есть безумію, еже глаголетъ, якобы кромѣ его предводительства никто во царство небесное внидетъ). А аще же того въ немъ нѣсть, еже сѣни его людей болѣзнующихъ цѣлити, то солгалъ онъ, и послушницы его вси лгутъ на свои души, сказующе, яко-бы онъ, папа ихъ, равенъ святому апостолу Петру.

И егда діаволъ въ римлянахъ хотѣніе свое исполнилъ, тогда онъ напалъ на нѣмецкіе народы, и устроилъ имъ вождя—усугубленнаго законопреступника, т. е. разстригу Мартина Лютора (ибо діаволу мало того явилось, еже римляне отъ восточныя церкве отторгошася и отъ всего благочестія отпадоша), и поострилъ его на новыя ереси. И той Мартинъ былъ избранный сосудъ діавола, ибо въ началѣ своего отпаденія иночество съ себя свергъ и взялъ себѣ въ наложницу инокиню-жъ, растригши бывшую игуменію. И не восхотя подъ паствою быти, отъ всего архипастырства отрекся и, вымысля свою особую новую вѣру, началъ не токмо на восточную, но и западную воевати, и, яко скиѳъ или жидовинъ, церковныя сокровища похищати и, пресвитеровъ

побивъ до смерти, началъ ругатися, ибо, оцѣпя тѣхъ пресвитеровъ за нозѣ, повелѣлъ по улицамъ волочити. И того ему явилось руганія мало, приложилъ еще и тѣло Христово повергнути на землю, и сосуды церковныя осквернилъ, и мощи святыхъ изъ гробовъ выметалъ въ попраніе ногамъ, и святыя иконы пожогъ, и уставилъ въ новой своей люторской вѣрѣ вся уставы церковные мнимаго христіанства легкостные, яко-бы безъ всякаго труда введетъ онъ своими новыми догматы послѣдующихъ ему учениковъ въ царство небесное.

И єгда той разстрига Мартинъ всю волю діаволю исполнилъ и сластолюбиваго народа въ волю его пріусвоилъ, тогда той діаволъ и другаго адскаго воина извелъ на всеконечное попраніе христіанства— Ягана Кальвина. Той Кальвинъ и того Лютора бысть услужнѣйши діаволу, ибо весьма святую церковь не токмо украшенія иконнаго обнажилъ, но и крестъ святый, безъ негоже никакое священнодѣйствіе совершитися и освятитися можетъ, изъ церкве изверже, и содѣлалъ ю самою пустою храминою. И злохитрый діаволъ всѣмъ тѣмъ роскошелюбивымъ народамъ очи душевныя заслѣпилъ и, ослѣпя, вложилъ имъ на святое Евангеліе толки развращенные, и тако вси послушницы ихъ ослѣпоша, еже и до нынѣ образумитися не могутъ, и глаголютъ, якобы они живутъ евангельски: яко во Евангеліи написано, тако, будто, и творятъ они. И толь злѣ ослѣпоша, яко того своего всепагубнаго вождя Мартина Лютора равняютъ возлюбленному ученику Христову Іоанну Богослову, глаголюще: якобы они того ради отъ древнія вѣры отсташа, за еже тоя древнія вѣры уставы святому Евангелію быша противны; Божія-де заповѣди отставлены и введены человѣческія, чегоде Богъ не повелѣлъ творити и великимъ запрещеніемъ запретилъ, а они-де все то чинятъ. А Мартинъ-де, нашъ учитель, каково свое житіе ни имѣлъ, обачэ правый евангельскій

путь намъ показалъ; и того-де ради мы того его законоположенія и держимся, и потому своему бытію нарицаемся евангеликами. А по здравому разсужденію можно и всякому человѣку видѣти и разумѣти, яко нѣсть въ нихъ и единыя черты святаго Евангелія, но токмо у нихъ святому Евангелію супротивленіе; яко бо предводитель ихъ Мартинъ солгалъ, тако и послушницы его вси лгутъ. И того ради отнюдь не годствуетъ имъ ревновати, понеже они токмо едиными усты святое Евангеліе чтутъ, а сердцемъ и дѣлами своими вельми далече отстоятъ отъ него.

Въ нынѣшняя же времена той же діаволъ напалъ и на нашу Россійскую страну, и не обрѣлъ себѣ помощника изъ великихъ лицъ, понеже россійстіи царіе и патріархове благочестіе имутъ древнее, иже принесеся Божіимъ явнымъ промысломъ, взысканіемъ же великаго князя всероссійскаго Владиміра изъ Греціи, новостей же никаковыхъ не пріемлютъ, но стоятъ на основаніи твердомъ, каменномъ, а не на песцѣ, и того ради, каковыя еретическія воды съ коея страны ни коснутся, поколебати ю не могутъ, но вспять обращаются. И той діаволъ, аще и не могъ тѣхъ великихъ столповъ поколебати, обаче сыскалъ себѣ способниковъ отъ нижнія чреды: малосмысленныхъ пресвитеровъ и чернецовъ, и простыхъ некнижныхъ мужиковъ, и прикрылъ ихъ такожде, яко и прежнихъ своихъ воиновъ, извѣтомъ благочестія; и тою хитростью уловилъ простого народа многое множество, еже и исчислити невозможно. И вооружилъ ихъ не токмо на едину церковь Христову, но и на самого Христа, ибо тѣло Христово святое и пречистое въ скверну вмѣниша, и тако вмѣниша и обругаша, еже и писанію предати не можно, и вся древняя состоянія вѣры развратиша. И о всемъ томъ ихъ развращеніи, елико ми Богъ помощи подалъ, явихъ въ прежнихъ главахъ книги сея.

Нынѣ же надлежитъ ми слово о новоизданномъ ихъ лжеблагочестіи, отъ люторовъ пришедшаго, то есть о иконоборной ереси, юже на седьмомъ вселенскомъ соборѣ отъ всея вселенныя святіи и богоносніи отцы анаѳемѣ предаша. Нынѣ же нѣцыи, зря на люторская лжесловія, начинаютъ шататися и хощутъ благочестивую вѣру исказити и люторова ученія насадити.

Бесѣда первая, къ иконоборцамъ.

Вы, отметающіе иконное почитаніе, сами въ себѣ посмотрите: какую вы надѣетеся себѣ пользу пріобрѣсти, еже начинаете люторской и кальвинской ереси ревновати и древнюю иконоборную ересь, уже и проклятію преданную, возновляти?! Или вамъ не довлѣло на седьмомъ вселенскомъ соборѣ святыхъ отецъ, сошедшихся числомъ трехсотъ и пятидесяти, знаменоносныхъ святителей великихъ? Или и проклятіе ихъ скудно вамъ явилось? Мы вельми вамъ удивляемся: не дивно тѣ ереси расширяти, кіи еще не освидѣтельствованы и возражени не были; сія же иконоборная ересь не новая, но древняя и всѣмъ вамъ и намъ совершенно извѣстная. Много бо она толкована и прежде насъ, и отъ святыя церкви отринута, и всея вселенныя отъ святыхъ отецъ, на седьмый вселенскій соборъ сошедшихся, анаѳемѣ предана есть; и кто ея держатися или защищати будетъ, той тогожде проклятія не убѣгнетъ. И тѣмъ прежнимъ еретикамъ, отъ святыхъ и богоносныхъ отецъ проклятымъ, послѣдовати и погибели ихъ ревновати было не для чего, понеже они по своему достоинству и судъ себѣ пріяли: вѣчнаго проклятія заслужили, и то проклятіе имъ и да будетъ. И аще они въ проклятіе и впали, обаче не тако на ономъ свѣтѣ постраждутъ, понеже отъ недознанія своего въ ту погибель вринушася; нынѣ же кто изъ васъ или изъ насъ восхощетъ тѣмъ

прежде бывшимъ еретикамъ проклятымъ послѣдовати, то вѣдите вси, яко той сугубо согрѣшитъ и проклятіе себѣ пріиметъ сугубое, понеже вѣдая согрѣшитъ, и за таковое согрѣшеніе и во грядущіе вѣки пріиметъ себѣ отъ Бога наказаніе сугубое же. О семъ бо Самъ Господь Богъ рекъ, яко рабъ, не вѣдаяй воли господина своего, мало біенъ будетъ. (Лук. гл. XII, ст. 48), а вѣдаяй волю господина своего и не сотворивый тако, много біенъ будетъ (Лук. XII, 47),—то есть вѣчнымъ мученіемъ мучимъ будетъ со умноженіемъ болѣзни, за еже вѣдая, воспротивился правому и утвержденному законоположенію. А за преслушаніе вѣдомаго повелѣнія и въ мірѣ семъ наказаніе жесточайшее чинятъ, нежели тому, иже отъ невѣденія своего что сотворитъ. Тако бо и сія иконоборная ересь уже вѣдома, яко вси держащіеся ея проклятію предани суть. И посему не можно васъ знать, коего духа есте или какова разума: какое вы извиненіе мните предъ Богомъ себѣ имѣти, еже древле при святыхъ апостолахъ уставленную честь святыхъ иконъ отъемлете и видимаго тѣлеснаго поклона творити имъ не хощете? И не до сего ста, еже честь отъемлете, но и скверными идолы ихъ нарицаете! Тако, отъ безумнаго своего высокомнѣнія, согрѣшаете смертно!

Мы не вѣмы, откуду вы сицевое мудрованіе безумное взясте, еже на седьмый вселенскій соборъ подъястеся ратовати. На Мартина Лютора нечего было вамъ смотрѣти и богопротивные его законы пріимати, понеже онъ уже другимъ паденіемъ палъ: первѣе во обществѣ съ римляны отъ благочестивыя вѣры отпалъ, а потомъ, возгордѣвъ, не восхотѣлъ подъ паствою римскаго папы быти и, ту новую римскую вѣру отметнувъ, издалъ новѣйшую, особую свою вѣру, легкостную; древнія же вѣры догматы вся отвергль, яко восточныя церкве, тако и западныя, и, выбѣжавъ изъ ограды церковныя, началъ жити по своей волѣ. И мысленный

волкъ, видя его по пустыни вѣка сего блудяща внѣ ограды церковныя и отъ Бога за отверженіе закона не охраняема, похитилъ его. Той мысленный волкъ, видя его Божія благодати пуста, вшелъ въ него и вселился: аможе той діаволъ восхотѣлъ, тамо его и повелъ. Уже на что сего злѣе, еже и пресвятое тѣло Христово изъ потира изверглъ и ногами попралъ!

И егда діаволъ въ него вселился, то первѣе всего повелѣлъ иго Христово съ себя свергнути, дабы и признаки древняго христіанства на немъ не было, и дабы яко дѣломъ, тако и видомъ отъ Христова причта былъ отличенъ. И егда онъ, Мартинъ, ту волю діаволю сотворилъ, то онъ подвигъ его уже и на прочія дѣла: обрѣлъ инокиню, юную и красную, и игуменскимъ саномъ почтенную, зовомую Екатерину; прельстилъ ее и такожде свергъ съ нея иночество, нарядилъ дѣвицею и сталъ жить съ нею блудно. И живый въ немъ діаволъ наустилъ его всю древнюю и римскую вѣру обратити опако, и онъ, по тому наущенію діаволю, не токмо догматы, но и порядки всѣ церковные, отъ святыхъ апостоловъ и отъ намѣстниковъ ихъ уставленные, отверже. И во отступленіи своемъ, сверхъ тоя блудныя скверны, и церковная сокровища, бесурманинъ, пограбилъ и сосуды церковные осквернилъ, яко поганинъ, и на знакъ своего богопротивленія слугъ Божіихъ, то есть священниковъ, побилъ до смерти, и, ругающеся Христу, оцѣпивъ за нозѣ мертвыхъ ихъ, яко мучитель, повелѣлъ волочити тѣлеса ихъ по улицамъ; и мощи святыхъ, изъ гробовъ вынявъ, по земли разметалъ, и святыя иконы огнемъ пожегъ, яко Копронимъ, и тѣло Христово выкинулъ изъ потира на землю и попралъ ногама. О, лютаго и пресквернаго вождя! О, превеликаго сластолюбивыхъ людей безумія! О, несказанныя душевныхъ и тѣлесныхъ очей слѣпоты! Како таковаго скверанаго и прескверанаго богопротивника и блудника не могоша разсмотрѣти, и

такому скверному человѣку въ паству себя отдаша, и безумнаго его законоположенія видѣти не возмогоша, а, яко безсловесніи скотове, во слѣдъ таковаго слѣпаго волка поидоша! А сіе забыли, еже Господь рекъ: аще слѣпа слѣпъ ведетъ, то оба въ яму впадутъ.

А какъ намъ вождей себѣ избирати, Господь ясно открылъ, глаголя: внемлите отъ лживыхъ пророковъ (то есть учителей), иже приходятъ къ вамъ во одеждахъ овчихъ, внутрь же суть волцы и хищницы. И приречe, глаголя: отъ плодовъ ихъ познаете ихъ. Егда отъемлютъ отъ тернія грозды или отъ періа [1]) смоквы? Тако всякое древо доброе и плоды творитъ добрые, а злое древо и плоды злы творитъ. И приречe, яко не можетъ древо доброе плодъ золъ творити, ни древо злое плодъ добръ творити. И еще Господь приречe, глаголя: всякое убо древо, не творящее плода добра, посѣкается и во огнь вметается. И паки ко учителемъ Господь приречe, глаголя: тѣмъ же убо отъ плодовъ ихъ познаете ихъ. (Матѳ. VII, 15—20). И по сему Господню словеси, како бо того Мартина не познать, потому что онъ явно, а не потаенно древнюю вѣру повергъ и новую страннымъ обычаемъ началъ. А они, яко самый безсловесный скотъ, ни въ чесомъ ему не воспятили, и сіе Господне евангельское слово подъ нозѣ повергли. А еслибы тѣ мартиновы преемники были разумны, то, по Господню словеси, взявъ его и со ученіемъ его, во огнь ввергли, и тако злый злѣ и погибъ, — понеже Господь повелѣлъ таковыхъ огню предавати, а не то что ученіе отъ нихъ принимати. Уже бо всему свѣту нынѣ зримо, еже Мартинъ самый сквернавый человѣкъ, а сластолюбцы хощутъ отъ злаго древа плоды добры собрати; и тако лакомцы ослѣпоша, еже и нынѣ хвалятъ тое его развращенное ученіе.

---

[1]) *репія?*

Вси бо возлюбившіи люторство—люди самые сластолюбивые и слабые, и разумѣніе въ нихъ не христіанское, но самое свѣтское; понеже о душевномъ спасеніи не пекутся, но токмо о тѣлесномъ, и хощутъ внити во царство небесное пространнымъ и легкостнымъ путемъ, который путь, по Господню словеси, ведетъ въ вѣчную погибель. А въ царство небесное вводитъ узкій путь и прискорбный, а не пространный. И сіе мочно бы всякому человѣку разумѣть, что Господни словеса истинни, а люторовы лжи и прелести исполнени суть: нѣсть бо иного пути, ведущаго до царства небеснаго, кромѣ узкаго и прискорбнаго. Тако бо Господь рекъ, глаголя: внидите узкими враты, яко пространная врата и широкій путь вводяй въ пагубу, и мнози суть входящіи имъ, занѐ узкая врата и тѣсный путь, вводяй въ животъ, и мало, иже обрѣтаютъ его (Мат. VII, 13). И паки повторяя, Господь рекъ, яко нужно есть царство небесное и нужницы восхищаютъ его, то есть нужно, претерпя, пріемлютъ его.

О семъ бо и святый Іоаннъ Богословъ во Откровеніи сказуетъ, яко предъ престоломъ Божіимъ стоящихъ видѣлъ, облеченныхъ въ ризы бѣлы, и покланяхуся со ангелы Богу, и единъ отъ старецъ возвѣсти ему о тѣхъ народѣхъ, яко пріидоша отъ скорби великія (а не отъ веселія люторскаго), и того ради предъ престоломъ Божіимъ служатъ. (Апок. VII, 14). И по сему откровенію, кто Лютора не осудитъ, сказующа безъ нужды и безъ труда входъ въ царство небесное! Іоанну Богослову откровено бысть, яко у престола Божія стоятъ и служатъ тіи, кіи скорби великія претерпѣша, а той адскій воинъ и прикрытый волкъ, Мартинъ Люторъ, учитъ, яко безъ пріятія нужды и безъ труда мочно во царство небесное внити. А бѣдные сластолюбивые люди тому его лживому ученію и повѣрили, и, яко слѣпые, идутъ во слѣдъ его; а того, бѣдные, не видятъ, еже онъ нарочно

лестно сказалъ, дабы людіе, не познавъ его сокровеннаго яда, шли вси за нимъ въ вѣчную гибель. И по вышеписанному Господню слову, вси мартиновы послушницы идутъ въ вѣчную погибель, а не въ царство небесное; понеже оставивше Господни словеса, да повѣрили Божію измѣннику. Уже бо егда дѣла и житіе его мартиново гнило, то и ученіе его гнило. И кіи люди возненавидѣли житіе воздержное и возлюбили слабое ученіе мартиново, то явѣ есть, яко и отъ нихъ, якоже и отъ учителя ихъ, благодать Божія отъяся,—и того ради уразумѣть пути праваго уже не могутъ. Аще бы благодать Божія не отнялася отъ нихъ, то всячески могли бы люторову прелесть познати, и, познавше, бѣжали бы отъ всего его ученія паче, нежели кто отъ ядовитаго змія бѣжитъ, дабы злой его ядъ, во евангельская словеса вмѣшанный, не уязвилъ бы кого. Понеже той разстрига Мартинъ лютый предложилъ предъ очи сластолюбцемъ нѣкіе глаголы евангельскіе, яко медъ сладкій; внутрь же тѣхъ евангельскихъ словесъ сокрылъ лютый свой люторскій ядъ, то есть своя погибельная толкованія на евангельская словеса и на апостольская преданія изда. И по истинѣ онъ Мартинъ званіе свое имяше свойственно его дѣлу, еже Люторомъ словяше: истинно тако есть, ибо лютую ересь въ народъ сластолюбивый всѣя.

О ПОСТѢ.

Нынѣ уже нѣкоторые малосмысленные человѣцы и наши россіяне склонились въ сластолюбіе, и его, мартинову ученію всепагубному повинушася, всѣмъ его ересямъ тщатся послѣдовати, и святые посты, по воли Божіей уставленные, отставити тщатся. Понеже той Мартинъ тако малосмысленныхъ человѣковъ уловляетъ, глаголя, яко бы во святомъ Евангеліи о постахъ не написано, еже бы поститися,—то-де уставили человѣцы, а не Богъ; Богъ-де всякая брашна сотворилъ на пищу человѣкомъ, а не на то, еже бы на нихъ токмо очьми смотрѣти; и сотворя-де, Господь тако рекъ, яко вся добра суть, и Адаму повелѣлъ ясти вся. И то онъ ложъ рекъ, понеже мясо по потопѣ уже начали ясти, по благословенію Божію (Бытія гл. IX). Мы же вѣмы, яко и овощи не всѣ Господь повелѣлъ ясти Адаму, еже сотворилъ; но кая овощія повелѣлъ Господь ясти, тѣ было ясти имъ безгрѣшно; а коего овощу не повелѣлъ Богъ ясти, а они, Адамъ и Ева, поѣли, то смертнѣ согрѣшили. А и тогда Еву и Адама подустилъ ясти тойже діаволъ, который и Мартина Лютора подустилъ, понеже діаволъ вельми постовъ не любитъ, того ради еже онъ постомъ побѣждается. О семъ бо Самъ Господь Богъ рекъ, яко родъ діавольскій ничимъ же изгонится, токмо постомъ и молитвою. (Мат. XVII, 21; Мар. IX, 29). И того ради посты діаволу ненавистны суть, а сластолюбіе вельми ему любезно. И въ раю той діаволъ, вселивоя во змія, Адама прельстилъ, и постъ разрушилъ;

нынѣ же той же древній діаволъ, вселився въ Мартина, яко древле во зміа, посты въ Германіи разрушилъ. А и у насъ въ Россіи также древній діаволъ, а не иный кто тщится святые посты тѣмъ же извѣтомъ евангельскихъ словесъ разрушити. И мы, слава Богу, разумъ имѣемъ здравый, не яко той Мартинъ, и вѣмы, еже святые посты отъ Самого Бога уставишася, а сластолюбіе и слабое житіе, невоздержное отъ діавола. Сіе бо вельми дивно есть, еже во дни мартинова бытія никто не предложилъ ему святаго Евангелія и не воспятилъ ему таковаго начинанія; понеже онъ вельми наглостно и дико учинилъ, а никто ему не изъявилъ, что онъ противно всему святому писанію учинилъ. Или у прочихъ сластолюбцевъ умъ ослѣпился бяше, еже, со святымъ Евангеліемъ не справяся, приняли его такое изданіе новое. Понеже и Господь Богъ, дая намъ образъ, постился (и о семъ пространнѣе ниже речется), и егда Самъ Господь постился, той діаволъ и его хотѣлъ искусити и, приступивъ, ни о чесомъ иномъ не предложилъ, токмо о пищи. И Господь ему отрекъ, глаголя: не о хлѣбѣ единомъ будетъ живъ человѣкъ, но и о всякомъ глаголѣ Божіи. И посему всякому человѣку мочно знать, еже у діавола первая уда – лакомство. И намъ православнымъ христіаномъ вельми годствуетъ боятися лакомства и всякаго стастолюбія, понеже діаволу вельми лакомство и роскошное житіе угодно; а Богъ любитъ воздержаніе и постъ, и діавола повелѣлъ намъ молитвою и постомъ изгоняти отъ себя; и о ученикахъ своихъ тако рекъ, яко имутъ поститися по отшествіи Его (и о семъ пространнѣе ниже речется).

О семъ же всѣмъ намъ подобаетъ вѣдати, яко изволеніе Божіе есть, еже Ему приходити къ постнымъ и воздержнымъ человѣкомъ, а не къ пресыщеннымъ. Воззрите во святое Евангеліе и тамо обрящете святаго Іоанна Предотечу, не токмо по лютороку мясо по вся дни ядша, но и хлѣба

никогда [Марк. гл. I. стихъ 6]; и се Господь не похулилъ его за такое великое воздержаніе, но и креститися отъ него изволи, и тако о немъ рекъ, яко не возста въ рожденныхъ женами болій Іоанна Крестителя. А Мартина Лютора токмо діаволъ возвеличилъ, понеже онъ волю его діаволю исполнилъ, а не Божію, и сластолюбію людей научилъ. Позрите-же, православніи, и во священную Библію, и тамо обрящете въ книгахъ Ездриныхъ, яко ангелъ Господень повелѣлъ Ездрѣ поститися и мяса не ясти, и вина не пити; и аще той Ездра былъ и дѣвственникъ, а не яко Мартинъ блудникъ, обаче той ангелъ Господень повелѣлъ ему поститися, и, приходя къ постному, тайны Божія открывалъ (и о семъ ниже речется). А къ пресыщеннымъ людемъ никогда ангели Господни не приходятъ. Се бо и Корнилій сотникъ, егда постился, тогда къ постному ему, а не къ пресыщенному, ангелъ Господень пришелъ и повелѣлъ святаго апостола Петра призвати. И посему яьно есть, яко посты вельми святи суть и человѣкамъ душеполезни. Сего бо ради и святіи апостоли, по пріятіи Духа Святаго, постились и, постившеся, разыдошася на проповѣдь слова Божія, — о семъ явствуютъ Апостольская Дѣянія, въ третіейнадесять главѣ, во второмъ и, въ третьемъ стихѣ. А сего ни въ какомъ писаніи обрѣтохомъ, еже бы когда ангелъ Господень явился пресыщенному человѣку, но токмо видѣхомъ, яко въ пресыщеніи содѣваются бѣды и погибели, якоже зримъ во святомъ писаніи: Авессаломъ брата своего Амнона убилъ [II кн. Царсствъ, гл. XIII], а Иродъ царь Іоанну Предтечѣ главу отсѣкъ [Матѳ., гл. XIV, ст. 10], и безчисленное множество обрѣтаемъ въ божественномъ писаніи, яко въ пресыщеніи кромѣ зла иного чего не содѣвается, о нихъ же не лѣть ми писати. А еже бы ангелъ Господень пресыщеннымъ людямъ пришолъ, того нигдѣ обрѣтохомъ; токмо обрѣтохомъ едину ангельскую руку, пищущую на стѣнѣ во время пиршества вавилонскаго царя

Валтасара [Даніил. гл. V]. И сіе явленіе руки бысть не на пользу, но на погибель; и о семъ, аще кто хощетъ, да зритъ въ книзѣ Даніила пророка. О семъ же и вся писанія святая вѣщаютъ. Содома и Гоморра погибнули во йзобиліи хлѣба и вина; а Іова святаго погибоша дѣти не во время поста, но во время пиршества. И по всему святому писанію явѣ есть, яко въ роскоши нѣсть и малаго добра, и здравіе человѣческое повреждается отъ излишнихъ измѣнныхъ ядей. Отъ пресыщенія бо и сластолюбія токмо пагуба, а отъ воздержанія временное и вѣчное спасеніе. А Мартинъ Люторъ училъ всѣхъ своихъ учениковъ и намѣстниковъ, дабы никаковыхъ постовъ отнюдь не имѣли, но во вся дни житія своего, яко безсловесный скотъ или яко мордва. мясо ѣли. И глаголютъ: то-де послѣди Христа уставиша старцы и пустынножители, и то-де они уставили святому Евангелію противно; а мы-де смотримъ самыя евангельскія правды, и тоде творимъ, что святое Евангеліе повелѣваетъ,—того-де ради и нарицаемся евангеликами, а на старческіе-де бредни мы не смотримъ. Они-де, по пустымъ мѣстамъ скитавшись, жили и голодъ терпѣли, потому что и хлѣба-де имъ взять было негдѣ; такіе-де они и законы полагали, а насъ-де Богъ благословилъ хлѣбомъ, виномъ и всякою пищею. И мы-де Богу противны быть не хощемъ, дара Божія не хощемъ отринути и ядимъ во славу Божію вся, — мы-де ни на какія бредни человѣческія не смотримъ.

О, бѣдные, бѣдные суеумы! А Мартинъ вашъ кто былъ, не человѣкъ-ли же, а вы повинулись ему? И сатанинскому посланнику повѣрили паче, нежели Божіимъ человѣкамъ, иже въ себѣ Духа Святаго имѣли, а не адскаго. Зрите, православніи христіане: не на души-ль своя люторове лгутъ, и тою своею ложью все свое безуміе объявили?! Сами все свое житіе вопреки святому Евангелію ведутъ,

а глаголютъ, яко бы они евангельски живутъ и будто кромѣ евангельскихъ заповѣдей ничесого творити не смѣютъ.

А сіе и всѣмъ намъ явно, яко во святомъ Евангеліи того не написано, еже бы постовъ людемъ не имѣти, и по вся дни, яко свиньи, ничего не разсуждая, мясо жрати. Мы сіе вѣмы, яко у всѣхъ евангелистовъ о мясномъ ядeніи ни единаго словесе не помянулось. И по нашему разумѣнію, аще кто восхощетъ истинно по евангельски жити, то тому отнюдь не подобаетъ мяса ясти, но токмо рыбу и иныя постныя яди, понеже Господь не токмо мяса, но и млека не ѣлъ, но токмо рыбу; и о томъ Его ядeніи свидѣтельствуютъ вси евангелисти. Егда-бо напита Господь пять тысящъ народа, и на томъ Его Божіемъ пиру былъ токмо хлѣбъ да рыба, а мяса и млека не было [Матѳ. гл. XIV. ст. 19]. Егда же и четыре тысящи напита Господь, и тамо былъ токмо хлѣбъ и рыба-же, а мяса и млека, ни яицъ не было-же. [Марк. Гл. VI. ст. 41]. И по воскресеніи своемъ Господь, егда пришелъ ко ученикамъ своимъ въ самый праздникъ Пасхи, и тамо Его ученицы поставиша предъ Него не мяса же, но рыбы часть и отъ пчелъ сотъ (Лук. XXIV—42). И паки, егда на мори Тиверіадстѣмъ Господь учениковъ своихъ чествовалъ, глаголя: пріидите, обѣдуйте,— и на томъ обѣдѣ явися не мясо же, но рыба, на огни уготованная (Іоан. XXI, 12).

И аще ихъ люторское Евангеліе съ нашимъ славянскимъ сходно, то той Люторъ и послушницы его вси не токмо душевныма очима, но и тѣлесныма весьма ослѣпоша и умомъ своимъ повредишася, за еже что и ясно и всѣмъ явно во святомъ Евангеліи написано, а они и той ясный глаголъ толкуютъ опако и послушникамъ своимъ сластолюбивымъ толкуютъ инако, и предлагаютъ законъ человѣческій погибельный, а не спасительный, глаголя: аще кто хощетъ по евангельски жити, тому не подобаетъ поститися, но подо-

баетъ во вся дни мясо ясти. И о семъ люторане явно лгутъ и со святымъ Евангеліемъ весьма развратишася; а сластолюбцы, и совершенные возрастомъ человѣцы, яко безсловесные врановые птенцы, разинувъ рты, слушаютъ и та развращенная словеса въ сладость пріемлютъ. А того не видятъ, иже во святомъ Евангеліи токмо на малое время Господь повелѣлъ ученикамъ своимъ не поститися. Ибо ученицы Іоанновы вопросиша Господа, глаголя: почто мы и фарисеи постимся много, ученицы же твои не постятся? Господь же отповѣдалъ имъ, глаголя, яко при Немъ, Господѣ, не треба поститися, но егда отъ нихъ отъимется, тогда [рекъ] имутъ поститися. И сказа имъ въ примѣръ торжество брачное, глаголя, яко сынове брачніи, дондеже имутъ при себѣ жениха, поститися не могутъ [понеже время веселостное]; егда же отъимется отъ нихъ женихъ, то есть, егда минутъ того веселія дніе, тогда постятся. И по сему глаголу Христову явно есть, яко нарекъ Господь Себя женихомъ, бытіе же свое на землѣ бракомъ, понеже бракъ долго не бываетъ, а Его Господне бытіе было на земли кратостно: точію по крещеніи своемъ съ небольшимъ три лѣта съ нами пребылъ; по разлученіи же Его отъ насъ плотскомъ пребываетъ близь тысячи и седми сотъ лѣтъ. И аще люторове отъ роскошнаго своего житія и обезумишася, обаче сіе мочно бы разумѣть, еже брачное дѣло есть времянное, а по окончаніи брачномъ протяжется время даже до кончины коегождо человѣка. А апостоловъ своихъ Господь нарекъ брачными сынами [то есть брачными чиновниками]; и, якоже есть обычай, по брацѣ вси чиновницы уже веселитися престаютъ, а кійждо на свое дѣло обращается и уже и отъ пространныя пищи удаляются, тогда уже и поститися имутъ: а донележе бракъ не окончится, пота брачніи людіе отнюдь поститися не могутъ. Тако и святіи апостоли сотвориша, ибо, егда Господь съ ними бяше, не постишася; егда же Господь отъ нихъ отъяся и на

небеса съ плотію своею взяся, тогда тыи Его апостоли начаша и поститися. И по тому ихъ апостольскому пощенію, святый евангелистъ Лука свидѣтельствуетъ, глаголя сице, яко служащимъ апостоломъ Господеви и постящимся, рече Духъ Святый: отдѣлите Ми Варнаву и Савла на дѣло, на неже призвахъ ихъ. Тогда тыи апостоли паки постишася и, помолившеся, возложиша на нихъ руки и отпустиша ихъ (Дѣян. XIII, 2) [1]). И сіе святіи апостоли сотвориша по Господню словеси: егда Онъ отъ нихъ отъяся и на небеса вознесеся, начаша поститися.

А люторове и той глаголъ Христовъ толкуютъ по своимъ прихотямъ инако: то-де рекъ Господь о смерти своей, и дондеже былъ Господь во гробѣ, тогда-де повелѣлъ токмо поститися, а егда-де воскресъ Господь, тогда и посту быть не надлежитъ, понеже паки-де бысть съ нами. По воскресеніи-де своемъ Самъ Онъ Господь ученикамъ своимъ рекъ: се Азъ есмь съ вами во вся дни до скончанія вѣка. Аминь. (И таковымъ своимъ богопротивнымъ толкованіемъ и святыхъ апостоловъ виновныхъ творятъ, понеже Мартина Лютора они не спросились и начали по вознесеніи Господнемъ поститися; только одни они люторане правые люди, что не постятся]. Христіанамъ-де, по вышереченному Господню словеси, поститися отнюдь не подобаетъ, понеже по воскресеніи-де паки Господь бысть съ нами, и мы-де тому глаголу Христову вѣримъ, яко Онъ всегда Господь Богъ Нашъ съ нами и до скончанія вѣка будетъ съ нами безъ отъятія, и того-де ради мы и не постимся [Хорошо-де поститься, чтобы люди не видали]. Мы-

---

[1]) Цитаты въ рукописи вынесены на поля; нерѣдко, какъ напр. въ данномъ случаѣ, цифры цитатъ не проставлены, указана только книга. Вообще, въ цитатахъ рукописи масса ошибокъ; по возможности, въ своемъ изданіи мы исправляемъ ихъ.

де сынове есмы брачніи и того-де ради подобаетъ намъ всегда веселитися, а не поститися.

Мы же, во православіи сущіи христіане, люторскому богопротивному ученію и кривому толкованію его не внемлемъ, а внемлемъ апостольскимъ дѣяніямъ и повинуемся ниже[1]) преданіямъ, понеже они, по вознесеніи Господнемъ и по пріятіи Духа Святаго, постились. И тому послѣдуя, и мы постимся, понеже Господь нарекъ бракомъ то свое время, въ немъ же, собравъ учениковъ, хождаше по земли и овыхъ училъ заповѣдей своихъ, овыхъ же отъ болѣзней воздвизалъ и мертвыхъ воскрешалъ; а егда съ плотію своею вознеслся на небеса, тогда Онъ отъяся отъ насъ, и того ради намъ не можно не поститися, понеже брачніи дни минушася. О семъ Самъ Господь Богъ предрекъ, глаголя: егда отъимется женихъ, тогда поститися брачніи людіе имутъ. И мы, тому глаголу Христову вѣрующе, послѣдуемъ и постимся, якоже уставися отъ святыхъ апостоловъ и отъ намѣстниковъ ихъ. И сіе вси мы вѣмы, яко по отъятіи Христовѣ и брака Христова нѣсть въ насъ. Лгутъ бо люторове, лгутъ и глаголютъ внѣ своего ума, сказующе, яко по вознесеніи Господни паки брачнымъ днямъ быти.

Мы же вси сіе вѣмы, яко на брацѣ убійства, плача и сѣтованія никакого бываетъ, но токмо веселіе и радость; а по отлученіи отъ насъ небеснаго Жениха насташа гоненія и убійства, плачъ и сѣтованіе постиже, ово отъ странныхъ человѣкъ, ово же и отъ сродникъ, и отъ лжебратіи возсташа гоненія и распри,—а на брацѣ ничего того не бываетъ, и посему стало наше житіе не брачное. Лгутъ бо люторы сказующе, якобы по вознесеніи Господнемъ нынѣ они на брацѣ живутъ. Развѣ живутъ они на брацѣ діаволемъ, а не на Христовомъ; и за сіе брачное ихъ житіе чтобъ на ономъ

---

[1]) *ихъ же?*

свѣтѣ вѣчно не плакати и отъ Господа не пріяти бы такова отвѣта, каковъ евангельскій богачъ прія, изглаголанный: воспріялъ еси благая твоя въ животѣ твоемъ, а Лазарь злая, и нынѣ сей утѣшается, ты же страждеши. (Лук. XVI, 25). Видите ли, какое воздаяніе на семъ свѣтѣ веселящіися пріемлютъ: токмо плачъ и рыданіе. И паки Господь изъявляєтъ намъ, яко блажени плачущіи нынѣ, яко тіи возрадуются (Лук. VI, 21). Видите ли, люторстіи ученицы и преемницы, яко Господь блажитъ тѣхъ, кіи нынѣ плачутъ; смѣющимся же нынѣ сказуетъ горе и яко возрыдаютъ. Паки Господь блажитъ тѣхъ, кіи на семъ свѣтѣ алчбу и жажду терпятъ, яко тіи на томъ свѣтѣ насытятся (Лук. VI, 25, 21). Видите ли, сластолюбцы, яко Господь блажитъ тѣхъ, кіи нынѣ постятся, а пресыщеннымъ сказуетъ Господь горе и яко взалчутъ. Се бо Господь не сластолюбіе и не веселіе похваляетъ, но плачъ и рыданіе здѣшнее похваляетъ; а Люторъ вашъ веселіе и сластолюбіе похваляетъ. И сѣмо всякъ зри, коль Богу Мартинъ Люторъ противенъ явился: Господь глаголетъ, яко горе нынѣ насыщеннымъ, понеже во онъ вѣкъ взалчутъ (Лук. VI, 25), а люторовы ученицы глаголютъ, яко горе постящимся. Паки Господь глаголетъ: горе смѣющимся нынѣ, понеже тіи во онъ вѣкъ восплачутся и возрыдаютъ; а люторстіи преемницы повелѣваютъ всегда веселитися, яко на бракѣ. Лгутъ бо люторове, нарицающе нынѣшнее житіе человѣческое бракомъ: брачное веселіе токмо на небеси; идѣже Господь Богъ съ плотію, тамо и бракъ обрѣтается. И по скончаніи сего свѣта, кто удостоится взыти на небо, то той будетъ уже на вѣчномъ бракѣ Агнчи, егоже во откровеніи святый Богословъ видѣ (Апокал. XIX, 9); ибо при самомъ Бозѣ бракъ будетъ на небеси, а не на земли. Лгутъ бо люторове, иже нынѣшнее житіе многоплачевное нарицаютъ брачнымъ житіемъ; и тако злѣ разсуждающе, святые посты отъ себя отринуша, и живутъ невоз-

держно, и присно ликують, яко на истомъ бракѣ. Здѣ пирующе, вельми надобно боятися, дабы тамо злополучно не поститися: одно бо взять—либо здѣсь ликовать, а онамо горевать, или здѣсь страдать, а на томъ свѣтѣ торжествовать.

Люторове о святыхъ апостолѣхъ тако сказуютъ, якобы они постились токмо тогда, егда Господь во гробѣ былъ. И то они явно же лгутъ, понеже въ писанiи никаковомъ того извѣстiя не обрѣтается, еже бы апостоли постились въ то время, когда Господь былъ во гробѣ; а о семъ извѣстiе есть, яко апостоли по вознесенiи Господнемъ постились, и о томъ ихъ постѣ въ Дѣянiяхъ Апостольскихъ ясно изъявлено, якоже о томъ выше речеся. Паки зрите: егда Корнилiй сотникъ постился четыре дни, въ томъ его корнилiевомъ пощенiи явися ему ангелъ Господень очевидно и возвѣсти ему, яко услышана бысть молитва его у Бога (Дѣян. X, 30). Видите ли, коль сильна съ постомъ молитва, яко вся небеса пролетѣ и до самого Бога доиде. А у невоздержнаго человѣка и сластолюбиваго такова сильна молитва никогда не будетъ, яко у постящася. И посему зельми подобаетъ поститися, понеже святи суть посты и Богу угодны.

И аще кто хощетъ истиннымъ христiаниномъ быти, тому не подобаетъ весьма роскошно жити и, по люторскому, поста никогда имѣти, понеже самъ Господь, дая намъ образъ, постился. И Святый Iоаннъ Предтеча постился и апостоли вси постились, и вси святiи преемницы апостольскiи, наши же пастыри и учители, постились. И мы, послѣдуя самому Христу и святымъ Его апостоламъ и намѣстникамъ ихъ, постимся же. Токмо единъ Мартинъ Люторъ со ученики своими не постится и инѣмъ поститися возбраняетъ; они бо токмо едины Христу и святымъ Его апостоламъ и намѣстникамъ ихъ противятся и хощутъ въ жизнь вѣчную особымъ путемъ внити—таковымъ, какова Богъ не содѣлалъ.

Господь содѣлалъ до царства небеснаго путь трудный, ибо рекъ, глаголя: нужно есть царство небесное, и нуждницы получатъ его (Матѳ. XI, 12). А Люторы хощутъ безъ нужды и безъ трудовъ внити во царство небесное.

Ездрѣ ангелъ Господень царство небесное нарекъ прекраснымъ градомъ; приходъ же къ нему, изъявилъ, вельми тѣсенъ, яко вмѣститися токмо единѣй ступени ножной. И аще [рече] не пріидетъ чрезъ положенное стремленіе, то како [рече ангелъ] пріиметъ достояніе свое? И паки рече: егда Адамъ преступилъ есть положеніе мое, суждено бысть тако; и сего ради входы тому вѣку тѣсны и болѣзненны суть и трудны. И прирече: иже кіи не пріимутъ тѣсноты, не возмогутъ пріяти, яже суть представлена (3 Ездры, VII, 6—14). Видите ли, бѣдные и пребѣдные люторы, что Ездрѣ Богъ чрезъ ангела своего изрекъ? Се бо за великое его пощеніе тайну свою прежде воплощенія своего открылъ и явно изрекъ, яко кіи человѣцы не пріимутъ тѣсноты, не возмогутъ пріяти уготованнаго наслажденія. Библію въ своихъ рукахъ держите, а яже суть въ ней написана не видите. О, бѣдные, бѣдные люторане! Како вы толь безумно учинили, еже, не справяся со святымъ Евангеліемъ и со священною Библіею, да повѣрили непотребному извергу и скверному блуднику Мартину Лютору, и пріяли его въ вождя до царства небеснаго! Вамъ было лучши Христовымъ словамъ вѣрить, а не его ложнымъ баснямъ. Господь явно сказалъ, еже отъ злаго человѣка ученія не пріимать, а вы тотъ Господенъ приказъ ни во что поставили и отъ терна хощете грозды обирать Ни, ни; не измѣнитъ бо Господь глаголовъ своихъ: како Онъ рекъ, тако и будетъ. И сами вы сіе, чаю, вѣсте, еже Господь о глаголѣхъ своихъ рекъ, яко небо и земля мимо поидутъ, а словеса Его мимо не поидутъ. И по сему закрѣпленію мочно бы вамъ вѣрить лучши словесемъ Христовымъ, а не разстригинымъ. И вы поне нынѣ разсудите: не самую ль прелестную

вамъ блазнь Мартинъ вашъ предложилъ, еже обѣщалъ васъ ввести во царство небесное путемъ самымъ легкостнымъ и никакова труда не имущимъ, и вмѣсто труда повелѣлъ токмо единымъ мнѣніемъ спасатися?! Ибо, аще помыслитъ о поклонахъ, то, будто, безъ труда, отъ одного помышленія и отправятся; егда же помыслитъ о постѣ, то и постъ, будто, безъ пощенія исправится.

А апостольскіи намѣстницы, святіи отцы, воспоминающе апостольская пощенія, уставиша по вся лѣта, по отданіи празднества Святаго Духа, поститися. И той святый постъ въ православныхъ христіанѣхъ неизмѣнно и до днесь содержится и нарицается онъ Петровъ постъ, то есть апостольскій.

Паки, предъ празднествомъ Успенія и на небеса взятія пресвятыя Богородицы, въ воспоминаніе ея пощенія и ради почтенія Ея, ходатайцы нашея, празднества, уставиша святіи апостольскіи намѣстницы постъ, и той святый постъ въ православныхъ христіанахъ неизмѣнно и до днесь содержится и нарицается той святый постъ Госпожинъ, сирѣчь Богородицынъ.

Паки, предъ празднествомъ Рождества Христова, ради почтенія Рождества Христова, уставися еще при апостольстѣмъ бытіи; и аще о немъ имянно и не описано, обаче постъ святый евангелистъ Лука въ писаніи Апостольскихъ Дѣяній воспомянулъ, глаголя сице: и постъ уже прешелъ бѣ (Дѣян. XXVII, 9). И посему явно есть, яко той святый постъ, иже предъ Рождествомъ Христовымъ, учиненъ не послѣди апостоловъ, но они при себѣ его уставиша, понеже святый Павелъ апостолъ, егда везенъ былъ въ Римъ, плаваніе ихъ было предъ празднествомъ Рождества Христова. А люторове тую апостольскую рѣчь о постѣ толкуютъ инако, сказующе, яко бы Лука евангелистъ воспомянулъ тотъ постъ, иже былъ у Павла апостола токмо въ корабли со всѣми, прилучившими-

ся съ нимъ, еже отъ морскаго плаванія неспособнаго не ядоша. И сіе не безуміе ли ихъ люторское, еже постомъ нарицаютъ, еже отъ великаго морскаго страхованія 14 дней пищи вкусить не могоша?! Такое неяденіе и у больныхъ множицею бываетъ, иже не токмо 14 дней, но и вящши не ядятъ, и таковое неяденіе никогда постомъ не нарицается. И по таковому ихъ мудрованію, вельми они обезумилися, понеже тамо во Апостольскихъ Дѣяніяхъ написано о самомъ настоящемъ постѣ, а не о нужномъ, иже бысть отъ морскаго волненія въ корабли. И той глаголъ у апостола былъ прежде того ихъ бѣдствованія, еще до нужнаго ихъ неяденія. И аще кто хощетъ, да зритъ о томъ въ той же XXVII главѣ въ 33 стиху, и тамо ясно узритъ, яко то ихъ невольное неяденіе было послѣди того глагола [иже реченъ бѣ о прешествіи поста], и плаванію ихъ уже скончавшуся, по глаголу святаго Павла, пищу вси пріяша и повезошася ко брегу.

Паки и предъ празднествомъ Пасхи Христовы четыредесятидневный постъ уставися отъ святыхъ же апостолъ. И во весь годъ среды и пятки постити и мяса не ясти отъ нихъ же уставися для воспоминанія страданія Христова, и не токмо мяса, но и рыбы ясти не попустиша. И о таковомъ пощеніи во Апостольскихъ Правилѣхъ ясно написано: аще кто въ великій постъ не постится, такожде и во все лѣто среды и пятки не постится, таковый отъ святыя церкве да отлучится. И той вышеявленный великій постъ явѣ есть, яко святіи апостоли повелѣша 40 дней постити ради воспоминанія Христова поста, иже Онъ, Господь и Богъ Нашъ, дая намъ образъ къ пощенію, постился четыредесять дней (Мат. IV, 2; Лук. IV, 2). Ради же страстей Христовыхъ приложиша и седьмую седмицу поститися съ вящшимъ уже трудомъ и пощеніемъ.

И сего ради вельми свято есть, еже православнымъ христіаномъ послѣдовати апостольскимъ преданіямъ и въ заповѣданные дни, аще и не отъ самого Христа, но и отъ апостоловъ Его и преемниковъ апостольскихъ уставлено поститися, то требѣ ихъ исправляти, понеже постъ не вредитъ душевнаго спасенія и отъ самого Бога похвалены посты. А мясоястіе, кромѣ Мартина Лютора, ни отъ коего святаго похвалено. И не токмо намъ православнымъ, но и отпадшимъ люторанамъ надобно памятовать Господне слово, реченное, еже не объемлютъ отъ тернія грозды, ни отъ репія смоквы. Къ сему же прирече Господь, яко не можетъ древо злое плода добра творити, ни доброе древо плода зла изнести. Тако повелѣлъ Господь учителей своихъ познавати отъ плодовъ ихъ, то есть отъ злаго или отъ добраго житія ихъ; и по тому Господню словеси, аще кто скверно и невоздержно живетъ, того слушати не подобаетъ, понеже онъ плоды злы износитъ; а аще же кіи человѣцы живутъ свято и воздержно, по Господню словеси, таковыхъ учителей подобаетъ слушати и положенія ихъ исправляти, понеже они сами плоды добры творятъ.

И мы, во православіи сущіи, яко отъ самого Господа Бога, тако и отъ святыхъ учителей узаконенія пріемлемъ и тая преданія держимъ, ничимъ же разнствующе отъ преданій апостольскихъ; уже бо егда они сами жили свято, то и намъ повелѣли жити свято. О семъ и святый Псаломникъ возвѣщаетъ, яко со избраннымъ избранъ будеши и съ преподобнымъ преподобенъ будеши, а съ нечестивымъ повелѣваетъ развратитися. Аще кто явится и не люторъ, а въ люторскомъ калѣ обвалялся, и съ таковымъ аще кто не развратится, то тотъ и самъ умарается. И по словеси Господню, аще кіи человѣцы отъ святаго мужа пріимутъ законы какіе, то святи тыи и законы; а аще кіи человѣцы отъ сквер-

наго человѣка какая либо законоположенія пріимутъ, то и законоположенія ихъ кляты суть.

Дивное сіе дѣло, еже вышеписанное Господне слово о избираніи учителей нѣмцы вси забыли и учителя возлюбили сквернаго таковаго, иже, по Господню словеси, довелся огню преданъ быти, а не то что отъ него законы пріимати. Мочно вамъ и самимъ вѣдати, яко и въ самомъ началѣ міразданія, прежде вкушенія мясъ, уставилъ самъ Богъ постъ, ибо тако Адаму рекъ: отъ всѣхъ древесъ, иже въ раи, плодъ яждь, отъ древа же, еже разумѣти добро и лукаво, не снѣсте отъ него; а аще убо снѣсте отъ него, то смертію умрете. И вы, люторстіи преемницы, како о семъ разсудите: постъ-ли сіе и воздержаніе, или слабость и сластолюбіе, еже въ раю Господь бывшему Адаму запрети ясти отъ единаго древа? И аще вы, по своему люторскому разсужденію, како не разсудите, мы же глаголемъ, яко—самый твердый постъ и подъ смертнымъ штрафомъ учиненный. И аще въ раю Господь повелѣлъ въ пищи воздержаніе имѣти, то како намъ не поститися, внѣ рая живущимъ и во грѣсѣхъ пребывающимъ?

И Адамъ заповѣдь Божію презрѣлъ, повинуся совѣту діаволю, и того, отъ самого Бога заповѣданнаго поста не соблюлъ; и за то невоздержаніе изгнанъ бысть изъ рая, и смертію умерлъ; и во адѣ отъ діавола, его же совѣту повинулся, держимъ былъ 4600 лѣтъ. Такое-то наказаніе за несоблюденіе поста и первозданный Адамъ воспрія; намъ же что отъ Бога будетъ, аще мы посты святые ни во чтожность обратимъ и, како намъ заповѣдано, не соблюдемъ? — явѣ есть, яко уже не 4600 лѣтъ, но въ нескончаемые вѣки вѣковъ будемъ мучитися. Діаволъ бо и древле той заповѣданный отъ Бога Адаму постъ легко разсудилъ, обаче та легкость обратися въ великую тяжесть; ибо не единому токмо Адаму, но и всему роду человѣчу наложися, и донелѣ-же видимый сей міръ стоитъ, до тѣхъ мѣстъ и грѣхъ

той пребудетъ на человѣцѣхъ. А кіи человѣцы на семъ свѣтѣ того адамля невоздержанія святымъ крещеніемъ и пощеніемъ и покаяніемъ не очистятъ отъ себя, тіи и во грядущій вѣкъ имутъ за него страдати. И посему всякъ внемли и разумѣй, каковъ то грѣхъ невоздержаніе, легокъ или тяжелъ; и по нашему разумѣнію, вельми онъ тяжекъ, токмо люторскому разуму легокъ.

Паки и сіе годствуетъ намъ разумѣти, еже діаволъ ко Адаму самъ собою приступити явно не дерзнулъ, но подослалъ толковати звѣря мудрѣйшаго, зовомаго зміа, дабы не позналъ его діаволя подлогу. Разумѣйте же діаволь разумъ: себо не подослалъ ко Адаму толковати ни вола, ни осла, ни вербуда, но мудрѣйшаго звѣря, то-есть змія, дабы Адамъ принялъ отъ него совѣтъ его и повѣрилъ-бы словесемъ его; понеже той звѣрь паче всѣхъ звѣрей разумнѣйши. И Адамъ, вѣдая зміеву мудрость, всельшагося же въ него діавола не вѣдаше, мня, яко той змій отъ своего разума совѣтъ ему даетъ, я глаголемымъ словесемъ вѣру, и заповѣданный отъ Бога постъ разрѣшилъ—отъ того заповѣданнаго древа ѣлъ. И за то невоздержаніе изгнанъ бысть изъ рая, и по изгнаніи уже много плакалъ, да пособить тому грѣху не могъ, и покаяніемъ того грѣха не возмогъ своимъ очистити, дондеже за той грѣхъ свой во адѣ 4600 лѣтъ отсидѣлъ. Обаче и тогда свобода ему не легка учинися, ибо самъ Сынъ Божій, съ небесе сошедъ, извелъ его изъ ада. Видѣсте-ли, како діаволъ Адама обманулъ; тако-бо нынѣ и къ нѣмцамъ самъ собою діаволъ явно приступити не смѣлъ, дабы познану ему не быть, и того ради, яко ко Адаму змія, тако къ нѣмцамъ подослалъ Мартина Лютора; и избралъ его не изъ земледѣльцовъ простыхъ и ничего незнающихъ мужиковъ, яко вола или осла, но избралъ, яко мудраго зміа, то есть ученаго человѣка (видимаго свѣта мудрованіемъ исполненнаго, еже святый Павелъ нарицаетъ буйствомъ) и священниче-

скимъ саномъ почтеннаго, того Мартина Лютора. И нѣмцы, на внѣшнюю его мудрость вознадѣявшися, начали ему вѣрить; и что онъ ни изрекъ, аще добро, аще зло, не размотря въ словесѣхъ его силы, всему его положенію и повѣрили, яко Божію пророку или апостолу Христову; и тако не разсудя, не размотря въ словесѣхъ его силы, вринушася во отпаденіе отъ древняго благочестія.

И се нынѣ мы, чрезъ Божіе намъ дарованіе, не обинуяся, держащимся люторскаго ученія сказуемъ, яко аще кто того діаволя подсылщика мартинова ученія отъ себя не отринетъ, то не яко Адамъ, но несравненно адамлю страданію постраждетъ: Адамъ по нѣколикихъ лѣтѣхъ его мученія бысть Богомъ свобожденъ и во царство небесное введенъ, а нынѣшнимъ законопреступникамъ мука будетъ уже безконечная. И вы, люторстіи преемницы, аще собственнаго своего зміа, то есть мартинова ученія и злаго его совѣта отъ себя не отринете и къ древнему благочестію восточныя церкве не обратитеся, и постовъ святыхъ и воздержанія отъ усладденныхъ ядей не воспріимете, то бойтеся, еже бы вамъ, за отверженіе постовъ и за послѣдованіе мартинова ученія, во адѣ вѣчнаго глада не терпѣти. Самъ бо Господь сказа, яко горе нынѣ насыщеннымъ, яко взалчутъ (Лук. VI, 25).

И по вышеписаннымъ Божіимъ словесемъ всѣмъ намъ явно есть, яко постъ и воздержаніе имѣти отъ заповѣданныхъ брашенъ вельми свято есть. И не отъ старцевъ посты уставишася, якоже люторане блузнятъ, но отъ самого Бога посты уставишася издревле; а и въ новой благодати, аще святіи апостоли, аще и преемницы ихъ, обаче съ воли Божіей посты уставиша. И того ради постъ и воздержаніе не на нарушеніе святому Евангелію, но на исполненіе. Лгутъ бо люторове, сказуя, яко посты нарушеніе святому Евангелію.

Зрите же и еще, коль честенъ и Богу любезенъ постъ, —себо ангелъ Господень Ездрѣ рече: аще помолишися и попостишися 7 дней, болѣе услышиши. И по приказанію ангелову, постися Ездра еще седмь дней. И паки рече ангелъ Господень: аще возмолишися и паки постишися седмь дней, паки возвѣщу тебѣ седмь большихъ вещей; провидѣлъ бо Вышній чистоту, юже отъ юности твоея имѣлъ еси; и сего ради посла мя показати вся вещи сіи. И Ездра паки постися седмь дней. Видите ли, люторове, яко Ездра отъ юности своея имѣлъ житіе не яко Мартинъ скверное, но чистое, а и тому Господь повелѣлъ поститися, а вашъ Мартинъ весь былъ въ скверности, яко свинья въ калѣ обвалялся, а поститися не восхотѣлъ и ученикамъ своимъ не повелѣлъ: то какой въ немъ благодати Божіей быти!

И паки ангелъ Господень рекъ: аще и еще воспріимеши седмь дней, и да поидеши на поле, цвѣты имущее, идѣже жилища нѣсть, и яждь токмо отъ цвѣтовъ польныхъ, мяса же и вина да не вкусиши, но токмо цвѣтъ [то есть быліе травное]. И иде Ездра на поле и яде зеліе седмь дней [3 Ездра, гл. IX]. И на сіе вси люторстіи буелюбцы взирающе, разсуждайте: Лютора ли лучши слушати вамъ и постовъ никогда не имѣти, или самого Бога слушати и посты по уставу воспріявъ держати? Себо и сами видите, яко святы суть посты: Ездра бо, аще и свято житіе отъ юности своея имѣлъ, обаче Богъ и чрезъ ангела своего съ нимъ не глаголалъ, но егда постился, тогда и ангелъ Господень, къ нему приходя, глаголаше глаголы отъ Божія лица. Къ Мартину же Лютору, пресыщенну сущу, къ сему же и весьма скверну, како можетъ пріити совѣтъ подати ангелъ Господень— но токмо ангелъ сатанинъ. И того ради всячески годствуетъ ученія его люторскаго бѣжати, яко отъ ядовитаго змія.

Паки люторове глаголютъ, яко брашно Богъ сотворилъ

на пищу человѣкомъ, и того-де ради въ ядeнiи нѣсть грѣха: кто хощетъ ясти да ястъ. И симъ глаголомъ Бога своему невоздержанiю виновна творятъ. Богъ бо не винсвенъ, еже брашно сотворилъ, но виновенъ тотъ, кто уподобляетъ себя свиньѣ, не разсмотряя ни дней, ни пищи. И по его Люторову суемудрiю, и въ блудномъ его житiи Богъ же виноватъ, что устроилъ у него удъ дѣтородный; а онъ—правый человѣкъ, еже обѣщавшись ангельски жити, сталъ жить дiавольски: иночество съ себя свергъ и началъ жити блудно и яко песъ обратился на свою блевотину и въ сладость ю съѣлъ. Мы же вси вѣмы, яко Богъ не виновенъ, еже у человѣка дѣтородный удъ сотворилъ, но виновенъ тотъ, кто невоздержно живетъ: Богъ сотворилъ той удъ ради плода, а не ради блуда. Богъ сотворилъ огонь и воду, ты же камо хощеши руку свою простреши: есть бо во огни потреба, есть же въ немъ и погибель; есть и въ водѣ потреба, есть же въ ней и погибель. Богъ сотворилъ человѣка самовластна и положилъ предъ него два пути: единъ тѣсенъ и прискорбенъ, а другiй широкъ и веселъ; и Господь въ сотворенiи своемъ не виновенъ, понеже ясно изъяви, глаголя: узкимъ путемъ шествующiи внидутъ въ жизнь вѣчную, а широкимъ и веселостнымъ путемъ шествующiи внидутъ въ погибель, то есть во адъ на вѣчное мученiе. И посему, люторе, како винуеши Бога: буде здѣсь потерпиши и попостишися и нужду всякую понесеши, то онамо насытишися и возвеселишися во вѣки вѣковъ; а аще же здѣсь въ сладостяхъ вѣкъ сей проводиши, то онамо восплачеши и возрыдаеши—и во вѣки вѣковъ

И паки: Ездра, по Божiю изволенiю, постился седмь дней и яде токмо былiе травное. (3 Ездры, гл. 12). И по повелѣнiю Господню, Ездра святый четыре краты постился, и тѣмъ четырекратнымъ пощенiемъ прообразовалъ четыре поста настоящiе, отъ святыхъ апостоловъ и намѣстниковъ

ихъ учиненные, то есть: апостольскій постъ, богородицынъ постъ, рождественскій постъ и великій постъ.

Еще же о постахъ и черезъ Захаріа пророка Господь изъяви четыре же посты, глаголя: постъ четвертый и постъ пятый, и постъ седьмый, и постъ девятый будетъ дому израилеву въ радость и въ веселіе и въ праздники благи. Видите ли, яко самъ Господь изъяви намъ четырекратнымъ пощеніемъ четыре всего лѣта посты, и возвеличи Господь посты, глаголя: да будутъ вамъ въ радость и веселіе, то есть въ вѣчную радость. И прирекъ, глаголя: и въ праздники благи. То явѣ есть, объявилъ Господь всерадостные и благіе праздники будущаго вѣка: за соблюденіе постовъ, постницы и воздержницы за пощеніе свое воспріимутъ вѣчныхъ благъ наслажденіе. И того ради не можно намъ православнымъ христіанамъ не поститися четырежды въ лѣто, понеже первѣе чрезъ Ездру, вторицею же чрезъ Захарію пророка изъяви Господь четыре посты; потомъ же чрезъ конечное положеніе святыхъ апостоловъ и намѣстниковъ ихъ, иже святые посты уставиша и повелѣша всѣмъ православнымъ христіаномъ ихъ держати неизмѣнно. И мы, вѣдая, еже той благій плодъ изшелъ не отъ злаго древа, но отъ добраго, любезно пріяхомъ и держимъ, яко отъ самого Бога.

Паки о семъ вѣсте ли, еже и не отъ Бога заповѣданъ былъ постъ, но отъ изволенія царя Саула, и аще и не мяса, но токмо меда вкусилъ сынъ Сауловъ, а и вкусилъ не заповѣдь ничтожа, но отъ невѣденія, обаче Богъ разгнѣвася на него и осуди его на смерть,—то мы како не осудимся, понеже не царскую заповѣдь преступая, но Божію, будемъ (не) отъ невѣденія, но презирая повеленіе Божіе и святыхъ учениковъ Его, своевольно разрѣшати на мясо! И тамо Сауловъ сынъ Іонаѳанъ за ядеція меда временную смерть прія, а мы за разрѣшеніе постовъ пріимемъ уже вѣчную смерть. И сего ра-

ди вельми намъ надлежитъ люторскаго толкованія бѣжати, дабы вѣчно не пострадати.

Зрите вси уничтожающіе святые посты, себо Іоаннадавъ дѣтямъ своимъ заповѣдалъ, еже во вся дни живота своего имъ не пить вина, и они такъ твердо отца своего заповѣдь храниша, еже и Іереміи пророка, повѣлевающаго имъ пити, не послушаша и на вино не разрѣшиша; и Господь Богъ, за соблюденіе отеческія заповѣди, великою похвалою похвали ихъ. И сіе видя, вы, преемницы люторстіи, внемлите, яко Богъ ихъ похвалилъ, а не похулилъ, еже они и Божію пророку, повелѣвающу разрѣшити, не разрѣшиша. Вы же кого послушасте, Божія ли пророка, или діаволя, еже не отъ земного, но отъ небеснаго Отца заповѣданные посты разрѣшисте и мясо ежедневно ядите, яко безсловесный скотъ или яко мордва, закона не имущая? Себо мы вси вѣмы, яко повинустеся словесемъ Мартина Лютора и паче Бога его предпочтосте. Богъ таковыхъ лжеучителей повелѣлъ огню предавати, а вы возжелали за учителя себѣ его пріяти, — да и насъ тому же злу поучаете.

Вопросъ люторамъ.

Яко самые люторане, тако и преемницы ихъ вси, въ люторскую блазнь склонившіеся, купно вси скажите ми истинную правду: Божій ли ангелъ, или сатанинъ демонъ приходилъ къ вамъ и поститися возбранилъ? Буде и ангелъ Господень отрекъ бы вамъ посты, то требно бы справиться съ Евангеліемъ и съ прочими святыми писаніи—не развратно ли вамъ сказалъ. И буде не развратно, подобаетъ тако творити; а аще же съ святымъ Евангеліемъ и съ прочіимъ писаніемъ развратно, то и ангелу вѣрити не годствуетъ. А аще же приходилъ къ вамъ отъ древняго прелестника, иже и первозданнаго человѣка прельстивъ изъ рая изгналъ, и заповѣдь вамъ далъ, еже не поститися, но присно мясо ясти,

то мочно вамъ и самимъ знать, что отъ діавола добраго нечего ждать, кромѣ того жъ, еже и Адамъ получилъ.

А ежели вы собою сіе умыслили, еже святые посты отъвергли, то годствуетъ вамъ сказати—какой порокъ въ постѣ обрѣтосте? Царства ли небеснаго отъ воздержанія лишаются, или отъ вѣчныя муки имъ свобождаются? Молю, покажите ми лицо явное: что за вредъ отъ поста и что за спасеніе отъ всѣдневнаго мясоястія и отъ раскошнаго житія? А аще же отъ мясоястія спасенія нѣтъ, а отъ воздержанія погибели нѣтъ, то куды вы дошли? И нынѣ, аще стыда своего ради покаятися не можете, обаче прочее уста своя да заградите молчаніемъ! Аминь.

О поклонѣхъ.

Паки, вы же глаголете, яко Богу не подобаетъ кланятися видимою плотію, но токмо единымъ духомъ, то есть, единымъ мнѣніемъ, еже мыслію своею о поклонѣ; и въ томъ своемъ глаголѣ ссылается на Христовъ глаголъ, еже бесѣдуя Господь самарянынѣ рекъ, глаголя, яко истинніи поклонницы поклонятся Отцу духомъ и истиною. И въ томъ своемъ толкованіи вси вы соблазнистеся и на правый глаголъ Христовъ кривой толкъ издаете, понеже Господь не рече того, еже бы не подобало Богу покланятися видимымъ тѣломъ, но рече: вы не вѣсте, ему же кланяетеся; мы же вѣмы, Ему же кланяемся. Видите ли, развратніи толкователи, яко Господь не отрече поклона тѣлеснаго, но еще и прирече и ясно намъ яви, глаголя: вы кланяетеся емуже не вѣстѣ, мы же кланяемся Ему же вѣмы (Іоан. IV, 22). И прирече: кіи кланяются Богу духомъ и истиною, достоитъ кланятися [то есть: съ истиннымъ намѣреніемъ духовнымъ и съ богомысліемъ]. А вы той глаголъ Христовъ толкуете инако, сказующе, яко бы Господь не повелѣлъ тѣлеснаго поклона Богу творити, но, будто, повелѣлъ токмо духомъ кланятися. А у Господа такова глагола и не бывало, еже бы токмо единымъ духомъ повелѣлъ кланятися; нежели вамъ на иного кого лгати, а вы на самого Бога лжете, сказующе, яко Онъ не повелѣлъ Богу кланятися. Онъ, дая намъ образъ, и Самъ, предъ вольною своею смертію, молился съ

поклоненіемъ Отцу своему, ибо до земли кланялся главою своею, а не помышленіемъ единымъ, по люторску; и тако въ поклонѣхъ утрудился, яко и потъ отъ плоти Его течаше. Лука евангелистъ глаголетъ: и бысть потъ Его, яко капля крове, каплющая на землю; и возставъ отъ молитвы, пришелъ ко ученикомъ, обрѣте ихъ спящихъ (Лук. XXII, 44; Мр. XIV, 35; Матѳ. XXVI, 39). О семъ три евангелисты свидѣтельствуютъ, яко въ моленіи своемъ Господь поклоны творилъ тѣлесные, а не помышленіемъ своимъ, но истые свои колѣна преклонялъ. Лгутъ бо люторове, сказующе на Господа, будто Онъ не повелѣлъ Богу кланятися видимымъ тѣломъ.

Нынѣ всѣмъ таковымъ люторскимъ ученикамъ глаголю: прельстилися есте и, не разумѣюще истины, склонистеся въ люторская прелестная толкованія. Духъ бо плоти и кости не имать, то како можетъ духъ единъ, кромѣ плоти и души, поклонъ сотворити? И что то за истинный поклонъ, иже токмо на умѣ о поклонѣ подержитъ? Истинно дивенъ разумъ у люторовъ, еже единое помышленіе за истинное дѣло поставляютъ! И по таковому ихъ разуму, подобни они суть нашимъ россійскимъ раскольникамъ, зовомымъ безпоповщенникамъ, иже сказуютъ о себѣ, якобы ихъ ангели исповѣдываютъ, ангели и причащаютъ, а когда и како исповѣдываютъ или како причащаютъ, того ничего не вѣдаютъ. Истинно ничимъ же люторове отмѣнны отъ тыихъ нашихъ безумныхъ раскольниковъ, ибо сказуютъ о себѣ, якобы они поклонъ творятъ не простой, но истинный, а какой—того и сами не вѣдаютъ, но токмо еже умомъ помыслятъ, и то свое помышленіе за истинный поклонъ вмѣняетъ.

И о таковыхъ я помышляю, аще и о пищи помыслитъ, то онъ и не ядши сытъ будетъ; или: нагъ сый, помыслитъ о одеждѣ, то ему не зазорно и въ торгъ или на пиршество каковое итти. Подобнѣ, аще кій человѣкъ отъ мраза сзяба-

ти начнетъ и егда помыслитъ о теплотѣ, то онъ и безъ теплыя храмины согрѣется. И аще вся сія тако у люторовъ содѣваются, то и поклоны ихъ мнимые въ дѣло происходятъ; а аще же отъ глада помышленіемъ своимъ сыты быти не могутъ, то напрасно они лгутъ, яко мнимые ихъ поклоны за истинные у Бога вмѣняются.

Сему подобно и братъ Господень сказуетъ, яко аще речетъ кто нагому: иди и грѣйся, и гладному речетъ: насыщайся, а требованія тѣлеснаго не дастъ, то кая [рече] польза будетъ? (Іак. 11, 16). Тако бо и вѣра, аще дѣлъ не имать [то есть трудовъ и добрыхъ и полезныхъ дѣлъ], мертва есть о себѣ. Ты же, люторе, како помышляеши? Видиши ли, яко и вѣра безъ тѣлеснаго труда ничтоже есть; кольми же паче надлежитъ поклоны съ тѣлеснымъ трудомъ отправляти. Истинно бо вы вси великимъ безуміемъ обезумилися есте, и азъ, отъ малосмыслія своего, къ кому или чему уподобити вашего люторскаго мудрованія не могу иначе разумѣти, но токмо единому сонію. Егда бо спяй человѣкъ видитъ себя во снѣ своемъ сладкими пищами насыщающагося, а егда проснется, то во утробѣ своей не ощутитъ ни единыя крупины, или во снѣ узритъ пѣнязей множество, а проснувшись не обрящетъ ни единаго пула,—подобнѣ, егда узритъ себя во снѣ и поклоны творяща, егдаже возбудится, то ни колѣни, ни поясница отъ множества во снѣ видѣнныхъ поклоновъ болѣть не будетъ, и аще и тысящу поклоновъ во снѣ отправитъ, плотію не утрудится. И отъ сицевыхъ сновидѣній люторскіе поклоны мнимые ничимъ же суть разны, ибо мыслію своею аще помыслитъ и о десяти тысящахъ поклоновъ, то не гораздо у него спина будетъ болѣти. Азъ, аще и малосмысленъ есть, обаче удивляюсь всѣмъ люторскимъ преемникамъ: по образу видятся якобы и люди же, а разсужденіе имѣютъ внутрь человѣчества, но нѣкакое безплотное—еже что мыслію помыслитъ, то и въ самое дѣло поставляетъ.

И по всему зримо есть, яко Мартинъ не собою, но діаволъ ему помогъ, еже такъ ему люди повѣрили, и что онъ ни совралъ, то въ дѣло поставляютъ, и безъ бѣсовскаго мечтанія сами себѣ мечтаютъ. Сами бо ся прельщаютъ и сновидѣнія гонятъ; мы же сіе извѣстно вѣмы, яко не можно ни душѣ безъ тѣла, ниже тѣлу безъ души какую либо добродѣтель сотворити, но оба вкупѣ вся злая и благая творятъ. А и помышленіе, аще и духовное, аще и свѣтское, или плоти подлежащее, обаче не можетъ ни душа едина, ниже тѣло едино о себѣ сотворити, но оба вкупѣ и помышляютъ и содѣваютъ вся. Того бо ради и во грядущій вѣкъ отъ Бога за благая дѣла не едина душа пріемлетъ воздаянія благая, такожде и мученіе не едино тѣло пріиметъ, но съ душею вкупѣ. Сице и духъ вкупѣ съ тѣломъ и отъ души не отлученъ будетъ; обаче духъ страдати не будетъ, понеже онъ ни грѣху, ни спасенію причастенъ. И аще кто, по люторскому, единымъ токмо духомъ молится и всякія добродѣтели помышленіемъ творитъ, то и на ономъ свѣтѣ единъ токмо духъ воспріиметъ наслѣдіе вѣчныхъ благъ, а тѣлу и съ душею быть токмо въ мучимомъ мѣстѣ, понеже тѣло съ душею не трудилось, но токмо единъ духъ ихъ трудился.

Святый апостолъ Павелъ, пиша, глаголетъ тако: свидѣтель ми есть Богъ, Ему же духомъ моимъ служу во благовѣствованіи Христовѣ (Рим. 1, 9). И вы, люторстіи наслѣдницы, зря на сей апостоловъ глаголъ, како разсудите: единымъ ли мнѣніемъ служилъ онъ Богу? И аще, по вашему кривому разсужденію, Павелъ апостолъ служилъ духомъ, то тѣло его и съ душею во время духовнаго служенія гдѣ было? И егда онъ куда ради проповѣди слова Божія ходилъ, помысломъ ли въ себѣ духовнымъ токмо, или тѣлесными ногами ходилъ? Но вѣмы, яко и вы речете, яко тѣлесными ногами ходилъ. И о семъ подобаетъ разумѣти,

яко идѣже тѣло, тамо и душа бяше, а и духъ при тѣлѣ и при душѣ пребываетъ; а по люторскому мудрованію духъ особо отдѣлитися и что либо творити можетъ.

И паки той же святый Павелъ глаголетъ: аще живемъ духомъ, духомъ и да ходимъ. И вы, новые философы, скажите ми о семъ: како апостолъ духомъ повелѣваетъ жити, духомъ ходити? Негли речете, яко, оставивъ плоть и съ душею, да единымъ духомъ ходилъ? И прочимъ повелѣваетъ, кромѣ же тѣла и души, единымъ токмо духомъ ходити и жити. Истинно вси вы, отпадшіи отъ святыя восточныя церкве, и съ лютораны впадосте въ неискусенъ разумъ. Како бо можетъ что человѣкъ сотворити духомъ кромѣ души и тѣла? И аще вы, о Павловыхъ словесѣхъ такожде разсуждаете, яко и о поклонахъ своихъ люторскихъ, то истинно во всесовершенное безуміе впадосте: понеже Павелъ не о особности духа то глаголаше, но о духовныхъ дѣлахъ, отъ коихъ дѣлъ духовная содѣвается польза. То бо есть духовное житіе, еже не о мірскихъ дѣлахъ попеченіе имѣти, не о богатствѣ, не о украшеніи какомъ мірскомъ, не о пищѣ, не о одеждѣ, но о духовныхъ дѣлахъ, иже ведутъ тѣло съ душею во царство небесное. То есть духовное житіе и хожденіе, святый апостолъ сказуетъ, еже, вся сласти міра сего—блудъ и нечистоту, скрыпицы и танцы, и всякое роскошное и слабое житіе—отъ себя отринувъ, жити духовно и держатися всѣхъ дѣлъ, ведущихъ въ жизнь вѣчную. Святый Павелъ апостолъ приводитъ къ тѣсному житію вѣка сего, иже ведетъ въ жизнь вѣчную, а не къ пространному, по люторскому, иже ведеть въ погибель.

О поклонѣхъ же истинныхъ подобаетъ разумѣти сице: егда бо кто съ добрымъ своимъ намѣреніемъ тѣломъ Богу поклонится, то и душа и духъ его купно съ плотію его поклонится. И во время того поклоненія, умъ свой аще возведетъ къ престолу Божію на небо, то таковый поклонъ

той имать нарещися истинный, о немъ же самъ Господь самарянынѣ, бесѣдуя, рекъ, яко истинніи поклонницы поклонятся Богу духомъ и истиною. И прирекъ Господь, глаголя, яко таковыхъ Богъ поклоняющихся Ему требуетъ и яко тако подобаетъ Ему кланятися. И вы вси, на сей глаголъ Христовъ ссылающіися, толкуйте не на аеръ смотря, но зрите на тую бесѣду, понеже тая жена самарянина глагола токмо о единомъ тѣлесномъ поклонѣ, безъ духовнаго намѣренія; къ тому же и мѣсто опредѣленное тому поклону назначила, мнящи, яко токмо во единомъ Іерусалимѣ поклонъ Богу пріятенъ бываетъ, и того ради рече: отцы наши въ горѣ сей поклонишася, вы же глаголете, яко есть мѣсто во Іерусалимѣ, идѣже кланятися подобаетъ.

Видите ли, се бо сія самарянына вопросила Господа, гдѣ достовѣрно годствуетъ кланятися Богу, и Господь на то ея вопрошеніе рекъ: жено, вѣру Ми ими, яко грядетъ часъ, егда ни въ горѣ сей, ни во Іерусалимѣ (то есть на всякомъ мѣстѣ) поклонятся Отцу. И прирекъ: вы кланяется, ему же не вѣсте; мы же, рече, кланяемся, Ему же вѣмы,—то есть съ богомысліемъ. И по сему разглагольству Христову съ самарянынею, како вы, люторстіи преемницы, отрицаете видимый тѣлесный поклонъ? Господь бо не рекъ того, еже бы не подобало кланятися тѣломъ, но рече: вы не вѣсте, кому кланяетеся, мы же (рече) вѣмы, Кому кланяемся. И паки Господь рече: грядетъ часъ и нынѣ есть, егда истинніи поклонницы поклонятся Отцу духомъ и истиною. Таковыхъ Богъ ищетъ поклонниковъ.

И посему явѣ есть, что Господь повелѣлъ на всякомъ мѣстѣ Богу кланятися и кланятися не просто, якоже древле токмо то правили, еже видимый поклонъ творили, безъ духовнаго намѣренія, но повелѣлъ Господь съ сердечною теплотою и съ богомысліемъ поклонъ творити. А люторове невѣдомо откуда сіе взяли, еже единымъ токмо духомъ по-

клонъ отправляютъ. Лгутъ бо люторове на Господа, яко бы Онъ не повелѣлъ тѣлеснаго поклоненія творити, но будто повелѣлъ Господь единымъ помышленіемъ поклоны отправляти. Мняще бо ся мудри быти, объюродѣша,—понеже никоими мѣрами единымъ помышленіемъ безъ тѣлеснаго труда отправляти поклоны не возможно. Кто бо сему мартинову безумію не подивится, еже отъ своея преизлишнія лѣности издалъ новый и отъ вѣка не слыханный поклонъ, еже токмо на умѣ о поклонахъ помыслить, и то помышленіе за истинный поклонъ повелѣлъ вмѣняти. И о семъ не вельми дивно; еже онъ Мартинъ тако умыслилъ, понеже онъ былъ отчаянный и погибельный человѣкъ,—за презрѣніе Божіихъ заповѣдей благодать Божія отнялась отъ него, итого ради что онъ ни дѣлалъ, того и самъ не вѣдалъ. А нынѣшнимъ людямъ, которые здравый разумъ въ себѣ имутъ, мочно бы и и поразсмотря въ люторское безуміе вступати. Всякъ о семъ помысли: како можетъ кто безъ тѣлеснаго движенія поклонъ сотворити? Мы сіе вѣмы, яко едина токмо молитва отъ сердечнаго намѣренія и отъ умнаго помышленія къ Богу восходитъ и колѣнъ Его божественныхъ касается. Молитва бо, аще кто стоя или сидя или лежа, токмо аще по случаю, а не отъ своего хотѣнія, то она девятеры небеса пробиваетъ и до престола Божія доходитъ, понеже ангелъ Господенъ юдоноситъ; а аще же кто отъ своея лѣности или ради гордости будетъ сидя или лежа молитву дѣяти, то тая молитва не токмо на небо, но и до ангела хранителя не доидетъ, но въ немъ она и исчезнетъ. А аще же кто и стоя, да будетъ токмо усты двизати и аще и гласъ изъ устъ испускати, а во умъ свой богомыслія не вложитъ, или по книгѣ будетъ что читати, а помышленія своего въ богомысліе не вперитъ, то та молитва не токмо до Бога, но и изъ храмины вонъ не изыдетъ, но вся тутъ по воздуху и расплывается,—понеже ангелъ Господень тѣ молитвы пріемлетъ

и до Бога относитъ, кіи съ богомысліемъ творимы бываютъ.

А поклоны суть не молитва. Како бо кто отъ имущихъ здравый разумъ можетъ едино свое помышленіе за истинный поклонъ вмѣняти? Токмо едины отчаянные люди, люторскаго мудрованія держащіеся; они бо токмо, отъ преизлишнія своея лѣности, въ дѣло ихъ ставятъ и за истинный поклонъ вмѣняютъ. А святіи вси не по люторскому суеумію, но по данной имъ Божіей премудрости поклоны творили съ тѣлеснымъ трудомъ, видимые, а не не невидимые, и множествомъ поклоновъ плоти своя удручали. Ибо и святіи апостоли тому ихъ не учили, еже бы о поклонѣ умомъ помыслить, и то бы помышленіе вмѣсто тѣлеснаго труда вмѣняти. И аще бы Мартинъ вашъ былъ и святъ и чудеса бы многая сотворилъ, еже бы и мертвыхъ воскрешалъ, и сталъ бы учить апостольской проповѣди противно, то и тогда не довелось бы его слушати; понеже Павелъ апостолъ явно изъявилъ, глаголя, яко аще и ангелъ Господенъ съ небесе благовѣститъ вамъ паче, еже благовѣстихомъ вамъ, проклятъ будетъ. (Галат. 1, 8). А Мартинъ вашъ, аще вамъ зрится ангелъ или апостолъ, обаче, по Павлову словеси, ученія отъ него принимать не довелось, понеже святый Павелъ иная ученія пріемлющихъ предалъ анаѳемѣ.

А вы не ангела, не апостола, но скверпаго лжеучителя послушасте; онъ бо вначалѣ возгордѣвся не восхотѣлъ подъ паствою быти, но, яко древный діаволъ не восхотѣлъ подъ Божіею рукою жити, но самъ собою быти, и за такую гордость онъ былъ сверженъ съ небеси и отъ свѣта во тму претворися,—тако бо и Мартинъ вашъ восхотѣлъ самъ собою большій быти, яко и древній діаволъ. И за такую его гордость Божія благодать отнялась отъ него и, яко діаволъ, во тму претворися, понеже въ скверное житіе и безпаственное ввалился, и что діаволу угодно, то и творить началъ:

иночество съ себя свергъ и началъ со инокинею блудно жить, и весь учинился закону христіанскому противенъ. То кто, здравый умъ имый, могъ бы его послушати! Токмо поврежденніи умомъ того его законопреступленія и лжеучительства познати не могутъ.

Самъ Господь Богъ объявилъ, яко злое дерево плодовъ добрыхъ не приноситъ, но злое дерево и плоды приноситъ злые; а аще же по вашей душевной слѣпотѣ явилось сіе дерево злое добрымъ и плоды его вамъ добры, то прежде васъ бывшія христіане, иже отъ начала проповѣди апостольскія быша, вси погибли, точію вы одни предъ Богомъ правы и житіемъ святи и безъ труда во царство небесное идете. Намъ сіе вельми дивно, еже Библію читаете, а что въ ней написано не знаете, и издревле многотрудный поклонъ уставленный отвергосте и мнимымъ поклономъ хощете будущихъ благъ наслѣдіе получити. И первый пророкъ Моvсей кланялся, ибо Моvсей и Ааронъ отъ лица сонма предъ дверьми храма свидѣнія падоша ницъ, и явися слава Господня надъ нею (4 Моvс., XX гл.). Столпъ облачный видѣвши, израильстіи людіе вси поклонишася до земли, и отъ Бога не возбранены быша (2 Моvс., XIII гл.). А наставникъ вашъ Мартинъ и вы возбраняете видимый поклонъ творити. Іисусъ Навинъ ангелу Господню поклонился до земли, и не возбраненъ бысть отъ ангела (Іис. Навинъ, V гл.); Іаковъ брату своему Исаву седмижды поклонился (1 Моvс. XXXIII гл.); Давидъ Наѳану поклонился трижды (1 Царствъ, XX гл.),—то кольми паче подобаетъ видѣвъ образъ Божій кланятися! И о себѣ царь Давидъ тако глаголетъ: поклонюся во церкви святѣй Твоей. (Псал. V). И насъ царь Давидъ на поклоненіе приводитъ, глаголя: пріидите поклонимся и припадемъ Ему и восплачемся предъ Господемъ, сотворшимъ насъ (Псал. XCIV, 6). И паки глаголетъ пророкъ: поклонитеся Господеви во дворѣ святѣмъ Его (Псал. XXVIII, 2) то есть во церкви. Даніилъ же пророкъ и тріе отро-

цы, бывше въ Вавилонѣ, изъ храминъ своихъ открывали окна, зрящія ко Іерусалиму, и, зряще въ нихъ, молились Богу, колѣна преклоняя (Дан. III, 6). Видите, се бо Даніилъ пророкъ не помышленіемъ кланялся, но плотію и зряще къ церкви, идѣже кіотъ Господень, и молился припадая, а не люторски сидя, и не духомъ кланялся, но плотію.

Паки зрите, въ Библіи же написано: святый Іоаннъ Богословъ во откровеніи видѣ народъ многъ, егоже исчислити не можно, отъ всякаго языка, стоящъ предъ престоломъ и предъ Агнцемъ, облечены въ ризы бѣлы и финики въ рукахъ, и вси ангелы стояху окрестъ престола, и вси предъ престоломъ, падъ на лица своя, поклонишася Богу (Апок. VII, 9 и 11). Видите, се бо и на небеси всѣмъ человѣчествомъ кланяются святіи Богу, а не по люторски единымъ помышленіемъ. И вы сказуете о себѣ, яко Библію читаете, а еже въ ней написано, того ничего не знаете. Се бо Даніилъ пророкъ, припадая и преклоняя колѣна, молился, а вашъ наставникъ Мартинъ не повелѣваетъ и единымъ удомъ двигнутися въ поклонѣхъ, но токмо единымъ помышленіемъ повелѣваетъ поклонъ отправляти.

Вѣсте ли, яко и Павелъ апостолъ повелѣваетъ кланятися Богу плотію, а не помышленіемъ, по люторску, ибо рекъ: падъ ницъ, поклонится Богови, возвѣщая, яко воистину Богъ съ вами есть (1 Кор. XIV, 25). Еще же и сіе вѣдати вамъ подобаетъ, яко не токмо на земли, но и на небеси святіи, служащіи Богу, покланяются. И се гласъ изыде отъ престола глаголющъ: хвалите Бога нашего вси раби его. И бысть гласъ подобенъ грому крѣпкому (Апок. XIX, 5—6). И по сему ужели не можете разумѣти, яко и на небеси не помышленіемъ, по люторску, кланяются, но всѣмъ человѣчествомъ покланяются,—яко на земли кланялись, тако и на небеси. И аще бы Богу поклонъ былъ не угоденъ, то бы отъ престола Божія гласъ къ поклонникамъ не изшелъ таковый, повелѣвающъ хвалити Бога.

А сіе право ли вы дѣлаете, еже молитеся въ креслахъ сидя, и на главы своя шляпы и шапки наложа и паруки? И повидимому стало то не молитва, не моленіе, но сомнище жидовское,—тіи бо сидятъ въ сонмищахъ своихъ главами покровенными. А святый апостолъ Павелъ возбраняетъ покровенными главами молитися, глаголя сице: всякъ мужъ, молитву дѣяй или пророчествуяй покрытою главою, срамляетъ главу свою (1 Кор. XI, 4). И прирече, глаголя: мужъ не долженъ есть покрывати главу свою, понеже образъ и слава Божія сый. И по сему Павлову словеси, отнюдь никакому мужу не подобаетъ главы своея во время молитвы покрывати, наипаче же во церкви Христовѣ. И аще вы, люторове, со ученики своими, святому Павлу послушни быть не хощете, то вы вопросите святыхъ евангелистовъ: Господь нашъ Іисусъ Христосъ, дая намъ образъ, како молился, въ парикѣ ли, или въ шляпѣ, и стоя или сидя въ креслахъ? И они тебѣ скажутъ, яко молился не въ шляпѣ и не въ парикѣ и кланялся не помышленіемъ единымъ, по люторску, но преклонивъ колѣна молился. И сіе Господь чесо ради творилъ?—но токмо да научитъ насъ, како намъ подобаетъ молитися. А вы, отъ превысокія своея гордости, молитеся въ шляпахъ и шапкахъ и въ парикахъ, и то стало не моленіе, но руганіе Богу,—тому же и насъ учите. И нѣціи уже тому богопротивному вашему люторскому ученію и послѣдуютъ, ибо ходятъ во святую церковь покровенными главами; и въ самое страшное время, въ неже и архіереи Божіи откровенными главами стоятъ, а ученицы ваши не смотрятъ на тое таинство, еже во олтарѣ совершается: не снявъ съ себя париковъ, стоятъ, безстрашніи, покрытыми главами. И посему стали вы быть евангельстіи не учиницы, но противницы, понеже и самъ Господь откровенною главою молился. А Павелъ святый не токмо чуждые власы на себѣ носить, но и родные свои возбраняетъ.

Вопросъ люторамъ.

Повѣждьте ми, отъ кого взяли есте таковый вымыслъ, еже поклоны безъ движенія плоти, но токмо единымъ помышленіемъ отправляти ихъ,—понеже мы ни въ каковомъ писаніи того не обрѣтохомъ, еже бы видимые поклоны отречены или чѣмъ опорочены были. И буде вы въ поклонѣхъ обрѣли порокъ каковый, то молю, покажите намъ явно: отъ царства ли небеснаго они человѣковъ отводятъ, или спасенному пути препятіе чинятъ,—дабы и намъ вѣдати, каковый порокъ въ поклонѣхъ обрѣтается. А аще же пороку въ поклонѣхъ нѣсть и препятія ко спасенію никакова въ нихъ не обрѣтосте, а оставили ихъ по мартинову всепагубному ученію, то напрасно вы оставили ихъ, понеже Господь отъ таковыхъ мерзкихъ лжеучителей никакова ученія принимать не повелѣлъ (и о семъ пространнѣе выше речеся). А буде же оставили ихъ ради своея лѣности или ради своея высокости, то бойтеся, дабы вамъ отъ тоя лѣности въ вѣчные труды не впасти, понеже Господь труждающимся обѣщалъ покой дати, а лѣнивыхъ повелѣлъ во тму кромѣшную ввергати, идѣже будетъ плачъ и скрежетъ зубомъ.

О ИКОНАХЪ.

Той же разстрига Мартинъ Лютеръ и преемницы его глаголютъ, якобы не подобаетъ святыхъ иконъ почитати и видимаго поклона имъ творити. И въ томъ своемъ глаголѣ сылаются на Господень глаголъ, глаголанный Моvсею, еже Господь не повелѣлъ иного себѣ Бога имѣти, яже суть на небеси, ни яже суть на земли,—и къ тому глаголу Господню святыя иконы причитаютъ. А иконы святыя состроены ради Божія чести, а не ради чего иного. И въ томъ своемъ глаголѣ вси люторове великимъ безуміемъ обезумишася и явно означиша ума своего недостатокъ, понеже мы святыхъ иконъ не боготворимъ, но токмо за воображеніе Божія образа и за надписаніе святаго Его имени не токмо просто почитаемъ, но и святимъ ихъ. Самъ бо Господь повелѣлъ имя свое святити, и мы, по тому Божію повелѣнію, что токмо въ Божіе имя наречено, святимъ и почитаемъ. А Богомъ святыхъ иконъ никогда не нарицаемъ и поклонъ имъ творимъ токмо видимый, а молитвы своя, предъ ними стоя, возсылаемъ къ самому Богу,—и то стало быть не боготвореніе, ниже многобожіе, тѣмъ иконнымъ почитаніемъ содѣваемое. Мы никогда образовъ святыхъ Богомъ не нарицаемъ,—то вы нарицаете богами, а чесого ради нарицаете, того мы не знаемъ. А въ каталогѣ вы напечатали нарицая святыя иконы домовыми богами, а отку-

ду вы такое безуміе взяли, мы того не вѣмы. У насъ Богъ единъ токмо, иже на небесѣхъ, и нѣсть иного бога, токмо иже сотвори небо и землю, и на Синайстѣй горѣ Моусею явися и во украшеніе церковное херувимы строить повелѣлъ, а якоже повелѣлъ, о томъ ниже речется. Лгутъ бо люторове, глаголюще, якобы Господь не повелѣлъ святыхъ иконъ строити и почитати ихъ.

Вопросилъ быхъ люторовъ и всѣхъ иконоборцевъ: праотецъ нашъ Авраамъ существенно ли святую Троицу, какова Она есть, видѣлъ или не существенно? И аще кто речетъ существенно, мы же глаголемъ—ни: невозможно бо человѣку, во плоти сущу, существенно Бога видѣти. Моусей бо, егда законъ отъ руку Божію написанный на скрижалѣхъ прія, самого же Бога существенно видѣти не могъ. Аще онъ и просилъ о семъ Бога, еже бы ему лице Его видѣти, но Господь Богъ отрекъ ему и яви ему токмо часть нѣкую малѣйшую Божества своего или токмо слѣдъ свой божественный яви ему. Обаче и отъ того видѣнія лице моусеево просвѣтися, и израильтяне и на моусеево лице зрѣти не могоша; и того ради Моусей на лицѣ своемъ покрывало ношаше.

Азъ бо признаваю, яко и по разлученіи души отъ тѣла и воскресеніи изъ мертвыхъ не вси святіи и тамо будутъ Бога, каковъ Онъ есть существомъ, видѣти; но кійждо по достоинству своему, елико кто удостоится зрѣти по заслугѣ своей: кто колико заслужилъ, толико и видѣти имать.

Зри иконоборче: егда Господь Аврааму у дуба Маврійскаго во образѣ трехъ лицъ человѣческихъ явился, и видѣвъ Авраамъ Бога въ трехъ лицахъ человѣческихъ, возставъ съ мѣста своего, притече и поклонися до земли главою своею, како есть обычай кланятися, а не по люторску, мыслію одною; обаче отъ Бога не возбраненъ бысть Авраамъ, аще и не самое Божество зря, но токмо образъ трои-

ченъ видѣвъ, поклонися. И сего ради вельми свято есть образамъ Божіимъ честь съ поклоненіемъ отдавати. Паки, егда сниде Господь къ Моусею въ столпѣ облачнѣ и ста предъ дверьми храма, и израильстіи людіе, видѣвше той столпъ, поклонишася тому столпу до земли. И вы, иконоборствующіи, о семъ разсудите—той облачный столпъ за истиннаго ли Бога почтете или за образъ токмо? И вы по своему иконоборному мудрованію како ни разсудите и за что ни почтете той столпъ, мы же, не столпъ облачный видѣвъ, но самый образъ Божій, какова Онъ самъ себя далъ намъ видѣти, изображенный зря, како не имамы покланятися? И вы сіе разсмотрите, еже Господь не воспрети израилю, еже они, видѣвъ столпъ, поклонишася, а аще же бы Господь воспретилъ о поклонѣ тамо бывшемъ, то всячески могли бы не токмо вы. но и мы образамъ Божіимъ творимый поклонъ отринути.

Паки и сіе разсудите: егда Іаковъ грядяше отъ отца своего въ междорѣчіе и спа на пути, ту видѣ Господа во снѣ; возставъ же отъ сна, той камень, на немъ же спалъ, подъя и постави его въ столпъ и возлія на него елей, и назва той столпъ домомъ Божіимъ. (1 Моус., гл. XXVIII). И вы обвините ли Іакова за сіе, еже онъ простый камень назва домомъ Божіимъ и въ честь имени Божія возлія на той камень елей? И аще речете, яко Іаковъ согрѣшилъ предъ Богомъ, еже каменю такую честь сотвори, и вамъ самъ Богъ уста ваша заградитъ. Ибо паки на пути, егда шествова Іаковъ отъ Лавана ко отцу своему, во снѣ видѣ ангела Божія, и черезъ того ангела самъ Богъ похвали Іакова за помазаніе столпа, глаголя: Азъ бо есмь Богъ твой, явивыйся тебѣ на мѣстѣ Божіи, еже помазати Ми тамо столпъ и молитися Мнѣ тамо молитвою. И на сіе Божіе намъ изъявленіе зря, како не можемъ образа Божія почитати и чести достолѣпныя ему не отдавати и не укра-

шати ихъ? Понеже написанный образъ Божій, съ надписаніемъ имени Его Божія, како ты, иконоборче, уравниши тому каменю,—понеже той камень былъ безъимянный, а образъ Божій есть съ именемъ Его Божіимъ. И сего ради образъ Божій начертанный несравненно честнѣе Іаковля камени безъимяннаго.

Царь же Давидъ глагола о себѣ: поклонюся ко храму святому Твоему во страсѣ Твоемъ (Псал. V.). И ты, иконоборче, и о семъ како разсудиши: кому онъ молился, понеже въ храмѣ бяше токмо кіотъ завѣта и херувимстіи образы, по Божію повелѣнію сстроенные? Видите ли, како кіотъ завѣта и херувимстіи образы древле почитаемы быша, — то намъ како святаго образа самого Господа и Бога нашего не почитати и како намъ поклона не отдавати, понеже Божій образъ несравненно честнѣйши херувимскихъ образовъ: колико бо Творецъ честнѣе твари, толико и образъ Божій честнѣе и святѣе образа херувимскаго. Подобнѣ и образа пресвятыя Богородицы како намъ не почитати и поклоненія ему не творити, понеже како она сама пресвятая Богородица честнѣе херувимовъ и славнѣе серафимовъ, тако и образъ ея честнѣе образовъ херувимскихъ, иже по повелѣнію Божію сстроены быша надъ кіотомъ.

Видите ли, яко Господь повелѣлъ образы и служебныхъ своихъ духовъ строити,—то како вы, безумствуя, запрещаете самого Бога и пресвятыя Его Матере образы строити, и не токмо запрещаете, но еще и ругаете и нарицаете ихъ идолами! Вельми бо вы дивны во своемъ разумѣ: образовъ херувимскихъ нарещи идолами не смѣете, а самого Бога образъ смѣете и равняете образъ Божій съ идолами. Мы не можемъ сего знати, откуду у васъ сіе взято, еже образы святые вельми ругаете; ибо мы ни въ каковомъ писаніи того не обрѣтохомъ, еже бы Господь возбранилъ образъ свой писати или чѣмъ его ругати, ниже святіи апостолы въ посла-

ніяхъ своихъ что хульно на святыя иконы изрекоша. Токмо единъ вашъ наставникъ Мартинъ святыя иконы ругаетъ и, на него смотря, и вы тожде дѣете, и за то и судъ себѣ отъ Бога пріимете, еже сами узрите. Мы же о святыхъ иконахъ отъ апостоловъ видимъ токмо сіе, еже святый Лука написалъ пресвятыя Богородицы образъ на доскѣ, —и то стало не запрещеніе, но повелѣніе. И егда той богородиченъ образъ бысть написанъ, принесоша его ко пресвятой Богородицѣ на показаніе, и Она, Мати Божія, зря на той образъ начертанный, а на руку ея изображенъ образъ самого Спасителя нашего Іисуса Христа, младенческаго возраста, рекла: съ симъ образомъ благодать Моя и сила. И то ея Пресвятыя Богородицы слово, возложенное на той образъ, почи на немъ, ибо безчисленное множество древле отъ святыхъ ея иконъ содѣялось и нынѣ непрестанно дивная и преславная чудеса содѣваются, о нихъ же отчасти ниже речется. Люторстіи же преемницы вельми въ семъ погрѣшили, еже святыя иконы порочатъ. Всякъ охуляяй святыя иконы возьми вторыя книги Моѵсеевы и прочти двадесятьпятую и шестую главу подлинникомъ, а не перечнемъ и не борзяся, и тамо ясно узрите, яко въ честь Божію и во украшеніе церковное строити образы свято есть; и начаша они строитися съ повелѣнія Божія, а не своимъ умысломъ начаша ихъ люди строити и почитати. И о семъ зри въ вышеписанныхъ главахъ; зрите же и въ пятыхъ Моѵсеевыхъ книгахъ: и тамо ясно узрите, какихъ образовъ не повелѣлъ Господь строити. Тамо бо святый Моѵсей ясно изъяви, глаголя, яко Господь заповѣда сице: да не сотворите себѣ сами образа ваяна всякаго обличія мужеска полу и женска, и образа всякаго скота, иже есть на земли, и образа всякія птицы, яже подъ небесемъ парящія, и образа всякаго гада, ползуща по земли, и образа всякія рыбы, яже въ водахъ и подъ землею, и да никогда—воззрѣвъ на небо и видѣвъ

солнце и мѣсяцъ и звѣзды и всю тварь небесную— прельстившеся, поклонишися имъ и послужиши имъ, яже сотвори Господь Богъ всѣмъ странамъ, яже суть подъ небесемъ. Видите ли сіе: се бо ясно отъ Бога изъявлено, каковыхъ образовъ не подобаетъ творити. Отрясши отъ очей своихъ мрачную слѣпоту, зрите: се бо заповѣдано отъ Бога образы не творити всякія твари, которая на послуженіе человѣку сотворена есть, и еже бы тѣхъ образовъ не боготворити. А о семъ Господь не заповѣдалъ, еже бы Его Божія образа не изображати и еже бы Ему и чести не отдавати.

Истинно умъ вашъ осуетися суетами міра сего, и отъ высокомнѣнія своего и здравое разсужденіе погубили есте. Вы воззрите съ истиннымъ вниманіемъ во вторыя книги Моvсеевы, во главѣ 25 и 26: тамо бо узрите ясно, яко самъ Богъ повелѣлъ образы строити, ибо во образъ своего невидимаго и непостижимаго божества повелѣлъ состроити кіотъ, во образъ же служебныхъ своихъ духовъ повелѣлъ состроить изваянные херувимы, кіи на небеси у престола Его Божія предстоятъ. Подобнѣ тому и, ту Господь изволилъ бытъ, ибо тые образы херувимскіе повелѣлъ поставити въ самомъ святомъ мѣстѣ, то есть надъ тѣмъ кіотомъ, иже во образъ Божій бѣ сотворенъ и изъ между тѣхъ херувимовъ обѣщался Господь Моvсею и отповѣдь чинити. А вы не токмо образъ херувимскій, но и самого Бога нарицаете идоломъ. По всему есть явно, яко вы на сіе Господне слово опираетеся, еже Господь не повелѣ образа мужеска полу и женска творити. И вы первѣе разсудите: какихъ человѣческихъ образовъ не повелѣлъ Господь творити? Вѣсте ли, яко въ та времена у язычниковъ былъ славный богъ Ваалъ, и той Ваалъ былъ человѣкъ, а не звѣрь какой, и во имя того сквернаго Ваала язычницы сотвориша идола, и почиташа его и жертву ему приносили. Таковыхъ то Господь подобій человѣ-

ческихъ творити не повелѣлъ; обаче израильтяне не удержашася, еже бы того идола не почитати, но такъ его почтоша, еже и дѣтей своихъ ему въ жертву приносиша. А вы толь обезумились, еже въ Божію честь образъ Его сотворенный причтосте къ скверному поганскому идолу ваалову! Вы позрите со вниманіемъ въ вышеписанныхъ книгахъ пятыхъ во главу шестую и первуюнадесять: тамо бо ясно святый Моvсей объявилъ, глаголя, еже бы израильстіи людіе не ходили во слѣдъ чужихъ боговъ, иже окрестъ ихъ иноязычные боги быша. А мы не иноязычнаго бога, но своего истиннаго Бога образъ изображаемъ и, любя Его истиннаго Бога, образъ Его почитаемъ; и аще и почитаемъ, обаче не боготворимъ его.

Той же святый Моvсей, подкрѣпляя людей своихъ, тако рекъ: аще явится пророкъ и начнетъ глаголати, еже бы поклонитися богамъ инымъ, ихъ же не вѣсте, и таковыхъ пророковъ повелѣлъ каменіемъ побивати. И аще кой градъ поклонится богамъ инымъ, и тѣхъ людей повелѣлъ мечемъ посѣщи, а градъ и со имѣніемъ огнемъ сожещи (5 Моvс., гл. XIII). И паки тамо же речено: мужъ или жена, аще преступитъ заповѣдь Божію и шедъ послужитъ богамъ инымъ и поклонится имъ—солнцу или всему отъ небесныхъ, и таковыхъ поклонниковъ повелѣно каменіемъ побивати. (5 Моvс., гл. XVII). А вы всю ту заповѣдь возложисте на святыя иконы, кои строены во славу Божію, а не въ бѣсовскую! Въ поганскихъ идолѣхъ прославлялся діаволъ, а во святыхъ иконахъ прославляется Богъ нашъ, а не діаволъ. И того ради вельми полезно есть святые образы почитати,—а вы ихъ ногами своими попираете!

И аще бы васъ не заразила душевная слѣпота, то бы и по сему могли уразумѣти, яко подъ именемъ Божіимъ образы святи суть: понеже Господь, будучи на земли, училъ насъ, дабы мы имя Его святое святили. И о семъ святіи

Его евангелисты—Матѳей во главѣ шестой въ девятомъ стиху, Лука же въ первой-на-десять главѣ во второмъ стиху—написаша. И по тому Господню словеси, идѣже имя Божіе написано, то уже, по Господню словеси, свято есть. И вы, вмѣсто еже бы вамъ за надписаніе имене Божія образъ Его святый святити, а вы проклинаете и съ поганскими идолы равняете, и кто ихъ почитаетъ проклинаете. Мы же православніи, тому Господню словеси послѣдуя, идѣже святый Его образъ изображенъ съ надписаніемъ святаго Его имени узримъ, и почитаемъ, святимъ и, принося ему явную честь, достолѣпный поклонъ отдаемъ. И вы, люторстіи ученицы, посмотрите на своего учителя Мартина: то ли онъ правый путь показалъ, еже отъ самого Бога освященный образъ повелѣлъ вамъ вмѣсто благословенія прокляти и вмѣсто еже бы святити, съ поганскими идолы ровняти? И нынѣ, зря сія изъявленія, аще вы не покаетеся и по наученію мартинову будете святые образы ругати и почитати ихъ не будете, и за то сами вы отъ руки Божія казнь себѣ пріимете по мѣрѣ хуленія вашего. Той бо праведный Судія по дѣломъ вашимъ и судити вамъ будетъ, а мы вамъ не судіи, токмо мы глаголемъ: не допусти насъ, Боже, до такова безумія, каково васъ постиже.

Во всѣхъ Моѵсеовыхъ книгахъ то подкрѣпляемо было, еже бы людіе иного бога не знали, но токмо Его бы едино имя Божіе славилось. И мы тому и послѣдуемъ: иного Бога себѣ, кромѣ истинанго Бога, сотворшаго небо и землю и насъ создавшаго, не знаемъ и, прославляя Его Божіе имя, и образъ Его святый почитаемъ; и еже образъ Божій почитаемъ, то не отступленіе отъ Бога, но присвоеніе, понеже не токмо Его самого, но и образъ Его святый за имя Его Божіе святимъ и боголѣпно почитаемъ. А и вѣрныхъ Его рабовъ образы почитаемъ по Его же Божію имени: въ почитаніи

святыхъ паче Богъ нами прославляется; понеже такъ мы высоко Бога возвышаемъ, еже и рабовъ Его не ничтожимъ и, по лютерску, съ собою ихъ не ровняемъ и изображенные ихъ образы на стѣнахъ купно со Спасителевымъ поставляемъ; и поставляемъ ихъ не собою, но по Господню словеси,—видѣхомъ бо Господень глаголъ, реченный отъ святаго же евангелиста Іоанна написанный, яко Господь рекъ: идѣже Азъ, тамо и слуга мой будетъ. И егда уже Господь Богъ ихъ самихъ присвоилъ, то како образы ихъ отъ образа Спасителева отлучити? А вы ихъ ничтожите и съ собою ихъ ровняете; мы же ничтожити ихъ не можемъ, понеже мы во святомъ Евангеліи словесемъ Господнимъ написаннымъ вѣримъ. Вы насъ за почитаніе святыхъ иконъ порицаете и идолопоклонниками нарицаете насъ напрасно. Отъяся бо отъ васъ благодать Божія за возгорженіе ваше и за повиновеніе законопреступнику Мартину Лютору,—того бо ради и разсудити здраво божественнаго писанія не можете.

Вы бы сего смотрѣли, коего Бога мы изобразивъ образъ почитаемъ; позрите вы въ четвертыя книги царственныя и тамо узрите, яко царь Манассія поиде въ слѣдъ мерзкихъ идоловъ и вааловъ жертвенникъ воздвиже, и поклонися всей твари небеснѣй, и поработа имъ, и сотворилъ алтарь всей твари небеснѣй и всѣхъ иноязычниковъ въ мерзости своей превзыде. Мы же не вааловъ образъ, яко Манассія, почитаемъ, и посему напрасно вы грѣшите, еже насъ идолопоклонниками нарицаете; вы бы сицевыхъ поклонниковъ стерегли, кіи уподобляются Манассіи и небесные знаки прославляютъ.

Іереміи пророку Господь рекъ: извергу кости царей іудиныхъ и всѣхъ, иже обиташа во Іерусалимѣ, отъ гробовъ ихъ, и простру ихъ къ солнцу и къ лунѣ и къ звѣздамъ небеснымъ, ихъ же возлюбиша и имъ же служиша, и вслѣдъ ихъ ходиша, и ихъ же взыскаша и поклонишася. И сіе

видите ли: се бо самъ Богъ пророку Іереміи ясно изрече о израильтескихъ людѣхъ, яко они возлюбили солнце и луну и звѣзды, и поклонились имъ; а о образѣ истиннаго нашего Бога никакова запрещенія отъ Бога нѣтъ.

Егда же Іоссія царь прія царство, созва весь народъ іерусалимскій и положи завѣтъ, еже жити въ заповѣдехъ Господнихъ; и повелѣ царь изъ храма Господня изнести вся сосуды, состроенные ваалу и всей твари небеснѣй. И изнесши изъ Іерусалима сожгоша, сожже же и хоромины кадящихъ Ваалу и солнцу и мѣсяцу и мазуроѳу, то есть небеснымъ знакамъ и всей твари небеснѣй. И посему, ужели не можете уразумѣти, о коихъ подобіяхъ небесныхъ Господь Моѵсею заповѣда, еже ихъ подобій не творити и не поклонятися имъ? Се бо здѣ ясно изъявися, кои подобіи Богу непотребни суть. А вы отъ высокомыслія своего въ писаніи разсмотрѣти не хощете и насъ всуе порицаете. Мы за самую любовь, юже къ Богу имѣемъ, образъ Божій почитаемъ; намъ сіе дивно, како вы не можете чести Божія разсудити съ бѣсовскою.

Господь рекъ: пріемый пророка во имя пророче мзду пророчу пріиметъ и пріемый праведника во имя праведниче мзду праведничу пріиметъ. Подобнѣ тому и мы творимъ: образъ Божій во имя Божіе пріемлемъ, а образа праведныхъ и святыхъ рабовъ Божіихъ во имя праведниче и пріемлемъ. А вы во имя Божіе сотворенные образы проклинаете и пріемлете ихъ за идолы бѣсовскіе! Или и сего не вѣсте, еже Господь повелѣлъ имя свое святое святити? И посему, идѣже имя Божіе написано, то уже свято есть. Вѣсте ли, за что Моѵсей не сподобился внити въ обѣтованную землю?—токмо за едино то, еже въ безводнѣй пустыни не посвятилъ имени Его Божія отъ усумнѣнія своего. Видите ли вы, се бо и вѣрный Божій рабъ, за еже токмо не посвятилъ имене Божія, лишился обѣтованныя земли; вы же, вмѣсто еже имя Божіе святити, проклинаете. Видѣсте бо, яко Моѵсей за непосвя-

щеніе Божіе лишился входа въ обѣтованную землю временную, вы же бойтеся, еже бы вамъ не лишитися обѣтованныя земли вѣчныя.

Вы бо, люторстіи преемницы, нарицаетеся людьми мудрыми и сказуете о себѣ, яко истину познасте, а Іереміи пророку Господь о таковыхъ сказа, глаголя, яко нарицаютъ себя мудрыми и законъ Господень вѣдущими,—и о семъ Господь рекъ, яко ложь дѣлаютъ. Исаіи же пророку Господь рекъ, яко горе мудрымъ о себѣ, хитрымъ (Исаіи, V гл.). Самъ же Господь глагола: аще бысте слѣпы были, не бысте имѣли грѣха; нынѣ же глаголете, яко видимъ, и грѣхъ вашъ пребываетъ. И по сему Господню словеси, вси вы во грѣсѣхъ пребываете, еже глаголете о себѣ, яко бы вы видите и разумѣете. Аще бы вы совершенно разумны были, то бы могли сіе познать, еже творимая честь образамъ самому тому творится, его же есть образъ. Ибо егда израильтяне приносили жертву ваалову токмо кумиру, а самаго Ваала уже и въ слуху не бяше, но токмо образъ подъ именемъ его единъ, то есть содѣланный идолъ, обаче Господь не рекъ такова глагола, еже ваалову кумиру приносятъ жертву, но рече Господь ясно пророку, яко сотвориша требище Ваалу. И тѣмъ глаголомъ Господь изъявилъ явно, яко приносимая честь идолу приносится тому, чей въ томъ идолѣ образъ и за чье имя. И паки самъ же Господь Богъ Иліи пророку рекъ, глаголя: седмь тысящъ мужей, иже не поклонишася Ваалу,—а не рече: идолу или кумиру ваалову (3 Цар., гл. IX). И по симъ Господнимъ глаголамъ развѣе кто уподобился безсловесному скоту, иже не можетъ разумѣти, яко приносимая честь образу самому тому приносится честь, чей есть образъ и чіе имя написано надъ воображеніемъ. И по вышеписанному Божію изъявленію, кто можетъ противно разсуждати, кромѣ васъ люторанъ? Мы же Бога разумнѣе не хощемъ быти: Онъ изъявилъ, яко приносимая честь об-

азу приносится тому, чей образъ,—и мы вс̑е тожде глаголемъ, яко его же изображенъ образъ, тому самому и честь приносится, яже образу его приносимая. Такожде и руганіе или какое безчестіе, сотворимое икон̑е, не иному кому приходитъ, но токмо тому, чей образъ есть той.

Вси люторове и прочіи отпадшіи народы мнятъ себя быти мудры, а, по апостолову словеси, объюрод̑еша. А наипаче люторстіи ученицы сказуютъ о себ̑е, яко бы они вс̑ехъ в̑връ прав̑ее. А Соломонъ премудрый во своихъ писаніяхъ сказуетъ тако, яко тл̑енное отягчаетъ душу, а земное житіе одебел̑еваетъ умъ (Парем., IX гл.) [1]. И сей Соломоновъ глаголъ истиненъ есть, ибо у люторовъ, отъ земнаго мудрованія, духовный умъ весьма погибе и- мнящеся быти мудры—объюрод̑еша. Господь, пророку сказуя, тако глаголетъ: яко небо отстоитъ отъ земли, тако сов̑еты челов̑ечи отстоятъ отъ Божіихъ сов̑етовъ; подобн̑е и разумы наша, толико же или вящши отъ его Божія разума отстоятъ. И на сіе слово Господне надобно всякому челов̑еку, мудра себя вм̑еняящему, смотрити и разум̑ети, дабы Богу противнымъ не быти. До Мартина бо Лютора полторы тысящи л̑етъ благочестивая христіанская в̑ера, яко столпъ, стояла неподвижно, и колико въ святой в̑ер̑е было подвижниковъ и постниковъ, и великихъ и дивныхъ чудотворцевъ, и прозорливцевъ, иже не токмо мимошедшая вид̑еша, но и предбудущая, яко во очес̑ехъ вид̑енная, разум̑еша; а вси тіи святіи собою не мудрствовали, яко Мартинъ Люторъ со ученики своими, и чести отъ святыхъ иконъ не отымали, но яко уставиша апостольстіи преемницы, тако и твориша неизм̑енно.

Соломонъ глаголетъ сице: не прелагай пред̑елъ в̑ечныхъ, иже положиша отцы ваши. Люторстіи же нам̑естницы и преемницы,

---

[1]) Книга притчей Соломоних̑ъ

посмотрите на своего предводителя Мартина Лютора: се бо онъ не токмо отеческая преданія, но и догматы благочестивыя вѣры превратилъ опако, а вы его нарицаете добрымъ вождемъ,—сатанина адскаго посланника почтосте паче Бога! А чрезъ Исаію пророка Духъ Святый, о таковыхъ вѣщая, глаголетъ: горе мудрымъ о себѣ и предъ собою хитрымъ. И о семъ Божіемъ глаголѣ всякъ помысли—не страшенъ ли онъ тѣмъ людямъ, кіи мудрствуютъ собою. И на сіе зря, мы, во православіи сущіи, мудрствовати собою не хощемъ и мудрствующимъ же о себѣ люторамъ ревновати не хощемъ же; но дай намъ, Боже, въ заповѣдехъ твоихъ Божіихъ жити и вся церковная древняя преданія цѣло сохранити, дабы намъ отъ апостола Павла безумными названнымъ не быти и царствія небеснаго не отбыти!

Аще бо вы совершенно книги имѣли и читали ихъ, то бы вы сіе видѣли: егда повелѣлъ Господь Іереміи пророку напоить іонадавовыхъ дѣтей виномъ и они не послушаша пророка и рѣша: отецъ нашъ Іонадавъ заповѣда намъ, да не піемъ вина мы и жены наши и дѣти наши, и мы того ради и не будемъ пить вина,—и за то соблюденіе отца ихъ заповѣди Господь похвалилъ ихъ похвалою великою. (Іер. V гл.). А вы, зря на законопопрателя Мартина, его законопреступленію ревнуете и отеческія заповѣди ногами своими попираете, и въ томъ попираніи, отъ высокости своея, попрасте и Господни заповѣди!

На вечери Господь, пріявъ хлѣбъ, благодаривъ, преломи и подалъ ученикамъ своимъ, глаголя: сіе есть тѣло Мое, за вы даемое. И прирекъ, глаголя: сіе творите въ Мое воспоминаніе (Лук. XXII, 19). А Мартинъ вашъ, отставя кислый хлѣбъ, да повелѣлъ то воспоминаніе творити на жидовскихъ опрѣснокахъ. И прикрывая ту мартинову неправду, ученицы его сказуютъ: яко-де заквашенное тѣсто, егда испечется, будетъ хлѣбъ, такожде и прѣсное тѣсто, егда испечется, будетъ не камень, но тойжде хлѣбъ. И таковымъ

самоумникамъ отповѣдую: аще и едино кислое тѣсто, а разнымъ состроемъ состроенное, пріемлетъ себѣ разное названіе, якоже во всемъ мірѣ дѣется; егда то кислое тѣсто свалявъ большимъ короваемъ испечено будетъ, то нарицаютъ хлѣбомъ, а егда свалявъ маленькимъ коровашечкомъ испечено будетъ, и то наричутъ колобомъ, индѣже нарицаютъ ихъ басманами, егда же тоеже тѣсто разсучатъ потонѣе и егда испекутъ, и то нарицаютъ лепешками, а егда же ту лепешку согнувъ испекутъ, то наричутъ ю овые сгибнемъ, овые же мяконкимъ, иніи же шашлыкомъ; егда же тое же кислое тѣсто растворя пожиже и взливъ на сковороду испекутъ, то уже нарицаютъ блинами, а не хлѣбомъ. А вы опрѣснокъ нарицаете хлѣбомъ,—и то стало ваше самое безумство, а не премудрость, еже не можете опрѣснока съ кислымъ хлѣбомъ разобрати. И аще вы отъ гордости своей весьма обезумистеся и собою распознати не можете, еже опрѣснокъ имать свое имя, а хлѣбъ свое же, и вы посмотрите въ царственныя книги, и тамо узрите, яко принесоша пророку хлѣбъ, а не опрѣсноки. И сіе видя, мочно и вамъ уразумѣти, яко хлѣбъ не опрѣснокъ и опрѣснокъ не хлѣбъ. (О опрѣснокахъ пространнѣе ниже речется).

Паки, издревле Господь повелѣлъ поститися и отъ брашенъ воздержатися. Вначалѣ Адаму повелѣлъ съ воздержаніемъ и овощи ясти (1 Мовс., гл. I. О постѣ такожде и о воздержаніи пространно уже выше речено). Паки, Господь рекъ, яко возложивый руку свою на рало и зря вспять, не будетъ управленъ во царство небесное (Лук. IX, 62). А вашъ Мартинъ возложилъ было руку свою на рало, то есть міра сего отрекся и пріялъ было житіе иноческое (и то стало возложеніе руки на рало), а послѣди раскаялся, иночество съ себя свергъ, паки мірское житіе воспрія, и инокиню жъ себѣ въ наложницу пріялъ,—и тѣмъ онъ уподобился псу, понеже обратился, яко песъ, на свою блевотину. А вы

ничего того въ немъ не видите и почитаете его добрымъ человѣкомъ и ученіе отъ него пріемлете; а отъ пса псиною и воняетъ.

Паки, Господь не повелѣлъ крови ясти и рекъ: аще кто будетъ кровь скотію ясти, и та душа потребится. А Мартинъ вашъ самъ ѣлъ и вамъ повелѣлъ, и вы, оставя Божіе повелѣніе, тому своему слѣпому вождю послѣдуете и заповѣданную кровь ядите себѣ въ сладость, ово начиня кишки ядите, нарицающе колбасами, а иные инако устроя въ похлебкахъ ядятъ.

Паки, Господь повелѣлъ по снитіи съ женою обмыватися и не токмо себя, но и ризы своя измыти, а Мартинъ вашъ самъ въ сквернѣ валялся, яко свинья, и вамъ повелѣлъ такожде творити. И вы, Господни словеса отставивъ, да повинулись такому скверному человѣку и, переспавъ съ женою и обмарався истеніемъ сѣмяннымъ, ходите, яко скотъ, и всякой святыни касаетеся и въ церковь ходите. О великаго безумія мартинова! О, и вашего несмыслія несказаннаго! Кто [1]) тако Божію заповѣдь отставивше, да держите заповѣдь сквернаго блудника! И въ томъ его скверномъ законоположеніи вящши дву сотъ лѣтъ пребываете, а никто изъ васъ избратися не можетъ, еже бы отринувъ то его безумное положеніе, да возвратилъ бы васъ паки въ древнее благочестіе. Вы чрезъ Господни заповѣди да хощете отъ злаго древа плоды добрые собрати,—ни! ни! Не можно бо сему быти, понеже самъ Господь сіе рекъ, еже злое древо не можетъ плода добра сотворити, но повелѣлъ Господь таковыя древеса посѣкати и во огнь метати. А вы его паче Бога почитаете и заповѣди его соблюдаете и образы святые, въ честь Божію сотворенные, по повелѣнію мартинову, не почитаете и съ кумирами ихъ рав-

---

[1]) *како?*

няете. А образы святые не кумиры и не небесныхъ знаковъ или планетъ виды, но самого Бога и Пресвятыя его Богоматере изображеніе, такожде и святыхъ Его угодниковъ, кіи на семъ свѣтѣ равноангельское житіе пожили и Ему, Богу нашему, вѣрно служили, въ чистотѣ тѣлеснѣй, въ постѣ и въ молитвахъ жизнь свою проводили, о нихъ же святый Павелъ воспоминаетъ, глаголя: проидоша въ милотехъ и въ козіихъ кожахъ, лишени, скорбяще, озлоблени, ихъ же не бѣ достоинъ весь міръ; въ пустыняхъ скитающеся, въ горахъ и вертепахъ и въ пропастехъ земныхъ; и нынѣ святыми своими душами у престола Божія предстоятъ, день и нощь служатъ. И о семъ яснѣе изъявляетъ намъ откровеніе Божіе святому Іоанну Богослову. Такожде изображаемъ и святыхъ ангеловъ по чинамъ ихъ. И о семъ и вы вѣдаете, еже егда Господь запретилъ идолы строить, тогда повелѣлъ ангельскаго чина высшаго, то есть херувимскіе образы изобразити. И мы того Божія словесе и держимся: идоловъ, кіи не въ честь Богу, не строимъ никогда и чести имъ, яко вы лютеране, не творимъ; а кіи образы въ Божію честь издревле узаконенные, строимъ и почитаемъ ихъ, ради самыя Божія чести, понеже Богъ дивенъ во святыхъ своихъ (Пс. LXVII, 36).

И вы себѣ вѣдите, яко почитаніемъ святыхъ Богъ не хулится, но прославляется; и вы, смотря на того проклятаго изверга Мартина, да туды же иконы святыя хулите и вѣрныхъ Божіихъ рабовъ порокуете. И мы вамъ едино глаголемъ, яко невозможно отъ сквернаго человѣка чистому за конoположенію быти: уже бо егда учитель вашъ въ беззаконіе впалъ, то и ученіе его беззаконно есть. А вы вси его похваляете и глаголете: аще-де онъ Мартинъ въ животѣ своемъ содѣлалъ что и худо, да насъ-де добру научилъ и правый-де намъ путь показалъ. И вы первѣе разсмотрите его ученіе цѣлымъ умомъ и здравымъ разсмотрѣніемъ—какой то онъ правый путь вамъ показалъ?

То ли онъ правый путь вамъ показалъ, еже кислый хлѣбъ, отъ самого Господа царству небесному уподобленный и на вечери преломленный и тѣломъ Его Христовымъ нареченный, отверглъ и повелѣлъ вамъ во употребленіе тѣла Христова пріяти жидовскіе опрѣсноки? А во святомъ Евангеліи на опрѣсноки нѣсть ни единаго словесе похвальнаго, ниже когда Господь употребилъ ихъ во что; токмо ихъ римскіе папы да онъ Мартинъ похваляетъ (И о опрѣснокахъ пространнѣе ниже речется.

Или то его правое ученіе, еже не токмо святыхъ угодниковъ Божіихъ, но и Пресвятую Божію Матерь, Христа Бога нашего безъ сѣмене родившую, а нынѣ у престола славы Его Божественныя съ пречистою своею плотію стоящую, изничтожилъ и почитати ю не повелѣлъ вамъ? (И о семъ пространнѣе ниже речется).

Или то его здравое ученіе, еже отъ самого Господа и святыхъ апостоловъ установленнные посты отринувъ, повелѣлъ вамъ, яко безсловесному скоту, во вся дни мясо ясти? И вы, уподобившеся безсловесному скоту, ничтоже разсуждающе, по вся дни и въ самую страстную недѣлю, яко мордва, ядите мясо. (И о семъ пространнѣе выше речеся).

Или то его правое ученіе, еже егда самые плачевные дни намъ православнымъ христіанамъ, то есть дни тые, въ ня же Господь Богъ нашъ пострадалъ за наши согрѣшенія—и православніи христіане, кіи Господа своего любятъ, тіи въ тые дни и хлѣба не ядятъ,—той вашъ Мартинъ повелѣлъ вамъ веселитися и свадьбы играти въ тые дни страстные, яко же и въ простые? И аще онъ внѣ своего ума тако послабилъ вамъ, но вы по образу являетеся не скотъ, а разумъ имѣете скотской, еже не можете разсудити, въ кіе дни подобаетъ бракъ чинити и въ кіе не подобаетъ. Ибо, въ прошломъ 711 году въ Ригѣ не чухонецъ, но знатной человѣкъ, полковникъ, женился въ

великую пятницу. И посему чимъ вы лучше мордвы? Именемъ токмо вы христіане, а дѣлами самые ругатели Христу есте.

Или то его правое ученіе, еже Господь, не токмо со женою преспавъ, но аще и само истеченіе у человѣка стечетъ, то повелѣлъ измытися и платье свое измыти, а Мартинъ вашъ, и со женою своею преспавъ, обмыватися не повелѣлъ, но повелѣлъ ходить, яко безсловесному скоту или яко поганину, и въ той нечистотѣ повелѣлъ и святыни касатися?—И вы, Господне повелѣніе оставивъ, да держите мартиновъ законъ! (И о семъ пространнѣе инамо речется).

Паки, или сіе его ученіе правое, еже Господь запретилъ людемъ своимъ, дабы крови не яли, а вы, по повелѣнію мартинову, и той глаголъ Божій ни во что вмѣнисте и съ кровію душу скотію снѣдаете? (И о семъ выше речеся).

Или то его правое ученіе или ваше изволеніе, еже Господь не повелѣлъ благовоній, ради нюханія, при себѣ носити и запретилъ смертною казнію, а вы той глаголъ Божій подъ нозѣ поверґосте и не токмо сами, но и женамъ своимъ, сочиня ароматики, ради нюханія повелѣваете носити, и намъ россіанамъ повелѣваете тоежде творити?

Паки, то ли ваше правое ученіе, еже святый апостолъ Павелъ не повелѣлъ мужемъ и своихъ волосовъ носити, а вы, Павлово слово подъ нозѣ повергше, и чуждые волосы наложа, на главахъ своихъ носите, и во церковь въ нихъ на молитву ходите, да и насъ тому же сопротивленію научитися подущаете? (И о семъ пространнѣе ниже речется).

Паки, то ли его правое ученіе, еже Господь вѣрныхъ своихъ рабовъ тако пріусвоилъ, глаголя: идѣже Азъ, тамо и слуга мой будетъ (Іоан. XII, 26); и паки рекъ Отцу своему, глаголя: да будутъ и тіи едино, якоже и Мы; и паки рекъ [Отцу Своему]: славу, юже далъ еси Мнѣ, далъ имъ; паки прирекъ: да будутъ едино, якоже и Мы едино есмы (Іоанн. XVII, 11 и 22),—и азъ не вѣмъ, како сего больши

быть присвоенія къ Богу,—а вы, по наученію мартинову, ровняете ихъ съ собою, и глаголете о себѣ, яко будто и вы таковы же, каковы они? (И о семъ пространнѣе ниже речется).

Или то его правое ученіе, еже Господь предложилъ два пути и рекъ: иже поидутъ узкимъ путемъ, войдутъ въ жизнь вѣчную, а кіи поидутъ пространнымъ путемъ, тіи внидутъ въ вѣчную погибель (Матѳ. VII, 14),—а Мартинъ вашъ противно вамъ толкуетъ, глаголя, яко жестокое житіе изложиша старцы, и того ради повелѣлъ вамъ жить въ роскошахъ? (И о семъ пространнѣе ниже речется).

Мы бо поискахомъ въ законѣ Мартина Лютора и не обрѣтохомъ единыя черты правыя, но вся его преданія не токмо иному коему писанію, но и святому Евангелію противны. Се бо и въ сіемъ какая его правда, еже вся догматы христіанскіе и церковные уставы, издревле, овые отъ самого Бога, овые же отъ святыхъ апостоловъ, а иные отъ апостольскихъ намѣстниковъ уставленные и святыми вселенскими и помѣстными соборы утвержденные, ни во что поставилъ и отринулъ ихъ, яко богомерзкихъ. И въ тѣхъ преданіяхъ пребывая, безчисленное множество народа спаслося; и Богъ, видя ихъ труды и правую вѣру, прославилъ дивными чудесы, понеже мертвыхъ воскрешали, слѣпыхъ просвѣщали и горы преставляли, и во огни, яко въ вертоградѣ, невредженно пребывали,—не токмо имъ самимъ, но и ризамъ ихъ не прикоснулся. Въ той благочестивой вѣрѣ многія тысящи чудотворцевъ явилось; а онъ Мартинъ однимъ токмо вамъ явился правъ, а мы не видимъ въ немъ ни малыя правости; и буде, по вашему мнѣнію, онъ правъ, то святіи, кои отъ начала новыя благодати были, вси погибли, и мучениковъ, колико темъ за Христа пострадали, вси погибли же, понеже вси они жили не по-люторски, но по-гречески. Аще же вы и сами можете разумѣти, еже тіи

святіи, иже были въ гречестѣй вѣрѣ, спаслися, то можно вамъ и самимъ признать, яко вы со учителемъ своимъ погибаете.

Вельми бо сіе дивно есть, еже вы въ мірскихъ дѣлѣхъ и во гражданствѣ разумны, а въ духовыхъ дѣлѣхъ нѣтъ въ васъ и малыя части истиннаго разумѣнія. Видите вы и сами, еже вся преданія древняя отеческая истребилъ и издалъ уставы мнимаго христіанства всѣ новые, древнимъ уставамъ, по которымъ безчисленное множество человѣковъ спаслося, учинилъ противные, и не токмо отеческимъ преданіямъ, но и святому Евангелію противные, и та своя еретическая и богопротивная изданія нарекъ евангельскимъ ученіемъ,—а вы, бѣдные, вси, не разсмотря въ немъ богомерзкихъ его дѣлъ, ничтоже разсуждая, тому его еретическому изданію и повинулися. Истинно бо нѣкая слѣпота напала на васъ великая, еже вождя своего по Господню словеси не уразумѣли, и вмѣсто еже бы его огню предати, поставили себѣ вождемъ, и тако слѣпъ слѣпа ведете, да вси вкупѣ въ погибельную яму впадете, изъ неяже во вѣки вѣковъ не изыдете.

Рѣхъ бо вамъ, яко надобно прежде сущее писаніе прочести подлинникомъ и съ совершеннымъ вниманіимъ, и вся глаголы, въ немъ сущіе, разсмотрити въ тонкость, да тогда уже въ толкованія вступати; обаче и тутъ надобно Бога призвати, дабы совершенные глаголы открылъ, а на вѣтеръ глядя нечего много разсуждать. Вы всѣ одно слово затвердили, будто сорока Фоку—Якова; то у васъ и лучшая рѣчь —Богъ не повелѣлъ кумировъ творити и дѣло рукъ человѣческихъ боготворити; и то намъ дивно, какъ вы его ощупали, во всей Библіи одно только оправданіе себѣ нашли. А и тотъ Господень глаголъ вамъ не оправданіе же [о семъ бо пространнѣе выше изъявилъ, яко нѣсть вамъ ни малаго оправданія; обаче и ниже речется, дабы вы истину

въ томъ Божіемъ глаголѣ познали и святыхъ иконъ, въ Божію честь сотворенныхъ, не ругали], а прочіихъ словесъ, яже во священной Библія написано, ничего того не видите и, все минувъ, да за одно слово ухватилися. И вы то слово первѣе осмотрите съ прилежаніемъ: какихъ подобій не строити и чего ради ихъ не строити,—да тогда святыя иконы порочте. Понеже не о святыхъ иконахъ Господь рекъ, но о скверныхъ идолахъ, иже тогда были содѣлованы у язычниковъ, во обѣтованной землѣ живущихъ, сотворенные не ради Божія чести, но ради бѣсовскія.

А въ Божію честь и во украшеніе церковное святыя иконы съ того времени и начались, егда Господь идоловъ строити не повелѣлъ. Въ та времена Господь повелѣлъ два херувима состроить изваянная и изъ между тѣхъ херувимовъ обѣщался Господь Моvсею глаголати. А аще бы тые херувимы изваянные были, по вашему толку, скверны, то не сталъ бы Богъ между ними обитати и Моvсею къ вопрошенію его отвѣщавати. И посему видите ли, коль суть образы, въ Божію честь состроенные, святи? И мы вѣмы, яко вы тѣхъ въ ветхозавѣтной церкви изваянныхъ херувимовъ идолами нарицати не смѣете,—то како вы смѣете самого Господа Бога нашего изображенный образъ нарицати идоломъ? Яко бо Творецъ твари честнѣе, тако и образъ Господенъ херувимскихъ образовъ честнѣе, а вы его хуждши херувимскихъ образовъ постависте и ровняете со идолы бѣсовскими. Мы не вѣмы, гдѣ вы разумъ свой подѣли, еже самаго явнаго дѣла не разумѣете. Мы не вѣмы, како ваши уста разверзаются и како вы сами себѣ не зазрите, еже святые образы, въ честь Божію состроенные, нарицаете идолами. Ей, вси вы умомъ своимъ повредистеся и еже ни глаголете, того и сами не вѣдаете.

И аще бы вы здравый разумъ имѣли, то бы вы и по сему разумѣли, еже мы не солнце, не луну, не иные какіе знаки небесные или земные и не Ваала сквернаго на свя-

тыхъ иконахъ изображаемъ и почитаемъ, но изображаемъ мы образъ самого Бога, какова Онъ далъ намъ себя знать, и образъ пречистыя Божія Матери, несравненно честнѣйшія херувимовъ и серафимовъ; обаче и тѣхъ образовъ за Бога, по вашему, не почитаемъ, но токмо честь достойную имъ отдаваемъ. Вамъ было первѣе освѣдомиться, како мы тые образы почитаемъ и за что ихъ пріемлемъ, да тогда бы уже могли вы ихъ хулити, и то аще бы надлежало. А аще и сами познаете, еже они похуленія пріяти не надлежатъ, то не объиметъ ли васъ стыдъ, еже безъ вины образы святые хулите? Во всякомъ дѣлѣ первѣе надлежитъ осмотрѣтися, да тогда уже претися.

Чрезъ Исаію пророка Духъ Святый глаголетъ, яко горе преступающимъ законъ, горе и хулящимъ законъ (Исаіи XXIV, 16). А вы, зря на законопреступника Мартина, вси законы восхулили есте и отвергостеся ихъ и издасте свой новоизмышленный легкостный законъ своемудрственный. И чрезъ того же пророка глаголетъ Господь, яко горе мудрящимся о себѣ (Исаіи V гл., 21). А святый апостолъ Павелъ глаголетъ, яко глаголющіи себя быти мудры, объюродѣша (Римл. I, 22). И вы сами о себѣ размотрите: се бо единъ вамъ горе сказуетъ, а второй дураками нарицаетъ,—и се вы и на семъ свѣтѣ съ мудрованіемъ своимъ до чего дошли! Помыслите же прочее: что вы чаете на праведномъ судѣ Божіи за таковое свое высокомнѣніе пріяти? Страшно бо есть впасти въ руцѣ Бога жива, понеже Богъ вѣдаетъ, какъ васъ за отверженіе закона наказати.

Се бо святая древняя вѣра до вашего мудрованія стояла съ полторы тысящи лѣтъ, и въ тыя лѣта колико святыхъ угодиша Богу и чудесами прославишася, ихъ же и исчислити невозможно; а вы всю ее изъ самаго основанія превратисте. И нынѣ смотрите себѣ, яко не въ долзѣ времени и весьма Бога отпадете: лихо было діаволу съ мѣста стронути, а уже когда кого стронетъ, то уже и овладѣетъ имъ, и

еже восхощетъ, то и творити имъ начнетъ. Се бо уже мнозіи изъ васъ начали въ безбожіе вступати, а мало по малу вси атеистами будете, понеже на древняя преданія возгордѣсте, а гордымъ самъ Богъ ратникъ; вы бо отъ гордости своея, а не отъ инаго чего и иконы святыя ругаете.

Се бо въ ветхозавѣтной церкви херувимстіи образы отъ всего израиля почитаеми быша, а идолами никто ихъ не нарицалъ; вы токмо со учителемъ своимъ Мартиномъ издали свой новый догматъ вѣры, еже начали святыя иконы идолами нарицати. А аще же кто изъ васъ речетъ, яко древніе херувимскіе образы не ради почитанія построены быша, мы же глаголемъ: какъ сея чести быти больши, еже самъ Богъ между има водворялся и изъ между ихъ Моvсею и отповѣдь давалъ и какъ жить наставлялъ. И аще сему не имѣте вѣры, то вы вопросите святаго апостола Павла, и той вамъ скажетъ, яко не токмо просто ихъ почитали, но и служили имъ. Тако бо святый Павелъ глаголетъ, яко образу и стѣни служатъ небесныхъ (Евреемъ VIII, 5), а не идоломъ ихъ нарекъ. Сказуетъ, яко построени быша по повелѣнію Божію, показанному на горѣ. И по сему мы не можемъ разумѣти, како вы ничего сего не видите, только одно какъ-то усмотрили, еже Господь не повелѣлъ кумировъ дѣлати и служити имъ не повелѣлъ. И въ сіемъ мы вамъ поможемъ и приречемъ: да будетъ той проклятъ въ семъ вѣцѣ и въ будущемъ, кто кумиры творитъ и кто покланяется имъ. Такожде и вы намъ помогите и рцыте: да будетъ и тотъ проклятъ въ семъ вѣцѣ и въ будущемъ, кто святыя иконы не почитаетъ и видимаго поклона имъ не творитъ, а кто тыи святые образы наречетъ идолами, той сугубо или пресугубо да будетъ проклятъ. И аще тако изречете, то будемъ мы съ вами согласны; а аще сего изрещи не можете словесе, то всесовершенно нѣсть въ васъ Христа, но изыдосте отъ антихриста и возлюбили есте ложь, а истины слышати не хощете. И по вышеписанному извѣ-

стію, во и вы съ наставникомъ своимъ Мартиномъ ложь сшиваете, и людей, не вѣдущихъ писанія, отвлача отъ древняго благочестія, глаголете, якобы не повелѣлъ Господь Богъ святыхъ иконъ строити и якобы и почитать ихъ не повелѣлъ. Такожде и во всѣхъ своихъ новоизданныхъ люторскихъ преданіяхъ—то все сплошь ложь. А ложь отъ кого изыде?—Токмо отъ діавола. О семъ бо самъ Господь намъ изъяви, яко діаволъ отецъ лжи и во истинѣ не стоитъ. Тако и вы во истинѣ не стоите и возлюбисте ложь паче истины; а кто любитъ ложь, тотъ отъ самого Бога нареченъ сыномъ діаволимъ. И сего ради всѣмъ, не токмо вамъ, но и намъ, надобно вельми лжи боятися, дабы въ сыновство діаволу не вдатися.

Вопросъ иконоборцамъ.

Повѣдайте мнѣ истину: въ каковомъ вы писаніи сіе обрѣтосте, еже въ Божію честь сотворенные образы не почитати и еже бы вмѣсто чести ихъ ругати и идолами нарицати? И буде есть въ писаніи, дайте знать, кто сія написалъ—пророкъ ли кто, или апостолъ кой? А буде же ни пророкъ, ни апостолъ сіе написалъ, но отъ своего разума кто сіе издалъ, еже образа Божія не почитати и со скверными идолы его ровняти, то не вѣмъ, како ему отвѣтъ Богу дати. А аще кто умъ въ себѣ имать здравый, и той никогда дерзнетъ святыя иконы ругати: страшно бо есть образъ Бога своего ругати, понеже, яко приносимая честь образу приносится самому тому, чей образъ бяше, то и творимое безчестіе образу преходитъ на тогоже, чей образъ обезчещенъ бываетъ. Вы себѣ посмотрите и на свой гражданскій уставъ: се бо, егда коего человѣка написавъ персону, то есть образъ, да повѣсите на висѣлицѣ, то вы съ тѣмъ человѣкомъ ни пьете, ни ядите. Се бо и по вашему уставу,

содѣянное образу безчестіе преходитъ на самого того, чей образъ. И сего ради вельми вы грѣшите, еже святыя иконы ругаете и честь имъ воздавать возбраняете, понеже ни во святомъ Евангеліи, ни во Апостолѣ того не написано, еже бы святыхъ иконъ не писать и написанныя не почитать. А если бы иконное почитаніе было Богу не угодно, то святіи апостоли не умолчали бы, понеже святыя иконы начашася при святыхъ апостолахъ. И егда Павелъ апостолъ былъ во Аѳинахъ и между иными идолами обрѣлъ идола, на немъ же было написано: невѣдомъ Богъ,—и святый апостолъ тако о немъ рекъ: Егоже убо не вѣдуще боголѣпно чтете, Сего азъ проповѣдую вамъ (Дѣян. XVII, 23). Видите ли, яко и совершеннаго идола апостолъ не похулилъ: аще и безъ имене бяше, а апостолъ не отрекся отъ него, но еще и присвоился, глаголя: Сего азъ провѣдую, Егоже вы не вѣдуще чтете. А вы и самого истиннаго Бога образа не почитаете, но и ко идоламъ поганскимъ ровняете! Чудные вы люди, еже Божія чести не можете съ бѣсовскою разобрати.

Объ опрѣснокахъ[1]).

Се бо вы съ Мартиномъ своимъ и литургійскую службу всю, отъ несмысленнаго своею высокоумія, издасте новую и вся уставы церковные и чинъ литургійскаго дѣйствія, отъ святаго апостола брата Божія Іакова и отъ Василія Великаго и Іоанна Златоустаго узаконенный, оставили есте, и ни слѣда того древняго изданія въ своей литургіи люторскаго преданія службѣ не остависте, но вся особая и апостольскому преданію учинисте противная. Къ тому же еще и кислый хлѣбъ отъ нея отъясте и внесосте въ люторскую свою службу жидовскіе опрѣсноки. И научившеся отъ отца своего діавола лжи, приличаете къ тому святому хлѣбу, въ литургійской службѣ узаконенному, изъ негоже изымается агнецъ, жидовскіе опрѣсноки, и глаголете, якобы во время пасхи жидовомъ, по данному имъ отъ Бога закону, въ домѣхъ своихъ кислаго хлѣба держати отнюдь не повелѣно. И тому и мы согласуемъ, яко тако есть, и не токмо однимъ жидамъ, но и пришельцамъ, у нихъ обитающимъ, не повелѣно кислаго хлѣба у себя имѣти, и аще кто во время пасхи будетъ у себя кислый хлѣбъ держати, того душа отъ

---

[1]) Это заглавіе опущено въ рукописи, вѣроятно потому, что писецъ плохо представлялъ себѣ составъ книги и распорядокъ частей ея.

сыновъ израилевыхъ потреблялась, то есть каменіемъ таковыхъ побивали (2-я Моvс. гл. XII). И того у нихъ опрѣсночнаго яденія было узаконено отъ самого Бога токмо седмь дній, а не девять. Подобнѣ, аще бы кто и прежде законныя пасхи не по закону, но по своему изволу пасху творити началъ и опрѣсноки прежде времене ясти, то и того такожде душа потреблялась бы и достоинъ бы былъ убіенъ быти. А Господня вечеря была, на ней же Господь, преломивъ хлѣбъ, нарекъ тѣломъ своимъ и повелѣлъ во свое воспоминаніе творити такожде, и той хлѣбъ былъ кислый, а не прѣсный, понеже та вечеря была прежде пасхи за два дня: бяше бо Господня вечеря въ четвергъ, а пасха и опрѣсночное яденіе началось съ субботы, а не съ четверга. А аще бы пасха, по вашему люторскому и римскому суемудрію, начиналась съ четвертка, то опрѣсночнаго яденія было бы девять дней, а не седмь, и то бы стало быть самое нарушеніе Моvсееву закону, отъ самого Бога узаконенному, понеже Моvсей не собою законы полагалъ, но якоже ему Господь повелѣвалъ, тако онъ и полагалъ. А о опрѣснокахъ твердо и ясно Господь Богъ заповѣдалъ, еже ясти ихъ токмо седмь дней, а не девять.

И тому седмодневному опрѣсночному яденію свидѣтельствуютъ Моvсеевы книги вторыя: главы XII, XXIII и XXXIV, въ третьихъ книгахъ—глава XXIII, въ четвертыхъ книгахъ—глава XXVIII, въ пятыхъ книгахъ—глава XVI, во вторыхъ книгахъ Паралипоменонъ глава XXX и XXXV, въ первыхъ книгахъ Ездриныхъ глава VI, у Езекіи же пророка XLV глава. И за таковымъ утвержденіемъ твердымъ, како бы Господу данный свой законъ нарушити и начать опрѣсноки съ четвертка? Лгутъ бо люторяне, вкупѣ съ ними лгутъ и римляне, глаголюще, якобы Господь преломивъ ученикамъ своимъ опрѣснокъ подаде. И аще бы тако, по вашему люторскому, кальвинскому и римлянскому мнѣнію,

Господь на той своей вечери прежде законныя пасхи началъ бы опрѣсноки ясти, то бы Онъ явился нарушитель своего утвержденнаго закона, и Іуда предатель, шедъ, о томъ изъявилъ бы жидамъ, еже Господь прежде законныя пасхи началъ опрѣсноки ясти, а по той бы винѣ жидове и безъ Пилата, по закону своему, предали бы Христа смерти, понеже обрѣли бы законную вину, подлежащую смерти. А аще бы, смотрѣнія ради Божія, предали Его и Пилату, то бы они вящшую вину на Христа изнесли о нарушеніи пасхи и на свидѣтельство Его таковыя вины предъ Пилата не лжесвидѣтелей бы своихъ поставили, но положили бы четверы книги Моvсеевы и другихъ пророкъ писанія; и тако бы совершенно повиненъ былъ Христосъ смерти. Жидове бо много искали вины на Него, и не обрѣли ни единыя, не токмо смертныя, но ниже наказанія достойныя; токмо то Ему причтоша въ вину, еже Онъ, о тѣлѣ своемъ глаголавъ, нарекъ его церковію, яко разоритъ ю и паки треми деньми созиждетъ,—и та ихъ изнесенная вина не токмо смерти, но ниже наказанія достойна.

А ежели бы Господь прежде узаконенныя пасхи началъ опрѣсноки ясти, то законную пасху нарушилъ бы и всячески въ совершеннѣй винѣ приличился бы Христосъ. Господь бо не то что бы дѣло какое, винѣ достойное, во всю свою бытность на земли сотворилъ, но ниже слово какое ложное или вины достойное изрекъ,—понеже Богъ бѣ и законодавецъ во плоти. Сіе бо есть и простому человѣку безмѣстно, еже слово измѣнити; кольми же паче Богу противно, еже ему законъ давъ да нарушить. Лгутъ бо люторове на Господа, сказуя, якобы Онъ законную пасху нарушилъ,—не обрѣтеся бо въ Господѣ неправда, ниже лесть во устѣхъ Его; что Онъ ни глаголалъ, то правда, и что ни творилъ, то истина.

Зрите себѣ сіе и разсуждайте: се бо и святый Іоаннъ Богословъ глаголетъ, яко прежде праздника пасхи, вечери бывшей, возставъ Господь съ вечери и снявъ съ себя ризы, пріемъ лентіонъ и препоясався имъ; потомъ же влія воду въ умывальницу и начатъ умывати нозѣ ученикамъ своимъ и отирати лентіемъ. И егда умы ноги ихъ, пріятъ ризы, и облекшися, паки возлеже съ ученики своими. И вы съ Мартиномъ своимъ сіе разсудите: можно ли бы Христу во время пасхи тако работати и ученикамъ ноги умывати? Понеже такое же бы было Господне преступленіе закона, и о томъ умовеніи Христовѣ Іуда изнесъ же бы жидамъ,—и тые жиды за умовеніе ногъ приличили бы Христа къ смертной винѣ и Пилату на судъ тую вину предложили бы. И посему паки глаголю, яко вси вы наполнены есте лжи, яко вы люторане, тако и кальвиняне, ни чимъ же разни отъ васъ и римляне; вси бо вы единаго духа есте, понеже вси вы Господа Бога нашего безвиннаго творите виновна и смерти быти достойна.

Вы, люторове и кальвинове, нарицаете себе и съ римляны самыми ближними ко Христу присвоенными христіаны; азъ же глаголю: ни, нѣсте бо вы Христовы, но антихристовы. Самъ бо Господь рекъ, глаголя: аще кто нѣсть со Мною, на Мя есть. А вы не токмо еже не съ Нимъ, но и на Него возстаете явнымъ лицомъ, а не потаеннымъ, и паче зловѣрныхъ жидовъ на Христа вооружистеся. Ибо жидове, аще и много суетишася, обаче вины на Христа и малыя составити не могоша; а римскій папа Формозъ со клевреты своими и вашъ погибельный наставникъ и иконоборныя ереси началоводецъ Мартинъ Люторъ и Яганъ Кальвинъ сочинили на Христа вину, достойную смерти. И тыи ваши предводители, вначалѣ своего отпаденія такую на Христа вину сшили, дабы имъ со діаволомъ лучшее содружіе возъимѣти; рекоша, якобы на вечери своей, прежде законныя пасхи, началъ опрѣсноки

ясти и якобы и ученикамъ, преломивъ, подалъ, и тѣломъ своимъ нарекъ опрѣснокъ,—чесому быть было никоими дѣлы невозможно, понеже во всѣхъ книгахъ Моѵсеевыхъ и пророческихъ писаніяхъ по повелѣнію Господню утверждено, еже пасху начинати съ субботы, а не съ четверга и опрѣсноки ясти токмо седмь дней, а не девять. И то явная ложь на Христа отъ учителей вашихъ сочинена, чего нѣтъ и не бывало. А вы образумитися не можете, и по сіе число тожде глаголете, якобыГосподь нарушилъ законную пасху и началъ опрѣсноки ясти за два дня до пасхи, съ четверга, какова во евреехъ не токмо закона, но ни обычая не бывало.

А аще бы вы Христовы, а не антихристовы были, то бы вы, аще Господь и вину каковую сотворилъ, будто простый человѣкъ, а не Богъ (чесого во Христѣ нѣтъ и не бывало и чесому быть не возможно), и вы бы, яко вѣрніи его рабы, то погрѣшеніе Его прикрыли бы, а вы чего во Христѣ и не бывало, то на Него солгали. А и до днесь вси вы люторстіи наслѣдницы и съ римляны воспоминаніе творите Господняго страданія на опрѣснокахъ; и тѣмъ вы Христа не прославляете, но обезславляете, понеже являете Его достойна смерти.

А нынѣ нѣкоторые люди, изъ безумныхъ безумнѣйшіи, и наши россіане, помышляютъ на Христа же воевати и хощутъ безвиннаго Христа сотворити винна; но никако: яко тьма ко свѣту приступити не можетъ, паче того къ чистому и безвинному Христу никая скверна и вина коснутися не можетъ, но вси воюющіи на Христа погибнутъ и, яко изчезаетъ дымъ, изчезнутъ. Жестоко бо есть противу рожна прати, жесточайши же того противу самого Христа воевати.

Вопросъ.

Скажите вы, люторстіи преемницы и съ кальвиняны: въ какомъ вы писаніи сіе обрѣли, кто отъ святыхъ апостоловъ или отъ святыхъ отецъ возбрани кислый хлѣбъ въ жертву Богу приносити и, вмѣсто кислаго хлѣба, на жидовскихъ опрѣснокахъ литургію служити и Господнихъ страстей воспоминаніе творити? О семъ и сами вы вѣсте, яко вечеря Господня была прежде пасхи за два дня. И аще вы своимъ разумомъ кислый хлѣбъ отвергосте и вмѣсто оживленнаго хлѣба воспріясте мертвые опрѣсноки, то вы весьма объюродѣсте. Слышахъ бо васъ, во оправданіе себѣ глаголющихъ: послалъ-де Господь прежде себя Петра и Іоанна и повелѣлъ имъ уготовати пасху. И то вамъ не оправданіе, понеже уготованіе не есть пасха, но приготовленіе къ субботѣ и на всю тую седьмицу, того ради, еже во время пасхи, по закону, ничего не работаютъ, но ядятъ то, еже въ той четвертокъ и пятокъ заготовятъ,—того бо ради тые два дня, четвертокъ и пятокъ, опрѣсночными днями и нарицашася. А аще кто прежде пасхи начнетъ опрѣсноки ясти, той за нарушеніе закона подпадетъ смертной винѣ.

И аще вы на сіе слово Христово слагается, еже Господь рекъ, глаголя: желаніемъ возжелахъ ясти сію пасху, дондеже не пріиму мукъ,—и то Онъ рекъ не о жидовской пасхѣ, но о своей пасхѣ, то есть о прехожденіи своемъ отъ міра сего ко Отцу своему. О семъ бо святый Іоаннъ Богословъ ясно сказуетъ въ XIII главѣ, яко вѣдяше Христосъ, еже пріиде Ему часъ, да пріидетъ отъ міра сего ко Отцу своему. И то свое прехожденіе нарекъ Господь пасхою, понеже пасха толкуется — прехожденіе. И въ той же главѣ написано, яко прежде праздника пасхи, вечери бывшей, возставъ Господь съ вечери и сня съ себя ризы

своя, препоясался лентіемъ и влія воду во умывальницу, и началъ умывати нозѣ ученикомъ и отирати лентіемъ; умывъ же нозѣ, облечеся въ ризы своя и паки возлеже. И по сему сами вы разсудите: вечеря сія можаше ли именоватися законною пасхою! Понеже тутъ опрѣсноки ясти было никоими дѣлы не возможно (но повелѣно ихъ ясти съ субботы), и аще бы Господь прежде законныя пасхи началъ опрѣсноки ясти, то сталъ бы Господь законопреступникъ и за таковое преступленіе удостоился бы смерти. Самъ бо Господь о себѣ рекъ, яко не пріидохъ закона или пророка раззорити, но исполнити (Матѳ. V, 17); а вы Его нарушителемъ закона поставляете, глаголя, якобы Онъ въ четвертокъ началъ опрѣсноки ясти. И сіе не безуміе ли ваше, еже съ Мартиномъ своимъ сшили на безвиннаго Христа смертную вину!

Вы бо аще и несмысленни есте, а сіе мочно бы разумѣти, еже аще бы Господь нарушилъ законную пасху, то бы жидове на обличеніе Христу положили бы Моvсеевы и пророческія книги, и по такой бы винѣ приличился Господь къ смерти. И о семъ пространнѣе denотъ выше. И по сицевой лжесоставной на Христа винѣ, стали вы быть не христіане, но враги Христовы, понеже безвиннаго Христа хощете сотворити винна и по закону достойна смерти. Вы бы поне посему поразумѣли, еже о опрѣснокахъ ни единъ евангелистъ, ни апостолъ воспомянулъ, еже бы на той вечери Господней ядени были опрѣсноки. Намъ сіе вельми дивно, еже вы нарицаетеся люди разумны, а дѣлаете безумно.

Паки вы порокуете кислый хлѣбъ посему, еже Господь повелѣлъ блюстися кваса фарисейска и саддукейскаго. И вы посмотрите у Матѳея евангелиста въ XVI главѣ въ 12 стихѣ и тамо ясно узрите, яко не о хлѣбномъ квасѣ Господь рекъ, но повелѣлъ блюстися ученія фарисейска и саддукейска. У Луки же евангелиста въ XII главѣ названо квасомъ фарисейское лицемѣріе. А вы тотъ глаголъ Христовъ преложили къ кислымъ хлѣбамъ!

Мы же православніи употребляемъ въ приношеніе Богу хлѣбъ кислый, понеже самъ Господь хлѣбную кислость уподобилъ царству небесному. А опрѣсноки не токмо въ новой благодати, но и въ ветхомъ завѣтѣ приносимы не одни были, но съ хлѣбами, и хлѣбы первѣе воспомянуты, а опрѣсноки послѣди. И о семъ зри во вторыхъ книгахъ Моѵсеевыхъ во главѣ XXIX и въ третьихъ книгахъ во главѣ VII. И посему явѣ есть, яко и въ ветхомъ завѣтѣ хлѣбъ честнѣе опрѣснока былъ. И ветхозаконное писаніе ясно означало, яко хлѣбъ названіе свое имѣетъ, а опрѣснокъ такожде свое же собственное названіе имѣетъ. Истинно бо вы очи имате и не видите, и уши имате и не слышите. Се бо всему сему безумію законопреступникъ Мартинъ васъ научилъ есть.

О ПРЕСВЯТѢЙ БОГОРОДИЦѢ.

Той же вашъ предводитель, всескверный Мартинъ, не токмо отъ человѣкъ, но и отъ ангелъ и архангелъ и отъ всѣхъ небесныхъ силъ возвеличенную и отъ самого Бога прославленную Пресвятую Богородицу уничижилъ. Она бо, пресвятая и преблагословенная и пречистая Владычица наша Богородица и приснодѣва Марія, еще прежде зачатія освящена бяше; ангелъ бо Божій тако матери Ея Аннѣ рекъ о ней: Анно, Анно! услыша Богъ молитвы твои, и се зачнеши и родиши дщерь преблагословенную, о ней же благословятся вся колѣна земная и дастся ею спасеніе міру.

Видите ли вы, люторстіи преемницы, како она, пресвятая Божія Мати, еще прежде зачатія, отъ самого Бога прославлена; понеже ангелъ Господень собою, безъ повелѣнія Божія, не можетъ ни малаго словеси изрещи, но еже ему Господь повелитъ, то и глаголетъ. А вы, научившеся отъ злосмраднаго своего учителя Мартина Лютора, снижаете ю и глаголете, яко она, аще и свята, обаче равна вашимъ женамъ. И мы не вѣмы, гдѣ разумъ свой подѣли, еже къ своимъ женамъ Божію Матерь равняете; яко небо отстоитъ отъ земли, тако Пресвятая Богородица отъ всѣхъ женъ, сущихъ и святыхъ, отстоитъ, не то что отъ вашихъ скверныхъ плясавицъ. Сія бо Пресвятая Богородица, еще трехъ лѣтъ

сущая, введена бысть во святая святыхъ и тамо почитаема [1]) бысть отъ ангела Божія пищею небесною. И амо же архіерей великій точію въ коеждо лѣто по единожды вхождаше, а она, Пресвятая Дѣва, во вся дни невозбранно тамо вхождаше. И по сему како она равна вашимъ женамъ?

Паки, егда пришелъ къ ней, Пресвятѣй Дѣвѣ, архангелъ Гавріилъ благовѣстити о Христовѣ воплощеніи, и той рече ей: радуйся, Благодатная, Господь съ Тобою, благословенна ты въ женахъ (Лук. I, 28). И по томъ благовѣстіи, возста Пресвятая Дѣва Марія, поиде въ горняя и вниде въ домъ Захаріинъ и цѣлова Елисаветъ, и бысть, егда услыша Елисаветъ цѣлованіе ея, взыграся младенецъ во чревѣ Елисаветы. И святый евангелистъ тако повѣствуетъ, яко исполнися Елисаветъ Духа Свята и возопи гласомъ веліимъ и рече: благословенна Ты въ женахъ и благословенъ Плодъ чрева твоего! И откуду ми сіе, еже пріиде Мати Господа моего ко мнѣ. Се бо, яко бысть гласъ цѣлованія Твоего во ушію моею, взыграся младенецъ радощами во чревѣ моемъ. И блаженна вѣровавшая, яко будетъ совершеніе глаголаннымъ ей отъ Господа. И на то прореченіе елисаветино Пресвятая Дѣва Марія изрече: величитъ душа моя Господа и возрадовася духъ мой о Бозѣ, Спасѣ моемъ, яко призрѣ на смиреніе рабы своея, се бо отнынѣ ублажатъ мя вси роди.

Видите ли, буіи слѣпіи, се бо святый евангелистъ Лука написа, яко ублажаютъ ю вси роди, а вы не ублажаете ю, но еще и порицаете, и святому евангелисту вопреки дѣете. Не токмо святіи отцы, преемницы апостольстіи, но и самые вамъ евангелисты ни во что; токмо единъ блудникъ вашъ, то есть Мартинъ Люторъ, разуменъ. Вы сами ся нарицаете

---

[1]) *питаема?*

евангеликами и по тому слову яко бы вы евангельскіе ученики, а по всему своему разуму вы не евангелики, но развѣ блуднята, понеже блуднику Мартину вѣрите, а евангельская словеса подъ ноги мещете и дѣете святому Евангелію вопреки. Лука евангелистъ написалъ, яко ублажають ю вси роди, а вы съ блудникомъ блаженство ея отъемлете отъ нея и тѣмъ своимъ мерзкимъ буемудріемъ Пресвятую Богородицу во глаголаніи ея лживу творите и свидѣтеля, написавшаго той глаголъ во Евангеліи, святаго Луку евангелиста, лжива же творите; токмо единъ вашъ Мартинъ правъ. И святая Елисаветъ не права жъ, еже нарекла ю матерію Господнею; а егда Елизаветъ не права, то и Духъ Святый не правъ же, понеже Елисаветъ той глаголъ не собою изрекла, еже матерію Господнею нарекла, но Духъ Святый устнами ея возвеличи Пресвятую Дѣву Марію,—и вы, хуля Пресвятую Богородицу, и Духа Святаго восхулили. Или сего не вѣсте, яко хулившимъ Святаго Духа не отпущается грѣхъ ни въ сей вѣкъ, ни въ будущій? И аще и сему не вѣрите, то вы и басурмановъ хуждши есте и иначе про васъ нѣкакъ сказать, токмо—сынове погибельныи.

И сіе не самое ли вашего Лютора безуміе, еже въ примѣръ ей, Пресвятѣй Богородицѣ, примѣнисте бездушный сундукъ, глаголя: егда-де въ томъ сундукѣ царская драгоцѣнная утварь бываетъ вложенная, дондеже вътомъ сундукѣ та царская утварь пребываетъ, пота той сундукъ честенъ бываетъ и хранятъ его опасно, а егда-де онъ испразднится, тогда-де и честь отъ него отъимется и хранимъ уже тако не бываетъ и по испражненіи ничимъ отъ иныхъ сосудовъ отмѣненъ бываетъ, и не помянется то, еже была въ немъ утварь царская. Тако-де и Богородица, донелѣже во утробѣ Христа имѣла, тогда-де и честна она была, а егда-де Христосъ изшелъ изъ нея, тогда-де она бысть равна прочимъ женамъ. О, безумія превеликаго! о, злосмраднаго и

богомерзкаго разсужденія люторскаго! Гдѣ вы разумъ свой подѣли? На ренскомъ ли его пропили, или за пѣнязи продали? Кто бо отъ разумныхъ вамъ не подивится и безумію вашему не посмѣется? Мартинъ вашъ предводитель, бывъ внѣ своего ума, тако злѣ и безумнѣ изрекъ, а вамъ на таковое его безуміе смотрѣть было не для чего. Онъ въ томъ своемъ глаголѣ согрѣшилъ и о томъ своемъ грѣхѣ и отвѣтъ самъ дастъ и судъ себѣ по дѣламъ своимъ отъ Бога пріиметъ, а вамъ не для чего было безуміе къ безумію прилагати и чужой грѣхъ усугубляти. И аще весьма не смыслите, то вы сіе едино разсудите: въ сундуки вещи драгія влагаютъ не ради того, да пріимутъ нѣчто отъ тѣхъ сундуковъ, но токмо да хранимы будутъ отъ похищенія и отъ поврежденія, а Господь не того ради во утробу Приснодѣвы Маріи вниде, да сохраненъ будетъ отъ похищенія или отъ поврежденія какова, но Господь Богъ вниде въ ню ради смиренія и ради присвоенія къ намъ, дабы Ему, принявъ отъ нея плоть нашу человѣческую, тую плоть человѣчу обожити и вознести ю ко Отцу своему на небо. А вы съ своимъ Мартиномъ, ничтожа Пречистую Матерь Божію, и самого Бога ничтожите, сказующе, якобы Онъ отъ кого или отъ коего поврежденія во утробу ея вселился, а не ради пріятія плоти. И тѣмъ вы своимъ разумомъ сравнились съ проклятымъ еретикомъ Діоскоромъ; той бо, якоже и вы, сказуетъ о Христѣ: якобы сквозѣ трубу, тако Господь сквозѣ Пречистую Богородицу прошелъ и плоти отъ нея не взялъ, по каковъ вошелъ, таковъ и вышелъ. И посему явѣ есть, яко вы и учитель вашъ Мартинъ научистеся отъ Діоскора: той назвалъ Презвятую Богородицу трубою, а вы назвали сундукомъ. И посему въ разумѣ вы согласны, токмо имя трубное преложисте на сундушное, а униженіе Пресвятѣй Богородицѣ и самому Христу отъ обоихъ едино равно есть.

И аще, по вашему блядословію, Христосъ Гос-

подь и Богъ Нашъ отъ Пресвятыя Дѣвы плоти не пріялъ, то и души во Христѣ не было; и по таковому вашему безумству, и во время страданія своего Господь болѣзни не чуялъ. А аще же вы признаваете, яко Христосъ Господь истую плоть одушеленную на себѣ имѣлъ, то съ коимъ вы разумомъ отрицаете Пресвятую Богородицу отъ Христа, понеже Онъ пречистую свою плоть не съ воздуха взялъ, но отъ самыя плоти ея, Приснодѣвы Маріи. И посему, како вы смѣете Пречистую Божію Матерь отъ соединенія Богу разлучити? Како бо можете матерь съ сыномъ или сына съ матерію раздѣлити! И какой той сынъ будетъ, иже за обруганіе матере своея не будетъ мстити, подобнѣ и за почитаніе матери своея кой бы сынъ воздаянія благаго не воздалъ? И вѣмъ, аще вы и зли суще и умомъ люторскаго зловѣрія побѣждени есте, обаче за безчестіе матерей своихъ мстити будете; я чаю, что иной изъ васъ готовъ будетъ за безчестіе матери своея и свою голову положити, а того и въ части изсѣчетъ, иже матерь его обругалъ. И посему сами вы себѣ судите: каково Господу Богу, аще кто Матерь Его ругаетъ и къ своимъ скверным женамъ верстаетъ? Ей, мстя отмститъ! Елико бо Богъ больши человѣка, толико и Матерь Его больши вашихъ женъ. Наша святая восточная церковь тако ю величаетъ, еже несравненно херувимовъ и серафимовъ есть честнѣйши.

Вѣсте ли вы о семъ, яко и по преставленіи ея, на погребеніе обоженныя ея плоти, вси апостоли отъ конецъ земли Божіею силою снесени быша, и вси ю проводиша до гроба; и прежде общаго воскресенія, о третьемъ дни по погребеніи, во гробѣ тѣло ея не обрѣтеся,—ибо воскресе и на небеса къ Сыну своему и Богу вознесеся. И нынѣ тамо въ велелѣпной славѣ у престола Божія обоженною своею плотію предстоитъ и о чтущихъ ю молитъ Сына своего и Бога

дерзновенно. А вы ю снижаете и къ своимъ женамъ ровняете. Чудные вы люди, еже всѣхъ святыхъ святѣйшую и херувимовъ и серафимовъ честнѣйшую къ скверным своимъ женамъ ровняете!

Мы же, бренніи человѣцы, отъ недостойныхъ своихъ устенъ архангельскій гласъ тебѣ, Пресвятѣй Дѣвѣ и Божіей Матери, приносимъ: радуйся, Благодатная, Господь съ тобою!

Вопросъ.

Скажите ми, кто васъ таковому безумію научилъ, еже Пресвятую Божію Матерь не почитати и съ своими скверными женами ровняти? Вы бы поне сіе едино разсудили: егда ваши жены умираютъ, на погребеніе ихъ приносятъ ли ангели пасторовъ вашихъ или иныхъ какихъ ни есть людей, дабы жонъ вашихъ провожати съ честію? И аще сего почтенія отъ Бога женамъ вашимъ нѣтъ, то какъ вы о себѣ помыслите: есть ли въ васъ поне едина капля разума, еже честнѣйшую херувимовъ ровняете съ своими женами? И по такому разуму, самыя вы безсловесныя свиньи, а не человѣцы, понеже разумъ человѣческаго въ васъ нѣсть. Мы сіе вѣмы, еже вы не смотрите въ божественное писаніе, но токмо смотрите на своего лжеучителя Мартина, и что онъ ни совралъ, того вы и держитеся. Онъ бо аще и повелѣлъ вамъ Пресвятую Богородицу ругати, а вамъ было поосмотрясь въ таковое хуленіе вступати, понеже на блудника нечего было вамъ смотрѣти: онъ уже отчаянный человѣкъ. И Господь у таковыхъ учителей ученія принимать не повелѣлъ; а вы, презрѣвъ Господне повелѣніе, да хощете отъ тернія собирати виноградные грозды и отъ злаго древа

добрыхъ плодовъ ищете. Ни, ни! Не можно бо сему быти. И аще не покаетеся и всепагубнаго мартинова ученія отъ себя не отринете и не проклянете его, то вси судомъ Божіимъ осуждени будете.

О святыхъ угодникахъ Божіихъ.

Тыи же лютеране отрицаютъ святыхъ угодниковъ Божіихъ, еже бы ихъ не почитати и поклона имъ не творити, и глаголютъ: они-де такіе же люди, яко вы и мы. И причитаютъ себѣ ангеловъ Господнихъ въ клевретство и ссылаются въ томъ на Апокалипсисъ: егда святый Іоаннъ Богословъ падъ поклонился ангелу Господню, показующему ему тайны Божія, и ангелъ Господень воспретилъ ему, глаголя: ни, клевретъ бо ти есмь и братій твоихъ, имущихъ свидѣтельство Іисусово; Богу поклонися (Апок. XIX, 10). Такожде-де и Петръ апостолъ Корнилію сотнику воспретилъ поклонитися себѣ, и того-де ради не подобаетъ кланятися.

И вы, люторстіи ревнители, первѣе разсмотрите: чего ради Іоаннъ Богословъ отъ ангела удержанъ и чесо ради Корнилій возбраненъ? И аще бы вы совершенный разумъ въ себѣ имѣли, то могли бы уразумѣти, чесого ради тако возбранены быша. Іоаннъ бо Богословъ возбраненъ бысть того ради, за еже самъ онъ бѣ равенъ ангелу и того ради ангелъ Господень нареклъ себя клевретомъ ему, понеже онъ ни чимъ же меньше ангела бяше и бѣ возлюбленный другъ Христовъ. И аще вы сами себя и равняете Іоанну Богослову, но надобно вамъ первѣе посмотрѣти на себя, чѣмъ вы равны есте святому Іоанну Богослову: аще бо руками и ногами и прочіими уды, то вы тѣмъ и самому Христу подобни есте, а аще же житіемъ и дѣлами, то яко земля отъ небеси, тако вы отъ святаго Іоанна Богослова далеки есте. И сего

ради мы не можемъ знать, какое васъ безуміе постиже, еже такому великому и съ плотію на небеси сущему равняетеся. Гдѣ вы разумъ свой подѣли, еже слушаете законопреступника разстриги? Вы помыслите и о семъ: чѣмъ онъ уравнится святому дѣвственнику и наперстнику Христову Іоанну Богослову? Видите ли, яко тамо не простый человѣкъ ангелу поклонился. И вы бы первѣе посмотрѣли на житіе Іоанна Богослова, а потомъ посмотрѣли на житіе своего Мартина,—равно ли ихъ было житіе? И аще вы и за равно ихъ почтете, и сіе не дивно есть: всегда бо слѣпому и свѣтъ является тмою, понеже свѣта со тмою разсудити не можетъ, —тако и вамъ не можно разумѣти истины. А аще вопросите зрящихъ человѣкъ, иже отъ люторскаго яда неповрежденныхъ, и тія рекутъ вамъ, яко не тако небо отъ земли отстоитъ, яко житіе Іоанна Богослова отъ мартинова отстоитъ. Корнилій же сотникъ возбраненъ бысть отъ Петра апостола того ради, за еже Петра возмнилъ быти Бога; и того ради воспрети святый Петръ Корнилію, глаголя: не кланяйся мнѣ, ибо и азъ человѣкъ есмь. (Дѣян. X, 25). А аще бы той Корнилій поклонился Петру по обыкновенію, то за таковый бы поклонъ Корнилій возбраненъ не былъ. А той Корнилій, падъ на землю, поклонился, яко Богу; и апостолу нельзя было не возбранить ему, понеже не токмо Петръ, но и вси апостоли носили на себѣ образъ смиренія; и того ради нельзя было тому быть, еже не возбранить о такомъ великомъ поклонѣ. Зрите вы: егда бо Іисусъ Навинъ поклонился ангелу до земли (Іис. Нав. V гл.), и се за поклоненіе не возбраненъ бысть; аще бяше и святъ онъ, не яко вашъ Мартинъ, и яко съ Моvсеемъ, тако съ Іисусомъ Богъ явѣ наглаголалъ, обаче ангелъ Господень клевретомъ себѣ не назвалъ его; а Мартинъ вашъ и вы себя называете клевретами ангеламъ Господнимъ. И по сему вы Іисусу Навину не равни есте, понеже ангелъ Господень не возбранилъ за покло-

неніе ему. А Іисусъ того ради не возбраненъ, за еже онъ позналъ его, яко ангелъ есть, и поклонъ учинилъ ангельскому лицу; и поклонясь, испустилъ гласъ сумнительный, глаголя: нашъ ли еси, или отъ супостатовъ нашихъ? А вы святѣе Іисуса Навина поставляете себя, понеже ангеламъ кланятися не хощете.

Зрите же и еще: егда бо и Даніилъ пророкъ ангелу поклонился, и се за поклоненіе не возбраненъ бысть; а вы глаголете, яко не подобаетъ ангеламъ и инымъ святымъ угодникамъ Божіимъ кланятися. Тако и мы поклоненіе творимъ святымъ ангеламъ и прочимъ святымъ угодникамъ Божіимъ, равноангельское житіе пожившимъ, не яко Богу, но яко слугамъ Божіимъ. Намъ видится, не худо бы вамъ и посмирнѣе пожить; нечего было вамъ на Мартина своего смотрѣть. Видите вы и сами, еже онъ возложилъ руку свою на рало, да и началъ вспять смотрѣти. И о таковыхъ самъ Господь рекъ, яко никто, возложивъ руку свою на рало и зря вспять, управленъ будетъ во царствіе Божіе. А вы вси сами о семъ вѣсте, яко онъ міра сего отрекся было и обѣщался Богу работати въ иночествѣ, послѣди же впалъ въ блудъ и иночество съ себя свергъ, и, стыдъ свой прикрывая, всѣ древніе законы преломалъ, дабы ему не зазорно было жить въ мірѣ семъ. А сластолюбивые и слабые люди приняли его за добраго вождя; а онъ Мартинъ—самый явный измѣнникъ Христовъ и ничимъ же лучше Іуды Искаріотскаго, но еще и горше. Іуда предатель предалъ Христа ради денегъ, понеже зѣло былъ сребролюбивъ, а сей вторый Іуда предалъ свое христіанство ради сквернаго блуда, понеже зѣло блудолюбивъ бяше; и Іуда позналъ, что сдѣлалъ худо, и того ради раскаялся и отъ горести, шедъ, удавился, тѣмъ и конецъ своему грѣху учинилъ; а Мартинъ Люторъ, погубя свое христіанство, не раскаялся, но еще зло ко злу приложилъ, ибо

онъ, бывшій инокъ, инокиню же взялъ къ себѣ въ наложницу, бывшую игуменію, и, не восхотя подъ паствою быти, отъ всего архипастырства отрекся, и, вымысля собою особую вѣру, началъ на церковь не только восточную, но и западную воевати. И, яко скиѳъ или жидовинъ, церковныя сокровища пограбилъ и пресвитеровъ побилъ до смерти и, ругаяся имъ, паче же самому Богу, оцѣпивъ за нозѣ, волочить тѣлеса ихъ повелѣлъ. И тѣло Христово на землю повергъ, и святые церковные сосуды осквернилъ, и мощи святыхъ изъ гробовъ выметалъ въ попраніе ногамъ, и святыя иконы пожегъ, и всю не токмо благочестивую вѣру святыя восточныя церкви, но и западныя весьма отринулъ и ногами своими попралъ и нынѣ, не умолкая, учениками своими попираетъ.

И онъ все то учинилъ подущеніемъ блуднаго бѣса, еже въ такое блудное житіе вринулся. А сіе уже онъ отъ себя діаволу помогъ и издалъ, якобы явно держать наложницу безгрѣшно,—дабы ему держать наложницу не зазорно и дабы послѣди его грѣхъ тотъ ничтоженъ былъ. Ктому жъ еще возложилъ на ся гордость превеликую, якобы на свѣтѣ подобенъ ему никто прежде его не бывалъ и при немъ такого человѣка разумнаго не было, каковъ онъ; и яко же самъ возгордѣлъ, тому же и послушниковъ своихъ научилъ. И то его ученіе наслѣдницы его твердо хранятъ, ибо то гордостное ученіе и до днесь отринути отъ себя не хощутъ, а о смиреніи и слышать не хотятъ, но еще смиренныхъ и дураками нарицаютъ, и елико есть на свѣтѣ народовъ, предъ собою снижаютъ, но токмо они одни на свѣтѣ и люди. И то стало ученіе не евангельское, но діавольское: се бо осилъ діавольскіи; симъ осиломъ самъ онъ удавился и отъ небесъ отлучился, симъ осиломъ и Мартина удавилъ, и послушниковъ мартиновыхъ удавилъ діаволъ тѣмъ же осиломъ. И началоводецъ вашъ Мартинъ за гордость и за всѣ свои злыя дѣла отъ Бога и судъ

себѣ пріиметъ; а вамъ можно бы и посмотрѣть на себя: и сами вы, чаю, не не вѣсте, яко Господь любитъ смиреніе, а гордость ненавидитъ и гордыхъ сокрушаетъ, яко же и діавола сокруши, а смиреннымъ благодать свою даетъ. О семъ бо самъ Господь чрезъ пророка Исаію рекъ: на кого призрю, токмо на кроткаго и молчаливаго и трепещущаго моихъ словесъ (Исаіи, гл. XVI).

И аще вы, преемницы мартиновы, отъ гордости своея, юже отъ него Мартина пріясте, равняете себя ко святому Іоанну Богослову, о томъ вы едини и разумѣйте; насъ же соблюди, Боже, отъ такого великаго безумія. Намъ, во православіи сущимъ, не токмо къ таковому великому другу и наперстнику Христову, у престола Божія и нынѣ съ плотію стоящему, но ни къ какому святому или къ праведнику равнятися не подобаетъ, но токмо подобаетъ равнятися къ червію, иже въ согнившихся трупахъ рождаются: тіи бо суть наши клевреты. И таковыя ради нашея низости, како намъ святыхъ ангеловъ въ помощь свою не призывати и святыхъ угодниковъ Божіихъ о заступленіи не молити, дабы они, у престола Божія святыми своими душами стояще, умоляли,—понеже мы грѣшни, недостойни есмы, еже бы намъ дерзо молитвы своя къ Богу возсылати.

Вы, аще и немного книгъ читали, обаче видѣли—во священной Библіи написано, яко Іисусъ Навинъ, аще и несравненно насъ былъ лутши и къ Богу ближши и съ Богомъ, подобно Моvсею, всякая разглагольства явно глаголалъ и Богъ съ нимъ, обаче тѣмъ не возгордѣлся, еже къ Богу близокъ, но ангелу Божію поклонился до земли. То како мы не будемъ ангеламъ Божіимъ кланятися, подобнѣ и прочіимъ святымъ, иже равноангельское житіе на землѣ пожиша и Богу угодиша! Души ихъ въ рудѣ Божіей блюдомы; тамо пребывая, о насъ молятся.

Мы не можемъ сего знать, откуду вы сіе взясте, еже святыхъ Божіихъ угодниковъ ничтожите; слышимъ мы о

васъ, что и у васъ книги есть, а чудно, что ничего въ нихъ написаннаго не видите. Развѣ лежатъ онѣ у васъ подъ лавкою, а вы, на тѣхъ лавкахъ сѣдя, вмѣсто книгъ, на вѣтеръ зря разсуждаете и глаголете, яко не подобаетъ святыхъ почитати. Мы же на вѣтеръ зря судить не умѣемъ, понеже вѣтреныя премудрости не учились, а что во святомъ писаніи видимъ, то и судимъ. Мы видѣхомъ, еже о святыхъ самъ Господь Богъ рекъ: хощу, да идѣже есмь Азъ, и тіи будутъ со Мною, да видятъ славу Мою. И прирекъ о нихъ Господь Отцу своему, глаголя: сказалъ имъ имя Твое, и любы, еюже Мя возлюбилъ еси, въ нихъ будетъ, и Азъ въ нихъ (Іоан. XVII, 24, 26). И по сему Божію сосвоенію, развѣ кто уподобился безсловесному скоту, токмо тотъ ихъ почитати и о заступленіи ихъ молити не будутъ,—понеже самъ Богъ въ нихъ пребываетъ. А мы—люди не мудрые, вѣтреной мудрости не учились, и того ради святому Евангелію противитися не можемъ, но еже въ немъ написано, тому и вѣримъ. И паки Господь рече: аще кто любитъ Мя, слово Мое соблюдаетъ, и Отецъ Мой возлюбитъ его, къ Нему пріидева и обитель у Него сотворива (Іоан. XIV, 23). И по сему паки мы глаголемъ: како намъ не почитати святыхъ угодниковъ Божіихъ, понеже самъ Богъ живетъ въ нихъ! И мы, вѣдая въ нихъ житіе Божіе, почитаемъ ихъ и не токмо въ животѣ сущихъ, но и по смерти о помощи ихъ просимъ, понеже они и по смерти живи суть. О семъ и Соломонъ сказуетъ ясно, яко праведницы во вѣки живутъ. Паче жъ сего и самъ Господь изъявилъ, глаголя: Азъ живу, и вы живи будете. И прирече, глаголя: Азъ во Отцѣ Моемъ и вы во Мнѣ, и Азъ въ васъ. Видите ли, какъ Богъ пріусвоилъ вѣрныхъ своихъ рабовъ, яко они въ Господѣ и Господь въ нихъ. И посему, егда вы топчете своимъ руганіемъ святыхъ, съ ними топчете самого Бога. О семъ бо ясно Господь изъявилъ при купинѣ Моѵсею, яко—живъ Авраамъ.

И мы тому Божію глаголу вѣримъ, яко егда Авраамъ живъ, то и прочіи святіи по смерти своей живи суть,—понеже Богъ живый въ нихъ живяше, то всегда они живи суть.

Святый же апостолъ Павелъ тако глаголетъ: азъ, рече, желаніе имѣю разрѣшитися отъ плоти и со Христомъ быти много паче лучши (Филип. I, 23). И по сему Павлову словеси, явѣ есть, яко по разрѣшеніи отъ плоти, святіи вящшее присвоеніе имѣти будутъ къ Богу; аще и здѣсь не кромѣ Его быша, обаче по отшествіи вящшее возъимѣютъ сопребываніе со Христомъ. И тако со Христомъ будучи, како имъ не памятовати о насъ? Се бо Петръ апостолъ ясно о семъ сказа, яко по отшествіи своемъ будетъ памятовати о спасеніи нашемъ (2 Петр. I, 15). И аще вы верховному апостолу Петру и не поимете вѣры, то можете ли вы самому Богу повѣрити, еже и во адѣ сущіи грѣшницы пекутся о живыхъ людяхъ (Лук. XVI, 27),—то кольми паче святіи о нашемъ спасеніи пекутся, понеже всегда при Господѣ Бозѣ суть. А аще же и сего свидѣтельства вамъ мало, то позрите во священную Библію и тамо узрите, яко Ездрѣ самъ Господь рекъ, яко души праведныхъ вопіютъ къ Богу. И посему, како намъ святыхъ, Богу заслужившихъ, не почитати и въ помощь себѣ не призывати!

Видите ли, яко самъ Господь Аврааму рекъ, глаголя: благословящія тя благословлю, а клянущія тя прокляну (1 Моис. XII, 3),—то како вы смѣете святыхъ уничижати и съ собою ихъ равняти? Паки зрите и на сіе Господне слово реченное, како онъ рабовъ своихъ возвеличилъ, глаголя: пріемляй васъ, Мене пріемлетъ и пріемляй Мене, пріемлетъ пославшаго Мя Отца (Лук. IX, 48). Видите ли, яко аще пріимеши раба Божія, то самого Его въ немъ пріимеши. Еще же молю васъ: прочтите вы Библію, и тамо обрящете, еже Елисея пророка мертвыя кости воскресиша мертваго человѣка единымъ токмо прикосновеніемъ (4 Цар. XIII, 21). А вы мощи свя-

тыхъ нивочтожность вмѣняете и подъ нозѣ ихъ повергаете. И посему нѣсть въ васъ человѣча разума, но токмо безсловеснаго скота; ничимъ бо вы отъ скота разни есте.

Царь Давидъ смыслилъ побольше вашего Мартина и Духа Святаго наполненъ былъ, обаче святыхъ угодниковъ Божіихъ не ругалъ, но высоко ихъ поставлялъ, глаголя: дивенъ Богъ во святыхъ своихъ (Псал. LXVII, 36). Се бо царь Давидъ приписуетъ отъ святыхъ Богу хвалу, а вы причитаете хулу. Богъ бо еже хощетъ, то и творитъ. Вѣсте ли, яко и отъ платка Павлова, имъ же онъ въ трудахъ своихъ голову свою связывалъ, чудеса многія содѣвалися (Дѣян. XIX, 12); такожде и отъ Петровыхъ веригъ. И той платъ и желѣза, аще и бездушны вещію, обаче вещество въ себѣ имутъ, а Петрова стѣнь и никакого въ себѣ вещества не имѣла, а болящихъ исцѣляла (Дѣян. V, 15).

И вы нынѣ вникните и разсудите хорошенько: кого вамъ лучши слушати, Мартина ли сквернаго и законоположенія его развращеннаго, или отъ святыхъ отецъ изданнаго древняго благочестія держатися, которое седмію вселенскими соборы утвержденное и мученическими кровьми запечатлѣнное. Вы поне сіе себѣ разсудите: одному ли человѣку лучше вѣрити, или множеству свидѣтелей? Мы сіе вѣмы: аще бы предводитель вамъ Мартинъ былъ и святъ житіемъ, а сталъ бы древнюю вѣру развращати, то бы вамъ слушати его не надлежало; а вы сами житіе его вѣсте, яко скверно и богопротивно,—а повинулись развращеннному преданію его и паче Бога его почитаете, понеже слабенькое и сладенькое житіе вамъ уставилъ. Ужели и сего не вѣсте, яко за здѣшнюю горесть тамо пріемлютъ сладость, а за здѣшнюю сладость тамо пріимутъ горесть? Или вамъ видится, Господь ложь сказалъ, еже отъ злаго древа плодовъ добрыхъ не бываетъ? А вы тотъ Господень глаголъ евангельскій повергосте подъ нозѣ, да хощете отъ злаго древа плодъ добрый сыскати. Ни, не можно бо сему быти, понеже Божій

глаголъ никогда не измѣнится: небо и земля мимо идутъ, а словеса Господня не поидутъ мимо, но якоже рекъ, тако и будетъ. Уже бо, егда самъ Богъ сказалъ, еже отъ злаго древа и плоды злы израстаютъ, то нечего больши того было вамъ умничать, но, по Божію повелѣнію, того Мартина надлежало было вамъ огню предати, а не законы отъ него принимати.

Паки Господь рекъ: всякой глаголъ при двою или трою свидѣтеляхъ да станетъ,—тому Господь повелѣлъ и вѣрить. И на благочестивую вѣру два или три легіона свидѣтелей есть постниковъ и воздержниковъ и отъ Бога дивными чудесы прославленныхъ. А вы толикое множество свидѣтелей отвергосте и единому скверному блядуну, разстригѣ Мартину повѣрили. Истинно мы не можемъ знать, какіе вы люди: по образу являетесь якобы и люди, а разумомъ своимъ хуждши свиней. Вы себѣ сыщите токмо въ писаніи повелѣвающее множественный совѣтъ и свидѣтельство отставити, ежебы вѣрити единому человѣку. Мы сіе вѣмы, еже во святомъ Евангеліи и во Апостольскихъ Дѣяніяхъ и посланіяхъ того не написано, еже бы одному паче вѣрити, нежели многимъ свидѣтелямъ. А вы нынѣ посмотрите въ люторскихъ своихъ книгахъ, а аще и тамо не обрящете, то что вы возглаголете? Но явѣ есть, яко лучши вамъ молчати и устъ своихъ противо православныхъ христіанъ не отверзати. Вы святыхъ, кіи Богу вѣрно послужили, ни во что ставите и равняете ихъ съ собою, а Павелъ апостолъ инако сказуетъ: глаголетъ бо, яко и весь міръ не достоинъ ихъ (Евр. XI, 38). А вы ихъ съ Мартиномъ, съ скверными людьми равняете. Откуду на васъ ни посмотрѣть, то уподобилися вы уроду. Буде у васъ христіанскаго Евангелія нѣтъ или и есть, да не разумѣете или не видите, како святыхъ Господь возвеличилъ, вы бы прочли Павлово посланіе, писанное ко Евреемъ, и тамо мочно бы вамъ видѣть, еже святый апостолъ и ко всему міру не равняетъ ихъ,—а вы къ себѣ равняете.

Мы же, во православіи сущіи, вѣтреной премудрости не учились, того ради, яко святому Евангелію, тако и святыхъ апостоловъ писанію вѣримъ и вся преданія ихъ и преемниковъ ихъ, кіи въ чистотѣ, а не сквернѣ жили и кіи цѣломудрія, а не блуда держалися, тако твердо держимъ, аще бы и ангелъ, сошедъ съ небесе, сталъ насъ инако учити, не послушаемъ его. Мы смотримъ на Господни словеса, а не на вѣтеръ: Господь повелѣлъ учителей отъ житія ихъ познавати, и мы тако и творимъ: кіи человѣцы жили воздержно, постились, молились, трудились и все свое житіе свято проводили, и что они предали, пріемлемъ, понеже самъ Господь повелѣлъ отъ таковыхъ пріимати. Они уставили намъ посты —постимся; они повелѣли намъ когда поклоны класть великіе или малые, тако и отправляемъ, и еже они намъ предали, вся пріемлемъ и держимъ неизмѣнно, яко отъ самого Бога пріявъ. Понеже самъ Господь рекъ, глаголя: еще многа имамъ глаголати къ вамъ, но не можете носити нынѣ; егда же пріидетъ Духъ истины, наставитъ вы на всяку правду (Іоан. XVI, 12—13). А святый апостолъ Павелъ тако рекъ: азъ, братіе, не могохъ вамъ глаголати яко духовнымъ, но яко плотянымъ, яко младенцамъ о Христѣ: млекомъ напоихъ вы, а не брашномъ, не убо можасте, но ниже можете нынѣ; еще бо плототіи есте. (1 Коринѳ. III, 1—3). И посему Павлову слову, како намъ отъ преемниковъ апостольскихъ уставовъ, къ царству небесному ведущихъ, не принимати!

И Соломонъ отеческихъ древнихъ преданій не повелѣваетъ превращати (Притч., XII); а вы вся древняя не токмо очеческая, но и Господня отметнувъ, воспріясте отъ сквернавца, отъ какова человѣка не повелѣлъ Господь ученія принимати, пріясте и держите ихъ паче Евангелія. А Господь и въ древнемъ завѣтѣ развращающихъ законъ или инако учащихъ, еже не согласно съ Господними словесы кто будетъ учити, таковыхъ повелѣлъ убивати до смерти явнымъ повелѣніемъ

(5 Моус., XIII). А въ новой благодати Господь притчею рекъ, и повелѣлъ таковыхъ огню предавати. (Маѳ. VII, 19). А вы то Господне слово презрѣвъ, за отца и пастыря себѣ пріяли, и въ томъ вы веліимъ паденіемъ падосте. И то намъ дивно, еже такъ вы плохо одѣлали, что множество свидѣтелей оставивъ, да одному, невѣдомо кому, повѣрили. Но сіе намъ паче дивно, еже намъ зазираете и пререкуете, еже мы древняго преданія не оставляемъ и рабовъ Божіихъ почитаемъ и о помощи ихъ просимъ. Мы, смиряя себя, не токмо древнихъ святыхъ отецъ, иже въ чудесѣхъ просіяли, но и въ животѣ сущихъ, священный чинъ весь въ помощь себѣ призываемъ, дабы они за насъ Богу молились, и покаряемся предъ ними, яко раби.

О КРЕСТѢ.

Первой ученикъ мартиновъ Яганъ Кальвинъ превзошолъ своею противностью всѣхъ васъ, ибо не повелѣваетъ и креста святаго почитати, но повелѣваетъ его ненавидѣти, прилагая Христа къ простымъ мужикамъ, глаголя: егда-де у коего человѣка сына каковымъ либо орудіемъ убіютъ, и то-де орудіе отцу убіеннаго сына вельми ненавистно бываетъ; и тотъ свой примѣръ прилагаетъ къ самому Богу, и тѣмъ своимъ безумнымъ приводомъ Бога низводитъ въ проста человѣка. И якобы не своею волею крестную смерть Господь пріялъ, но усиловали Его жидове. И вы, бѣдные лжехристіане, посмотрите во святое писаніе, и аще и слѣпи есте душевными очима, обаче тѣлесными всячески узрите, яко Господь волею своею, ради нашего спасенія, пострадалъ, а не неволею; и распятіемъ своимъ свою Божію силу показалъ и, ради незабытныя памяти вольнаго своего страданія и нашего ради отъ діавола защищенія, въ крестное свое изображеніе силу свою божественную вложилъ. И та Божія сила, во святый крестъ вложенная, до скончанія вѣка пребывати имать; и мы отъ діавола имъ, яко щитомъ, защищаемся, понеже діаволъ крестомъ пораженъ бысть,—чего ради онъ креста вельми боится, и того ради ненавидитъ его и своимъ друзьямъ вельми возбраняетъ его любити.

И аще вы отъ неразумія своего писанію святому не вѣрите, то искусите видимымъ дѣломъ: поймайте демона и возложите на него крестъ съ написаніемъ пострадавшаго на немъ Іисуса Христа имене, и аще узрите, еже той демонъ отъ крестныя силы не сотрясется, то вы вѣрьте тому учителю своему Ягану; а аще же не утерпитъ и отъ крестныя силы побѣгнетъ, то вы вѣждьте, яко научилъ васъ крестъ святый хулити и ненавидѣти его, понеже онъ вельми его ненавидитъ, за еже имъ побѣжденъ бысть онъ.

Вы, несмысленніи, вопросите святаго апостола Павла, и той вамъ скажетъ, яко Господь волею крестную смерть подъялъ, ибо въ посланіи своемъ къ Евреемъ пиша тако глаголетъ: да взираемъ на начальника вѣры и совершителя Іисуса, иже вмѣсто предлежащія ему радости претерпѣлъ крестъ, о срамотѣ нерадивъ, и одесную престола Божія сѣде. (XII, 2). Видите ли, безумніи толкователи, се бо апостолъ сказуетъ, яко вмѣсто радости крестную смерть претерпѣлъ Господь. Паки той же святый Павелъ глаголетъ: слово крестное погибающимъ убо юродство есть, спасающимся же намъ сила Божія есть. И вы, кальвиняне, разумѣйте о себѣ, яко вы, по апостолову словеси, люди погибшіи, понеже креста Христова ненавидите. И паки тойже апостолъ Павелъ сказуетъ о себѣ, глаголя: мнѣ же да не будетъ хвалитися, точію о крестѣ Господа нашего Іисуса Христа (Галат. VI, 14). Се бо вы крестъ Христовъ хулите, а апостолъ Павелъ имъ хвалится. И вы нынѣ разсудите: Ягана-ли вамъ своего слушати, или святаго апостола Павла лучше послушать?

Святый апостолъ Павелъ нарицаетъ врагами креста Христова тѣхъ людей, кіи ученія его не пріемлютъ. (Фил. III, 18). Се бо святый апостолъ тѣхъ нарицаетъ врагами креста Христова, кіи токмо ученія его не пріемлютъ, а вы

уже и всесовершеные враги креста Христова, еже не хощете и имене крестнаго слышати. Павелъ апостолъ старается, дабы крестъ Христовъ не испразднился (1 Коринө. I, 17); а вы святому апостолу Павлу противитеся и хощете крестъ Христовъ испразднити. Павелъ апостолъ хвалитъ, а вы хулите, Павелъ апостолъ крестъ святый нарицаетъ Божіею силою и Божею премудростію, а вы, отъ своего буйства, буими нарицаете тѣхъ, кіи крестъ Христовъ почитаютъ. А мы почитаемъ его не собою, но по повелѣнію святаго апостола Павла: мы видимъ, еже онъ—избранный сосудъ Божій и того ради всѣмъ его словесемъ вѣримъ; а вы высши его обрѣли—Ягана Кальвина, и аще того Ягана не отринете отъ себя и о отпаденіи отецъ вашихъ не покаетеся, то буди вамъ той вождь слѣпый, да слѣпъ слѣпа ведете и вси вкупѣ въ яму впадете, изъ нея же во вѣки вѣковъ не изыдете.

Еще же вамъ глаголю: аще хощете образумитися, то разгните святое Евангеліе и прочтите благовѣстіе возлюбленнаго ученика Христова Іоанна Богослова, и тамо обрящете, яко за многіе дни до распятія ученикамъ своимъ объявилъ, коею смертію хотяше умрети, глаголаше о себѣ: Азъ, аще вознесенъ буду отъ земли, вся привлеку къ себѣ (Іоан. XII, 32). Видите ли вы, яко ясно Христосъ о себѣ сказалъ, яко егда вознесенъ будетъ, то вся привлечетъ къ себѣ. И въ крестѣ сокрылъ Господь таинство великое, ибо связаніе дву древесъ пречникъ знаменуетъ силу божественную; понеже, яко Богъ содержитъ сего свѣта вси четыре части земли, тако и связаніе крестное содержитъ вся четыре концы святаго креста. И такую крестъ въ себѣ силу отъ Бога вложенную имѣетъ, еже безъ него ничто освятится и никакое таинство совершится. И аще кто любитъ и почитаетъ крестъ Христовъ, тотъ рабъ Христовъ, а кто ненавидитъ креста, тотъ врагъ Христовъ.

Вопросъ.

Скажите ми, откуду такую вы гордость взяли есте, еже вы святыхъ угодниковъ Божіихъ ругаете и съ собою ихъ равняете? Егда бо святіи ничто, то и Богъ вамъ ничто: понеже Богъ святыхъ своихъ рабовъ соединилъ съ собою тако, еже никоими дѣлы отлучить ихъ невозможно. Ибо тако Господь рече ко Отцу своему, глаголя: яко же Ты, Отче, во Мнѣ и Азъ въ Тебѣ, да и тіи въ Насъ едино будутъ. И паки рекъ: Азъ славу, юже далъ еси Мнѣ, дахъ имъ, да будутъ едино, яко же Мы едино есмы. И паки третицею рекъ: Азъ въ нихъ и Ты во Мнѣ, да будутъ, совершени во едино. И прирекъ, глаголя ко Отцу своему: да разумѣетъ міръ, яко возлюбилъ еси ихъ, якоже и Мене возлюбилъ еси; и хощу, да идѣже есмь Азъ, и тіи будутъ со Мною, да видятъ славу Мою, юже далъ еси Мнѣ. А вы ихъ ничтожите и ругаете. Уже бо егда Богъ ихъ присвоилъ къ себѣ, не можете никаковымъ вымысломъ Бога отъ нихъ отлучити, ни ихъ отъ Бога. И по такому твердому союзу, аще кто почитаетъ угодниковъ Божіихъ, то почитаетъ онъ самого Бога; а аще кто святыхъ угодниковъ Божіихъ будетъ снижати и ругати, то той самого Бога ругаетъ.

И вы, люторстіи наслѣдницы, вышеписанные глаголы въ разумъ свой, хотя съ трудомъ, втисните, и размотрите, коль вы Богу противны. Видите ли: Господь рекъ Отцу своему—да будутъ совершени во едино; и прирекъ, глаголя: да разумѣетъ міръ, яко возлюбилъ еси ихъ, якоже и Мене возлюбилъ еси. И видите ли, слѣпіи вожди, яко Господь святыхъ своихъ во всемъ съ собою равняетъ и повелѣваетъ, да и мы вси разумѣемъ о союзѣ ихъ съ Богомъ; а вы ихъ

съ собою равняете. Уже бо егда они вамъ равны и ничтожны, то и Господь нашъ вамъ ничтоженъ; токмо единъ блудолюбитель Мартинъ вашъ благъ и честенъ. Яко бо слѣпому злато за блато вмѣняется, тако и вамъ, душевными очима слѣпымъ сущимъ, и ясное писаніе является мрачно и свѣтъ тмою ся вамъ кажетъ.

Бесѣда вторая
къ православнымъ.

Намъ, во православіи сущимъ, отнюдь не подобаетъ люторскому, лжи исполненному ученію внимати; но намъ подобаетъ твердо стояти, яко столпу, на каменномъ основаніи утвержденному, еже ни на шуее, ни на мнимое десно шататися—ни въ люторская лжесловія, ни въ римская многословія, ни въ раскольнича блядословія вдаватися,—понеже вси они истиннаго пути совратишася и заблудиша, яко овцы, не имущіи пастыря. Посмотри, всякій человѣкъ, на люторская и римская лжесловія и на ихъ догматы: не самая ль ихъ ересь и въ самомъ началѣ, ибо не токмо на свои души, но и на Бога лгутъ, глаголюще, якобы Господь прежде законныя пасхи началъ опрѣсноки ясти,—и тѣмъ они винуютъ Христа напрасно. Не бяше бо на Христѣ Господѣ нашемъ ни единыя и малыя вины (а сія вина смертная, юже люторы и римляне на Христа налагаютъ, якобы онъ нарушилъ законную пасху и началъ въ неуказные дни ее ясти). Но токмо жидовская зависть Христа смерти предала и у Пилата таковую поносную смерть цѣною купила.

А если бы Господь Іисусъ Христосъ, субботы дождався, сотворилъ свою вечерю, то всячески подалъ бы опрѣснокъ, а не кислый хлѣбъ. А если же бы на той вечери, во время пасхи, подалъ Господь ученикамъ своимъ кислый хлѣбъ, то такожде подпалъ бы Господь смертной винѣ и умертвили

бы Его за сущую вину. И аще бы было и тако, еже бы та вечеря господня была и въ самую пасху и подалъ бы Господь всесовершенно ученикамъ своимъ опрѣснокъ, обаче годствовало бы тѣ опрѣсноки намъ православнымъ отставить, за еже жидовскія всѣ догмы въ новой благодати быша отставлены. Начальная ихъ догма, то есть обрѣзаніе, бысть отставлено, и вмѣсто того обрѣзанія введено святое крещеніе. Субботство отставлено же и введена вмѣсто субботы недѣля. И пасха жидовская опрѣсночная отставлена же и введена святая недѣля торжественная, и въ ту святую недѣлю вся ѣдимъ квасная, а не прѣсная. Подобнѣ, аще бы на вечери былъ и всесовершенно по жидовску закону опрѣснокъ, обаче намъ надлежало бы тыи опрѣсноки отъ божественныя литургіи отставить и внести кислый хлѣбъ, за еже древняя мимоидоша и наста новая благодать. О семъ бо и святый Павелъ апостолъ ясно сказуетъ, яко древняя мимоидоша и быша вся нова (2 Кор. V, 17). И сего ради отнудь намъ не подобаетъ съ люторы и кальвины и съ римляны сообщатися и въ жидовскихъ догматахъ держатися и въ жертву Богу приносити не квасный хлѣбъ.

По всему бо ихъ люторскому мудрованію, нѣсть въ нихъ ни слѣда евангельскія правды, но паче они, люторове и кальвиняне, держатся жидовства. По бытію бо древняго народа жидовскаго, свойственно имъ и кромѣ нужнаго ихъ исхожденія, праздновати пасху на опрѣснокахъ, понеже тыи люди были новые и нетвердые,—не совершенно бо утвердишася въ законѣ Божіи; тако и хлѣбъ неквашенный (то есть, опрѣснокъ) несовершенный есть хлѣбъ. Всегда бо хлѣбъ начинается прѣсенъ, совершается же киселъ, и по новости тогдашнихъ людей новостный и хлѣбъ имъ свойственъ бяше. А нынѣ мы уже въ новой благодати совершенные во благовѣрніи; тамо быша младенцы, нынѣ же мужіе совершенные; и того ради не треба несовершенный, то есть

невскислый, хлѣбъ намъ ясти, такожде и на жертву Богу приносити. Евреемъ не можно опрѣсноковъ не ясти, за еже, егда бѣжали изъ Египта во обѣтованную землю и, скорости ради, недождавшеся воскишенія, изнесоша съ собою прѣсное тѣсто, и бысть имъ опрѣснокъ. И того ради воспоминанія, Господь заповѣда имъ во время празднованія пасхи ясти опрѣсноки; квасный же хлѣбъ весьма отреченъ бысть, дабы ими не забыто было то изшествіе изъ Египта. И по тому Божію повелѣнію, ради воспоминанія изъ египетской муки исшествія во обѣтованную имъ землю, честны быша опрѣсноки.

А насъ Христосъ Богъ отъ бѣдственнаго сего, въ мірѣ сущаго Египта и не токмо отъ древняго Египта и отъ Фараоня мученія, но и отъ самаго діаволя мученія и изъ ада извелъ есть насъ во обѣтованное намъ царство небесное вѣчное. Евреи бо изыдоша во обѣтованную свою землю временную и, прешедъ, помалѣ вси измроша: яко хлѣбъ прѣсный времененъ есть, а не прочен,—токмо бо едину седмицу на кійждо годъ ядоша евреи, и то съ великою нуждею; а наше отъ мучительства мысленнаго Фараона преведеніе не временное, но вѣчное, того ради и хлѣбъ намъ подобаетъ ясти и въ жертву Богу приносити не маловременный, но вѣчный, кіимъ хлѣбомъ людіе животъ свой питаютъ и безъ него же и живи быти не могутъ. И того ради, яко небо отъ земли, тако и наше исшествіе отъ міра сего во обѣтованное отъ Бога намъ царство небесное отстоитъ; и того ради хлѣбъ намъ подобаетъ отмѣнный отъ жидовскаго опрѣснока имѣти и въ жертву Богу приносити.

Паки и по сему не годствуетъ намъ опрѣсноковъ въ жертву Богу приносити, понеже прѣсный хлѣбъ мертвъ есть и значитъ онъ исшествіе во обѣтованную землю смертную; а кислый хлѣбъ живъ есть: квасность бо въ хлѣбѣ, яко душа въ тѣлѣ, живость въ немъ творитъ. И той вскислый

хлѣбъ значитъ прешествіе наше отъ мертвеннаго сего житія во обѣтованную намъ жизнь вѣчную.

Паки и посему годствуетъ намъ на жертву Богу приносити кислый хлѣбъ, за еже Господь уподоби квасу и мукѣ воскисшей царство свое небесное, а не опрѣсноки. А на опрѣсноки ни малыя похвалы Господь во глаголѣхъ своихъ не явилъ; и того ради въ новой благодати опрѣсноки и не употребишася (Матѳ. XIII, 33; Луки XIII, 21).

Еще же и сего ради на кисломъ хлѣбѣ литургію совершати годствуетъ, понеже и въ ветхомъ завѣтѣ на жертву Богу повелѣно отъ самого Бога приносити хлѣбъ кислый, а не прѣсный, и солію осоленный. А опрѣсноки безъ соли бяху и на жертву Богу не приносимы были, но токмо ради воспомяновенія скоростнаго ихъ исшествія изъ Египта.

И сицевыхъ ради винъ, всячески подобаетъ намъ Христіанамъ въ жертву Богу приносити хлѣбъ квасный, а не прѣсный, бездушный, дабы онъ былъ свойственъ царству небесному. Паче же по иному словеси Господню святъ бяше имянованный хлѣбъ, понеже Господь и себя уподоби хлѣбу, а не опрѣсноку, ибо рекъ: Азъ есмь хлѣбъ животный. Се бо Господь не нарече себя опрѣснокомъ, но хлѣбомъ. А аще кто отъ противниковъ восхощетъ оправдатися и речетъ: и опрѣснокъ тотъ же хлѣбъ, а не камень,—и мы тожъ речемъ, что не камень, обаче аще и изъ одной муки, а квашеное тѣсто разное имать себѣ званіе, якоже вси зримъ: ово папошникъ, ово валенецъ, ово коровай, ово калачъ, ово сайка, ово кренга, ово витушки, ово баранки. Се бо изъ кислаго тѣста колико разныхъ имянъ обрѣтается, а опрѣснокъ симъ названіямъ весьмане приличенъ, понеже онъ въ себѣ ни квасности, ни соли имѣетъ, но яко мертвое тѣло, тако и опрѣснокъ мертвъ есть. И сего ради вси мы, во православіи сущіи, уподобляемъ на жертву Богу приносити кислый хлѣбъ, а опрѣснокъ жидовскій весьма отрѣваемъ отъ

себя, дабы новая благодать прославлялась въ насъ, а ветхозаконіе истреблялось.

Лгутъ бо люторане, лгутъ и кальвиняне, сказующе о себѣ, яко бы они евангельски живутъ. Во Евангеліи речено: аще кто имать двѣ ризѣ, да отдастъ [едину] не имущему (Лук. III, 10). Люторане же вси предъ нами великое въ ризахъ и въ пищѣ преизлишество имѣютъ со излишними украшеньми. И то стало быть житіе ихъ не евангельское, но свѣтское. Они же піютъ и ядятъ съ музыками и со всякимъ веселіемъ жизнь свою провождаютъ, якоже и оный богачъ, иже при Лазарѣ бяше свѣтло веселяся. И святый пророкъ Исаія о семъ явственно сказуетъ, яко горе пьющимъ вино съ музыками, горе и мудрящимся о себѣ. (Исаіи V гл.). А они паче всѣхъ живущихъ на земли себя вмѣняютъ мудрыхъ быти; того ради вся древняя преданія отвергоша отъ себя, еже прежде бывшихъ христіанъ восхулиша. Они же люторане вмѣсто бдѣнія церковнаго бдѣнія чинятъ на вечеринахъ, и вмѣсто бдѣннаго труда предъ Богомъ сущаго и вмѣсто многихъ поклоновъ, трудятся въ танцахъ и въ сказаніи [1]); и тако въ нощи утрудившеся, спятъ даже до обѣда. И таковое ихъ житіе стало быть не евангельское, но языческое. И того ради не подобаетъ намъ имъ ревновати, понеже лгутъ люторстіи преемницы, сказующе о себѣ, яко бы они евангельски живутъ.

Намъ, во православіи сущимъ, не подобаетъ ихъ люторскому таковому слабостному и роскошному житію ревновати, понеже самъ Господь Богъ повелѣваетъ внити во царство небесное узкими враты и путемъ прискорбнымъ. О широкомъ же пути [то есть веселостномъ и безтрудномъ житіи] сказуетъ Господь, яко ведетъ въ пагубу; обаче [рече] мнози имъ шествуютъ. И сего ради вельми намъ подобаетъ веселостнаго и легкостнаго житія боятися, дабы не улучити

---

[1]) *скаканіи?*

вѣчныя погибели. И паки глаголетъ Господь, яко нуждницы восхищаютъ [то есть получаютъ] царство небесное. Любяй же люторская законоположенія посмотри на нихъ и житіе ихъ разсмотри, и разсуди въ себѣ: есть ли въ нихъ такое евангельское житіе, еже ведетъ во царство небесное? — Ни, но всѣ устремишася широкимъ путемъ шествовати. И сіе не судя глаголю, но остерегая отъ такова лжеевангельскаго житія православныхъ христіанъ, дабы остереглись отъ ихъ прелестнаго и лжи исполненнаго ученія, отъ законопреступника и извѣстнаго блудника насѣяннаго, и еже бы никто не внималъ таковому житію слабому, не христіанскому, но языческому. И посему явѣ есть, яко люторане лгутъ, сказующе о себѣ, яко будто они евангельски живутъ; нѣсть бо въ нихъ ни слѣда евангельскаго.

Отъ погибельнаго бо человѣка, прелюбодѣя сущаго, изыде ихъ люторскій законъ, то како онъ душеполезенъ имать быти? Ни, не можно бо на зломъ корени быть доброму плоду, но отъ корене злаго и отрасли израстаютъ злыя и плодъ приносятъ таковъ же золъ, каковъ корень. Господь о семъ ясно рекъ, яко древо злое не можетъ плодовъ добрыхъ творити. И по Господню словеси, не можно быть отъ сквернаваго человѣка плоду чистому, но скверна скверну и раждаетъ, а чистота чистоту. И посему мы предъ люторы правы, понеже мы пріяли законъ христіанскій отъ чистыхъ людей, а не отъ скверныхъ. И потому Господню словеси, наша христіанская вѣра далече отстоитъ отъ люторскія. Господь о семъ явно рекъ, глаголя, яко древо доброе и плоды творитъ добрые; и приречe, яко древо доброе не можетъ плода зла сотворити. И уже когда самъ Господь изрекъ, яко доброе древо не можетъ плода зла сотворити, то вся преданія святыхъ отецъ свята суть, понеже отъ святыхъ учителей тотъ законъ изшелъ бяше, а не отъ скверныхъ законопреступниковъ. И всегда

всякое ученіе треба намъ принимати, по Господню словеси, отъ тѣхъ, кіи житіе свое свято жили, а кои люди живутъ грѣшно, отъ таковыхъ отнюдь ничесого принимать не годствуетъ, понеже отъ Бога запрещено. А кто Господнимъ повелѣніямъ противно дѣлаетъ, тотъ діаволу угодіе творитъ.

Аще кто въ себѣ здравый разумъ имѣетъ, тому не долго люторскія вѣры неправость познать; и посему одному можетъ уразумѣти, еже аще у коего человѣка голова больна, то и вcѣ уды страждутъ; тако люторская вѣра: началоводецъ ихъ вѣры Мартинъ весь и кривъ и скверенъ,— то како можетъ вѣра ихъ быти права и чиста! И разумному больши сего не треба испытывать о нихъ.

И той Мартинъ каковъ самъ развращенъ, такъ и вѣру древнюю всю развратилъ, и по его развращенію и послушницы его тожде творятъ: отъ всего благочестія отпадоша и не оста въ нихъ ни единыя черты древнихъ преданій, иже святіи апостоли и намѣстницы ихъ, свято живущіи, предаша намъ. Той бо Мартинъ не токмо едины догматы древніе измѣнилъ, но и порядки вcѣ церковные и псалмопѣніе и канонъ и стихословія и вся славословія древняя отринулъ и учинилъ сонмище жидовское. Егда бо снидутся ко церкви своей люторской, то вси посядутъ по жидовску на сѣдалищахъ своихъ и и на главы свои наложатъ шляпы и шапки и парики. И то той Мартинъ пріялъ отъ жидовъ [жидове бо издревле въ сонмищахъ своихъ сидѣли покровенными главами, и люторы такожде во своихъ сонмищахъ творятъ]; а пасторъ ихъ казанье ихъ люторское читаетъ, дабы въ люторскомъ преданіи твердо стояли, отъ благочестія же древняго весьма удалялись. И тако всю свою люторскую службу безъ поклоновъ и безъ всякаго труда и колѣнопреклоненія отправляютъ. И тыи его нововымышленныя легкостныя еретическія пре-

данія вся проклятію подлежатъ. И того ради намъ, во православіи сущимъ, отнюдь не подобаетъ имъ ревновати, кромѣ гражданскаго правленія, въ ихъ земляхъ сущаго, и художественныхъ рукодѣлій, порядковъ,—понеже въ нихъ разумъ токмо свѣтскій, а духовнаго разума, ко спасенію ведущаго, и слѣду нѣсть, но вся свѣтская. Нѣсть бо въ нихъ не токмо евангельскія, но ниже христіанскія правды: они того и въ грѣхъ не вмѣняютъ, еже насъ обманываютъ и деньги выманиваютъ; они еще то и въ премудрость себѣ поставляютъ, еже кого въ чесомъ торговомъ или воинскомъ дѣлѣ обманутъ. Къ сему же еще и добра они мало помнятъ, но токмо то и вымышляютъ, какъ бы себя и свою братію обогатити и имя свое возвысити, а наше снизити. И тако въ разумѣ своемъ вознесошася, еже и никого себѣ въ примѣръ не поставиша, но токмо они одни люди на свѣтѣ, а иныхъ народовъ, якоже и насъ, всѣхъ ничтожатъ. А аще ли на нихъ посмотрѣть прилежно, то ихъ самѣхъ на свѣтѣ нѣтъ хуже; развѣе въ нихъ сотый человѣкъ сыщется добрый, еже вѣрить ему мочно и еже бы намъ россіанамъ радѣлъ отъ всея души или бы добродѣтель ему содѣланную памятовалъ. Истинно, татарове, аще и магометанскую вѣру держатъ, обаче правды въ нихъ больши, нежели у люторанъ обрѣтается, ибо малую добродѣтель памятствуютъ и тако свою хранятъ.

Азъ не могу къ люторамъ и прочимъ нѣмецкимъ народамъ примѣнитися, что они добра отнюдь не помнятъ; хуждши бо скота они, понеже скотъ, аще и безсловесенъ, обаче помнитъ, кто его кормитъ; а они подобни токмо волкамъ: волка, колико не корми, а онъ къ лѣсу смотритъ. Тако и сіи народи намъ не надежни суть; что они добро ни творятъ, то все единовѣрцамъ своимъ и единоплеменнымъ наровятъ. Есть слухъ о нихъ, что въ своихъ земляхъ вельми они всякими своими житейскими поступками добры, и

ту славу они зажили не отъ Лютора своего, ниже отъ своея природы, но издревле, до мартинова бытія, нѣкто былъ у нихъ пришлецъ или изъ нихъ выродокъ, кой уставилъ у нихъ гражданскіе уставы, какъ купеческіе, такъ и художественные, и воинскіе, и судейскіе, И всѣ житейскіе ихъ уставы вельми добры, кромѣ вѣры; и тако они у себя по тѣмъ древнимъ уставамъ добры и разумны во своихъ земляхъ; а егда отъ тѣхъ уставовъ отлучатся, то и въ разумѣ своемъ измѣнятся. Или у нихъ отъ вымыслу чинится, еже бы инымъ землямъ добра никакова не чинити,—о томъ извѣстія совершеннаго у насъ нѣтъ. И того ради намъ не вельми имъ надобно вѣрить.

Намъ надобно въ Господнихъ повелѣніяхъ твердымъ быти, а люторовыхъ повелѣній и близъ себя не припускать. Господь Богъ повелѣлъ поститися и молитися, то намъ и подобаетъ творити. И Господь не токмо словомъ, но и самымъ дѣломъ училъ насъ поститися и молитися, ибо, дая намъ образъ къ пощенію, четыредесятъ дней постися; и во вся дни бытія своего на земли Господь никакова мяса не вкушалъ (о семъ въ первой бесѣдѣ пространнѣе речеся). А люторове, не вѣмъ, откуду сіе взяша, еже яко безсловесный скотъ или яко мордва, закона никакова не имущіи, по вся дни мясо ядятъ. И въ томъ своемъ мордовскомъ ядeніи люторане вси ссылаются на святое Евангеліе, и тако мудрствующе, веліе безуміе въ себѣ объявиша: чесого во Евангеліи нѣсть, то они нарицаютъ евангельскимъ закономъ, а что во Евангеліи святомъ есть, то наричутъ человѣческими заповѣдями. И посему нѣсть въ нихъ истины, но яко ихъ законоучитель, тако и ученицы, еже ни глаголютъ, то все сплошь лгутъ и обманываютъ, и богатство себѣ выманиваютъ.

Паки, позрите, православніи, и на Іоанна Крестителя, еже во вся дни живота своего не токмо мяса, но ниже рыбы вкушаше. И Господь за таковое его великое пощеніе

не уничижи его, но прослави и почте его вышши всѣхъ прежде бывшихъ пророковъ, и никого въ равенство ему не причте, и креститися отъ него соизволи, и въ пустѣ мѣстѣ живуща посѣщаше его Господь. И по всему сему явно есть, яко Богъ постъ паче мясоястія предпочте. А люторовы мясоястіе паче постовъ почтоша и отъ Господа ихъ отрекаютъ и къ человѣческимъ заповѣдямъ приличаютъ напрасно, а мясоястія своя къ евангельскимъ заповѣдямъ причитаютъ. Лгутъ бо люторове, лгутъ, нарицающе посты человѣческими уставы, а мясоястія евангельскими повелѣніями. Паки, егда бѣсноватаго человѣка ученицы Христовы исцѣлити не могоша, Господь рече: ни чимъ же сей родъ не исходитъ, токмо молитвою и постомъ (Матѳ. XVII, 21; Мар. IX, 29). А люторове посты ничтожатъ и, отринувъ ихъ отъ себя, живутъ яко мордва (и о постѣ пространнѣе въ первой бесѣдѣ речеся).

Подобнѣ и поклоны телѣсные отметнуша и творятъ поклоны кромѣ тѣла и кромѣ души, единымъ токмо помышленіемъ (и о мнимомъ [ихъ или рещи о мечтательномъ поклоненіи въ первой бесѣдѣ зри). Лгутъ бо люторове на Господа, якобы не повелѣлъ тѣлеснаго поклона творити, но токмо единымъ помышленіемъ. Внемлите, православніи, святаго апостола Павла словесемъ, той бо рече, яко вѣра исповѣдается устами во спасеніе (Рим. X, 10). Видите ли, яко и невидимая вѣра, но внутрь сердца сущая, совокупився съ тѣлесными усты, происходитъ во спасеніе. Тако бо и духовный поклонъ особностью отъ тѣла и отъ души никоими дѣлы исправиться не можетъ. Лгутъ бо люторове, сказующе, якобы поклонъ однимъ помышленіемъ исправляется безъ телѣснаго труда; весьма бо своимъ мудрованіемъ обезумишася.

Подобнѣ тому и иконы святыя, въ Божію честь на доскахъ и на иныхъ вещахъ изображенныя, разумѣй: егда бо образъ Божій на чесомъ либо начертанный или отъ каковыя вещи состроенный узриши тѣлесными очима, тогда ты

и умныма очима, по примѣру того образа, узриши невидимаго Бога, на небесѣхъ сущаго: и егда тому образу видимому отдающе честь, сотвориши поклонъ тѣлесный, душевный и духовный поклонъ истинному на херувимѣхъ сѣдящему Богу вкупѣ съ телѣснымъ поклономъ отдастся. И тако той твой поклонъ будетъ истинный, понеже поклонился еси ты съ богомысліемъ. Всегда бо отдаемый поклонъ видимому образу, по слову Василія Великаго, на первообразное преходитъ, то есть на самого того, его же образъ начертанный видѣлъ еси. Паче же Василія Великаго и самъ Господь Богъ изъявилъ, яко приносимая честь или поклоненіе образу сотворяется тому, чій бяше образъ изображенъ. Ибо егда израильтяне сліяша кумиръ, во имя ваалово, и оставивъ Бога, изведшаго ихъ изъ Египта, начаша кланятися ему и жертву яко Богу приношаху, и Илія пророкъ чаялъ, (что) вси до единаго человѣка поклонишася тому идолу,—Господь Иліи пророку тако рекъ: оставихъ седмь тысящь, иже не поклонишася ваалу (3 Царст. XIX, 18). И по сему Господню словеси, кто можетъ вопреки рещи, якобы не самому тому честь или безчестіе приносится, въ его же имя который образъ состроенъ есть? Зрите же и еще православніи: паки самъ же Богъ рекъ пророку Іереміи, глаголя, яко израильтяне сотвориша требища ваалу,—и се и вторицею изъяви Господь, яко тому жертва приносится, чій образъ бяше. И по сему Господню изъявленію, всякъ да разумѣетъ, яко творимая честь или безчестіе образу творится тому, чій бяше образъ. И сего ради никтоже да не внемлетъ люторскимъ баснямъ. По вышеявленнымъ словесемъ Господнимъ, они, люторове и кальвиняне, образъ ругающе, самого Бога ругаютъ, и за то свое руганіе и отвѣтъ Богу сами дадутъ.

Намъ же православнымъ христіаномъ не можно образа Божія не изображати, понеже Онъ чрезъ образъ далъ намъ себя знати,—ибо святому пророку Даніилу явилъ себя во образѣ

ветходенна человѣка. И о семъ како кто разсудитъ: самое ль Божество пророкъ видѣлъ или образъ? Мню азъ, яко никто и изъ иконоборцевъ речетъ, яко тое самое Божество пророкъ видѣлъ, но всячески речетъ, яко токмо видѣ образъ. И мы тожде глаголемъ, яко явилъ Богъ пророку образъ свой подобіемъ ветходенна человѣка, а не самое неподвижимое Божество свое яви ему Богъ. И потому пророчу видѣнію и изображаемъ Отчу ѵпостась образомъ ветходенна человѣка.

Той же Даніилъ пророкъ видѣлъ въ томъ же откровеніи образъ Сына человѣческаго еще за многія лѣта до воплощенія Божія. А потомъ, уже егда Сынъ Божій, Богъ нашъ, воплотися, то уже и не единому пророку, но и всему міру очевидно явился, и не токмо святымъ и праведнымъ, но и грѣшнымъ образъ свой тѣлесный явилъ: то уже мы и достовѣрнѣе о образѣ Его увѣрихомся и изображаемъ его по времени бытія его, овогда младенчески, овогда же въ совершенномъ мужествѣ. И аще кто речетъ, яко Сынъ Божій не привидѣніемъ плоть на ся человѣчу воспріялъ, и то сталъ не образъ, но самое бытіе, и мы тоже глаголемъ, яко не мечтаніемъ Сынъ Божій себя мірови яви, но истинную плоть человѣчу на ся воспріялъ со всѣми страстьми, кромѣ грѣха. Обаче намъ образомъ бысть: ибо всѣмъ своимъ житіемъ на земли образъ намъ показоваше, како намъ жити и какъ поститися и какъ молитися. Глаголяй же о Христѣ, яко Онъ не образъ былъ, той да зритъ на избраннаго сосуда Божія: той бо намъ ясно изъяви о Господѣ, яко образомъ обрѣтеся яко человѣкъ. И паки тойже апостолъ Павелъ о Господѣ глагола, яко Той сіяніе славы Отчи и образъ ѵпостаси Его. И по сіимъ Павловымъ словесемъ, кто можетъ рещи, яко Господь не образъ намъ былъ? Истинно самый всесовершенный и достовѣрный образъ намъ бысть всѣмъ своимъ житіемъ, иже на земли, и во ученіи своемъ образы намъ представляше, о нихъ же пространнѣе ниже речется.

Паки, и третія Святыя Троицы ѵпостась, Духъ Святый, чрезъ образъ же познася міру, ибо сниде отъ Отца надъ Сына во время крещенія Господня во Іорданѣ, въ видѣ тѣлеснаго образа голубинскаго. И того ради Духа Святаго голубинымъ видомъ и изображаемъ на святыхъ иконахъ. А аще бы Господь Богъ не благоволилъ образа своего троичнаго всѣхъ трехъ ѵпостасей намъ явити, то не стали бы мы собою мудрствовати и на иконахъ своимъ вымысломъ писати: всякое бо людское самоумственное мудрованіе безумство есть предъ Богомъ. А Святую Троицу како бы кто могъ вымыслити, еже написати Отца и Сына и Святаго Духа, аще бы самъ Господь Богъ не явилъ своего троичнаго образа? Моѵсей, аще и святъ бяше, обаче како бы онъ могъ херувимовъ состроити безъ показанія образа имъ?

И посему, не лгутъ-ли люторове, глаголюще, яко бы образы святіи Богу мерзцы? Мы то вѣмы, яко образы святые мерзцы суть діаволу, а по діаволѣ и послушницы его ненавидятъ образовъ святыхъ, то есть люторане, кальвиняне и жидове. И аще кто хощетъ того діаволя ученія держатися и святые образы ругати и идолами ихъ нарицати, и той какъ хощетъ: понеже сей свѣтъ на волю намъ данъ, како кто хощетъ творити, тако и творитъ; самъ о себѣ въ томъ и отвѣтъ Богу дастъ. Намъ же надобно себя хранити, дабы въ чемъ Бога не прогнѣвити. Намъ сіе зримо есть, яко образы Божіи святи суть, и вельми полезно есть еже ихъ писати и честь имъ отдавати достолѣпную. И мы тѣмъ видимымъ образамъ видимый и поклонъ творимъ, а невидимому Богу невидимый, отъ сердца своего и отъ умнаго на небо возведенія и поклонъ отдаемъ. И тако въ насъ совершается истинный поклонъ, о немъ же Господь самарянынѣ бесѣдуя рекъ. А аще бы человѣцы образовъ Божіихъ начертанныхъ тѣлесныма очима не видѣли, то како бы могли душевныма зрѣти или умомъ что уразумѣти? Господь бо

Богъ и во ученіи своемъ образы предъ человѣки представляше, дабы людіе удобѣе пояти могли,—воспоминаше бо ово сѣмя пшеничное, ово же сѣмя горушное, ово же насажденіе виноградное и его управленіе, ово о званіи на вечерю, ово о квасѣ, ово о мытари и фарисеѣ, ово о овцахъ, ово же о раздаяніи сребренниковъ и прочая,—вся своя ученія глаголаше всякими разными притчами. А безъ притчи, то есть безъ предложенія образа, ради удобнаго поятія, ничего глаголаше Господь.

Истинное свое ученіе примѣни Господь къ сѣянію пшеницы, и то свое сѣяніе расположи на четыре части, глаголя: яко едино паде на камень, идѣже бяше земли мало; и то падшее сѣмя прозябши, вскорѣ изсше, за еже негдѣ тому сѣмени вкоренитися, и той всходъ пшеничный и отъ малаго солнечнаго зноя изсыхаетъ. Тако, кой человѣкъ самыя теплоты сердечныя къ Богу не имать, и слово Божіе аще и скоростно пріиметъ, въ глубокость же сердечную вкоренитися не можетъ, за еже любви его къ Богу мало, и аще и малое нѣкакое страхованіе наидетъ на него, то тако изгонитъ изъ него то слово Божіе, еже и не воспомянется никогда. Другое же сѣмя паде въ терніи, идѣже въ земли множество коренія прежняго и непотребныя травы, иже прежде сѣянія тамо вкоренишася, и егда тамо зерно пшеничное начнетъ возрастати, ту сущее возгнѣздившееся кореніе испуститъ отъ себя терніе свое и ту всѣянную пшеницу подавитъ и возрасти ей не попуститъ и весьма безъ вѣсти сотворитъ. Тако и человѣкъ многосуетный: аще услышитъ слово Божіе и разумѣетъ силу того словесе, и водрузитъ его въ сердце свое, но егда воспомянетъ вся своя суеты, ими же сердце и умъ его обложенъ бяше прежде того словесе Божія, и умъ свой вперитъ въ та своя прежняя суеты и въ попеченіе о богатствѣ, и то помышленіе, въ умѣ его расширився, подав-

ляетъ всѣянное слово Божіе и въ ничтожность обращаетъ.

И Люторове вси наполнены суть тернія, и того ради ни о чесомъ тако пекутся, яко о собраніи богатства и славы міра сего; и того ради невозможно имъ слова Божія въ сердцѣ своемъ возрастити,— суеты бо міра сего и произлишнія сласти, и похотныя страсти подавляютъ. И того ради наипаче вѣрить ихъ толкованіямъ и разсужденіямъ намъ не годствуетъ, понеже они паче суетамъ міра сего прилежатъ, нежели духовному житію. И того ради невозможно имъ о божественныхъ дѣлахъ здраво разсудити; одно взять— либо Богу работать, либо мамонѣ (Мѳ. VI, 24). И сего ради и наипаче вѣрить имъ въ духовныхъ дѣлахъ нельзя: по всему бо своему бытію вси они свѣта сего люди, а не грядущаго. И сіе азъ не судя глаголю, но судія имъ Богъ единъ; своему бо Господу стоятъ или падаютъ. Яко же вѣсть Господь, тако и судить ихъ и насъ будетъ. Мы же по видимому ихъ бытію глаголемъ и, свое христіанское смиреніе остерегая, изъявихомъ о нихъ, понеже намъ и безъ ихъ люторскихъ ересей есть въ чемъ отвѣтъ Богу давать; а люторъ что ни глаголетъ, то все ложь сплошь.

Паки, иное сѣмя паде на утоптанномъ пути, и то сѣмя ни мало землею покрыся, и птицы, видя то сѣмя голо на пути лежаще, позобаша е. Тако бо грубый и обуявый человѣкъ, иже свово Божіе ни во что вмѣняетъ и слушанія своего къ слышанію слова Божія не прилагаетъ и не бержетъ о немъ, и тако и слыша, яко не слышитъ; и таковому человѣку и мало слово Божіе воглубитися не можетъ. А аще кой человѣкъ и разумъ въ себѣ имать, а обяжется великими суетами и сердце свое многомысліемъ утолочитъ, и сицевому человѣку такожде слово Божіе въ сердцѣ его вкоренитися не можетъ же, и таковый человѣкъ уподобися утоптанному пути. Аще онъ стоитъ или и движется,

обаче онъ подобенъ есть бездушному столпу, и всѣ божественные глаголы мимо его идутъ, и тыи словеса Божіи похищаетъ діаволъ и по воздуху развѣваетъ. И таковый человѣкъ ничтоже ино, токмо пустая земля и утоптанный путь.

А еже падаетъ сѣмя на доброй и мягкой землѣ, и въ таковую землю падшее зерно возрастаетъ и плодъ творитъ многій: овое зерно приноситъ въ тридесять, овое же шестьдесятъ, а иное и сто. Тако рече Господь: пріемый слово Божіе съ радостію и въ сердце свое воглубивый, многоплодіе Богу сотворитъ, то есть людямъ Божіимъ пользу содѣлываетъ многую. Кто же суть сіи человѣцы? Явѣ есть, яко иже во время слышанія слова Божія, вся своя суетная помышленія отъ себя отвергши, на едино богомысліе обращаютъ и всю свою мысль въ слышаніе вперяютъ; и въ таковыхъ человѣкахъ слово Божіе плодоносно бываетъ.

Такожде и о данныхъ дарахъ Духа Святаго человѣкомъ Господь не просто же рече, но во образъ тѣмъ дарамъ предложилъ глаголъ о имѣніи, глаголя, яко бы призва господинъ рабовъ своихъ и разда имъ имѣнія своего; и овому убо даде имѣнія своего пять частей, овому же двѣ части, а иному токмо едину часть. По времени же, призвалъ господинъ рабовъ своихъ тѣхъ и спросилъ у нихъ того своего имѣнія назадъ. И которые рабы принесоша то имѣніе съ прибыткомъ, тѣхъ прослави и во область ихъ дарова имъ грады; а кой за лѣностію своею тѣмъ даннымъ ему имѣніемъ купли не творилъ и прибытку никакова сотворилъ, но токмо пріятое имѣніе возвратилъ назадъ, и на того господинъ разгнѣвался и данное ему имѣніе взялъ назадъ съ безчестіемъ, а его за нерадѣніе его повелѣлъ вринути во тму кромѣшную. Тако бо, аще кому дастъ Богъ даръ свой, то не надобно плошиться, но, елико кто можетъ, трудитися, дабы такожде не пострадати, якоже пострада пріемый единъ талантъ. А кто аще будетъ о своемъ спасеніи пещися,

а о иныхъ спасеніи вознерадитъ, тѣмъ Господь уготова тму кромѣшную и муку вѣчную.

Паки, Господь предложи, яко господинъ звалъ рабовъ своихъ на обѣдъ, и они отрекошася; инъ рече: село купихъ и иду посмотрѣти его; инъ же рече: быковъ купихъ и иду отвѣдать ихъ, каковы будутъ къ работѣ; инъ же рече: жену пояхъ и сего ради не можно мнѣ оставить ее и идти на обѣдъ. И тако вси за суетами своими отрекошася и на вечерю Божію не поидоша. И рече Господь: ни одинъ отъ сихъ званныхъ вкуситъ вечери моея (Лук. XIV, 18). И сего ради, вельми намъ опасно съ люторами соединятися, понеже вси они уклонишася въ суеты міра, а о Божіихъ радѣти имъ заповѣдехъ не можно. И на вечерю Божію не спѣшатъ, но вси вкупѣ уклонишася: кои во украшеніе домовое и во всякое вещелюбіе, иніи же въ сластолюбіе и лакомство и въ неправедные прибытки, иніи же въ блудолюбіе несытное. И о таковыхъ Господь рекъ, яко ни единъ, тако творяй, вкуситъ вечери Господни. И аще и мы съ ними соединительно жити будемъ, то того опасно, дабы и намъ отъ нихъ не навыкнути и такожде бы не уклонитися въ таковая же сладострастія, и еже бы и намъ отъ вечери Господни отреченнымъ не быть.

И на вся сія Господня глаголы зря, разумѣй, яко Господь во всѣхъ глаголѣхъ своихъ образы поставлялъ видимые и въ мірѣ дѣющіеся, дабы людіе, примѣняяся къ тѣмъ видимымъ образцамъ, удобѣе могли пояти о невидимыхъ и непостижимыхъ дѣлѣхъ, о нихъ же когда Господь глаголъ свой простираше. И посему, како не угоднымъ быти образамъ, иже въ честь Богу содѣланы, понеже по образамъ и самого Бога познахомъ, а Господь и ученія своего безъ образа, то есть безъ примѣра видимаго и въ мірѣ дѣющагося, не глаголаше? И посему, угодны суть Божіи образы. И аще кто сихъ явныхъ и достовѣрныхъ доводовъ въ

разумъ свой вмѣстити не можетъ и речетъ, яко сія не примѣръ есть иконамъ, понеже вышеявленные образы не отъ рукъ человѣческихъ суть сотворены, но отъ разсужденія вмѣняемы суть во образы,—и той да зритъ не смежныма очима и на самое Божіе повелѣніе: егда бо Господь Богъ повелѣлъ Моvсею сотворити сѣнь свидѣнія, и тода не самъ-ли Богъ повелѣлъ надъ кіотомъ сотворити два херувима, изваяные изъ злата (2 Моvс., XXV)? На завѣсахъ же церковныхъ повелѣлъ швеннымъ рукодѣліемъ изобразити и множество образовъ херувимскихъ же. И кто иконоборствуяй и нарицаяй святыя иконы идолами, како о семъ разсудитъ: идолы-ли были тамо, иже по повелѣнію Божію сотворены, или не идолы? И како они ни скажутъ, но мы совершенно вѣмы, яко самъ Богъ повелѣлъ въ честь Его божественную образы строити и почитати ихъ; и вѣмъ, яко никто того речетъ, яко бы Богъ повелѣлъ руганія ради херувимскіе образы сотворивъ тамо поставити, но всячески и не хотя речетъ, яко ради Божія чести и ради украшенія святыя церкве.

Запрещено же отъ Бога строити поганскіе идолы, иже не Богу, но діаволу въ честь строени бываютъ. А аще бы и идолы строены были не ради бѣсовскія чести и не боготворили бы ихъ, то и запрещенія такова отъ Бога о нихъ не было бы; того бо ради Богъ запретилъ, еже людіе, въ Него мѣсто, тварь почитати, паче же того и боготворити начаша. И аще кто, истиннаго Бога оставивъ, да будетъ тварь за Бога себѣ имѣти и поидетъ во слѣдъ инѣхъ боговъ, и таковыхъ не отпустится грѣхъ отъ Бога до третьяго и до четвертаго рода. А еже въ Божію честь образы строити вельми свято есть и отъ самого Бога повелѣно есть, о семъ бо лгутъ люторове, сказующе, яко бы Богъ запретилъ святые образы строити. Богъ запретилъ строити подобія небесныхъ свѣтилъ, солнца, луны и иныхъ тѣмъ подобныхъ знаковъ небесныхъ: крона, афродиты, діа, ерміа и прочихъ

тѣмъ подобныхъ, ихъ же древле еллини почитаху и богами ихъ нарицаху. И у православныхъ весьма они отвержени суть, еже не токмо во образъ ихъ знать, но и имянъ ихъ не памятствують. Люторове же вельми ихъ памятствують и, ради незабытныя памяти, строять ихъ ово отъ древа, овожъ отъ каменія, иніи же и мѣдныхъ сливають и поставляють ихъ на зданіяхъ и на иныхъ призначныхъ и честныхъ мѣстѣхъ. А святые образы, иже въ честь Божію изображаются, тыи изображають въ лаханяхъ на днахъ и во иныхъ безчестныхъ мѣстахъ и на печахъ. И посему явно есть, яко истиннаго Бога не такъ любять, яко лживыхъ боговъ еллинскихъ и иныхъ поганскихъ.

А мы не токмо поганскихъ идоловъ, но и самихъ Божіихъ образовъ и пречистыя Божія Матере, отъ нихъ же и чудеса многая содѣваются, не боготворимъ, но токмо честь имъ отдаемъ достолѣпную, и предъ тѣми святыми образами молитвы и благодаренія Богу и пресвятѣй Богородицѣ возсылаемъ. Також де и святыхъ Божіихъ угодниковъ, кіи подобни херувимамъ быша и ихъ же Богъ и чудесы прославилъ, и тѣхъ святыхъ образы, яко же и херувимскіе, почитаемъ, а не боготворимъ же ихъ. И на тѣ образы взирая, самѣхъ ихъ, на небесѣхъ сущихъ, въ пособіе своего ради недостоинства призываемъ, дабы намъ были они къ Богу ходатаи. И тіи святіи, нами молиміи, по данной имъ отъ Бога благодати, ниспосылають намъ чесого мы требуемъ, и за ихъ ходатайство, пріемлемъ мы отъ Бога многая дарованія— отъ болѣзней исцѣленіе, отъ бѣдъ избавленіе, отъ враговъ защищеніе и всякое благополучіе. А образовъ мы не то что святыхъ коихъ, но и Божія образа въ помощь себѣ не призываемъ, но токмо предъ ними стоя молитвы своя на небо къ самому Богу возсылаемъ, и въ молитвѣ своей не тако глаголемъ, еже—образе Божій, помилуй насъ!—но глаголемъ чрезъ той образъ (передъ нимъ же стоимъ) на небо къ

самому Богу, глаголя: Господи, помилуй! или: Отче нашъ, иже на небесѣхъ!—а тако не глаголемъ: иже еси на образѣ. И—да будетъ воля Твоя, яко на небеси и на земли!—и посему всякъ разумѣй, яко мы не образъ молимъ, но самого Бога, на небесѣхъ сущаго. Такожде и пресвятую Божію Матерь въ помощь себѣ призываемъ, саму ее, на небесѣхъ сущую, у престола Божія стоящую и о насъ грѣшныхъ молящую просимъ. А образу ея токмо честь отдаемъ и видимый поклонъ приносимъ, понеже творимая честь святымъ иконамъ восходитъ на того, чей образъ почитаемъ бяше.

И въ почитаніи образовъ Божіихъ, и въ призываніи святыхъ Его угодниковъ, Бога мы не презираемъ, но токмо смиреніе свое и недостоинство являемъ предъ Нимъ: насъ самъ Господь Богъ училъ любви, смиренію и предъ больши ми повиновенію,—того мы и держимся, и всегда грѣшныхъ и недостойныхъ себя предъ Богомъ вмѣняемъ и есмы; и того ради требуемъ о себѣ къ Богу ходатаевъ. И тако мы творя, Бога не оставляемъ, ниже Его презираемъ, якоже о насъ люторове непщуютъ: мы себя предъ Богомъ ничтожа, святыхъ въ помощь себѣ призываемъ, и творя себя недостойныхъ, ихъ о заступленіи и поможеніи просимъ. Мы подражаемъ оному евангельскому сотнику, иже самъ себя суди недостойна приступити ко Христу, ниже въ домъ свой дерзну призвати, но молилъ тѣхъ, кіи дерзновеніе ко Господу имѣли (Луки VII, 7). Видите-ли, оглаголующіи насъ за призваніе друговъ Божіихъ въ помощь себѣ: се бо Господь не разгнѣвася на того сотника, ниже уничижи его за то, еже онъ самъ собою не пришелъ просити о исцѣленіи раба своего и инѣхъ посла о томъ просити, но еще и похвали его. И аще онъ и иновѣрецъ былъ, обаче Господь вышши израильтянъ его возвыси. И мы, видя къ нему такое Божіе милосердіе, послѣдуемъ того сотника смиренію и, ничтоже

сумнящеся, молимъ рабовъ Божіихъ вѣрныхъ и дерзновеніе къ Нему имущихъ о помощи себѣ, и тѣмъ своимъ смиреніемъ Богу высочайшую честь отдаемъ, а свое вящшее недостоинство являемъ. Мы то вѣмы, яко Богъ и не содѣланная наша не токмо дѣла, но и помышленія вся вѣсть,—да мы, себя снижающе, святыхъ о помощи просимъ, и Богъ, видя наше смиреніе и низость, тѣ предпосланныя наша молитвы, вѣруемъ тако, якоже чадолюбивый Отецъ, пріемлетъ нѣмотованіе юныхъ своихъ чадъ любезно, за еже мы, предъ Нимъ смиряющеся, рабовъ Его молимъ о заступленіи, и тѣмъ Его Божію силу не снижаемъ, но паче возвышаемъ, за еже не самого Бога себѣ взываемъ, но чрезъ вѣрные Его рабы самого Его молимъ. Мы не токмо святыхъ Божихъ, отъ свѣта сего отшедшихъ и на небо душами своими возшедшихъ и чудесами прославленныхъ, о помощи просимъ, но и тѣхъ, иже и на земли, у видимаго престола Божія стояще, служатъ Ему, дабы вмѣсто насъ молитвы наши къ Богу возсылали. И аще кто речетъ, яко азъ не требую себѣ никакова помощника въ молитвѣ, но самъ я единъ единому Богу служу и молитвы своя самому Ему возсылаю, и мы таковому не пререкуемъ: егда онъ разумѣетъ быти себя свята, буди ему тако. Азъ же о себѣ всесовершенно вѣмъ, яко паче всѣхъ человѣкъ грѣшенъ есмь, и того ради вельми мнѣ свойственно есть смиреніе являти предъ Богомъ; за множество грѣховъ, не годствуетъ ми помощниковъ презирати и на свою мнимую правдууповати, якоже фарисею; но яко мытарю, подобаетъ ми въ перси своя ударяти и на небо зрѣти не дерзати, но долу, яко осужденному, смотрѣти. Въ помощь себѣ не токмо тѣхъ, иже на небесѣхъ у престола Божія въ велелѣпной славѣ стоятъ, требую, но иже во святыхъ церквахъ у престола Божія на земли служатъ и безкровную жертву о насъ Ему приносятъ, помощи себѣ вельми со усердіемъ требую.

О семъ никогда не будемъ люторовъ слушати и его люторовымъ послушникамъ ревновати, еже пресвитеровъ о молитвѣ не просити: утвердилъ бо насъ святый апостолъ, братъ Божій, Іаковъ; той бо въ посланіи своемъ рекъ, яко за прошеніе пресвитерское Богъ и грѣхи, нами содѣянные, отпуститъ намъ (Іакова V, 14). Подражаяй же люторамъ зри и на верховнаго апостола Петра: се бо и той ясно намъ яви, яко пособствуютъ намъ святіи и по отшествіи своемъ отъ сего свѣта; ибо самъ о себѣ святый апостолъ Петръ тако рекъ: потщуся же и всегда имѣти васъ по моемъ исходѣ, еже о сихъ память творити. И сіе всякъ разумѣй, какую память святый Петръ по смерти своей обѣщася творити: явѣ есть, яко у Бога милости о насъ просити. И сіе ему Духъ Святый открылъ есть, а не собою онъ сіе изрекъ. Зри въ концѣ тоя же главы: се бо той же апостолъ Петръ ясно рекъ, яко не по своей воли Божіи человѣцы пророчествоваша, но отъ Святаго Духа просвѣщаеми глаголаша. И сіе явѣ есть, яко прирекъ сіе реченіе ко оному своему пророчеству, еже рече, яко и по смерти онъ о насъ имѣти попеченіе будетъ. Зри еще и сѣмо: се бо святый пророкъ Іеремія по смерти своей явися моляйся о израильтескихъ людѣхъ и Іудѣ Маккавею подаде мечъ на супостаты; и, по заступленію Іереміину, той Іуда поразилъ своихъ супостатовъ. А люторове святаго апостола Петра словеси не внемлютъ, ниже Маккавейскимъ книгамъ вѣру емлютъ, но токмо внемлютъ словесемъ своего лжеучителя и, последуя его лжи, глаголютъ, яко по отшествіи сего свѣта яко грѣшніи, тако и святіи ничего не видятъ и не слышатъ и творити ничего не могутъ. А сего они отъ слѣпоты своей не видѣша, еже Господь изъявилъ, яко по смерти и грѣшніи о живыхъ попеченіе имутъ и молятся. И аще и самому Богу вѣры не яти, то кому повѣримъ: лютеранамъ ли лживымъ лучше намъ вѣрить, или самому Богу лучше вѣрити, въ Немъ же лжи нѣсть? А и Петръ апостолъ бысть всѣмъ апостоломъ верховнымъ, тако и всѣмъ намѣстникамъ апостольскимъ

есть верховникъ. И аще люторане восхощутъ святаго апостола Петра изъ апостольства изринути, то и посланіе его отринути могутъ; а аще же изъ апостольства изринути его не могутъ, то како глаголъ его сей измѣнятъ, еже онъ обѣщался и по смерти своей о насъ памятствовати? И уже егда онъ, верховный апостолъ, сіе о себѣ явилъ, то како иніи апостоли и намѣстницы ихъ не имутъ о насъ по смерти своей ходатайствовати?—но вси святіи, по данной имъ отъ Бога благодати, пособствуютъ намъ и не оставляютъ насъ въ молитвахъ своихъ; каково кто предъ Богомъ дерзновеніе имать, и есть тако. Ибо всѣмъ намъ, во православіи сущимъ, зримо есть, не токмо отъ писанія, но и отъ самаго бытія извѣстни есмы, яко многое множество, за ихъ святыхъ Божіихъ угодниковъ молитвы, велія чудеса Богъ въ насъ содѣваетъ; и аще кто хощетъ, прочти житія святыхъ: многая бо и неудобь имовѣрная святіи, данною имъ отъ Бога силою, чудеса содѣвали и нынѣ содѣваютъ. Мы же вѣруемъ, яко тако есть. О семъ бо самъ Господь рекъ, яко вѣрующіе въ Него не токмо таковая чудеса, яже Онъ, Господь и Богъ, сотворилъ, но, рече, яко и больши Его сотворятъ чудеса (Іоанн. XIV, 12),—то како намъ, во православіи сущимъ, не вѣрити Господнимъ словесемъ?

Нѣкогда бо и азъ, еще въ малыхъ лѣтѣхъ сущъ, одержимь быхъ трясавичною лютою болѣзнію, яко не чаяли и живу ми быти, понеже Марта съ 25 дня одержимъ ею былъ даже до Августа мѣсяца. И аще и вельми боленъ быхъ, обаче родителіе мои дерзнуша мя везти къ Троицѣ въ Сергіевъ монастырь. И егда тамо быхомъ, въ день Успенія пресвятыя Богородицы, взя меня отецъ къ литургіи; и съ великимъ трудомъ, поддержимь быхъ, едва до херувимскія пѣсни достояхъ; во время же херувимскія пѣсни взя мя жаръ великъ, и отецъ мой, изведъ мя изъ церкви, положилъ за алтаремъ на камени. И егда жаръ той отыде, востахъ и начахъ ясти

и пити, и къ Москвѣ уже не на одрѣ мя повезоша, но на конѣ сѣдя верхомъ поѣхалъ. Тако бо святыхъ Божіихъ молитвы поспѣшествуеми! И сего не исчислимо за молитвы святыхъ содѣвается,—да мнозіи сему не внимаютъ. Святаго бо апостола Іакова вельми слово въ мірѣ совершается, еже рекъ, яко много можетъ молитва праведнаго поспѣшествуемая (Іаков. V, 16). И того ради како намъ помощи отъ вѣрныхъ рабовъ Божіихъ не искати? А кто святому писанію вѣрити не хощетъ, то кто его можетъ приневолити,—понеже Господь сотворилъ человѣка самовластна и положилъ предъ него два пути: единъ пространный и веселый, а другой тѣсный и прискорбный. И о тѣхъ путехъ явлено пространно сея книги въ предисловіи, и хотяй вѣдати, каковъ кой путь и камо кой ведетъ и почему его познать, тамо узриши. Мы же паки о святыхъ иконахъ нѣчто явимъ здѣ, яко святи суть и нѣсть въ нихъ ни малаго погрѣшенія, ниже препятія ко спасенію; понеже святыя иконы издревлѣ, за многія лѣта до воплощенія Христова, еще въ началѣ богопознанія, повелѣніемъ самого Бога уставишася,—и о семъ выше речеся.

Святыя иконы намъ православнымъ любезны, діаволу же они вельми ненавистны, понеже Богъ идолы повелѣлъ истребити и вновь ихъ не творити, а образы святые повелѣлъ строити,—и діаволу то стало вельми завидно, еже идолы его извержены быша, а святыя иконы внесены и почитаемы. И того ради діаволъ всѣми своими силами нудится, еже бы ихъ обезчестити и отъ почитанія изринути; и всѣмъ своимъ послушникамъ повелѣваетъ святыя иконы нарицати идолами, дабы ихъ тѣмъ названіемъ огнусити предъ человѣки и отъ почитанія ихъ изринути. Обаче едини токмо молосмысленные люди и кіи Бога приликомъ любятъ, тыи токмо, на то слово зря, соблазняются, а кіи люди разумны и Бога совершенно любятъ, тіи никогда образовъ святыхъ идолами не нарицаютъ, но достолѣпную имъ честь отдаютъ:

понеже они вѣдятъ, яко творимая имъ честь преходитъ на самого того, чей бяше образъ. Послушницы же діавола, угождая ему, діаволу, яко жидове, тако и люторове и кальвиняне, по тому наущенію діавольскому, вельми святыхъ иконъ ненавидятъ, и отъ тоя своея ненависти нарицаютъ ихъ идолами. Послѣдуя же имъ, и наши россійстіи раскольницы, тѣмъ же діаволомъ подъущаеми, такожде, яко жидове съ лютораны, нарицаютъ святыя иконы идолами же. А царствующій пророкъ Давидъ святыя иконы почиталъ и самъ о себѣ глаголалъ: поклонюся ко храму святому Твоему во страсѣ Твоемъ (Псал. V, 8). Се бо царь Давидъ, аще и пророкъ бяше, обаче въ страсѣ Божіи поклонъ творилъ и въ ветхозаконнѣмъ храмѣ; а тамо что было?—токмо кіотъ завѣта и образы херувимстіи. А и кіотъ завѣта не Богъ былъ, но образъ невидимаго Бога, понеже тогда еще Богъ не яви образа своего человѣкомъ, но токмо повелѣ состроити кіотъ и въ немъ положи всю Божію невидимую силу; и аще кто отъ недостойныхъ коснется того кіота или кто восхощетъ посмотрѣти въ него, тіи внезапною смертію умираху. Видите ли, какую силу Богъ положилъ и въ простомъ сосудѣ, на немъ же не бяше начертанія лица его Божія, но токмо два лица херувимскія? А царь Давидъ, воспѣвая, на иномъ мѣстѣ нарекъ тый кіотъ подножіемъ Божіимъ, глаголя: поклоняйтеся подножію ногъ Его, яко свято есть (Псал. XCVIII, 5). Видите ли, се бо царь Давидъ, аще и подножіемъ Божіимъ кіотъ святый назвалъ, обаче за схожденіе Божіе на той кіотъ повелѣлъ ему кланятися. И посему како намъ образовъ Божіихъ не почитати и поклона предъ ними не творити, кіи образы въ Божію честь сотворены, понеже они именемъ Божіимъ освятишася, а не кляты, якоже люторове непщуютъ? И аще кто отъ люторанъ или отъ раскольниковъ прельщенный речетъ, яко тіи херувимскіе образы и кіотъ древле быша идолы, то тому развѣ мощно, по та-

ковому своему безумію, и святыя иконы нарицати идолами, —и то токмо ума своего лишенному и самого Бога ненавидящему. А аще кто и въ люторствѣ пребываетъ, а Бога, аще и отчасти, любитъ, то той никогда образа Божія не назоветъ идоломъ. А буде же кто древнихъ образовъ херувимскихъ и кіота идолами нарицати не смѣетъ, то како дерзнетъ той уже не сокровенный, но явѣ изображенный образъ Божій нарещи идоломъ!

Зрите вси и внемлите: се бо Моvсею токмо показалъ Богъ, какъ сдѣлать кіотъ и образи херувимстіи, а потомъ уже яви Богъ святому пророку Даніилу и очевидный образъ во облацѣхъ, видомъ ветходенна человѣка (Дан., гл. VII). И мы, по моvсееву видѣнію, изображаемъ херувимы, а по даніилову видѣнію Отчи vпостаси образъ изображаемъ видомъ ветходеннаго человѣка; а вторыя vпостаси съ самаго Іисуса Христова воплощенія начахомъ образъ писати, овогда во младенческомъ образѣ, овогда же и въ совершенномъ, по времени бытія Его съ человѣки на земли. Третію же vпостась начахомъ писати съ того времени, егда Господь нашъ крестился и Духъ Святый сшелъ на Него во образѣ голубинѣ,—и мы тако и пишемъ Его образомъ голубинымъ. И посему како намъ, во православіи сущимъ, образовъ святыхъ не изображати и достолѣпныя имъ чести не отдавати, такожде и поклона имъ не творити,—понеже самъ себя Богъ далъ знати, какъ Его въ трехъ vпостасехъ написати?! Еще же и сіе како церковные противницы отрекутъ, еже самъ Господь вообразилъ свое лице на убрусѣ и посла ко Авгарю, князю Едескому? И аще кто подъ сумнѣніемъ и невѣріемъ одержимь о святыхъ иконахъ, той да прочтетъ житія древняя святыхъ отецъ: узритъ бо тамо и кромѣ ветхозаконныя церкви образы, ибо утвердися иконное изображеніе и почитаніе изъ самаго начала новыя благодати. Святый бо ученикъ Христовъ евангелистъ Лука вначалѣ изобрази об-

разъ пресвятыя Богородицы вапнымъ раствореніемъ на докѣ, а потомъ и святыхъ верховныхъ апостоловъ Петра и Павла на докѣ же; и тому достовѣрное свидѣтельство—начальнѣйшее преклоненіе ко благочестивой христіанской вѣрѣ перваго христіанскаго царя Константина. Той бо, зря образъ верховныхъ апостоловъ Петра и Павла, увѣрися, яко они во снѣ ему явишася (о томъ зри въ житіи его). А и наша Россія тымъ же образомъ увѣрися, ибо въ самомъ началѣ святаго крещенія россійскаго, князіе россійскіе, воззрѣвъ на показанный имъ образъ втораго Христова пришествія, принесеный отъ грекъ, устрашишася и отъ идолопоклоненія отвратишася, христіанскую вѣру возжелаша пріяти. И сего ради вельми полезны суть святыя иконы. И аще кто восхощетъ удостовѣритися, да зритъ въ лѣтописцѣ кіевскомъ.

И о семъ никто же отъ вѣрныхъ да соблажняется, слыша отъ иконоборцевъ хульная словеса на святыя иконы, понеже святыя иконы начашася писати и почитаеми бывати въ самомъ началѣ христіанстѣмъ, еще при самомъ Христѣ и съ апостольскія проповѣди. И аще кто прочтетъ житія святыхъ и исторіи, то многое множество узритъ, каковая чудеса отъ святыхъ иконъ быша дивная и уму человѣческому непостижная. Ибо во градѣ.... [1]) тако Господь Богъ прославилъ свой образъ: егда жидове, ругающеся Его Спасителеву образу, въ начертаніе ребръ Его святыхъ удариша копіемъ, тогда чудо веліе содѣяся, ибо отъ того сухого древа истече множество крове и воды (Прологъ). И тіи жидове тою кровію, иже истече отъ того Спасителева образа, помазаша больныхъ и недугомъ одержимыхъ, и вси исцѣлѣша. И то чудо видѣвше, жидове вси покаяшася и крестишася. И иная

---

[1]) Названіе города въ рукописи исправлялось, перечеркивалось, такъ что разобрать его нельзя.

многая неисчислимая чудеса отъ святыхъ иконъ содѣвахуся, о нихъ же нѣсть ми времени, еже подробну писати. Читающе бо житія святыхъ и исторіи, можетъ всякій человѣкъ довольно обрѣсти. У насъ же въ Россіи, въ великомъ Новѣградѣ, отъ всея Руси на той градъ подъемшихся и намѣрившихся, еже той великій богохранимый Новградъ опустошити, пресвятая же Божія Мати своимъ образомъ очевидно защитила: егда бо той святый образъ граждане вознесоша на забрало града и поставиша лицомъ противу супостатовъ, за градъ, и силою Божіею той образъ отъ враждущихъ отвратися и обратися во градъ лицомъ. И егда той образъ отвратися отъ соперниковъ, тогда нападе на нихъ страхъ и тма покры ихъ: смятошася и сами между собою посѣкошася. И тако той градъ образомъ пресвятыя Богородицы спасенъ бысть отъ видимыя и уготованныя погибели. И во иныхъ во многихъ градѣхъ у насъ въ Россіи быша отъ святыхъ иконъ дивная чудеса, о нихъ же за множествомъ не лѣть ми писати, яже прежде насъ содѣяшася, а и нынѣ непрестанно содѣваются, о нихъ же мало нѣчто речемъ.

Былъ нѣкто на Москвѣ иноземецъ, люторскаго зловѣрія, чиномъ аптекарь; и будучи въ Кіевѣ, впаде въ болѣзнь смертную и самъ въ себѣ позна, яко къ смерти болитъ. И се въ сонномъ видѣніи явися ему образъ пресвятыя Богородицы, иже тамо надъ враты градными поставленъ бяше; и отъ того образа слышашеся ему гласъ, къ нему глаголющъ, по имени его взывающъ: аще ты крестишися въ христіанскую вѣру, то не умреши. Онъ же рече: азъ, святая Мати Божія, крещенъ есмь и къ Тебѣ, пресвятѣй Богородицѣ, вѣру имѣю. И отъ того образа бысть глаголъ вторицею: азъ вѣмъ, яко крещенъ еси и еже и мене чтиши,—того бо ради и явихътися, да будетъ не тща вѣра твоя, яже ко мнѣ имаши,—обаче глаголю ти: аще не крестишися въ русское крещеніе, то отъ одра сего не имаши возстати. И той аптекарь обѣщася креститися. И аще и

во снѣ обѣщался, обаче и на явѣ бысть здравъ. Не по мнозѣ времени поѣхалъ къ Москвѣ и, пріѣхавъ, повелѣніе Богородично и свое обѣщаніе забылъ и живяше по прежнему въ люторской вѣрѣ. Егда же бысть великаго государя царя Петра Алексіевича походъ къ Архангельскому городу, и той аптекарь по наряду былъ съ нимъ государемъ съ аптекарскими припасы; и будучи тамо, впаде въ туюжъ болѣзнь, ею же въ Кіевѣ болѣзновахъ. И тогда той аптекарь позна свой грѣхъ и обѣщаніе, и воспомяну глаголъ пресвятыя Богородицы, отъ святыя ея иконы къ нему бывшій, нача просити святаго крещенія восточныя церкве. Прочіе же тамо бывшіе лютеране начаша ему претити и великому государю доносить, якобы онъ отъ великія болѣзни умомъ повредился и проситъ крещенія внѣ своего ума. Онъ же крѣпляшеся и не умолкая крещенія россійскаго прошаше и глаголаше, дабы такъ не умрети. И великій Государь послалъ къ нему ближняго своего боярина, князя Бориса Алексіевича Голицына, и повелѣ ему освидѣтельствовати, въ цѣломъ ли онъ умѣ россійскаго крещенія проситъ. И по свидѣтельству, явился онъ въ разумѣ цѣлъ, и просилъ крещенія отъ истиннаго своего намѣренія; и вся бывшая о себѣ повѣда ему по ряду. И великій государь, то увѣдавъ, повелѣлъ его крестити. И бысть отъ святыя купели воспреемникомъ вышепомянутый бояринъ князь Борисъ Алексіевичъ; и во крещеніи наречено бысть ему имя Антонъ. И по крещеніи той аптекарь бысть здравъ, якоже и первѣе. И егда онъ пріѣхалъ въ Москву, то вси люторане вознегодоваша на него и ругаху его; и онъ, видя ругапіе себѣ великое, преселился изъ нѣмецкія слободы въ огородную слободу, близъ церкви Харитона исповѣдника, и довольная лѣта во благочестіи поживъ, скончался во православіи.

И подражаяй люторскому злочестію и раскольничимъ лжеучителемъ, не повелѣвающимъ святыя иконы чтити, не

язное ль сіе и очевидное, самое близкое и извѣстное иконному почитанію и благочестивой нашей россійской вѣрѣ, отъ раскольниковъ попираемой, свидѣтельство и святѣй восточнѣй церкви опора? А свидѣтель сему самъ великій государь Петръ Алексіевичъ и князь Борисъ Алексіевичъ Голицынъ и прочіи вси, иже при немъ, великомъ государѣ, тамо быша. Понеже той аптекарь, во святомъ крещеніи нареченный Антонъ, явно всѣмъ вину своего крещенія изъявилъ, чего ради онъ люторскую вѣру отринулъ и крестился въ русское крещеніе.

Еще же и во очесѣхъ нашихъ въ прешедшемъ 707 году содѣяся въ Москвѣ чудо сицевое, еже и нашими очесы видѣно бысть. Изъ села Краснаго несену бывшу образу пресвятыя Богородицы, нарицаемому Тихвинскаго преводу, за Яузу рѣку въ домъ Никиты Мокеева; и егда той образъ волюдіе несоша подлѣ житнаго двора, иже за Мясницкими вороты, клирики же идуще пояху пѣснь пресвятѣй Богородицѣ, стылу же настиже карета иноземная, и въ ней сѣдяху двѣ иноземки люторскаго зловѣрія; возница же у нихъ былъ россійскаго благочестія. И егда ту святую икону узрѣ, опяся той возница и коней поддержа, дабы пропустить ту святую икону прежде себя, понеже въ то время бысть вельми сухо и отъ коней и отъ колесницы пыль велія подымашеся. Сѣдящія же въ той каретѣ иноземки безстудно на возницу своего возопиша, рекуще: какая-де диковина, что икону несутъ, поѣзжай мимо. Оле чудесе! Ибо во время объѣзжанія ихъ, на ровномъ мѣстѣ, егда изравнишася противо того образа, хотяще миновати, и се внезапу невидимою силою Божіею подъяся та ихъ карета, яко на рукахъ подъятая, и обратися въ знакъ и съ коньми вкупѣ. И тіи иноземки разбишася даже до крове, и карета ихъ сокрушися, а возницу откинуло въ сторону и бысть невреждень. И тако, и не хотя, осташася.

И сицевыя чудеса, отъ святыхъ иконъ содѣвающіяся зря, кто не удивится и кто отъ вѣрныхъ чтити не будетъ! А раскольницы, иконоборныя ереси держащіеся, вмѣняютъ, яко же и жидове или люторове и кальвини, святыя иконы за скверные и поганскіе идолы! А то, проклятіи, забыли, еже и древле иконоборцы уже были, и на седьмомъ вселенскомъ соборѣ святіи отцы всѣхъ ихъ анаѳемѣ предали. И того ради не чтущіи святыхъ иконъ съ древними иконоборцы прокляти суть—не отъ насъ простолюдиновъ, но отъ богоносныхъ святыхъ отецъ, на томъ вселенскомъ соборѣ числомъ трехъ сотъ и пятидесяти сошедшихся. И сего ради вельми намъ, во православіи сущимъ христіанамъ, годствуетъ отъ того ихъ иконоборства бѣжати и нимало люторскому и кальвинскому и раскольничу безумію не внимати, дабы и намъ також е проклятія, отъ святыхъ отецъ изданнаго, не воспріяти и во адскую пропасть не впасти.

Бесѣда третья, иконоборцамъ.

Видѣсте бо довольная и достовѣрная о святыхъ иконахъ отъ божественныхъ писаній свидѣтельства, яко святи суть и яко безъ всякаго размышленія достоитъ ихъ почитати и поклоненіе имъ творити. Нынѣ же восхотѣлъ, кромѣ вышеявленныхъ свидѣтельствъ, отъ бытія въ мірѣ дѣющагося нѣкая разглагольства предъ очи ваша предложити.

Мы сіе вѣмы, яко вси вы, уклонившіеся въ люторство, надѣетеся въ томъ себѣ пользу пріобрѣсти, еже вы святыя иконы отвергосте отъ себе; но сіе вы видите, яко сей разумъ дадеся вамъ не отъ Бога, ниже отъ человѣчества, но отъ самого адскаго діавола. Діаволъ бо, вселься въ вашего предводителя и отца, въ Мартина Лютора, и, въ немъ будучи, на вся сія злая дѣла настави его; понеже онъ учинился вначалѣ, по отпаденіи формозовѣ отъ восточныя церкве, измѣнникъ Христовъ, а потомъ собственнымъ своимъ отпаденіемъ и отъ формозова отпаденія повторилъ свою измѣну. И того ради благодать Божія вся отъяся отъ него и тогда бысть онъ подобенъ бездушному истукану: яко бо и во идола входа діаволу ангелъ Божій не заграждаетъ, тако и въ него, пуста суща Божія благодати, вниде діаволъ невозбранно, и что ему діаволу ни угодно, то все и сотворилъ въ немъ. Въ началѣ бо своего богопротивленія, онъ, предво-

дитель и наставникъ вашъ, иноческое свое обѣщаніе свергъ съ себя и соблядовался со инокинею же, которая такожде обѣщалася Богу служити и дѣвство свое чисто хранити; осквернилъ и началъ съ нею жить, яко со женою. И тако люторскому закону учинилъ начало вельми богопротивно, чего отъ вѣка не бывало. А вы, видя ево, такое беззаконіе сотворивша, да взяли себѣ за учителя, и что онъ самъ началъ творить, тому и васъ почалъ учить; а вы, ротъ розиня, яко галенята, и почали отъ него принимати. А онъ, видя то, что никто ему не споритъ, началъ всѣ законы древніе и ведущіе ко спасенію истребляти и новые издавати; и тако, за потачкою отцовъ вашихъ, всю христіанскую вѣру благочестивую и римскую развратилъ.

А изъ васъ, аще кто и малый смыслъ иматъ, то помысли нынѣ: коль добро онъ начало люторской вѣрѣ учинилъ? Истинно бо по званію своему и начало положилъ, еже Люторомъ онъ прозвася,—лютыя и ереси насѣялъ. И аще кто изъ васъ речетъ, яко тая ево дѣла, аще и зла суть, обаче вѣры не сквернятъ, понеже самъ Господь повелѣлъ фарисеевъ, еже они глаголютъ, слушати, но токмо не повелѣлъ Господь дѣлъ ихъ творити, и мы-де, тому Господню словеси вѣря, ученія его слушаемъ, онъ-де правый путь намъ указалъ, а дѣла-де ево, каковы ни были, намъ-де до того и дѣла нѣтъ: что онъ худо сдѣлалъ, за то самъ онъ о себѣ и отвѣтъ Богу дастъ; а мы-де его блажимъ за благое его наставленіе,—и вы первѣе вберите въ головы своя разумъ, да тогда глаголите. Господь повелѣлъ книжниковъ и фарисеевъ слушати въ законѣ Господни, понеже книжницы и фарисеи на моѵсеевѣ сѣдалищи сѣдоша и ничесому иному новостному не учили; но токмо яже имъ святый Божій пророкъ Моѵсей по повелѣнію Божію узаконилъ, тому людей израильскихъ учили,—по вся бо субботы читаху во іудейскихъ сонмищахъ, како въ воли Божіей жити и

како заповѣди Его хранити, а не новостная какая отъ себя ученія издаваху, яко вашъ Люторъ училъ. И того ради и повелѣлъ Господь фарисеевъ слушати, а ихъ дѣлъ не повелѣлъ творити, заеже чесому они людей учили, а сами они того не творили, но творили тому своему ученію противная. А вашъ предводитель Мартинъ не закону Божію, отъ самого Бога узаконенному, ни отъ святыхъ апостоловъ повелѣнному и ниже отъ апостольскихъ намѣстниковъ, святыхъ древнихъ отецъ установленному благочестію христіанскому училъ, но самому развращенному пути; пріялъ бо онъ то свое ученіе отъ самого діавола и издалъ вся узаконенія вѣры особая, новая, воли Божіей противная. И то стало быть развращеніе, а не созиданіе. Аще бы онъ училъ васъ поститися, трудитися и жити воздержно, како повелѣваютъ древняя апостольская и намѣстниковъ ихъ соборная законоположенія, а не новостному какому изданію училъ, то бы онъ, аще и въ беззаконіе какое, яко человѣкъ, впалъ, то слушати того его ученія, по Господню словеси, надлежало бы, а дѣлъ его не творити; а Мартинъ вашъ, егда уже самъ въ беззаконіе впалъ, и васъ сталъ учить развращенному закону,—то аще бы онъ въ беззаконіе и не впалъ и жилъ бы житіе самое чистое, и то бы вамъ слушати его не довелось. А онъ се самъ весь оскаредился, се и учить сталъ васъ житію самому слабостному и святому Евангелію противному. И по таковому его ученію, довелось было вамъ прогнать его отъ себя, яко возбѣснѣлаго пса или, поймавъ его, да по закону судъ ему сотворити, а не то что его слушати и ученія его богопротивнаго внимати.

И аще отцы ваши и обезумились, еже у такова богопротивника приняли растлѣнный той его люторской законъ, то поне вы опаситесь; его было довелось огню предати, а не законы отъ него принимати. И кои уже въ люторствѣ томъ измроша, тѣхъ уже не возвратить назадъ, а вамъ не

худо бы и поразсмотрѣти о себѣ, дабы и вамъ вѣчною смертію не погибнуть. Вамъ на отцовъ своихъ смотрѣти не для чего, понеже вы разумная тварь, а не скотъ. Нѣкогда бо случилось свиньѣ поросятицѣ впасти въ мельничную трубу, и мельничнымъ колесомъ сломало ю; а поросята, аще и видѣли, что матку ихъ сломало, не разсудили того, въ тую же трубу поскакали и тако вси пропали. И то тыи поросята отъ неразумія своего учинили, понеже скотъ есть; а вы не поросята, можно и поразсмотря во отцовскую погибель бросатися. Понеже книги имате, а чего разсудити не можете, мочно вамъ и съ благочестивыми спроситися: то не безчестіе, еже спроситися да спастися, но то самое безчестіе, еже за гордостію не спроситься да погибнути. О семъ бо самъ Господь изъявилъ, яко злое древо не можетъ плода добра сотворити, но таковыя древеса злоплодныя повелѣлъ Господь посѣкати и огню предавати (Матѳ. III, 10). И паки Господь рекъ: не всякъ глаголяй ми: Господи, Господи, внидетъ во царство небесное, но творяй волю Отца Моего, иже есть на небесѣхъ. (Матѳ. VII, 21). И вы, наслѣдницы люторстіи, посмотрите на отца своего Мартина: то ли онъ волю, по Господню словеси, Отца Небеснаго сотворилъ, еже возложивъ руку свою на рало началъ вспять смотрѣть,— ибо обѣщался Богу работати во иночествѣ, и то обѣщаніе поправъ, иночество съ себя свергъ, зло ко злу приложилъ— инокиню жъ въ наложницу себѣ взялъ, бывшую игуменію, и вмѣсто Бога началъ служить мамонѣ. И не до сего ста, еже самъ съ себя иночество свергъ, но и вельми иночество истребилъ и повелѣлъ вамъ инокамъ женитися. Или то воля Отца Небеснаго, еже и вся законы древніе христіанскіе отвергъ отъ себя, издалъ новые и отъ вѣка неслыханные? Или въ томъ онъ волю Отца Небеснаго сотворилъ, еже святую церковь отъ украшенія благолѣпнаго обнажилъ и святыя иконы, въ честь Божію состроенныя, огнемъ пожегъ? Или въ томъ

онъ волю Отца Небеснаго сотворилъ, еже мощи святыхъ изъ гробовъ повыметалъ въ попраніе людемъ? Или то онъ волю Отца Небеснаго сотворилъ, еже тѣло Христово на землю повергъ и пресвитеровъ, побивъ до смерти и оцѣпивъ за нозѣ, повелѣлъ ругаяся по земли волочити?

Мы же вѣмы, яко тѣми своими дѣлами не Небеснаго Отца, но подземнаго истиннаго своего отца, діавола волю исполнилъ. И по Господнимъ словесамъ, а по его люторскимъ богопротивнымъ дѣламъ, православнымъ христіаномъ вельми надобно вашего люторскаго ученія беречися, дабы какова развращенія не пріяти. Понеже Россія многонародна есть и не всякій человѣкъ писаніе вѣсть, того ради и содружія съ вами имѣть не весьма годствуетъ: всегда бо подлѣ пчелы медъ, а подлѣ жука дермо; такожде—отъ добраго человѣка доброе и ученіе происходитъ, а отъ злаго злое. Святое писаніе не повелѣваетъ древнихъ отеческихъ преданій оставляти, а Мартинъ вашъ и вы отеческія преданія и вся древняя уставы подъ нозѣ повергосте и слушаете одного своего лжеучителя Мартина. А сіе вы забыли, еже Господь повелѣлъ совѣтъ творити соборнѣ, а вы сами вѣсте, яко Люторъ вашъ самъ съ собою единъ совѣтовалъ, а не соборнѣ. И того ради при немъ былъ діаволъ, а не Богъ, понеже Богъ обѣщался ту быти, идѣже два или три собрани о имени Его; а еже вящши того соберется, то и лучши и вѣрнѣйши. А Мартинъ вашъ, возгордѣвся, никого себѣ въ совѣтъ не пригласилъ, но токмо на свой умъ вознадѣявся законы вамъ уставилъ новые, древнимъ противные. И таковыхъ законовъ отнюдь принимать было не довелось. Святый пророкъ Исаія сказуетъ, яко горе тому, иже о себѣ мудръ является (глава V, 21). И паки той же святый Исаія сказуетъ: яко небо отъ земли отстоитъ, тако совѣти человѣчи отстоятъ отъ Божіихъ совѣтовъ и разумы наша отъ разума Его (Исаіи LV, 9). А вашъ Мартинъ и вы разумомъ своимъ вознесо-

стеся паче Бога: Богъ повелѣлъ съ общаго совѣта вся творити, а онъ то Божіе слово ни во что вмѣнивъ, да самъ единъ законы новые своемышленные издалъ и вамъ предалъ; а вы, яко безсловесный скотъ, обрадовались легкостнымъ его уставамъ, приняли злые за благіе.

Господь повелѣлъ поститися (Маѳ. IX, 15; Марк. II, 20; Лук. V, 35), а лжеучитель вашъ Мартинъ Люторъ то слово Господне ногама своима попралъ и поститися не повелѣлъ, но вмѣсто поста повелѣлъ послушникамъ своимъ мясо ясти, яко безсловеснымъ свиньямъ, не разбирая дней. Господь повелѣлъ по совокупленіи со женою обмыватися (1 Моvс. XIX), а Мартинъ то слово Господне повергъ подъ нозѣ и велѣлъ вамъ, яко безсловесному скоту, ходить не обмывшися и въ той плотской нечистотѣ повелѣлъ вамъ и въ церкви ходити и святыни прикасатися. Господь повелѣлъ учителей избирати смотря по житію ихъ: аще кои живутъ чисто и воздержно, у тѣхъ повелѣлъ ученіе принимати, а кои живутъ невоздержно и нечисто, у тѣхъ отнюдь не принимать ученія, ни самихъ ихъ принимать не повелѣлъ, но повелѣлъ таковыхъ учителей огню предавати; и вы тому Господню словеси не повѣрили и, на свой разумъ вознадѣявся, приняли сего Мартина себѣ за добраго учителя. А Іисусъ Сираховъ глаголетъ, яко нѣсть красна пѣснь во устѣхъ грѣшника, понеже не отъ Господа послана бысть; и всяку мерзость возненавидѣ Господь и нѣсть люба боящимся Бога (Сирах. XV, 9 и 13). И вы посмотрите на себя, коль вы безумни есте: сами извѣстно знаете, яко той Мартинъ Люторъ въ сквернѣ похотной обвалялся, яко свинья въ калѣ, а вы отъ него законы принимаете. Видите ли, Іисусъ Сираховъ сказуетъ, яко у таковыхъ пѣснь не отъ Господа; а егда не отъ Господа, то стало быть отъ діавола. И паки той же Іисусъ Сираховъ сказуетъ, яко всякую мерзость Господь ненавидитъ. И прирече, яко тая мерзость

боящимся Бога не люба есть. И нынѣ вы сами себя судите: Іисусъ Сираховъ сказуетъ, яко мерзость боящимся Бога не люба есть,—а вамъ мартинова мерзость люба явилась. И посему явѣ есть, яко вы страха Божія въ себѣ не имате, а аще бы страхъ Божій въ себѣ имѣли есте, то мартинова бы мерзость была вамъ мерзка, и его вы либо прогнали отъ себя, яко возбѣснѣлаго пса, или бы огню его предали.

Паки, Господь не повелѣлъ крови скотскія ясти,—еже прежде закона, а и въ законѣ паки подкрѣпилъ, дабы людіе отнюдь крови скотскія не яли. А Мартинъ вашъ и вы тотъ Господень глаголъ и запрещеніе Его изничтожили есте и своимъ глубокобуіимъ разумомъ присудили ясти, и для смаку во всякія свои яди кровь влагаете, и ядите въ сладость,—и посему вы себя поставляете умнѣе Бога, понеже что Богъ повелѣлъ творити, то отмещете, а что не повелѣлъ дѣлати, то, ругающеся Богу, дѣлаете.

Древнюю вѣру самъ Господь насадилъ, апостоли же возрастиша ю, а наслѣдницы же апостольстіи оградиша ю. Тоя было вѣры держатися неизмѣнно; лучше было всѣмъ намъ подъ одною паствою Христовою быти, а не подъ мартиновою. Господь вселяетъ единомысленныя въ домъ свой (Псал. LXVII, 7). Сіе вельми худо, еже было вначалѣ одно стадо Христово и одинъ Пастырь, а нынѣ мы одни восточныя церкве чада остались въ Христовой паствѣ, а вы, не восхотѣли подъ Христовою паствою быти; якоже древле израильтяне не восхотѣли подъ Божіею паствою быти, поревновали языкомъ, возжелали подъ царскою паствою быти, и того ради многое множество еврейскаго народа и погибло: ово собою, ово же отъ царей нечестивыхъ принуждаеми, оставивъ Бога своего, поклонишася ваалу,—тако жительствующе, многіе милліоны израильтянъ во адъ снидоша. Явѣ есть, яко и вы тоя же погибели возжелали себѣ, и аще не хощете покаятися, то по желанію вашему буди вамъ

якоже восхотѣсте. Уже бо егда не восхотѣсте подъ игомъ, отъ самого Христа возложеннымъ, быти и не учившихся философіи святыхъ апостоловъ, отрекостеся всѣхъ тѣхъ древнихъ преданій, и избрасте себѣ вождя и пастыря философа суща, Мартина Лютора, друзіи же Ягана Кальвина, иніи же Формоза, и тако вси разыдостеся, кійждо по своимъ прихотямъ, избра себѣ пастырей особливыхъ,— и тако вси сіи мудрствующе о себѣ, объюродѣша и въ неискусенъ разумъ впадоша. А святый апостолъ Павелъ сказуетъ тако, яко людіе премудростію не познаша Бога (1 Кор. I, 21). А выше рече: погублю премудрость премудрыхъ и разумъ разумныхъ отвергу (19 стихъ). Видите ли вы, высокоумы, Павелъ апостолъ ясно сказуетъ, что премудростію Бога не можно познати, а вы хощете премудростію паче Бога познати, нежели простотою, и, по Павлову слову, не можно вамъ ни въ чесомъ истины познати, понеже вы на древняя преданія возгордѣсте. А апостолъ Павелъ похваляетъ простоту паче, нежели мудрованіе, глаголя: буее Божіе премудрѣе человѣкъ есть, и немощное Божіе крѣпчае человѣкъ есть. А Мартинъ вашъ и вы избрасте не буее Божіе, но премудростное вѣка сего, идѣже, по апостолову словеси, Бога нѣсть. И паки святый Павелъ повтори, глаголя, яко премудрость вѣка сего буйство у Бога. И посему отнюдь не надобно собою мудрствовати; но аще что и совершенно въ каковыхъ церковныхъ уставѣхъ узритъ неисправно, то никому собою поправляти не можно, но исправлять соборнѣ. А Мартинъ вашъ законоположникъ древніе уставы церковые охулилъ и издалъ отъ своего высокомыслія всѣ уставы и догмы новыя, своея люторскія, лжехристіанскія вѣры. И тѣ новыя догмы уставлялъ онъ Мартинъ одинъ, безъ святительскаго благословенія и безъ соборнаго совѣта,—какъ что восхотѣлъ, такъ то и клалъ. А сіе всѣмъ людемъ мочно знать, еже что безъ Бога строится, то здраво не бываетъ. А

Мартинъ вашъ началъ мудровать безъ Бога, собою, и того ради приступилъ къ нему діаволъ; и по наученію діаволю, въ самомъ своемъ началѣ святому Евангелію учинился противникъ: вся бо евангельская словеса и Господня повелѣнія опако обратилъ. И святыя иконы онъ, Мартинъ, отметнулъ паче по діаволю подъущенію, а не собою; понеже діаволу вельми святыя иконы ненавистны, и всѣхъ своихъ друзей, яко жидовъ, тако мартинянъ и кальвинянъ, подвизаетъ, дабы святыя иконы равняли со идолами за равно.

А аще бы тотъ Мартинъ разумъ имѣлъ здравый человѣческій, а не діавольскій, то могъ бы онъ и по самому человѣчеству уразумѣти, что святые образы достоитъ почитати: понеже, аще кто въ мірѣ семъ живый царя своего почитаетъ, то уже и образъ лица его написанный почитаетъ; и аще отъ любви своея, юже къ царю своему имать, состроитъ тому образу какое украшеніе и аще той царь увѣдаетъ, яко онъ сице образъ его любитъ и имѣетъ его въ велицѣй чести, то можно и всѣмъ сіе знать, еже той царь гнѣватися на него за почитаніе того браза не будетъ, но еще каковое ни есть и любленіе свое возымѣетъ къ нему. А аще же той царскій образъ будетъ кто ругати и ногами своими попирати или, аще ногами и не будетъ попирати, но токмо въ гнусномъ мѣстѣ поставитъ или непристойными словами станетъ нарицати, или честный его образъ идоломъ назоветъ, то не вѣмъ, кой бы царь могъ сію досаду снести. И аще той образъ бяше и не Божій и не своимъ ухомъ услышитъ отъ кого творимое досажденіе, но чрезъ людей увѣдаетъ, обаче лютѣ накажетъ; кольми же паче Богъ, содѣтель нашъ, будетъ тѣхъ ругателей мучити, кіи образъ Его святый обругали и съ бѣсовскими кумиры равняли. Ей, велію муку во грядущемъ вѣцѣ воспріимутъ. Святый апостолъ Павелъ сказуетъ, яко писано се, еже князю людей да не речеши зла (Дѣян. XXIII, 5). А вы, впадшіи во ученіе

мартиново, не князя людей злорѣчите, но Создателя всего свѣта и Царя царемъ, во образѣ Его самого Его злорѣчите и съ бѣсами равняете.

Намъ же, православнымъ христіанамъ, образъ Божій вмѣсто залога есть, или рещи, вмѣсто посредственника: понеже мы Бога видѣти не можемъ не токмо тѣлесными очима, но и умныма постигнути не можемъ, того ради начертанный Его образъ зряще, утѣшаемся и моленіемъ своимъ чрезъ той образъ, яко чрезъ посредственника, присвояемся. И егда найдетъ на насъ каковая либо печаль и сѣтованіе, то мы, на образъ Его божественный зряще, утѣшаемся и тѣмъ зрѣніемъ всякую тугу отъ себя отводимъ. Мы на образъ взирающе, яко на самого на небесѣхъ сущаго Бога зряще, радуемся и утѣшаемся. Мы, люди грѣшные и низкіе, и то себѣ за велико поставляемъ, еже и образъ Его пречистый видимъ. А Богъ, якоже вѣсть, правосудіемъ своимъ о насъ разсудитъ. Богъ бо не востребуетъ вашего предводителя Мартина на разсужденіе, но якоже самъ Онъ вѣсть, тако и судити насъ будетъ. Мы образъ Его любимъ и почитаемъ, и Онъ насъ любитъ и чрезъ образъ чудотвореніемъ насъ посѣщаетъ и утѣшаетъ; и того ради мы не токмо самому Богу, но и образу Его, за имя Его Божіе, служимъ и честь достолѣпную приносимъ. И кіи человѣцы есть въ насъ, иже, смиряя себя предъ Богомъ и ради своея низости, на небо умныхъ своихъ очей не дерзаютъ вознести, но при написаномъ образѣ Божіемъ помышляютъ и самому Богу быти, тыи люди не весьма предъ Богомъ согрѣшаютъ, понеже Богъ вездѣ сый и вся исполняетъ. Царь бо Давидъ и во адѣ Божіе бытіе являетъ; а идѣже образъ божественный изображенъ, то како тутъ и самому Богу не быть? Писаніе святое повѣствуетъ и о крестѣ Господни тако: аще гдѣ токмо крестъ начертанъ будетъ, ту и самъ Богъ пребываетъ; то како при написанномъ Его образѣ Богу не быти? И аще бы при святыхъ

образахъ Бога не было, то како бы отъ образовъ чудесамъ великимъ и дивнымъ содѣватися,—понеже древо или иная вещь ничтоже есть. Уже бо егда и во адѣ Божіе бытіе отъ пророка назначено, то како вы, иконоборствуя, отречете отъ образа Божія, еже бы не быти Ему ту? Еще же и посему можно разумѣть, яко при образѣхъ святыхъ Божія сила есть, понеже діаволъ, егда мечты творитъ или привидѣнія и страхованія дѣетъ, то никогдѣ въ тѣхъ мѣстахъ нечесого не дѣйствуетъ, идѣже образы святые стоятъ; но дѣйствуетъ изъ запечья или изъ задняго угла, или изъ бани, идѣже образовъ святыхъ нѣтъ. А аще бы при образѣхъ святыхъ силы Божія не было, то наипаче бы діаволъ кудесилъ при образѣхъ, дабы тѣмъ образы святые озлословить.

И по сему разсужденію, вси люторстіи преемницы не иконоборцы есте, но самые истинные богоборцы: понеже, образъ Божій видимый попирая, попираете при тѣхъ образѣхъ и самого невидимаго Бога. И аще речеши, яко бы азъ тѣмъ глаголомъ невещественнаго Бога въ вещество произвожду и въ безвластіе и въ безсиліе всесильнаго Бога низлагаю, азъ же реку: ни, Бога бо еже существенне топтати человѣку, того и во умъ вмѣстити невозможно, и не токмо небомъ и землею владѣющаго и всею подземною Бога, но и человѣча духа топтати тѣлесными ногами невозможно; но вы произволеніемъ своимъ Бога невидимаго топчете. И по всему явно есть, яко отъ наставника вашего Мартина, тако и отъ васъ, отъяся благодать Божія, и вси вы въ своей вѣрѣ бродите, яко безсловесный скотъ, не имущій пастыря.

То себѣ вѣдите, яко трудно діаволу человѣка содвигнути съ камене, на немъ же утвержденъ бяше, то есть съ древняго благочестія, на каменномъ основаніи утвержденнаго; а егда уже кого діаволъ явно или какимъ обманомъ съ того древняго основанія сторгнетъ, то уже еже восхощетъ, то въ немъ и содѣлаетъ. Видите ли діаволь все-

лукавый промыслъ: вначалѣ бо поманилъ васъ небольшими отпаденьми отъ древняго благочестія, но токмо едиными жидовскими опрѣснокамя да исхожденіемъ отъ Сына Духа Святаго и иными нѣкоторыми статьями невеликими; а потомъ уже отторгъ васъ отъ почитанія святыхъ иконъ и отъ всѣхъ порядковъ церковныхъ, и догматы вся разрушилъ, и всѣхъ церковныхъ таинствъ лишилъ, и сдѣлалъ васъ, яко безсловеснаго скота. А нынѣ той же злохитрый діаволъ началъ изъ васъ и христіанское имя изводити, а съ христіанствомъ и Божіе имя истребляти, ибо нѣцыи изъ васъ уже глаголютъ, и не токмо глаголютъ, но и стоятъ въ томъ, яко нѣсть на свѣтѣ Бога, но сей свѣтъ самъ о себѣ стоитъ: нѣсть у него ни создателя, ни владѣтеля, но мы-де сами собою и всѣмъ свѣтомъ владѣемъ; и кой-де человѣкъ уменъ, той умно и живетъ, а кой глупъ, тотъ глупо и живетъ. И вси-де человѣцы, пока живы, то ихъ и пріобрѣтеніе, а егда-де кто умретъ, тутъ ему и конецъ весь, и ни царства небеснаго, ни муки вѣчныя, ни воскресенія мертвыхъ не сказуютъ; но егда-де кто умеръ да сгнилъ, тутъ-де ему и конецъ весь; и всѣхъ христіанъ нарицаютъ безумными. Егда-де кой человѣкъ умеръ, то уже-де больше нечего спрашивать, а они-де отъ безумія своего надѣются по смерти и по сгнитіи плоти паки возстати. Да сказуютъ-де Бога быти, да ангеловъ, да бѣсей сказуютъ; да будто инымъ будетъ по смерти царство небесное лучши здѣшняго, а инымъ будто будетъ мука безконечная, злѣе здѣшнихъ мукъ. Яко-де человѣкъ бредитъ во снѣ, подобнѣ-де тому нарицаемые христіане бредятъ. То-де издали волочаги, обманщики, выманиваючи у богатыхъ людей деньги; и иные-де такіе были безумники, что все свое богатство имъ роздали да и сами по-міру пошли, понеже-де тѣ разсказчики такіе разсказы подпустятъ, будто что они имъ разсказчикамъ дадутъ, и то будто по смерти отдано будетъ сторицею. И такіе разсказы разсказываютъ, будто

Богъ отъ чистой Дѣвицы безъ мужа родился, чему отнюдь быть невозможно, и будто тотъ ихъ Богъ за грѣхи ихъ распялся на крестѣ, и въ третій день будто воскресъ изъ мертвыхъ; и будто всѣхъ умершихъ и въ прахъ претворившихся воскреситъ, и милостивымъ дастъ царство небесное, а кои къ тѣмъ разсказчикамъ не податливы были, тѣхъ-де осудитъ на вѣчное мученіе. И такими-де своими разсказы многіе дома богатые раззорили.—Тако бо діаволъ въ васъ, послушникахъ своихъ, началъ дѣйствовати, яко вся божественная писанія древняя и новая и самого Христа Бога нашего глаголы Мартинъ вашъ ни вочтожность началъ обращати!

А нынѣ уже въ безбожіи сущимъ и отеческую ересь пріемшимъ не треба не токмо имѣть писанія святаго, но и слышати не востребоваше. И того ради, намъ, въ православіи сущимъ, вельми надобно отъ васъ блюстися и бѣжати отъ васъ, яко отъ лютаго змія василиска, зрѣніемъ человѣки убивающаго, или— паче василиска, понеже василискъ токмо едино тѣло убибаетъ, и то на время, а не вѣчно, а души вредити не можетъ; а вашимъ люторскимъ ядомъ аще кто уязвленъ будетъ, той уже душею и тѣломъ вѣчно погибнетъ. Потому, еже кто аще въ люторство склонится, то тотъ уже и въ безбожіе внидетъ и отечистомъ [1]) будетъ: понеже, въ васъ уже безбожіе вкоренятися начася, и мало по малу вси тамъ будете. И того ради съ вами и содружіе имѣть опасно, дабы отъ васъ чѣмъ не умаратися; всякъ бо касаяйся горицу учернится и прикасаяйся дегтю обмажется; подобнѣ и прикасайся злому, точенъ ему будетъ. Того бо ради и царь Давидъ глаголетъ: съ преподобнымъ преподобенъ будеши, а со строптивымъ повелѣваетъ развратитися, то есть: отъ всякаго, не токмо зловѣрнаго, но и отъ всякаго злаго человѣка, царь Давидъ повелѣваетъ развратитися, дабы како-

---

[1]) *атеистомъ?*

вымъ его дѣломъ не пріобщитися и въ погибель бы не врінутися. И по Давидову слову, надлежитъ и съ вами развратитися, понеже вси вы отъ діавола пойманы есте первыми паденьями и вельми близки уже и къ послѣднему паденію отечискому [1]), то есть, къ безбожной ереси, кая въ васъ уже и началась быть. И нельзя вамъ убѣжать отъ послѣдняго паденія, понеже вы, въ люторствѣ сущіи, два отпаденія уже любезно пріяли и держитеся люторовыхъ словесъ паче Евангелія, а о покаяніи и не мыслите, еже бы вамъ къ древнему благочестію обратитися; и того ради благодать Божія отъяся отъ васъ,—и нельзя вамъ не такъ быть, еже отъ Бога весьма не отбыть. Вначалѣ бо васъ діаволъ отторгъ отъ почитанія токмо образа Божія, а нынѣ началъ уже васъ отторгати и отъ самого Бога и дабы и имя Божіе въ васъ не воспоминалося. И по всему явѣ есть, яко аще вскорѣ или и не вскорѣ, обаче діаволъ намѣреніе свое исполнитъ въ васъ: вси бо вы, яко кальвиняне, тако и люторане, будете въ безбожіи. Діаволъ бо обуздалъ васъ первыми отпаденьми, и не допуститъ васъ на покаяніе, еже бы вамъ на истинный путь древняго христіанства обратитися, но куда васъ наклонилъ, туда уже вамъ и пасти будетъ.

Намъ, во православіи сущимъ, вельми надлежитъ святыхъ иконъ почитанія держатися и древнія преданія хранить нерушимо, дабы такожде, яко и люторове, не пострадати, въ безбожіе бы не впасти. Святыхъ бо иконъ почитаніе вельми свято есть и всему благочестію твердое основаніе; понеже любленіе святыхъ иконъ и почитаніе ничимъ же разнствуетъ отъ записи: егда бо кто запись на себя дастъ въ чесомъ либо, то уже хотя и не хотя творити будетъ и нарушити записи не смѣетъ; тако бо и иконное почитаніе: егда уже мы образъ Божій любимъ и почитаемъ, то како намъ самого

---

[1]) *атеистскому?*

Бога нашего не любити? И дондеже святыя иконы любимъ и почитаемъ, то не можно намъ отъ благочестія отстати и въ безбожіе впасти. Сіе и въ простыхъ народѣхъ множицею дѣется, еже аще кто кого любитъ отъ всея сердечныя любве, то не токмо образъ того друга, но аще каковую либо и вещь получитъ отъ него, то и вещь та ему мила бываетъ и честно хранитъ ю, и зритъ на ню любезно, яко на самого того, егоже персона у него или и иная вещь обрѣтается: кольми же паче мы должны образъ Божій любити и почитати! А онъ, Господь и Богъ нашъ, не яко человѣкъ, но яко Богъ, вся видитъ: и каковую мы къ Нему и ко образу Его имѣемъ любовь, и каковое почитаніе творимъ Его видимому образу. Онъ же, яко Богъ и всевидецъ и яко человѣколюбецъ, и за малое почитаніе воздастъ намъ многое воздаяніе по своей человѣколюбной къ намъ милости.

Вы, въ люторствѣ сущіи, сіе себѣ разсудите: кто отъ человѣкъ можетъ Бога по достоинству его почтити? Мы вѣмы, яко никто отъ человѣкъ по достоинству не можетъ Бога восхвалити или возблагодарити; и мы, вѣдая недостаточество ума своего, радуемся и тому, еже ко образу Его Божіему и пресвятыя Богородицы или и отъ вѣрныхъ Его рабовъ коего каковую честь отдадимъ; а Богъ, яко чадолюбивый отецъ пріемлетъ юныхъ чадъ своимъ нѣмоту, тако, вѣдая смиреніе и недостачество наше, то наше нѣмотованіе по своей человѣколюбивой милости пріемлетъ и вся полезная намъ даруетъ. Вы же, аще вѣсте свое достоинство и во всемъ предъ Богомъ совершенное исправленіе,—и мы тому не претимъ; токмо смотрите, чтобы намъ не омилиться[1]), понеже что у человѣкъ высоко, то у Бога низко. Вы такъ себя высоко вознесосте, еже не токмо святыхъ угодниковъ Божіихъ, но и пресвятыя Божія Матере въ помощь себѣ не

[1]) *вамъ не умалитися?*

призываете, и глаголете: мы-де къ Богу ходатаевъ не требуемъ, понеже Онъ—всевидецъ. И сего мы не споримъ и глаголемъ тожде, еже всевидѣцъ есть, и не токмо дѣла, но и помышленія вся наша вѣсть; обаче Божію всевидѣнію нѣсть въ томъ пресѣченія, еже мы пресвятую Богородицу, теплую нашу Заступницу, въ помощь себѣ призываемъ; такожде и угодниковъ Божіихъ, кіи Богу заслужиша и за ихъ труды Богъ присвоилъ ихъ къ себѣ, молимъ же, дабы и они Господа Бога молили и испросили намъ грѣховъ оставленіе. Вы же себѣ не надѣйтеся на предводителя своего Мартина: весь бо онъ гноенъ и преданія его вся наполнена суть гноя; нѣсть бо ни во единомъ словеси его цѣлости, но вся его словеса гнила суть. Обольсти бо онъ васъ симъ словомъ, еже ученіе свое нарекъ евангельскимъ ученіемъ,—у него бо вся ученія не евангельская, но противная святому Евангелію; а отцы ваши, не справяся со святымъ Евангеліемъ, да словамъ его и повѣрили. И о томъ его лжеевангельскомъ ученіи, елико ми Богъ даровалъ, явихъ въ первыхъ своихъ бесѣдахъ.

И того ради подобаетъ всѣмъ блазнящимся на его люторскую прелесть не слагатися, но годствуетъ отъ него удалятися. Каковъ онъ бысть золъ, паче того отрасли отъ него злѣйши израстоша и плоды ихъ зли суть. Онъ вамъ не повелѣлъ почитати и о заступленіи просити рабовъ Божіихъ, кіи въ животѣ своемъ вѣрно Ему послужиша. И вы бы посмотрѣли на гражданское житіе: можно ли ближнихъ слугъ царевыхъ ничтожити и надлежитъ ли ихъ о помощи просити и о заступленіи къ царю? И аще вѣдаете, еже слугъ царевыхъ почитати и о заступленіи просити полезно, то како не полезно Божіихъ слугъ почитати и о помощи себѣ просити? Ей, полезно и Богу любезно, еже не токмо Его самого, но и слугъ Его кто почитаетъ. Мартинъ вашъ вся сія учинилъ отъ презѣльныя своея гордо-

сяи. Мы же, во православіи живуще, тако гордитися, яко вы, никогда хощемъ, за еже грѣхи своя и недостоинство знаемъ. А вы, аще вѣдаете, еже грѣховъ на себѣ не имѣете, и аще чаете, яко житіе ваше всѣмъ святымъ, Богу угодившимъ, равно, и вамъ то и буди. А мы вси во грѣсѣхъ зачинается, во грѣсѣхъ и рождаемся, во грѣсѣхъ и все житіе свое провождаемъ. И того ради не токмо предъ самимъ Богомъ, но и предъ рабы Его страшни есмы и ничтожить ихъ не смѣемъ, по вашему, или себѣ равнять не дерзаемъ: и не можно намъ того чинить, понеже яко земля отъ небеси отстоитъ, тако наше житіе отъ ихъ житія отстоитъ. И того ради мы ихъ почитаемъ и молимъ ихъ, дабы они у Господа Бога, Ему же вѣрно послужиша, испросили намъ оставленіе грѣховъ нашихъ, и за ихъ просьбу сподобилъ бы насъ Господь Богъ нашъ наслѣдіе вѣчныхъ благъ получити — не по нашимъ заслугамъ, но по своей человѣколюбной милости, за ихъ прошеніе,—идѣже бы Его, Бога непостижимаго, славити со всѣми угодившими Ему въ безконечные вѣки. Аминь.

Бесѣда четвертая, къ люторамъ.

Мы истинно удивляемся вашему разуму: чѣмъ вы предъ Богомъ хощете, паче древнихъ учителей церковныхъ, правы быти и какъ вы сами себя познать не можете? Вы себя высокомысліемъ своимъ до небесъ вознесосте, и того ради бойтеся, дабы вамъ до преисподнія бездны не пасти: понеже съ высокости всякая вещь паче разбивается, нежели съ низкости; а аще же превышши что вознесеши, то болѣе и сокрушится. И сего ради годствуетъ всякому человѣку высокости боятися, дабы въ чесомъ не вознестися. Сіе бо естественно есть, еже отъ презельныя высокости падати вельми несносно: и въ естественномъ паденіи—сокрушеніе членовъ и здравія лишеніе или смерть временная, а въ духовномъ паденіи приключается смерть вѣчная и мука безконечная. То себѣ вѣдите: что у человѣкъ высоко, то у Бога низко; а апостолъ Павелъ тако глаголетъ, яко нарицающіи себя быти мудри, объюродѣша (Рим. I, 22), то есть, обезумишася. А премудрый Соломонъ ясно сказуетъ, яко въ злохитрую душу не внидетъ премудрость, ниже обитаетъ въ тѣлеси, повинномъ грѣху. (Парем., I) [1]. Видите ли, коль ясне Соломонъ изъясни, яко премудрость въ тѣхъ человѣцѣхъ не обитаетъ, кіи повинни грѣху. А вы сами вѣсте, яко той

---

[1]) Премудр. Солом., I, 4.

вашъ Мартинъ весь во грѣсѣхъ сый,—то какому въ немъ разуму быть, по соломонову словеси?—токмо едино безуміе. И того ради не довелось было отъ него ничего принимати. Святыи же пророкъ Исаія сказуетъ тѣмъ горе, кіи мудрствуютъ о себѣ и предъ собою хитрымъ (Ис., гл. V, 21). И уже бо егда горе тому, кто мнитъ себе быти мудра, то и тѣмъ какая будетъ сладость, кіи у такова ученіе будутъ принимати и такожъ о себѣ станутъ мудритися; явѣ есть, яко то же горе сугубое наслѣдятъ. И паки чрезъ того же пророка глаголетъ: погублю премудрость премудрыхъ и разумъ разумныхъ отвергну (Ис., гл. XXIX, 14). Святый же апостолъ Павелъ ясно глаголетъ, яко обуи Богъ премудрость вѣка сего, понеже въ премудрости Божіей не разумѣ міръ премудростію Бога, благоволи бо Богъ буйствомъ проповѣданія спасти вѣрующія (1 Корин. I, 21). Видите ли вы, яко мудрованіе вашего учителя Мартина названо дурачествомъ отъ Бога. И апостолъ Павелъ похваляетъ ученіе простое, кое было изначала изложено; а Мартинъ вашъ и вы ту богоугодную простость нарекосте безуміемъ и отвергосте ю отъ себя и издасте по разуму вѣка сего. И видите ли вы: что отъ Бога похвалено, то вы хулите, а что отъ Бога похулено, то вы хвалите. И вы нынѣ сами въ себѣ помыслите: вашему ли лжеучителю лучше вѣрить, иль самому Богу, въ Немъ же нѣсть ни единыя крапли неправости? И вы, аще лучше Бога слушаете Мартина, и вамъ буди по намѣренію вашему, и чѣмъ онъ будетъ во грядущемъ вѣцѣ богатъ, тѣмъ васъ будетъ и чествовать.

Мы же, со апостоломъ Павломъ согласяся, глаголемъ: простое Божіе премудрѣе человѣкъ есть и немощное Божіе крѣпчае человѣкъ есть (1 Кор. 1, 25). И сего ради лучше намъ древняго преданія простотнаго держатися, да съ Богомъ и будемъ; и надъ древняя преданія мудровати не хощемъ, дабы намъ въ такомъ же дурачествѣ не быти, въ

каковое вы впадосте. Отнюдь бо не подобаетъ выситися своимъ разумомъ. И мы, не судя васъ, сія глаголемъ, но болѣзнуя о васъ, еже погибаете напрасно; къ тому же и себя остерегая, дабы также въ чесомъ либо и такожде бы не упасти, якоже учитель вашъ Мартинъ упалъ: упасть бо вельми легко, но упадши встать вельми тягостно,—и того ради надобно себя отъ того хранити, дабы не упасти. Сіе же намъ всѣмъ зримо есть, еже аще что высоко вознесено бываетъ, то глубочае падаетъ, а иное, падши, разбивается и въ прахъ претворяется, и аще что высочайши вознесено будетъ, то горши сокрушается. И кто будетъ въ разумѣ своимъ выситися, и отъ таковыхъ высокомнѣнныхъ человѣкъ Богъ отступаетъ и благодать свою отъемлетъ, и ни въ чесомъ не посылаетъ своея помощи. Царь Давидъ о сицевыхъ тако глаголетъ: что ся хвалиши во злобѣ, сильне; беззаконіе и неправду умысли языкъ твой: яко бритва изощрена, сотворилъ еси лесть, возлюбилъ еси неправду. Сего ради разрушитъ тя Богъ до конца (Пс. LI, 3—7). И сего ради вы осмотритеся прилежненно и высокомысліе свое отрините до конца; время бо вамъ высокомысліе свое оставити и воспріяти древнее смиреніе простотное, а не гордостное, и къ восточнѣй церкви пріобщитися, на древніе же церковные учители не гордитися, но съ самымъ смиреніемъ и съ чистымъ покаяніемъ ко Господу Богу припаднути и житію святыхъ отецъ, твердому и цѣломудренному, а не роскошному и не прелюбодѣйному послѣдовати, дабы сообщенія святыхъ не лишитися. Мы же о себѣ вамъ извѣствуемъ, яко мы людіе грѣшніи, и сами мы сіе вѣдаемъ, еже мы отъ древнихъ святыхъ отецъ далече отстоимъ,—яко земля отъ небеси, тако мы отъ нихъ; и того ради сами ся смиряемъ и о заступленіи ихъ молимъ, дабы о насъ они Бога умоляли. Понеже мы, множества ради своихъ грѣховъ, и на небо воззрѣти не смѣемъ, а не то чтобы намъ гордостно поступати и отъ скверныхъ своихъ устенъ

мольбу свою Богу, въ неприступномъ свѣтѣ на херувимѣхъ сѣдящему, приносити. И тако себя смиряя, угодниковъ Божіихъ, святыхъ отецъ и святыхъ ангеловъ Божіихъ молимъ, дабы они молитвы наши до Господа Бога доносили. И сице творя, мы Бога не снижаемъ, но паче его возвышаемъ.

Вы насъ напрасно порицаете, еже мы святыхъ почитаемъ. Насъ святый царь и пророкъ Давидъ научаетъ хвалити Бога во святыхъ Его. (Псал. CL, 1). И того ради мы во святыхъ Божіихъ рабѣхъ не иного Бога прославляемъ, но, почитая святыхъ, Его же, Господа Бога нашего, прославляемъ. А вы, отъ высокаго своего разума, всѣхъ святыхъ, Богу угодившихъ, въ ничтожность поставляете и съ собою ихъ равняете, и не токмо сами ихъ себѣ въ помощь не призываете, но и инымъ возбраняете. Такожде и святыя иконы, кіихъ святая церковь еще при святыхъ апостолѣхъ пріяла, отмещете и, ругаяся имъ, отъ высокія своея гордости, нарицаете ихъ идолами; а намъ ругаяся, нарицаете святыя иконы домовыми богами. А домовые какіе суть боги? У насъ токмо единъ Богъ, иже есть на небесѣхъ; развѣ у васъ особые боги суть, коихъ вы ради почитанія въ паникадилахъ, на высшемъ мѣстѣ поставляете, такожде и на иныхъ высокихъ мѣстахъ поставляете,—а насъ напрасно ругаете.

Вы не токмо едины древняго преданія святыя иконы обругасте, но и церковные всѣ догматы и преданія, яже при святыхъ апостолѣхъ и апостольскихъ преемникахъ начашася, отвергосте и попрасте. По вашему высокому разуму, святіи апостоли и ихъ преемницы вси согрѣшили, что не по люторски законы положили. Вы Мартина своего поставляете своимъ разумомъ не токмо древнихъ святыхъ церковныхъ учителей, но и апостоловъ превозшедша въ разумѣ, понеже вси прежде вашего Мартина бывшіи святіи апостольстіи преемницы жить по вашему не умѣли, но трудились до поту лица своего, молились съ поклоны тѣлесными даже до

самого утружденія, постились съ великимъ алканіемъ, вмѣсто хлѣба ядоша быліе, вмѣсто же ренскаго пили воду мутную, вмѣсто златотканныхъ одеждей носили многошвенныя рубища, вмѣсто постель пуховыхъ спали на голой земли, вмѣсто же свѣтлыхъ свѣтлицъ жили въ темныхъ вертепахъ, вмѣсто французскихъ танцевъ во всенощныхъ бдѣніяхъ нощи провождали, вмѣсто множества пенязей премножество вшей имѣли, вмѣсто твердыхъ храминъ на дождѣ и на снѣгу безъ покрова пребывали, мразъ и зной терпѣли, вмѣсто же музыкъ и веселія и о малыхъ своихъ грѣсѣхъ день и нощь плакали, дабы Богъ во грядущемъ вѣцѣ не воспомянулъ ихъ грѣховъ и не лишилъ бы ихъ царства небеснаго. А инымъ и вышеписанныхъ нуждъ явилось мало: самоизвольно на смертное мученіе себя отдавали и, горшими муками умучими, отъ тѣлесъ своихъ разлучалися.

И по вашему суемудрому толкованію, вси сіи безумно жили, еже не по люторску, не въ сладостномъ житіи жизнь свою провождали и злою смертію скончались. О, бѣдные, бѣдные высокоумы! Кто бо не подивится вашему таковому безумію! —ей, развѣ кто не имать ни малаго въ себѣ смышленія. А аще кто здравый умъ отъ зловѣрія люторскаго имѣетъ неповрежденный, и тотъ, аще посмотритъ на ваше слабостное и любосластное житіе и на тѣхъ многострадальное житія сего бытіе, то, не обинуяся, речетъ, яко учитель вашъ внѣ ума своего былъ, еже хощетъ безъ труда въ царство небесное внити. А и преемницы его ни чимъ же лучши его, но вси вы единаго духа, единаго и разума есте. Понеже тіи трудники жили по евангельскому Христову ученію, а не по люторскому, шли они узкимъ и прискорбнымъ путемъ, и по Господню неложному словеси, вошли они въ жизнь вѣчную на безконечное веселіе: вмалѣ вкусили горести, и за то терпѣніе во вѣки вѣковъ будутъ пріимати сладость и веселіе. А свидѣтельство тому имъ воздаянію всѣмъ людемъ явно есть, понеже тіи трудники еще

въ животѣ своемъ мертвыхъ воскрешали, слѣпыхъ просвѣщали, глухимъ ушеса отверзали, нѣмымъ глаголаніе подавали и бѣсовъ прогоняли, и всякія неудобоисцѣльныя болѣзни исцѣляли. И не токмо въ животѣ, но и по смерти ихъ Богъ ихъ прославляетъ: якоже древле Елисеа пророка кости, тако и нынѣ угодниковъ своихъ Богъ прославляетъ преславными чудесы. А вашъ предводитель Мартинъ, отъ превысокаго своего безумія, во Евангеліе смотрѣлъ, да знатное дѣло, что зажмуряся онъ читалъ; и того ради на ту дорогу, которою шли по Господню приказанію святіи апостоли и преемницы ихъ, не улучилъ, но улучилъ на ту дорогу, яже ведетъ въ погибель, о коей дорогѣ Господь ясно изъявилъ, глаголя, яко пространная врата и широкъ путь вводятъ въ пагубу; и приРече, яко мнози имъ шествуютъ (Матѳ. VII, 13). И той вашъ Мартинъ, ощупавъ той широкой путь, самъ съ собою помыслилъ и по своему высокому разуму и сластолюбію разсудилъ, еже лучши со множествомъ людей итти, веселѣе и утѣшнѣе, а узкимъ путемъ товарищества мало; и того ради судилъ себѣ лучши широкимъ путемъ итти: свергши съ себя иночество и пошолъ первѣе самъ тѣмъ путемъ, а по немъ, видя, что пространенъ и веселъ той ево путь, его же онъ Мартинъ избралъ, и мнози во слѣдъ его поидоша. А на скончаніе того широкаго пути никоторый люторинъ не посмотритъ: куды-то тотъ путь ведетъ ихъ? Одно другъ друга постизаетъ и другъ друга предваряетъ, и великими купами тѣснятся; да и насъ смиренныхъ тѣмъ же путемъ подущаютъ итти. И тако сами погибаютъ и насъ въ тое жъ погибель рѣютъ.

И той Мартинъ сіе слово евангельское совершенно исполнилъ: широкому пути явился добрымъ предводителемъ, и за собою и охотниковъ множество повелъ. Господь рекъ, яко мнози имъ шествуютъ: и той вашъ Мартинъ не оскудилъ того пути, но со множествомъ народа, яко на какое

пиршество, пошелъ. А кіи узкими враты и прискорбнымъ путемъ шествовали и нынѣ шествуютъ, тѣхъ всѣхъ нарицаютъ дураками. А и нынѣ вы тожде глаголете, сказуя: какіе-де то люди были, что слишкомъ полторы тысячи лѣтъ жили, а истиннаго пути, ведущаго до царства небеснаго, найти не могли. И сему словеси и мы согласуемъ вамъ, яко Мартинъ вашъ нашелъ истинный путь—до вѣчныя погибели, а не до царства небеснаго. Токмо мы глаголемъ: избави, Боже, не токмо насъ, но и васъ отъ того вашего истиннаго пути! И аще вы не покаетеся и съ широкаго пути на узкій не совратитеся и, шествуя имъ, аще внидите въ погибель, то вамъ жаловаться — на свое безуміе, еже не разсмотря броду, да пошли въ воду. То бы Мартинъ вашъ виноватъ былъ предъ вами, если бы онъ васъ послалъ на широкой путь, а самъ бы шелъ узкимъ; а онъ прямой вашъ предводитель доброй и нельзя его вамъ не любить, понеже первѣе самъ пошелъ и вамъ уже за собою велѣлъ итти. И сего ради нельзя вамъ его назвать обманщикомъ, за еже что онъ самъ сталъ творить, тому и васъ сталъ учить: ибо, прежде самъ съ себя иночество свергъ, да инокиню жъ въ блудъ себѣ взялъ,—и вамъ тожъ повелѣлъ творити. А если бы ваши отцы были умны, то бы они первѣе разсмотрѣли его житіе и дѣло, то, я не вѣмъ, какъ бы ево слушати: уже бо который человѣкъ иго Христово съ себя свергнетъ, того отнюдь слушати не подобаетъ, понеже той человѣкъ уже сталъ быти измѣнникъ Христовъ; а онъ, Мартинъ, очевидно иго Христово съ себя свергъ и попралъ его ногами. А вы по виду являетеся, якобы и прочіи человѣцы, и разумѣть бы не невозможно вамъ, еже Богу онъ измѣнилъ, а повинулись ему, яко вѣрному рабу Божію. Аще бо кто и своему брату дастъ слово, да солжетъ, и тѣхъ людей уже людьми не почитаютъ и вѣры имъ не емлютъ; а онъ, Мартинъ, обѣщался Богу служити во иночествѣ, а послѣди раскаялся и, яко

песъ, на свою блевотину возвратился. А отцы ваши, видя въ немъ такую предъ Богомъ измѣну, лживымъ его словамъ повѣрили и приняли себѣ за добраго учителя.

И аще отцы ваши и не могли его познать, что онъ въ ересь впалъ, а вамъ всячески познать уже можно, еже онъ васъ учитъ шествовать путемъ широкимъ и веселостнымъ, а не прискорбнымъ. Мочно ли вамъ сіе видѣти, или за упрямство не мочно, еже того законопреступленія явилось ему мало, еже иночество свергши съ себя инокиню жъ въ наложницу себѣ взялъ, но еще беззаконіе къ беззаконнію приложилъ; ибо вся древняя преданія святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ намѣстниковъ и преемниковъ апостольскихъ догматы отвергъ и исказилъ, да издалъ свои новыя, свои вымышленныя и святому Евангелію и всему святому писанію противныя догмы. Во святомъ Евангеліи отъ самого Бога заповѣдано поститися (Матѳ VI, 17; Матѳ. IX 15; Марк. II, 19; Лук. V. 35); и, по приказанію Его, Божію, древніи святіи постились, и нынѣ, кіи народы во благочестіи стоятъ, постятся; а вашъ Мартинъ самъ не постился и вамъ не повелѣлъ поститися. Божіе повелѣніе отставивъ, да повинулися законопреступнику: вся посты святые отвергосте и, яко безсловесный скотъ, или яко безграмотная мордва, не разбирая дней, по вся дни ядите мясо. И вы себѣ нынѣ возьмите святое Евангеліе и прочтите, въ него смотря, а не на вѣтеръ,—и вѣмъ, яко не обрящете и единаго словесе, еже бы повелѣно было мясо ясти. Ибо и самъ Господь Богъ во все свое бытіе на земли постныя яди ѣлъ, а мяса отнюдь никакого никогда не вкушалъ, и въ самую пасху егда по воскресеніи ко ученикамъ затвореннымъ дверемъ вниде, ялъ предъ ученики своими токмо рыбу да пчелій сотъ, а не мясо. И сіе предводитель вашъ сбредилъ, еже на святое Евангеліе во яденіи мясъ ссылается; а по немъ и вы вси бредите,—ссылаяся на святое Евангеліе,

яко скоть или яко мордва, не знающая дней, ежедневно мясо ядите. И о семъ, аще кто хощетъ, да зритъ въ первой бесѣдѣ и тамо пространнѣе и яснѣе узритъ.

Паки, Господь рекъ, яко нуждницы царство небесное восхищаютъ, то есть, получаютъ (Матѳ. XI, 12; Лук. XVI 16); а вашъ предводитель повелѣваетъ вамъ безъ нужды внити въ царство небесное. И мы не вѣмы, гдѣ разумъ свой вы растеряли Явѣ есть, яко со сладостными брашны и со украшенными потравами и разумъ свой весь съѣли. Паки, Господь повелѣлъ иго свое носить, и прирекъ, глаголя: иго Мое благо и бремя Мое легко есть (Матѳ XI, 29); а Мартинъ вашъ легкаго ига Христова носить не восхотѣлъ,—аще по Господню словеси и благо, но ему явилось непотребно: свергши съ себя иго Христово, воспріялъ на себя иго міра сего. И не токмо самъ единъ не сталъ его носити, но и послушникамъ своимъ всѣмъ повелѣлъ иго Христово свергнути и повелѣлъ мамонѣ работати. И не до сего ста, но и вся Божія приказанія отвергши, издалъ нововымышленное легкостное спасеніе: поклоновъ и никаковыя нужды, удручающія плоть, никакова труда творить не повелѣлъ, но повелѣлъ жить безпечно во всякомъ пространствѣ и роскошахъ; поклоны повелѣлъ отправлять единымъ токмо помышленіемъ. И сіе не самое ли его безуміе, еже аще помыслить о поклонѣхъ, то будто и отправятся безъ труда!

А и васъ, не вѣмъ, какъ похвалить, понеже и вы явились, яко безсловесный скотъ: что онъ творитъ, и вы тожде творите, и еже онъ говорилъ, и вы тожде глаголете, а Господни глаголы вси ногами своими попираете, и на святое Евангеліе ссылаетеся напрасно, глаголя, яко бы тамо о поклонахъ не написано. А Господь самарянынѣ ясно изъявилъ, яко достоитъ кланятися. О себѣ рекъ: мы кланяемся, Ему же вѣмы; а о самарянѣхъ рекъ: вы кланяетеся, ему же не вѣсте (Іоаннъ IV, 22),—понеже они истиннаго Бога не знали. А мы сынове есмы восточ-

ныя церкви и Ему же кланяемся знаемъ. А того во святомъ Евангеліи нѣсть, еже бы Господь повелѣлъ токмо единымъ помышленіемъ, яко же Мартинъ вашъ обредилъ, кланятися. Довлѣло бы ему и тоя бредни, еже онъ внѣ своего ума бредилъ о ядѣніи мяса, яко бы изъ Евангелія онъ взялъ, еже по вся дни, яко безсловесному скоту, не разбирая дней, мясо ясти. И вамъ, аще то угодно, еже мясо ясти, и вы поне отъ сея его бредни поудалитеся и тѣлесныхъ трудовъ отъ себя не отлагайте; понеже и самъ Господь Богъ, дая намъ образъ, въ поклонѣхъ трудился, яко и потъ отъ Него капалъ на землю. О семъ святіи евангелисти ясно свидѣтельствуютъ. Лука святый глаголетъ: бысть потъ Его, яко каппля крове, каплющая на землю (XXII, 44); Матѳей же святый глаголетъ: и прешедъ мало, паде на лице своемъ молящеся (XXVI, 39). Видите ли, слѣпіи читатели, се бо Господь не въ кресла сѣдъ и не въ парикѣ, не въ шляпѣ молился, но кланялся Отцу своему въ землю, отъ того то и потъ Ему бяше. А по вашему люторскому уставу, отъ сидѣнія въ креслахъ, не вельми великъ потъ будетъ. И Маркъ святый тожде глаголетъ, яко прешедъ мало, паде на землю, моляшеся. И о бѣсахъ, во человѣцѣхъ живущихъ, Господь ясно изъяви, яко молитвою и постомъ изгонятся отъ человѣковъ, а не вашимъ люторскимъ мнѣніемъ и въ креслахъ сидѣніемъ. И наставникъ вашъ Мартинъ, аще бы поста отъ себя не отвергъ, то діаволъ бы тако не возгнѣздился въ немъ, и онъ, Мартинъ, собою на таковая богопротивная дѣла тако развращати древнихъ уставовъ не дерзнулъ бы, но всячески бы поопасся. И того вашего лжеапостола Мартина богопротивной его проповѣди вящши дву-сту лѣтъ.

И вси вы сказуете о себѣ тако, яко вы вси равни не токмо святымъ намѣстникомъ апостольскимъ, но и самому возлюбленному Христову ученику, дѣвственнику Іоанну Богослову сказывается кревреты; и ангеломъ святымъ сказуете себе клев-

ретами жъ. И то мы на словахъ отъ васъ слышимъ, яко вы святи есте, а на дѣлѣ не можемъ ни малыя черты видѣти вашея святости, еже бы вы отъ своея люторскія святости мертваго кого воскресили или слѣпаго просвѣтили, или иное какое чудо великое или и малое сотворили. И по сему мочно и самому простому человѣку разумѣти, еже какъ Мартинъ вашъ бредилъ, такъ и вы бредите, сказующе о себѣ, яко святи есте, —и тая глаголя, на свои души лжете. Паки, Господь не повелѣлъ крови скотіей ясти и аще кто будетъ кровь ясти, того повелѣлъ Господь убить и съ душею его разлучить, понеже душу скотію съѣлъ (2 Моvс. XVII; 5 Моvс. XII); а вы, преемницы мартиновы, ту Божію заповѣдь отринусте отъ себя и скоты и съ душею снѣдаете. И по всему явѣ есть, яко вы Библію только имянемъ, какъ назвать, знаете, а что въ ней написано, ничего того не знаете, и что ни дѣете, то все бредите,—явѣ есть, яко межъ строкъ ее читаете и на аеръ смотря разсуждаете. И со женами вы своими или съ чужими преспавъ, не обмываетеся: и во церковь въ той нечистотѣ, не обмывшися, ходите, и не токмо сами, но и насъ православныхъ христіанъ зазираете, еже мы, Божіе приказаніе исправляя, обмываемся. А о семъ Господь Богъ Моvсею и Аарону повелѣлъ всѣмъ израильтянамъ сказать и заповѣдать, дабы, преспавъ со женою, обмывались, и сами и одежды свои измывали, и обмывшися, весь той день нечисту быти человѣку. (5 Моvс. XV). А вы такъ себя высоко вознесосте, еже и самого Бога умнѣе поставляется: что Богъ поставилъ въ скверность, а вы то поставляете въ чистоту, а что Богъ положилъ въ святость, а вы то поставляете въ согрѣшеніе. Вы нарицаете себя евангеликами, то есть якобы евангельски живете, а мы не видимъ ни единыя черты святому Евангелію послѣдованія, но токмо видимъ евангельскихъ заповѣдей попраніе. Азъ много имѣхъ вашихъ Лютоplanъ въ знакомствѣ у себя и много въ нихъ поискахъ евангельскаго исправленія и не обрѣтохъ не токмо святаго

Евангелія, но ниже священныя Библіи послѣдованія, но вся заповѣди Божія отвергше, держите заповѣди отца своего Мартина Лютора: той вамъ законодавецъ, а не Богъ. Еже Господь Богъ и святіи Его апостоли и апостольстіи преемницы и вси всея вселенныя учители, въ чудесѣхъ просіявшіи, по дарованію Духа Святаго предаша, та вся отвергосте и попрасте, а еже онъ, Мартинъ, предалъ, та вся опасно держите и храните, яко зѣницу ока. Онъ вамъ царство небесное на словахъ явилъ вельми близко и дорогу вамъ проложилъ широкую; и вы аще хощете совершенно въ царство небесное внити, то вы позрите во святое Евангеліе, а не въ люторская баснословія. И сего ради не лучше-ли вамъ поосмотрѣтися, дабы пришедъ къ райскимъ дверемъ, отосланнымъ не быть, якоже и юродивымъ дѣвамъ. Видите-ли, тыя дѣвы, аще и дѣвство свое чисто соблюдоша, да токмо милости [1]) не имѣша, и за то отъ чертога Божія отосланы быша.

И сего ради всѣмъ, не токмо вамъ, но и намъ подобаетъ опасно жити, дабы вмѣсто рая въ вѣчную муку не улучити. Вы себѣ токмо сіе одно въ разумъ свой возьмите: аще вы съ Мартиномъ своимъ правы, то вси, прежде вашего Мартина бывшіи, яко апостоли, тако и преемницы ихъ и мученицы вси, погибли суть; токмо вы едины спасаетеся?— понеже они жили не по люторску, но постились, молились, трудились по древнимъ преданіямъ и шли узкимъ и прискорбнымъ путемъ, а не широкимъ. А если убо можете сіе признать, еже апостоли святіи и преемницы ихъ святи и мученицы святи, то учитель вашъ Мартинъ—лживый апостолъ, и такова лжепроповѣдника слушать отнюдь не подобало. О семъ мнози и отъ васъ вѣдятъ убо, яко злое древо

---

[1]) *мудрости?*

плодовъ добрыхъ принести не можетъ; самъ Господь ясно всѣмъ намъ изъявилъ, яко злое древо плода добра принести не можетъ, тако и отъ злаго и развращеннаго человѣвѣка не возможно быть ученію полезному. Сами себѣ разсудите: не злой-ли онъ, Мартинъ, отъ себя плодъ сотворилъ и сей, еже кіи человѣцы отъ своего изволу какое зло творятъ, блудъ или убійство, или какую ересь кто учинитъ, или какіе ни есть великіе или малые грѣхи человѣкъ содѣваетъ, и то твореніе грѣховъ онъ, предводитель вашъ Мартинъ, сказуетъ, яко будто они не своимъ изволомъ то чинятъ и тому грѣху не винни, но яко бы такъ имъ Богъ повелѣлъ творити. О, злыя злобы мартиновы на Господа Бога нашего! О, вражды его прелестныя на Создателя вашего! О, и вашего безумія неизмѣримаго! Кто вашему безумію не удивится, еже такое его гнилое и треклятое слово пріяли есте за здравое и злой его плодъ за добрый!

И тое его злое, въ васъ всѣянное слово сотвори плодъ сторичный, ибо, елико васъ на свѣтѣ есть, вси тожде глаголете: милостиваго Бога злословите и безвинно Его винуете; въ чесомъ сами виновати, ту вину возлагаете на Бога, и что злое ни дѣлаете, оглаголуете Бога, якобы Онъ повелѣлъ зло учинити вамъ,— и что сами своруете, Бога воромъ нарицаете. И кто таковому вашему безумію не удивится, еже вы всякаго злаго дѣла вину, по мартинову наученію, возлагаете на Бога! И по таковому его мартинову треклятому умыслу, всему злу виновенъ Богъ, а вы вси предъ Нимъ правы. И по тому вашему разуму, адъ и муку сотворилъ Богъ уже напрасно, потому—когда Богъ какова кого сотворилъ, то вина стала быть не ваша, но Божія. О трепроклятаго злохитрства мартинова! Како уста его на таковое богохуленіе отверзошася? А вы гдѣ свой разумъ подѣли— на картахъ-ли его проиграли, или въ танцахъ ходя растеряли, еже таковому богопротивнику и богоругателю повѣ-

рили, и вмѣсто еже его сожещи и пепелъ его развѣяти, пріясте его за Христова апостола. Или уже и сего вы не вѣсте, еже Господь человѣка сотворилъ самовластна, и положилъ предъ него два путя: единъ вводящій во царство небесное, а другой низводящій во адъ подземный. Подобнѣ и Іисусъ Сираховъ сказуетъ, яко самъ Господь предложилъ ти огнь и воду, и на неже кто хощетъ, на то руку и прострстъ. И прирекъ: пр едъ человѣкомъ животъ и смерть, и еже аще изволитъ, то ему и дастся (XV). Видите-ли, безумніи мудрецы, яко Господь сей свѣтъ на волю далъ человѣкамъ, и посему, спасеніе и погибель на произволеніи человѣчестѣмъ лежитъ: куды кто самъ восхощетъ, туды и пойдетъ. Господь и во царство небесное призываетъ волею, а не неволею,—о семъ все святое Евангеліе свидѣтельствуетъ, яко тако есть. Того бо ради Господь и съ небеси сошелъ, да грѣшныхъ призоветъ на покаяніе. А индѣ глаголетъ: грядущаго ко Мнѣ не изжену вонъ. И вся святая писанія глаголютъ, яко Господь неволею ничего не творитъ, но вся даетъ намъ по намѣренію нашему. А по вашему разуму, и сіе Господь не дѣльно рекъ, глаголя: обратитеся ко Мнѣ, и обращуся къ вамъ. Вся бо сія вси вы отъ безумія своего тако располагаете и сами себя обманываете.

Вникните въ соломоновы глаголы, се бо и той ясно сказуетъ, яко строптивыя помышленія отлучаютъ отъ Бога и въ злохитрую душу не внидетъ премудрость, ни обитаетъ въ тѣлеси, повинномъ грѣху; уста же лжущихъ убиваютъ душу. Видите-ли, что Соломонъ глаголетъ? Се бо сказуетъ, яко строптивая помышленія разлучаютъ отъ Бога. А Мартинъ вашъ не строптивые ли вымыслы вымышлялъ, еже вся древняя преданія Господня и апостольскія и отеческія охулилъ, и вымыслилъ новые и Богу противные,—и тѣмъ своимъ изданіемъ вышши самого Бога себя вознесъ! А той же Соломонъ сказуетъ, яко въ злохитрую душу не внидетъ

премудрость и не обитаетъ въ томъ человѣцѣ, иже повиненъ грѣху. А вы и сами о Мартинѣ своемъ вѣсте, яко онъ бѣ повиненъ грѣху,—то какова разума восхотѣли въ немъ обрѣсти? Паки той же Соломонъ сказуетъ, яко Духъ Святый отъ таковыхъ бѣжитъ, а въ коемъ человѣцѣ Духа Святаго нѣсть, то діаволъ въ немъ есть, и о семъ буди вамъ вѣстно, еже діаволъ никогда никого на добро не поучитъ, но токмо на зло погибельное. И по сему вся ученія мартинова суть погибельна, понеже не отъ Духа Святаго насажденная, но отъ духа непріязненнаго.

А сіе его мартиново ученіе всѣхъ прежнихъ ученій, о нихъ же выше воспомянухомъ, погибельнѣйшее, еже научилъ васъ на Бога клеветати и злыя своя дѣла къ Нему, Содѣтелю нашему, причитати. И вы изъ безумныхъ безумнѣйшіи явистеся, еже таковому извергу повѣрили есте и лживымъ словесемъ его вѣру ясте, и что онъ внѣ своего ума ни бредилъ, а вы тѣмъ его бреднямъ повѣрили и приняли его за добраго учителя, и словеса его блюдете паче Христовыхъ словесъ. Аще бо нѣсть у васъ Библіи, то вы у насъ возьмите и прочтите пророчества Исаіина, и тамо обрящете, яко Богъ чрезъ его уста тако рекъ: сіи людіе устнама Мя чтутъ, сердце же ихъ далече отстоитъ отъ Мене; вотще чтутъ Мя, учаще заповѣди человѣчи и ученія (XX, 19). И приречe: премудрость премудровыхъ и разумъ разумныхъ отвергу. Зрите жъ, что еще рече, и внимлите, тако бо о вашемъ мудрецѣ Мартинѣ Господь чрезъ того жъ Исаію рече: егда речетъ зданіе создавшему—нѣси ты мя создалъ, или твореніе сотворшему—не разумна мя сотворилъ еси. Видите-ли, высокоумы, не о васъ ли сіе пророчество глаголетъ?—явѣ есть, яко о васъ: вы мудрствуете сего свѣта мудрованіемъ, еже Господь обѣщася погубити. Вы же и сіе блядословите на Бога, яко бы Онъ вашему безумію виновенъ, такожде и всякому злу творителемъ Бога оклеве-

туете. О, безумніи, безумніи мудрецы! Доколѣ вамъ тако, на Мартина своего зря, безумствовати! Азъ прежде вамъ рекъ и нынѣ тажде глаголю, еже на Мартина своего не для чего смотрѣти: онъ бо сынъ погибельный и погибельные и дѣла дѣлалъ, погибельныя и ученія вамъ предлагалъ. Онъ не свой былъ, но повинулся онъ міра сего князю, того онъ и волю исполнялъ; и не возможно ему было инако творити, еже на Бога не враждовати. И еже онъ въ животѣ своемъ содѣлалъ, самъ онъ о тѣхъ своихъ дѣлахъ и отвѣтъ Богу дастъ, а вамъ было его злымъ дѣломъ ревновати не для чего, и вступать въ нихъ довелось было поразсмотря. Чего сами не смыслите, мочно было и спроситься съ благочестивыми христіаны, кіи люторскимъ ядомъ не заражени. Того бы вы смотрѣли, какъ бы вамъ избѣжать отъ мартинова погибельнаго ученія, дабы вамъ угонзнути вѣчнаго мученія. Сіе вы слово Христово забыли, еже Онъ повелѣлъ разсмотряти учителей своихъ по житію ихъ, а вы того Мартина приняли за добраго пастыря, а того не размотрѣли—отъ небесъ-ли онъ пришелъ, или изъ ада изшелъ. Господа ради, поне нынѣ о немъ, Мартинѣ, и о себѣ разсмотрите, и разсмотрѣвше, со лживою проповѣдію проженините его, яко врага и губителя своего, и пріобщитеся святѣй восточнѣй церкви, дабы вамъ наслѣдія вѣчныхъ благъ не лишитися, ихъ же Господь уготовахъ своимъ ученикомъ (а не мартиновымъ) и преемникомъ апостольскимъ (а не мартиновымъ и кальвиновымъ). Аминь.

Вы, люторстіи ученицы и намѣстницы, не осмотряся, насъ православныхъ христіанъ, древнихъ преданій держащихся, порокуете и нарицаете идолопоклонственниками. Мы—богопоклонники, а не идолопоклонники; мы Бога любимъ, и того ради любленія, и образъ Его любимъ; мы Бога почитаемъ, того ради и образъ Его почитаемъ. Мы явно Бога почитаемъ, никого стыдящеся; вы же истиннаго Бога,

небо и землю сотворшаго, явно почитать зазираетеся, а древнихъ эллинскихъ идоловъ не стыдяся почитаете, и аще видимаго поклона имъ тѣлеснаго, зазора ради, и не творите, обаче явно и всенародно ихъ прославляете, ибо поставляете ихъ на высокихъ мѣстахъ и всенародную имъ честь и славу содѣваете. Образу Божію ни малыя чести отдать не хощете, но еще ихъ всякими руганьми ругаете и идолами нарицаете, а истинные поганскіе идолы не стыдяся прославляете и злаго глагола на нихъ не глаголете. Явѣ есть, яко вы, по наученію мартинову, невидимый поклонъ имъ съ явнымъ почитаніемъ отдаете и память имъ незабытную содѣваете, дабы она до скончанія вѣка влеклась. Ибо, егда у васъ какой тріумфъ учинится, то вы не истиннаго Бога прославляете, давшаго вамъ побѣду или иную какую радость, но прославляете эллинскихъ боговъ, то есть кумировъ ихъ поставляете ко всенародному зрѣнію: ариса, ермія, діа, афродита, крона и иныхъ подобныхъ симъ, ихъ же поганіи почитали и прославляли, якобы ихъ помощію та побѣда или благополучіе какое учинилось,—тѣхъ и вы почитаете и прославляете. Они бо тогда чинили тако, за еже истиннаго Бога не знали, и мнили, якобы они имъ побѣду и славу подаютъ, и того ради ихъ и почитали; а вы про себя сказываете, яко будто Бога знаете и будто Его любите, и будто паче всѣхъ насъ Его и почитаете; и то ваше знаніе и любленіе и почитаніе на единомъ токмо языцѣ слышимъ, а на дѣлѣ ничего того не видимъ: токмо видимъ явное почитаніе древнимъ эллинскимъ идоламъ. Почитающе бо, тѣхъ поганскихъ идоловъ дѣлаете во всякихъ украшеніяхъ на сребряныхъ сосудѣхъ отъ сребра, а на злытыхъ сосудѣхъ отъ злата, и содѣваете ихъ, и поставлаете ихъ на верху тѣхъ сосудовъ. Такожде и во иныхъ украшеніяхъ домовныхъ и садовыхъ содѣловаете тѣхъ же кумировъ, ово отъ каменія, ово же отъ древа; а лучшія ради ихъ почести, содѣловаете

сребрянныхъ и мѣдныхъ и оловянныхъ, и поставляете въ срединѣ въ паникадилахъ, въ свѣщныхъ мѣстахъ, дабы воспаленіемъ свѣчъ честь имъ и приношеніе отправлялось. И по сему всему стали быть вы явные и достовѣрные идолопоклонники, а не мы; а насъ вы порокуете напрасно, понеже мы не поганскіе ложные боги почитаемъ, но почитая истиннаго Бога, сотворшаго насъ, образъ Его почитаемъ.

А еже отъ невѣденія своего, не разумѣя вашего коварства, еже вы въ паникадилахъ содѣловаете идолы поганскіе, и той взыщется на васъ грѣхъ, а не на насъ: понеже у насъ мнозіи не разумѣютъ, что идолъ у васъ поставленъ среди свѣщника, и отъ невѣденія, не сокруша того идола, вносятъ тѣ паникадилы въ церкви, и вкругъ того идола оставляютъ свѣщами, и во время празднества тѣ свѣщи воспаляютъ—не ради того идола, иже у васъ поставленъ среди тѣхъ свѣщъ, но ради торжественнаго праздника. И аще вы и причтете сіе почитаніе, отъ насъ тому идолу приносимое, но Богъ видитъ, чіе тутъ пронырство: кто его состроилъ, тотъ и идолочтецъ есть, а не мы. И по сему всему, самые явные вы идольстіи угодницы, а мы никогда чести ихъ не расширяемъ. Но мы за всякое благодѣяніе самому истинному Богу благодареніе приносимъ, а не идоламъ. И по сему вы токмо въ словеси сказуетеся богопочитатели, а дѣлесы Его весьма отмѣщетеся; вы бо—Божіи ненавистники. И сіе не явное ли ваше богоненавидѣніе, еже лживыхъ боговъ образы почитаете, а Божіи образы ругаете, не едиными токмо словесы, еже ихъ нарицаете идолами, но, на поруганіе Божіе, въ лаханяхъ, надъ чѣмъ скверныя свои руки умываете, изображаете святыя и честныя иконы. И не токмо въ сребрянныхъ лаханяхъ, но и въ мѣдныхъ всякія святые образы и евангельскія притчи воображаете. Такожде и на плиткахъ цѣненныхъ, кіими въ каменныхъ палатахъ окна выстилаютъ, изображаете благовѣщеніе, воскресеніе Христово и вознесеніе,

и иныя всякія евангельскія притчи; и, вмѣсто почитанія, на тѣхъ святыхъ изображеніяхъ всякіе люди всякіе сосуды ставятъ и сами на нихъ садятся. Случается же то, еже и ногами на нихъ становятся; а егда выломаются, то и совершенно въ попраніе ногамъ повергаются. И по нашему христіанскому разумѣнію, то стало быть Богу руганіе, а не почитаніе: кто бо кого любитъ, тотъ того и образъ любитъ. Мы Бога любимъ, то и образъ Его святый любимъ и почитаемъ; а вы, по видимымъ симъ дѣламъ, поганскихъ боговъ любите, того ради и идолы ихъ любите, и такъ ихъ не ругаете, яко святые образы, но егда изображаете ихъ, изображаете убо ихъ въ честныхъ мѣстахъ, а не въ ругательныхъ, и на высокихъ мѣстахъ поставляете, а не въ лаханяхъ ихъ, языческихъ боговъ, изображаете. И по сему стали вы не боголюбцы, но идололюбцы паче. И вы умомъ своимъ сами разсудите: добро ли вы сіе дѣлаете, еже идолы почитаете, а образы святые ругаете? Паки и сіе не руганіе же ли ваше святымъ образамъ, еже святаго пророка Божія царя Давида изображаете въ картахъ винныя масти, паче же того—у короля бубноваго пишете на державѣ крестъ Христовъ, и змѣсто желудей дубовыхъ пишете крестовидные знаки? И то стало кресту Христову руганіе жъ, потому что честное изображеніе, воображенное на картахъ, пометаемо бываетъ подъ нозѣ. И то есть кресту Христову руганіе, еже во игрѣ гербу Христову быти.

И нынѣ вся вышеписанная разглагольства отложивъ, да побесѣдуемъ мы о семъ: чѣмъ вы правы предъ православными христіаны, древняго преданія держащимися, являетеся? Азъ мню, что вамъ молчати и на устѣхъ своихъ руки положити будетъ. Отъ высокомнѣнія бо вашего, обуися вашъ разумъ, и того ради древняя преданія, не токмо отеческая, но и Божія отвергосте, да новаго явнаго законопреступника, и не токмо законопреступника, но и богопротив-

ника Мартина Лютора избрасте. Самъ бо Господь рекъ, яко не емлютъ отъ тернія грозды, ни отъ репія смоквы; а вы отъ таковаго богопротивника ищете себѣ спасенія. Или сего не видите, еже повелѣно отъ Господа: учителей познавати отъ плодовъ ихъ (т. е. отъ дѣлъ)? Зри всякъ на самого Господа: се бо яко начатъ первѣе творити, тако убо и учити. Того ради повелѣлъ Господь и впредь учителей смотрити и избирати по дѣломъ ихъ: аще кіи живутъ свято и творятъ дѣла добрая, то тѣхъ повелѣлъ Господь слушати; а кіи живутъ развращенно и творятъ злая дѣла, тѣхъ повелѣлъ огню предавати. А вашъ учитель и предводитель Мартинъ Люторъ первѣе началъ блудъ творити, самъ сый бывый инокъ со инокинею же; то и васъ тому же началъ учити. И инако нельзя вамъ и творить, понеже всегда ученицы, еже видятъ учителя творяща, томужде и они поучаются; тако и вамъ не ино что подобаетъ творити, токмо тотъ же блудъ и нечистоту. А еще бы сталъ васъ словами учить пути спасенному и повелѣлъ бы посты имѣть тверды и отъ блуда и отъ иныхъ сладостей вѣка сего сталъ бы васъ отвращать, а самъ въ блудѣ и во всякихъ сластехъ вѣка сего пребывалъ, то ученіе бы его было непріятно и словамъ его кто бы повѣрилъ? И по сему, вы прямые его мартиновы ученики, и онъ вамъ прямой предводитель до пропасти адскія. Намъ сіе вельми дивно, еже по образу являетеся яко бы и прочіи человѣцы, а разсужденіе ваше внѣ человѣча разума: видя такова сквернавца и всѣмъ заповѣдемъ Божіимъ противника, а повѣрили словесемъ его, и пошли вслѣдъ его, яко безсловесніи скоты. Да одно, яко онъ, тако и вы вси затвердили въ себѣ, что Господь не повелѣлъ иного бога почитати и такихъ лживыхъ боговъ и творить не повелѣлъ; а того вси вы не можете ни видѣть, ни разумѣть, что Господь яснымъ глаголомъ, а не сокровеннымъ изрекъ

израильтяномъ, дабы они поганскихъ боговъ не творили и не служили бы имъ,—а вы ихъ творите и почитаете.

А мы, во благочестіи сущіи христіане, не иному кому честь отдаемъ, но самому тому Богу, иже законъ Моусею даде, и мы вся Его Божія повелѣнія опасно хранимъ. Онъ не повелѣлъ поганскихъ боговъ творити и почитати, и мы, по тому Божію приказанію, никогда ихъ не строимъ и чести имъ ни малыя не содѣваемъ, и на высокихъ мѣстѣхъ, по вашему, не поставляемъ ихъ. Вы токмо языческіе боги строите и, почитая ихъ, на высокихъ мѣстахъ поставляете; мы же, подражая самому Богу, еже Онъ повелѣлъ творити, то и творимъ: Богъ, ради украшенія церковнаго, повелѣлъ Моvсею образы херувимскіе,—и то было въ ветхомъ завѣтѣ; а мы, въ новой благодати сущіи христіане, любве ради, юже имѣемъ къ Богу, не токмо херувимскіе образы, но и самого Бога, поелику возмогаемъ, образъ Его святый изображаемъ и почитаемъ. Такожде и вѣрныхъ Его рабовъ, равныхъ херувимамъ, изображаемъ. И сице творя, не эллинскіе боги богомерзскіе, по вашему, почитаемъ, но самому истинному Богу, на небесѣхъ сущему, честь приносимъ и рабовъ Божіихъ изображаемъ истинныхъ, кіи на земли пожили равно-ангельски: не токмо мяса не яли, но хлѣба не вкушали и пили мутную воду, а не ренское и прочія питія, и нощи провождали не въ скаканіи и танцахъ, но во всенощныхъ бдѣніяхъ на молитвѣ. И тіи человѣцы паче ангеловъ у Бога будутъ почтени, понеже плоть имѣли, а яко безплотніи Богу служили день и нощь. И мы, по вышеписанному Божію приказанію, ничто же сумнящеся, вмѣсто херувимовъ, тѣхъ Божіихъ вѣрныхъ рабовъ изображаемъ и почитаемъ ихъ,—любве ради Божія, а не ради эллинскихъ проклятыхъ боговъ.

Вы никакому святому писанію вѣры не емлете, токмо единому своему возлюбленному лжеучителю Мартину Лютору вѣру емлете: что онъ ни совралъ, тому и вѣрите, и по-

винуетеся ему паче Бога; а Богъ вамъ ничтоже есть, и словесъ Его Божіихъ не вмѣщаете. И яко самого Бога не любите, тако и образа Его святаго ненавидите. Еже Израильтяне: слили себѣ тельца и богомъ его нарекоша, и Богъ Моѵсею рекъ: согрѣшиша людіе твои, ихъ же извелъ изъ Египта,—сотвориша себѣ идолъ. А мы не тельца безсловеснаго, ниже, по вашему, небесные звѣздные знаки изображаемъ, но сотворшаго насъ самого Бога, поелику можемъ, изображаемъ. А потомъ и Божію Матерь, не обинуяся, изображаемъ; такожде и святыхъ Божіихъ угодниковъ не лишаемъ себя отъ изображенія—понеже святи суть, и тіи были не тельцы, ядущіи траву, ниже небесная безсловесная тварь, ихъ же вы почитаете и всюду прославляете. И нынѣ вопрошаю вы: телецъ сый, егоже израильтяне сотвориша, равенъ-ли Богу или ни? Рцыте ми ясно, вси люторстіи послѣдницы. И аще речете: равенъ телецъ Богу, такожде и небесніи знаки равни Богу, и по такому вашему разумѣнію будете безвинны, еже сравняли есте образъ Божій со идолы; аще же речете, яко предъ Богомъ телецъ и планеты не токмо не равны, но и ничтожни суть, то нынѣ сами ся судите: како Бога сказуете лутши вола и небесныхъ звѣздъ, а образъ Божій, по человѣчеству Его изображенный, равняете ко идоламъ не токмо быковымъ, но и къ самымъ скверныимъ поганскимъ идоламъ! Вы то себѣ, бѣдные, разсудите: колико Богъ несравненно лутши есть твари, тако и образъ Его Божій несравненно лутши есть твари идольскихъ видовъ.

Паки предлагаю вамъ самое поемное дѣло, еже не токмо вы, высокоумные люди, но и самый поселянинъ можетъ ясно уразумѣти.—Древле убо, егда святіи мученицы, державшіеся древняго благочестія, во идольскіе храмы вхождаху, идолы, повелѣніемъ ихъ, на землю падаху и сокрушахуся; овогда же и безъ повелѣнія ихъ, но зря въ нихъ

правую вѣру, юже къ Богу имутъ, не вашу люторскую, но древняго благочестія, не могоша на мѣстѣхъ своихъ стояти: аще и бездушни суть, падаху на землю и разбивахуся въ прахъ. И о семъ въ мученическихъ страданіяхъ, до вашего зловѣрія бывшихъ, обрящеши многія тысящи таковыхъ чудесъ. И се нынѣ вы, по своей люторской вѣрѣ, покажите намъ истинство своея люторскія вѣры, нарицающіе насъ идолопоклонниками, святыя же иконы нарицающіе идолами: вшедше во святую, нашего древняго православія держащихся, церковь, призовите себѣ сладкаго вамъ учителя въ помощь, Мартина Лютора, и, собравшеся со всѣмъ вашимъ люторскимъ множествомъ, надѣвъ на себя парики соплетенные и пудромъ напудренные, вшедше въ церковь, крикните силою люторскою, по своей мнимой правости, и во органы со скрипицами возыграйте, вопіюще на святыя иконы, дабы они, по вашему безумію, нарицаеміи идолы, пали бы на землю и разбилися бы въ прахъ, якоже поганскіе идолы разбивахуся. И аще жъ о люторской своей лжехристіанской вѣрѣ сего сотворити не можете, то лучши вамъ уста своя богохульная заградити и прочее таковыхъ богохульныхъ словесъ не блядословити.

Егда же образумитеся и на покаяніе пріидете, а лжеучителя своего Мартина Лютора проклянете и отъ всего ученія своего отречетеся, то отъ всѣхъ тѣхъ люторскихъ богопротивныхъ дѣлъ, во адъ низводящихъ, будете свободни, и ко избранному Христову стаду причтени будете. А во грядущемъ вѣцѣ уже не съ Мартиномъ Люторомъ, ниже съ Яганомъ Кальвиномъ, но съ самимъ Господомъ Богомъ будете во царствіи Его небеснѣмъ и во обществѣ со святыми рабы Божіими, иже въ древнемъ благочестіи, а не въ люторскомъ, ни въ кальвинскомъ зловѣріи пожиша, въ нескончаемые вѣки вѣковъ веселитися. Аминь.

Аще бо и прежде рѣхъ, обаче и нынѣ тая-же, не умолкая, глаголю, яко вы, не осмотря себя, да насъ порицаете и идолопоклонниками насъ, древнее благочестіе хранящихъ, нарицаете. Не обинуяся бо реку, яко вы самые истинные почитатели и поклонники идольстіи: понеже вы лживыхъ языческихъ боговъ почитаете и прославляете ихъ, а истиннаго Бога во образѣ Его ругаете—не едиными словесы, но и самыми дѣлесы, ибо вы не новые идолы отъ своего разума издаете, но самые богомерзкіе эллинскаго многобожія идолы почитаете и прославляете ихъ великою славою, несравненно паче истиннаго Бога нашего.

Егда Богъ нашъ, сотворивый насъ, по своей къ намъ человѣколюбной милости, сотворитъ надъ нами какое милосердіе, на враги побѣду или иную какую милость намъ сотворитъ, то вы никакова благодаренія истинному Богу сами не воздаете и инѣхъ на то не понуждаете; но вмѣсто истиннаго Бога ложнымъ богамъ чествованіе содѣваете: ибо, за побѣду воздаете честь древнему идолу, за благополучіе другому идолу эллинскому же благодареніе воздаете; паки, за храбрость особаго жъ идола чествуете, егоже эллини прославляли; веселія жъ ради, иного идола поганскаго возносите и, зряще на него, веселитеся. И аще каковый либо тріумфъ сочиняете, то на томъ тріумфѣ всѣхъ древнихъ эллинскихъ богомерзкихъ боговъ идолы поставляете, и то идольское почитаніе въ премудрость себѣ причитаете; а насъ за то безумными нарицаете, за еже мы не эллинскихъ ложныхъ боговъ, но истиннаго Бога, на небесѣхъ сущаго, величаемъ и прославляемъ, и за всякое Его благое намъ даяніе хвалу Ему съ псалмопѣніемъ возсылаемъ. Эллини идоловъ почитали того ради, за еже истиннаго Бога не знали, и мнѣли, яко-бы тіи бози ихъ подаютъ имъ кой побѣду, кой храбрость, кой веселіе; и коему идолу что причтоша, тому и благодареніе за то воздавали; а вы именемъ нарицаетеся

христіанскимъ и сказываете о себѣ, якобы вы паче насъ Бога знаете; а не то дѣлаете, но вмѣсто истиннаго Бога скверным идоламъ честь содѣваете и всячески хвалу ихъ расширяете. Ей, не обинуяся вамъ глаголю, яко учитель Мартинъ ослѣплъ бѣ, тако и вы вси ослѣпосте и не видите не токмо душевныма, но и тѣлесныма очима истины! Вси бо вы отъ истины далече уклонистеся и неключими бысте. Яко бо природные уроды никогда себя безумными не нарицаютъ, но прочихъ всѣхъ дураками называютъ; тако и вы, сами обезумившеся, идолы предпочтосте, а указуете на насъ, яко-бы мы идолы почитаемъ, еже въ честь и во славу Божію начертанные образы почитаемъ. Истинно не вѣсте, что глаголете, или что и дѣлаете, не разумѣете. Обуися бо умъ вашъ суетами и похотьми міра сего, и тѣмъ вышеозначеннымъ идоламъ видимую и всенародную честь отдаете, а умомъ своимъ, якоже учитель вашъ Мартинъ научилъ васъ потаенный поклонъ творити, то вы, по завѣщанію его, тѣмъ идоламъ отъ усердія своего истинный и потаенный отдаете поклонъ,—и тако стали истинніи идолопоклонницы вы, а не мы. И аще отрицаетеся и отрицатися имате, но не можете отрещися, понеже самая ваша дѣла о семъ ясно васъ обличаютъ. И не токмо у насъ въ Россіи, но и во свохъ земляхъ таяжде содѣваете: истиннаго Бога образы въ ругательныхъ мѣстахъ изображаете, а скверные идолы въ честныхъ мѣстѣхъ, на славу ихъ, изображаете. И о семъ пространнѣе выше речеся.

И вы себѣ возьмите умъ свой въ голову и разсмотрите, кто у насъ правѣе: вы-ли, скверное многобожіе эллинское вводящіи, а Божіи образы и святыхъ Его угодниковъ отвергшіи, или мы правѣе васъ, еже мы поганскихъ идоловъ не почитаемъ, но почитаемъ единаго Бога, сотворшаго небо и землю? Любя Его, истиннаго Бога, и образъ Его почитаемъ; такожде и вѣрныхъ Его рабовъ образы любимъ и,

ради Божія любве, и ихъ почитаемъ. И нынѣ вы разсудите, да тогда насъ порицайте. Мы, почитающе святыя иконы, иже въ честь Божію, а не въ бѣсовскую состроеныя, коего бога почитаемъ—ваала-ли, или артемиду, или марса, крона, ихъ же вы прославляете? И аще вы нарицаете насъ идолопоклонниками, но мы сказуемъ вамъ истину, яко мы не идолопоклонники, понеже мы не эллинскихъ боговъ идолы почитаемъ, но почитаемъ образъ истиннаго Бога. И вы поне нынѣ разсудите: аще мы почитаемъ образъ Божій, за имя Его Божіе, и аще въ томъ образѣ прославляется имя Бога истиннаго, а не поганскаго, то что наша вина?! Разсудите жъ и о себѣ: что вашей правости, еже святыя въ честь Божію состроенныя иконы отвергосте и попрасте ихъ, а поганскихъ идоловъ прославляете и славу ихъ расширяете!

Азъ бо не могу къ вашему уму своего ума приложити и какіе вы люди—разсудити. На послѣдокъ вамъ всѣмъ, люторанамъ и всѣмъ люторскимъ наслѣдникомъ и преемникомъ, и подражателемъ, истину сказуя, глаголю: аще кто истиннаго Бога любитъ, тому никоими дѣлы не возможно и образа Его Божія не любити, а аще кто скверныхъ боговъ любитъ, тотъ и образы ихъ любитъ и предъ очима своима поставляетъ и, зря его, утѣшается. А аще же кто изъ васъ речетъ, глаголя, яко истиннаго Бога любитъ, а образъ Его ненавидитъ и равняетъ его идоламъ поганскимъ, то онъ лживъ есть и нѣсть въ немъ любви къ Богу истинному: како бо кто можетъ Бога, Егоже не видитъ, любити, а образъ Его святый ненавидѣтъ, егоже очима видитъ? Худа бо есть та любовь, аще словомъ речеши: люблю Бога,—а самымъ дѣломъ на образъ Его плюеши и ногама своима попираеши, и сѣчивомъ разсѣкаеши, и огнемъ сожигаеши, и хульными словами злословиши. Вси бо таковіи—не боголюбцы, но самые богоненавистницы, и о семъ на свои души лжете, сказующе, яко Бога любите.

Аще бо кто всѣмъ сердцемъ и всею душею Бога любитъ, то како той можетъ дерзнути, еже образъ Его Божій ругати и плевати на него, яко на врага своего? Истинный боголюбецъ лучше смерть себѣ пріиметъ, а образу Бога своего не дерзнетъ такого руганія сотворити.

Вопросъ люторамъ.

На послѣдокъ вопрошаю васъ всѣхъ, люторства держащихся: скажите ми, не обинуяся: кой апостолъ Христовъ запретилъ или возбранилъ святымъ иконамъ видимый, тѣлесный поклонъ творити или честь имъ по достоянію ихъ отдавати? Ни, но токмо лжеапостоли, то есть антихристовы посланники: Мартинъ Люторъ, Яганъ Кальвинъ и прочіи ревнители ихъ, богоненавистницы возбраняютъ святыя иконы почитати.

А святый апостолъ Павелъ, егда во Аѳинахъ былъ, проповѣдуя Христово евангеліе и разсмотряя боговъ ихъ, между иными боги узрѣлъ идола съ подписаніемъ: невѣдомъ богъ,—и се не воспретилъ имъ чтити его, но еще и похвалилъ, глаголя, сего-де вы кумира боголѣпно чтете. (Дѣян. XVII, 23). Видите-ли, богохульницы, се бо Павелъ апостолъ не похулилъ, но еще и похвалилъ, аще идолъ былъ сдѣланъ токмо во имя невѣдомаго бога; а мы не невѣдомаго бога, но вѣдомаго Бога, Господа нашего Іисуса Христа, иже ради нашего спасенія сниде съ небесе и плоть на ся человѣчу воспрія, мы по человѣчеству Его и изображаемъ. А вы толь безстрашни есте явились, еже не невѣдомаго бога, но и вами вѣдомаго Бога, Господа нашего Іисуса Христа, образъ ругаете и сквернымъ идоломъ его нарицаете. И за такое ваше руганіе сами узрите, что во грядущій вѣкъ вамъ будетъ; аще же и возрыдаете о руганіи томъ, но ничтоже успѣете. И сего ради всячески годствуетъ нынѣ покаятися,

дондеже окна зрѣнія нашего не затворилися,—то всячески отъ вѣчнаго мученія спастися возможно. О, горе, горе тѣмъ, иже вѣдая согрѣшаютъ! Ты, богопротивниче, и посему разумѣй: аще кто и не образъ Божій, но и простаго человѣка, къ нему же кто любовь свою теплую имѣетъ, и егда гдѣ узритъ его персону начертанную, то како онъ дерзнетъ той образъ любезнаго своего друга ругати и ногама своима попирати? Но всячески возжелаетъ на него любезно смотрѣти, а сердцемъ къ самому тому другу будетъ воспалятися. А аще же кто, видя персону друга своего, аще и равнаго себѣ, да зря нань, будетъ ругати и плевати и ногама попирати,— и то руганіе, аще дойдетъ каковымъ-либо извѣстіемъ до того друга, егоже персону обругалъ, то азъ вѣмъ, аще и невысокоименнаго человѣка персону ругалъ, обаче всячески вмѣсто дружбы возъимѣетъ къ нему вражду; а аще же и враждовати не будетъ, а елико можно, позлобится.

Помысли ты самъ въ себѣ: аще кто и твою персону будетъ ругати, и тебѣ будетъ ли онъ милъ, буде ты имѣешь его за друга, а онъ персонѣ твоей ругаетися? А аще же ты предъ нимъ властельство имѣеши, и онъ подъ твоимъ судомъ сый, персонѣ твоей руганіе какое, или паче рабъ твой домашній будетъ образу твоему ругатися; и ты будеши-ли за то его любить и милость къ нему имѣть? Ни, но всячески возненавидиши его и не токмо отъ милости своея отринеши, но еще и мстити ему будеши. Кольми же паче подобаетъ намъ Божій образъ чтити, понеже Богъ намъ не равенъ есть: Онъ насъ создалъ, Онъ насъ и питаетъ и всякимъ благомъ надѣляетъ, и честію возвышаетъ; и не до сего ста, но любве ради своея, юже къ намъ имѣетъ, и поносную смерть вкуси, и тою своею смертію отъ діавола власти насъ свободи и отъ адскія темности изведе, и всѣмъ православнымъ своимъ рабомъ, кіи вѣрно Ему послужатъ, обѣщалъ дати наслѣдіе вѣчныхъ благъ во царствіи своемъ небеснѣмъ. А если мы, такое

неизрѣченное Его Божіе къ намъ милосердіе вѣдая, а въ честь Его Божію состроенный образъ будемъ ругати и на него плевати и ногами топтати, и идоломъ сквернымъ нарицати; то—како размыслиши, люторе? Богъ бо не воспроситъ свидѣтеля или какого сказателя о поругавшемся святому и всечестному образу Его, понеже вся содѣланная наша, не токмо дѣла, но и помышленія вся вѣсть, и что образу Его ни учиниши, добро или зло, то вся та извѣстна Ему суть И ты себѣ помысли: милъ-ли тотъ Богу будетъ, кто образъ Его святый обругаетъ и съ бѣсовскими идолы его сравняетъ? Азъ всѣмъ таковымъ сказую: худа того любовь къ Богу, иже аще образа Его святого ненавидитъ; но токмо самъ себя прельщаетъ; вси бо вы лжете, сказующе, яко Бога любите: кто бо кого любитъ, тотъ того и образа никогда ругати не будетъ. Видѣхъ бо азъ своима очима во многихъ непристойныхъ мѣстахъ образъ Спасителевъ и Богородичный изображенъ у васъ, а эллинскихъ боговъ въ честныхъ мѣстѣхъ, на славу ихъ, а не на безчестіе, изображенный отъ васъ. И о семъ пространнѣе выше и не во единомъ мѣстѣ, ради вашего неразумія, речеся.

И по сицевому вашему безумію, кто васъ можетъ нарещи разумными людьми! Вси бо вы отъ высокомнѣнія своего объюродесте и душевныма очима въ конецъ ослѣпосте. Азъ бо слышахъ отъ самихъ васъ, яко аще коего человѣка, за каковую-либо великую вину, персону его написавъ и, ради его безчестія, повѣсятъ на висѣлицѣ,—и аще и во иныхъ государствахъ увѣдаютъ о томъ человѣкѣ, еже образъ его на висѣлицѣ былъ повѣшенъ увѣдаютъ, то не будутъ съ нимъ ни пити, ни ясти. И по сему вашему изложенію, како вы разсудите о Божіемъ образѣ, егда вы, ругающеся ему, вмѣсто висѣлицы, въ лаханехъ изображаете и во отходѣхъ въ скерный калъ мещете,—то како вы дерзнете къ Богу молитвы своя возсылати! Понеже вы во образѣ Его Бо-

жіемъ самого Его обругали есте и весьма отъ любве Его отрекостеся, уже бо вамъ никоими дѣлы милости просити не надлежитъ; но, по таковой вашей злобѣ къ Богу и по поруганію вашему, напрасно вы и имя Христово воспоминаете и христіанами себя нарицающе прельщаете: нѣсть бо въ васъ ни слѣду христіанскаго. Сіе бо вамъ вельми свойственно есть, еже нѣцыи уже изъ васъ отрекошася явнымъ отреченіемъ отъ Бога, и глаголютъ, яко нѣсть Бога, но сей свѣтъ самъ о себѣ стоитъ. И кіи въ таковое безуміе впадоша, то тѣмъ правильно есть, еже образовъ святыхъ не почитати; понеже они егда уже отъ Бога отреклись, то како могутъ и образъ Его чтити? А вы о себѣ сказуете, будто Бога знаете и будто любите Его, а являете къ Богу въ руганіи образа Его Божія вражду, а не любовь; по сему разсужденію, нѣсть въ васъ ни слѣда къ Богу любовна. И по такому вашему безумію, намъ, во православіи живущимъ, отнюдь съ вами не подобаетъ ни ясти, ни пити, ниже содружіе какое имѣти. Посему, аще кто и земнаго царя со врагомъ возымѣетъ какое содружіе и ясти и пити будетъ вмѣстѣ, то той человѣкъ, за содружіе со врагомъ царевымъ, лютѣ постраждетъ; кольми же паче годствуетъ боятися самого Бога, понеже Богъ колико вышши царя земнаго, толико и врагъ Божій больши врага царскаго. И сего ради вельми страшно православнымъ христіаномъ хлѣбосольство и содружіе съ вами имѣти, дабы въ люторскихъ сѣтехъ не увязнути и отъ Бога наказанія бы не пріяти, и вѣчно бы отъ любве Божія не отлучитися. Діаволъ бо нынѣ ни въ чесомъ тако не утѣшается, яко во отпаденіи отъ древняго благочестія христіанскія вѣры, юже святіи апостоли и святіи отцы соборно утвердиша. Понеже нынѣ видимое идолопоклонство уже отъ народа, кромѣ китайскія страны, весьма изсяче, и не можно ему уже людей на ясное идолопоклоненіе навратити; то онъ

вымыслилъ, вмѣсто идолопоклоненія, древнія христіанскія вѣры многоразличная измѣненія, и тѣ развращенныя вѣры прикрылъ извѣтомъ якобы благочестія,—и таковымъ трепроклятымъ вымысломъ мало не всю вселенную уловилъ и въ вѣчную погибель великими полками людей гонитъ; остася древняго благочестія держащихся самое малое число. Лютъ бо есть адскій волкъ, лютѣ стада Христова овецъ терзаетъ и, распудивъ, во свою волю уловляетъ.

Оставшіижеся отъ расхищенія адскаго волка и древняго благочестія держащіися, молимъ Тя, всещедраго и всесильнаго, непостижимаго Бога, въ тріехъ лицѣхъ славимаго: не остави насъ за беззаконія наша! Не нашего ради отъ скверныхъ устенъ износимаго моленія, но ради своего человѣколюбнаго смотрѣнія и ради заслугъ вѣрныхъ твоихъ рабовъ, отжени отъ насъ, Боже нашъ, того всепагубнаго адскаго волка, мало не всю вселенную поглотившаго, отъ христіанскаго правовѣрія совратившаго—овыхъ во аріанство, овыхъ же въ люторство, а иныхъ во иныя многоразличныя ереси. И развратя въ разновѣрія, овыхъ гордостію порази, а иныхъ самомнѣніемъ улови, и тако мало не всю вселенную порази. А въ нынѣшняя времена той же адскій волкъ, со всѣми адскими своими вои, напалъ на насъ, въ Россіи сущихъ, и всякими ухищреніи началъ христіанство истребляти: ово поповщиною, ово же безпоповщиною, инѣхъ же лжехристовщиною и иными многими и неисчислимыми злохитрыми козньми, о нихъ же отчасти въ книжицѣ сей, за помощію Божіею, въ первыхъ главахъ явихомъ. И тѣми своими злохитрыми козньми уловилъ россійскаго народа большую часть и отъ правовѣрія отвратилъ, и во свою волю привлекъ. И аще и многое множество народа христіанскаго уловилъ, обаче тѣмъ не насытился той проклятый волкъ, но и нынѣ распростеръ древнія свои сѣти тыя, ими же Мартина Лютора со множествомъ народа уловилъ; и тѣми же сѣтьми

хощетъ и оставшееся малое стадо твое, Христе Боже, уловити и во свою діаволю волю присвоити.

Господи Боже нашъ, всеблагій и всещедрый! Не остави насъ убогихъ твоихъ рабовъ за беззаконія наша до конца, но презрѣвъ вся наша неисправности предъ Тобою, Боже Трисіянне, содѣланная, по своей человѣколюбнѣй милости призри на ны и прожени того адскаго всепагубнаго ловителя отъ насъ, и распростертыя его сѣти расторгни, и кіихъ человѣкъ онъ до сихъ временъ уловилъ, изведи ихъ, Боже, ко свѣту древняго благочестія, и соедини насъ во избранное твое Божіе стадо, на горахъ небесныхъ пасомое! И тако да будемъ со всѣми Тебѣ угодившими отъ вѣка, Боже нашъ, славити и воспѣвати Тя, Господа Бога, въ безконечные вѣки вѣковъ! Аминь.

ПРИЛОЖЕНІЕ

или послѣдованіе сему Очевистому Зеркалу, учиненное ради подтвержденія или возбужденія читающимъ е [1].

Православніи и благочестивіи христіане! Вы бо—родъ избранный, царское священіе, языкъ святъ, людіе обновленія, яко да добродѣтели возвѣстите изъ тмы васъ призвавшаго въ чудный Его свѣтъ, глаголетъ святый верховный апостолъ Петръ. (І Петр. II, 9). И сего ради всѣмъ намъ, во православіи сущимъ, надобно чуднаго свѣта держатися, а тму изгоняти отъ себя и, видяще во тмѣ ходящихъ, елико кто можетъ, изводити на свѣтъ. Вси бо россійстіи расколь-

---

[1]) Въ краткой редакціи: «Приложеніе къ окончанію Зеркала сего православнымъ читателемъ». Текстъ приложенія въ обѣихъ редакціяхъ существенно расходится. Въ краткой редакціи приложеніе начинается особымъ трактатомъ, въ которомъ авторъ оспариваетъпринятые раскольниками термины: «старая вѣра», «новая вѣра» и доказываетъ, что вѣра одна и что только изъ единой христіанской вѣры «израстоша новыя ереси, яже нынѣ преизлише въ раскольничьемъ сонмищѣ явишася». (Стр. 251 и 252). Далѣе авторъ кратко перечисляетъ важнѣйшія заблужденія раскольниковъ (252—253), что въ полной редакціи передано несравненно подробнѣе (стр. 224—230).

ницы во вселютѣйшей тмѣ шатаются. И того ради всячески надобно о ихъ исправленіи тщатися, а самимъ на ихъ безумныя слова не слагатися.

Видите бо вси, яко наши раскольницы изнесоша въ народъ злохитрый глаголъ, ибо нововымышленную свою ересь нарекоша старою вѣрою, а благочестивую, издревле держимую, нашу христіанскую вѣру нарекоша новою—извѣтомъ таковымъ, якобы блаженный Никонъ патріархъ книги перепортилъ и вѣру исказилъ, за еже онъ, ревнуя по Господѣ Бозѣ, книжная погрѣшенія соборнѣ исправилъ. И о томъ довольно бесѣдовахомъ въ XV главѣ книги сея. И простіи народи, не вѣдущіи въ догматѣхъ христіанскаго благочестія силы, ниже разумѣющіи въ словесѣхъ книжныхъ сочиненія, ниже правописанія свѣдующіи, ниже знающіи - что есть вѣра, и того ради внемлютъ словесемъ лжеучительскимъ и, оставивше свѣтъ, послѣдоваша тмѣ и отъ невѣденія своего отъ святыя церкве отпадоша. И въ таковомъ неразуміи многое множество погибло людей и нынѣ непрестанно погибаютъ и въ вѣчную погибель нисходятъ.

Вопросилъ быхъ азъ раскольничихъ законоположителей —что есть вѣра?—но вѣмъ, яко и глагола сего не разумѣютъ, что именуется вѣра; но яко спящіи человѣцы во снѣ глаголютъ и еже глаголютъ, ничего того не вѣдятъ. Не безуміе ли ихъ сіе есть, еже двоеперстное сложеніе нарицаютъ вѣрою, иконы застарѣлыя нарицаютъ вѣрою, книги іосифовскія нарицаютъ вѣрою! И по сему ихъ разуму, кто имъ не подивится? Законы вѣры уставляютъ, а что есть вѣра не знаютъ. Тако бо вси отпадшіи отъ святыя церкве еже ни глаголютъ, того ничего и сами не разумѣютъ.

Сіе не самая ли ихъ ложь и блядословіе, еже новая своя изданія называютъ вѣрою, но и вѣрою еще не простою, но старою вѣрою; а древняя преданія, отъ самого Бога и святыхъ Его апостоловъ и отъ намѣстниковъ апостоль-

скихъ, святыхъ отецъ, намъ православнымъ христіаномъ преданная, называютъ новою вѣрою. И тѣмъ своимъ ложнымъ глаголомъ многое множество людей Божіихъ прельстиша; понеже простіи человѣцы, не вѣдущіи въ писаніи силы, на ихъ прелестные глаголы склоняются и, отъ неразумія своего, прелестнымъ ихъ глаголамъ вѣрятъ и послѣдуютъ имъ, яко скотъ безсловесный. И амо-же тіи ихъ лжеучители сами идутъ, туды и тѣхъ прѣсныхъ душъ влекутъ за собою, въ ту жъ вѣчную погибель, въ ню же сами намѣришася.

И вы, православніи христіане, аще хощете себѣ сугубую пользу обрѣсти, то по часту въ Зеркало сіе поглядайте и нелѣностно написанная въ немъ разсмотряйте: узрите бо вся ихъ лжеучительная блядословія, и разсуждайте. И аще кто прилежно вникнетъ въ сію книжицу, то кійждо бо васъ отъ мала и до велика блядословные ихъ догматы и лжестарую ихъ вѣру можетъ ложь ихъ познати и очи имъ заплевати.

Внемлите сему православніи: тыи лжеучители вначалѣ новопришельцевъ къ себѣ учатъ двоперстному сложенію, сказующе, якобы та старая вѣра, еже тако знаменатися; а триперстное сложеніе нарицаютъ не токмо новою вѣрою, но и антихристовою печатію наричутъ, и глаголютъ, яко аще кто не будетъ двомя персты знаменатися, той погибнетъ. А старая вѣра не отъ нихъ раскольниковъ началась, но начало пріяла наша Россія отъ грековъ, чрезъ великаго князя Владиміра Кіевскаго и всея Россія самодержца. И тамо въ Кіевѣ и во Греціи и во всѣхъ древнихъ благочестивыхъ странахъ знаменуются вси искони триперстнымъ сложеніемъ, а не двуперстнымъ. И по сему явно есть, яко старыя вѣры уставъ повелѣваетъ знаменатися треперстнымъ сложеніемъ. И о томъ сложеніи пространнѣе написася въ XVIII главѣ книги сея.

Паки тыи же лжеучители, хухнающе нашу старую благочестивую христіанскую вѣру, новопришедшихъ къ нимъ

православныхъ христіанъ снова перекрещиваютъ, а иніи изъ нихъ отнюдь креститися не повелѣваютъ. И то свое еретическое преданіе нарицаютъ старою вѣрою. И вы, православніи, сіе посудите: то-ли то старая вѣра, еже дважды крестити человѣка, или то старая вѣра, еже отнюдь некрещенымъ людемъ быти? «Самъ бо Господь пречистыми своими усты рекъ, глаголя: аще кто не родится водою и духомъ, сирѣчь, не крестится, не внидетъ во царство небесное (Іоан. III, 5). И о семъ бесѣдовахомъ во главѣ XIV книги сея.

Паки, тыи жъ лжеучители о грѣхахъ каятися не повелѣваютъ и еже бы жити, яко безсловесному скоту, безъ покаянія. И той свой еретическій догматъ называютъ старою же вѣрою. И вы, православніи, сіе посудите: то-ли то старая вѣра, еже о грѣхахъ не каятися и жить по мордовски? Самъ бо Господь пречистыми своими усты рекъ: покайтеся, приближибося царство небесное (Матѳ. IV, 17). И о семъ бесѣдовахомъ въ IX-й главѣ книги сея.

Паки, тыижъ лжеучители тѣла и крове Христовы причащатися не повелѣваютъ и великимъ прещеніемъ запрещаютъ, дабы людіе отнюдь не причащалися. И то отлученіе отъ святаго причащенія нарицаютъ старою же вѣрою. И вы, православніи, и сіе посудите: то-ли то старая вѣра, еже тѣла и крове Христовы не причащатися? Самъ бо Господь пречистыми своими усты рекъ, глаголя: аще кто не снѣстъ плоти Сына Человѣческаго и не піетъ крови Его, живота не имать въ себѣ (Іоан. XI, 53). И паки рекъ: ядый Мою плоть и піяй Мою кровь во Мнѣ пребываетъ и Азъ въ немъ, и воскрешу его въ послѣдній день. И о семъ довольно бесѣдовахомъ въ X-й главѣ книги сея.

Паки, тыижъ лжеучители сами во церковь святую на пѣніе и на молитву не приходятъ и послушникамъ своимъ приходити въ ню не повелѣваютъ, и еже въ церковь не ходити—и то называютъ старою же вѣрою. И вы, православ-

ніи, и сіе посудите: то-ли то старая вѣра, еже во святую церковь на пѣніе и на молитву не ходити? А святые отцы въ Гангрѣхъ, на помѣстномъ соборѣ собравшіися, тѣхъ проклятію предаша, кіи, нерадяще о церкви, начнутъ въ домѣхъ своихъ молитися (Кормчая, листъ 58). И о семъ бесѣдовахомъ въ VII-й главѣ книги сея; хотяй видѣти, тамо зри.

Паки, тыижъ лжеучители креста святаго четвероконечнаго сами не почитаютъ и прочимъ чтити его не повелѣваютъ, и ругающеся тому кресту Христову, нарицаютъ его овіи мерзостію, овіи же антихристовою печатію,—и таковое святому кресту руганіе нарицаютъ старою вѣрою. И вы, православніи, посудите и сіе: то-ли то старая вѣра, еже святый и всечестный крестъ Господень ругати и мерзостію его нарицати? Въ старой вѣрѣ гдѣ то бывало, еже бы святый крестъ Христовъ хулити, но всякая святыня четвероконечнымъ крестомъ освящалася, и нынѣ неизмѣнно имъ же освящается. И вся божественная писанія славятъ четвероконечный крестъ, а не осьмиконечный; о осьмиконечномъ крестѣ нѣсть ни единаго словесе похвальнаго. И Павелъ апостолъ славитъ четвероконечный же крестъ, а не осьмиконечный (Къ Ефес. III, 18). О похвалѣ четвероконечнаго креста зри въ V-й главѣ книги сея.

Паки, тыижъ лжеучители святымъ иконамъ кланятися не повелѣваютъ и почитать ихъ запрещаютъ, овіи токмо новописанныхъ иконъ не велятъ чтити, а иніи и всего иконнаго почитанія отрекошася, и нарицаютъ идолами. И ту свою [1]) иконоборную ересь называютъ старою же вѣрою. И вы, православніи, посудите и сіе: было ли въ старину, прежде ихъ раскольнича блядословія у насъ на Руси или гдѣ и инамо, еже бы иконъ святыхъ не почитати, кромѣ

---

[1]) Написано—*святую.*

древнихъ еретиковъ, на седьмомъ вселенскомъ соборѣ проклятыхъ, и люторовъ? И аще кто хощетъ пространнѣе о иконномъ почитаніи зрѣти, той зри въ XXIII главѣ книги сея.

Нѣсть бо въ нихъ во всѣхъ отпадшихъ разновѣріяхъ старыя христіанскія вѣры ни слѣда, но вся ихъ законоположенія сочинена новая и отъ вѣка неслыханная. Вся ихъ лжестарая вѣра наполнена лжи, осужденія, руганія и на Духа Святаго хуленія,—и та новоизданная своя догматы нарицаютъ старою вѣрою! И вы, православніи, посудите и сіе: было ль то въ старой и благочестивой вѣрѣ, еже бы во лжи или во осужденіи, или въ руганіи, или на Святаго Духа въ хуленіи спасенія себѣ кто искалъ? Ни, но искали спасенія въ правдѣ, въ любви, въ кротости и во всякомъ повиновеніи и въ хвалѣ Божіей, а не въ хуленіи. Они бо, раскольницы, оставивъ богоугодныя добродѣтели, избрали себѣ новыя добродѣтели, во адъ къ самому діаволу ведущія. Ни чѣмъ бо тако къ діаволу въ близость человѣкъ присвоитися не можетъ, яко же сими ихъ раскольничими вышеявленными добродѣтельми: лжею, осужденіемъ, руганіемъ и на Духа Святаго хуленіемъ и достигнетъ адскаго наслѣдія.

А наши бѣдные и злосчастные раскольники ничего такъ не держатся, яко же сихъ четырехъ діавольскихъ добродѣтелей всепагубныхъ держатся; и день и нощь упражняются въ нихъ. О лютѣ, лютѣ, сихъ добродѣтелей держащимся! И аще кто хощетъ достовѣрнѣе о сихъ адскихъ добродѣтелехъ видѣти, коль они діаволу свойственны, той зри книги сія въ первыхъ четырехъ главахъ: о лжи зри во второй главѣ, о осужденіи зри въ четвертой главѣ, о руганіи зри въ третіей главѣ, а о хулѣ на Духа Святаго и на вся святыни зри въ самой первой главѣ, идѣже вся узриши. И сіе не безуміе ли ихъ раскольниче, еже хощутъ взыти на небо, а добродѣтели дѣлаютъ подземныя, угодныя

діаволу, а не Богу. И тѣ свои новыя добродѣтели нарицаютъ старою вѣрою. И тѣ діаволи добродѣтели творяще, отъ Бога весьма отрекошася, святыя церкви презрѣша, пресвятое тѣло Христово ногама попраша и вся святыни, Святымъ Духомъ дѣйствуемыя, съ каломъ смѣсиша. И то стала быть ихъ раскольнича вѣра новая и отъ вѣка неслыханная, а не старая.

Сами вы, православніи, сіе вѣсте, еже изстари у насъ въ Россіи святымъ крещеніемъ вси вѣрніи людіе крестилися, мvромъ святымъ, то есть печатію Духа Святаго, печатлѣлися; во очищеніе грѣховъ елеемъ святымъ посвящалися; о грѣхахъ предъ отцы духовными каялись, иніи по однажды, а иніи и по дважды въ годъ. Токожде и тѣла Христова причащались по вся годы, а въ палестинскихъ странахъ, послѣди апостоловъ, и по вся недѣли православніи христіане причащалися. И во святыя церкви вси люди старые и младые ходили неизмѣнно. И то была старая вѣра и въ той вѣрѣ и святіи вси спасошася. И та старая вѣра и до днесь во православныхъ содержится неизмѣнно, кромѣ отпадшихъ отъ православія раскольниковъ.

А сія есть самая новая вѣра и отъ вѣка неслыханная, еже не крестяся святымъ крещеніемъ, быти и слыти христіаниномъ, и печатію дара Духа Святаго не печатлѣтися, и елеемъ святымъ по узаконенію апостольскому не посвящатися, и еже отцовъ духовныхъ не имѣти, и безъ покаянія жити, и пречистаго тѣла и крове Христовы не причащатися, и ко святѣй церкви на пѣніе и на молитву не приходити, и жить по мордовски. И такіе богопротивные догматы издавъ, нарицаютъ старою вѣрою. А бѣдные простые люди, уподобившеся безсловесному скоту, слушаютъ ихъ лжеучительства и туда жъ идутъ, куда они сами возжелали. А мочно бы всякому и самому простецу сіе разумѣти, яко то не старая вѣра, еже отъ святыя церкве и отъ всѣхъ

святыхъ отлучитися и жить по мордовски, и вмѣсто церквей въ подпольяхъ и въ подъовиніяхъ службы совершати. Сей есть вымыселъ не человѣчь, но самого адскаго діавола, еже святую церковь и вся святыни хулити, а отлученіе отъ церкве и отъ всѣхъ святынь хвалити, и то отпаденіе старою вѣрою нарицати, дабы тѣмъ вымысломъ людей Божіихъ, не вѣдущихъ писанія, обольстити и отъ правовѣрія отлучити. И сего ради всѣмъ православнымъ христіаномъ надлежитъ отъ такого погибельнаго ученія убѣжати, яко отъ ядовитаго змія.

Любимицы мои, православніи христіане! Ей, истину вамъ глаголю, яко вси отпадшіи отъ святыя церкве сугубою слѣпотою ослѣпоша и ничесого право зрѣти и право разумѣти не могутъ, понеже вси они запечатлѣни суть истою антихристовою печатію, якоже и прежде рѣхъ, и того ради возвратитися уже на путь истины и покаятися не могутъ,— сынове бо быша тмы непросвѣтимыя. Не явною ли слѣпотою ослѣпоша, еже глаголютъ, якобы антихристова печать будетъ крестообразная и очима видимая! Почесому они признали во антихристѣ крестное изображеніе и почесому нарекли крестное воображеніе антихристовымъ запечатлѣніемъ, и еже причитаютъ и троеперстное сложеніе ко антихристовой же печати, или рещи клейму? Не можно бо антихристу клейнотъ свой имѣти тречисленный. Божіимъ бо откровеніемъ Іоанну Богослову объявлено, яко пришествіе антихристово будетъ въ двух лицахъ, а не въ трехъ; ибо видѣлъ святый тайновидецъ два звѣря, прообразующіи антихриста, а не три (Апок. гл. XIII). И по откровенію, еже видѣ святый Іоаннъ Богословъ, пристойнѣе бо имъ блясловцамъ было примѣнять антихристову печать къ двоперстному сложенію, а не къ троеперстному,—понеже троеперстное сложеніе значитъ не ино что, токмо Святую Животворящую Троицу. Паки и посему мочно разумѣть, яко двочисленъ

есть антихристовъ гербъ, понеже во откровеніи ему же тайновидцу явлено токмо два мѣста запечатлѣнія антихристова: едино на деснѣй руцѣ,, другое на челѣ. (Апок. XIV, 9). И по симъ двумъ свидѣтельствамъ не можно быти антихристовой печати ни тричисленной, ниже крестообразной, якоже раскольницы блядословятъ, но токмо свойственно имъ причитать вельми антихристову печать къ двоперстному сложенію, понеже двочисленна и печать антихристова.

Паки и посему мочно было имъ приложить свое двоперстное сложеніе ко антихристовой печати, понеже то двоперстное сложеніе есть еретическое, а не православныя вѣры; таковымъ бо сложеніемъ знаменаются токмо отпадшіи отъ святыя церкве, армяне и нѣколикая часть римлянъ. А наши россійстіи раскольницы, пріявъ отъ нихъ то двоперстное сложеніе, антихристу свойственное, да и начали царствіе Божіе истребляти, а діаволе насаждати, и сыну діаволю антихристу начали путь уготовляти; и еже было ему антихристу чинить, то все раскольницы прежде его бытія отправили,—и то антихристово угожденіе называютъ старою вѣрою. И намъ, во православіи сущимъ, мочно всѣмъ знать, еже кто станетъ антихристова дѣла творити, то есть хулу износити на святую церковь и на вся святыни, и то не старая вѣра, но самая новая. И сего ради всѣмъ православнымъ христіанамъ, хотящимъ со Христомъ быти и во царствіи Его жити, подобаетъ неоплошно смотрѣти, дабы тоя новыя раскольничи вѣры ничѣмъ не прикоснутися и содружія съ ними никакова не имѣти и отъ спребыванія съ ними бѣжати бѣгомъ стрѣлолетнымъ, понеже они вси посланницы суть антихристовы и его печатію вси же запечатлѣни. Вельми бо годствуетъ ихъ остерегатися. А аще же восхощеши познати: кто есть глаголяй съ тобою, а по бесѣдѣ познати не можеши, то ты смотри, како онъ въ вообра-

женія крестнаго знаменія персты слагаетъ, и аще узришь во образъ антихристовъ два перста слагающа, то вѣждь, яко антихристовъ есть, понеже знаменіе его антихристово двочисленное сложеніемъ перстовъ ти являетъ. А аще же узриши кого слагающа три персты, то вѣждь, яко той есть Христовъ рабъ, понеже и сложеніемъ перстовъ своихъ являетъ себя (якожэ и Мелетій святый) служителя Святыя Троицы. А аще внятно воззриши въ сію книгу и изъясненіе о нихъ разсмотриши, то можеши и по бесѣдамъ познати, кто пришелъ отъ антихриста [1]).

И аще, православный рачителю, хощеши ихъ раскольничу блядость познати, то и еще ти образъ яснѣйшій покажу, по нему же въ краткостномъ часѣ познати можеши, кто есть всесовершенный посланникъ антихристовъ. Егда бо съ нимъ спустиши рѣчь, то, не разглагольствуя много, вопроси его (вопросъ первый): почесому они наричутъ тѣло Христово, нынѣ во святыхъ церквахъ дѣйствуемое, якобы оно не свято, но вмѣсто святости претворяется въ мерзость запустѣнія? И аще ти начнетъ онъ отъ своего вымыслу какіе радсудки и толкованія предлагати и примѣры какіе сказывати, и ты стань мужественно и вопроси его съ притуженіемъ, дабы ти сказалъ имянно и указалъ бы подлинно: въ каковыхъ книгахъ они то обрѣли—во іосифовскихъ ли книгахъ, кои они во утвержденіе себѣ полагаютъ, или во иныхъ каковыхъ, въ русскихъ или иноязычныхъ,—еже бы нынѣ дѣйствуемое тѣло Христово не свято и вмѣсто святости въ мерзость претворялось? И аще ты и безкниженъ еси, а симъ уста его богохульныя заградиши вопросомъ. Азъ сіе достовѣрно вѣмъ, яко во іосифовскихъ книгахъ на тѣло Христово таковыя хулы нѣтъ и не бывало, и ни въ каковомъ боже-

---

[1]) Этотъ трактатъ въ краткой ред. изложенъ подробнѣе, на стр. 254—263.

ственномъ писаніи не обрящеши ни малаго похуленія. Сіе они глаголютъ отъ діавола научившеся, а не отъ писанія какова.

А аще речетъ ти: того-де ради въ мерзость претворяется, заеже истинный осьмиконечный крестъ отнятъ бысть и наложенъ на просфоры четвероконечный, и ты паки вопроси его о крестѣ Христовѣ четвероконечномъ (вопросъ второй): гдѣ они сыскали и въ каковыхъ книгахъ обрѣли, еже бы четвероконечный крестъ былъ похуленъ и не святъ, а на осьмиконечный бы крестъ написана похвала? И сему твоему вопросу такожде отвѣта не дастъ, но будетъ ти свои толки издавати и примѣры поставляти. Ты же буди твердъ, яко столпъ стой на одномъ словеси, дабы ти далъ письменное свидѣтельство, почему осьмиконечный крестъ совершенный, а четвероконечный несовершенный. И буде ти речетъ: у осьмиконечнаго-де креста подножіе и надглавіе есть, а четвероконечный-де голъ, ничего того нѣтъ, и ты потому же вопроси его: гдѣ то написано, еже съ подножіемъ и надглавіемъ крестъ совершенный, а безъ подножія и безъ надглавія несовершенный? И вѣмъ, еже и того тебѣ не покажетъ, но токмо свои тебѣ будетъ толки разсказывати. Спроси-жъ у него сего: гдѣ они то обрѣли, еже аще на просфорѣ будетъ крестъ четвероконечный, а не осьмиконечный, и тая бы просфора все дѣйство литургійное осквернила, или тѣло Христово въ мерзость претворила? И вѣмъ, яко и о семъ ничего тебѣ отповѣдать не возмогутъ, но будутъ нѣмы на отвѣтъ, понеже не токмо во іосифовскихъ, но ниже во иныхъ каковыхъ либо книгахъ могутъ что обрѣсти во отвѣтствованіе тебѣ. Понеже вся сія хулы износятъ отъ сердца своего; въ сердцѣ бо ихъ возгнѣздися діаволъ, на таковыя хулы ихъ поущаетъ. И симъ вопросомъ можеши уста имъ заградити.

А аще восхощеши, то вопроси его и о треперстномъ сложеніи (вопросъ третій): чесо ради они имъ паче смертныхъ грѣховъ гнушаются? Гдѣ они то обрѣли, еже треперстное сложеніе погубляетъ человѣческое спасеніе? И по сему твоему и малому вопросу не дадутъ ни единаго письменнаго отвѣта, но такожде будутъ толкованія своя отъ своего разумѣнія износити; а въ писаніи такожде не обрящутъ ни единаго на треперстное сложеніе похуленія. Вся бо сія плевелы всѣяны въ нихъ отъ діавола,—у діавола бо иного нѣсть, токмо еже хулити; не токмо святыни кія, но и самого Бога хулитъ: того ради и послушницы его вси Бога хулятъ и на Святый Духъ хулу износятъ. И антихристъ, егда воцарится, не ино что будетъ творити, токмо Бога хулити. И того ради святый тайновидецъ и изъявилъ, яко видѣлъ жену, сѣдящую на звѣри червленѣ, исполнену именъ хульныхъ (Апок. XVII, 5),

О сихъ твоихъ тречисленныхъ вопросовъ довольно ти будетъ на загражденіе богопротивныхъ его глаголовъ. Не могутъ бо ти ни единому твоему вопросу чистаго отвѣта дать, кромѣ толкованій своихъ; и по тому ихъ тупому отвѣту можеши погибельную ихъ прелесть познати. И тако, за Божіею помощію, въ сіе Очевидное Зеркало поглаядающи, можеши отъ нихъ охранитися [1]).

Днесь же молю всѣхъ православныхъ христіанъ о семъ: аще кто что узритъ въ семъ Очевидномъ Зеркалѣ неисправностно написано, то да исправитъ ваша благость,—понеже азъ простецъ сый, просто и писахъ. А аще же кто речетъ, яко не вся раскольнича блядословія и очерненія вписана,

---

[1]) Текстъ вопросовъ, особенно второго и третьяго, въ краткой редакціи изложенъ сокращенно. Зато послѣ вопросовъ тамъ слѣдуетъ довольно пространное разсужденіе о крестѣ, чего въ полной редакціи нѣтъ (264—269 стр. кр. ред.).

не гнѣвайся на мя за недостатокъ той: вѣмъ бо и азъ, яко не вся очерненія ихъ сѣмо внесена суть, но елико отъ устъ ихъ слышахъ, на та очерненія и написахъ изъявленія и черность ихъ означихъ; а о чесомъ не слышахъ, о томъ и писать ми было невозможно. Понеже вси лжеучители престаша ко мнѣ приходити и своей прелести мя учити, ни въ какова разглагольства уже со мною не входятъ, вси бо скрышася отъ меня, и того ради слышати ми стало не отъ кого. Азъ бо и по отлученіи ихъ отъ мене многожды призывахъ ихъ и писанія своя къ нимъ посылахъ; но они вси отвратишася отъ мене, заеже благодать Божія удержала мя, и не поползнухся въ ихъ богопротивленіе. И оставивъ мя, едины съ своими послушниками устремишася по намѣренію своему въ погибель вѣчную, а свѣта истины не восхотѣша не токмо видѣти, но ниже слышати. Азъ бо всячески увѣщавахъ ихъ, дабы со мною поне не о большихъ токмо вещахъ поглаголати; но ни отъ поповщины, ниже изъ безпоповщины кто пришелъ ко мнѣ: вси бо яко прахъ отъ вѣтра возмятошася. И того ради и прекратися сія книжица.

И аще она и краткостна есть, обаче разумному и желающему своего спасенія довольна будетъ, и пользу въ ней можетъ обрѣсти не оскудную. Токмо приложи къ прочитанію доброе свое усердіе и вниманіе разумительное и разсудительное: изявлена бо ихъ раскольничи вся главныя ереси, поелику возмогохъ. Единъ бо въ семъ пріяхъ отъ Бога талантъ, единъ и трудихся, потолику и распространихъ. А ему же больши дано, больши можетъ и распространити; разумному человѣку можно и по краткому сему изъявленію тяжчайшія раскольническая очерненія, иже отъ Бога отводятъ и въ геенскую дебрь низводятъ, уразумѣти. А безумнаго родомъ или антихристовою печатью запечатлѣннаго никаковая увѣщанія и ясныя изявленія и философскіе глаголы пользовати могутъ, понеже вси тіи внѣ своего ума ходятъ. Ибо умъ ихъ отъ антихри-

стова запечатлѣнія омрачися, и быша безумни паче природныхъ юродовъ. А аще кто во отчаяніе совершенно не впалъ и хощетъ, еже бы избыти вѣчнаго мученія, тому подобаетъ часто въ Зеркало сіе поглядати и о очерненіяхъ ихъ раскольничихъ со вниманіемъ разсмотряти.

И азъ многогрѣшный моленіемъ молю всѣхъ, хотящихъ спастися, и колѣнъ касаюся: Господа ради, помогшаго ми Очевидное сіе Зеркало сочинити, не возгнушайтеся имъ, но съ любовію и съ воглубленіемъ во сердце свое прочитайте его. Не хитрости бо каковыя ради начахъ е строити и строихъ, но отъ самыя ревности и любве христіанскія потрудихся въ немъ, ради общія пользы, како отпадшимъ, тако и не отпадшимъ, наипаче же тѣмъ, кіи отъ раскольнича блядословія развратишася и въ сомнѣніе каковое либо внидоша,—дабы въ сію книжицу поглядая, познали свое очерненіе и покаялися. Къ сему же наипаче принуди мя на сіе дѣло святый Іоаннъ Златоустый, глаголя: аще узриши человѣка, къ погибели склонившася, а о подъятіи его не потщишися, то, рече, повиненъ будеши его погибели (Маргаритъ). И азъ того Златоустаго словесе вельми устрашихся, и на сіе дѣло поострихся. И аще кто узритъ, яко глаголы написаны иныи уничижительны, и о семъ вѣдите, яко не ради уничиженія, но ради востягновенія положени суть тако. И аще кому узрятся иныи глаголы суровы, и о томъ не скорбите жъ: не руганія бо ради положихъ тако, но ради возбужденія отъ заблужденія. Тако бо ревность, еже по Господѣ, понуди мя на жестокіе глаголы, зря жестокость раскольничу. Вы тѣ суровые глаголы прилежно разсмотрите, и аще уразумѣете, яко о дѣлѣ Божіемъ воскрича на отпадшія отъ святыя церкве, то не подобаетъ на мя гнѣватися, но наипаче годствуетъ предъ Богомъ смиритися и ко святѣй церкви примиритися, и за мя Богу помолитися—да проститъ Богъ моя та согрѣшенія, еже нелѣпо воскричахъ

ради раскольнича злонравія, да видя жестость реченную, свою жестость умягчатъ и обратятся отъ тмы ко свѣту. Азъ не ученый есмь человѣкъ, того ради не по наукѣ и писахъ, но писахъ по дарованію Божію: елико ми въ чемъ Онъ всевѣдецъ открылъ, таково то и написахъ. А блаженный преосвященный Димитрій Ростовскій и Ярославскій митрополитъ, свидѣтельствовавъ, повелѣлъ ми, преписавъ ю, въ домѣ у себя не держати, но ради общія пользы повелѣлъ въ міръ ю пустити, и аще и не сложно написана, не охули ю. Обаче и за его архипастырскимъ свидѣтельствомъ, аще кто что узритъ неисправно, не отрекусь исправити, понеже вси мы человѣцы: Богъ бо единъ безгрѣшенъ, а мы вси грѣху и всякому поползновенію подлежимъ. И по обличеніи въ погрѣшеніи моемъ, готовъ предъ Богомъ каятися, а предъ обличившими мя кланятися, понеже человѣкъ есмь многосуетный: не можно бо и праведнику безъ порока, ниже мудрому безъ погрѣшенія быти, а азъ что есмь и кто есмь? Во грѣсѣхъ преизлише грѣшенъ есмь, въ разумѣ нѣмотуяй младенецъ, въ художествѣ работникъ, въ чинѣ земледѣлецъ. И того ради и самъ вѣмъ, еже не можно ми въ сіемъ великомъ дѣлѣ безъ погрѣшенія быти.

И аще кто помнитъ, яко я тщеславяся унижаю сябя,— ни, но зри на сложеніе книги сея: можно бо всякому и по сложенію разумѣти мя, яко простецъ есмь. Обаче всѣхъ усугубляя молю: Господа ради, изведшаго ны изъ тмы невѣденія въ дивный Его свѣтъ богоразумія, не гнушайтеся симъ простосложнымъ Зеркаломъ; можетъ бо въ немъ коликую ни есть часть блядословія познати и прилипнутое отъ нихъ очерненіе, аще у кого есть, разсмотрѣти.

И на любящихъ въ сіе Зеркало смотрѣти да пріидетъ Божіе благословеніе, и да призритъ на нихъ Господь Богъ милостивымъ своимъ призрѣніемъ, и да сподобитъ ихъ наслѣдствовати животъ вѣчный! А мерзящихъ въ него взи-

рати, за не сложность риторства, или наипаче кіи будутъ отъ взиранія въ сіе Зеркало воспрещати, и на тѣхъ претителей да пріидетъ вѣчная клятва, и да наслѣдятъ тіи часть со Іудою, предателемъ Христовымъ, и со зловѣрными жиды, не повинувшимися Христу и возбраняющими во слѣдъ Его ходити!

Бога въ семъ свидѣтеля истиннаго являю, яко аще и всѣхъ человѣковъ грѣшнѣйшій есмь, обаче, видя самохотнѣ въ вѣчную погибель, отъ недознанія своего, многихъ людей грядущихъ, не могъ утерпѣти, еже бы имъ о погибели ихъ не возвѣстити и еже бы праваго пути имъ не показати, дабы мало повоздержати поне тѣхъ людей, кіи еще всесовершенно каломъ раскольнича блядословія не окалялися и антихристовы печати на чела своя и на десность своихъ дѣлъ не пріяли. Вѣсть Господь Богъ, яко иногда и нужду свою домовную презрѣвъ, въ немъ потрудихся, дабы съ закопавшимъ въ землю талантъ, отъ Бога данный, и мнѣ въ сопричтеніи не быти [1]). Обаче не собою писахъ, но дарованіемъ и откровеніемъ Божіамъ, и поможеніемъ святаго Ангела Его, ми даннаго, и возлюбленнаго ученика Господня, дѣвственника и наперсника Его, Іоанна Богослова. Ей, истину вамъ возвѣствую, яко иное и самъ не вѣмъ, что писахъ, но послѣди уразумѣвахъ,—яко выше моего уразумѣнія написася.

И сего ради на приникшихъ сей мой трудъ и на внятно со усердіемъ въ написанная сѣмо словеса смотрящихъ—молю Господа Бога—да пріидетъ благословеніе Его святое и да дастъ имъ Господь Богъ на брацѣ Агнчи, во открове-

---

[1]) Здѣсь оканчивается сочиненіе въ краткой редакціи; прибавлена только краткая заключительная фраза—благословеніе на благословящихъ трудъ автора и клятва на клянущихъ его.

ніи святому Іоанну Богослову явленномъ, быти, и вечери тоя всерадостныя, вкупѣ со всѣми удостоившимися того брака, вкусити. въ нескончаемыe вѣки вѣковъ. Аминь.

На клянущихъ же, аще неправильно имутъ мя клясти, да въ вѣчную имъ погибель, яко же болѣзнь на главу его, тако да обратится и неправая его клятва, да на верхъ его взыдетъ.

Святый апостолъ Іоаннъ Богословъ, возлюбленный ученикъ Христовъ, тако глаголетъ: отъ Бога есмы, и аще кто знаетъ Бога, той послушаетъ насъ, а иже нѣсть отъ Бога, не послушаетъ насъ. И прирекъ: о семъ познаемъ Духа истины и духа лестча (1 Посл. IV, 6). И по сему апостольскому словеси, мочно и всѣмъ намъ знать, кто отъ Бога и кто отъ діавола; и явѣ есть по апостолову словеси, послушаютъ сего написанія, въ книзѣ сей написаннаго, тіи токмо, кіи отъ Бога суть; а кіи отъ діавола, тіи вси не восхотятъ и въ руцѣ свои книги сея взяти, а не то чтобы ю прочитати и написанному внимати.

Мы начахомъ сіе изъявленіе зеркальное сочиняти отъ любве Божія, а не самохвалія ради своего, и основаніе тому сочиненію взяхомъ отъ самыхъ глаголовъ Божіихъ и отъ откровенія святому Іоанну Богослову. И аще кто съ любовію будетъ въ него смотрѣти и написанная въ немъ будетъ прочитати и внимати, и той явѣ есть, яко Божій человѣкъ и, по апостолову слову, знаетъ Бога; а аще жъ и простосложнымъ сочиненіемъ не будетъ мерзити, то явѣ себя означитъ, яко истинный есть рабъ Божій и хощетъ наслѣдникомъ быти вѣчныхъ благъ. И аще же кто нѣсть отъ Бога, той никогда сего нашего Зеркала въ руки свои не возьметъ и явленныхъ въ немъ свидѣтельствъ не послушаетъ. И по сему изъявленію святаго Іоанна Богослова, всякій человѣкъ самъ себя явна сотворитъ—Божій-ли онъ рабъ, или діаволъ.

Православный христіанине! Аще хощеши спасеніе пріобрѣсти, то Господа ради житіе свое прави опасно: не вдавайся въ раскольнича блядословія и въ лжесловія ихъ. Во всякомъ бо не токмо дѣлѣ, но и словѣ смотри правды; ложь же всю отъ себя отрѣвай въ безвѣстіе. И аще что восхощеши глаголати, аще и не о догматѣхъ, ниже о божественныхъ дѣлѣхъ, но аще и о мірскихъ, то крѣпко ся осмотри, нѣсть-ли въ томъ словеси каковыя лжи или каковой неправды: понеже лжи и всякой неправдѣ предводитель и начальникъ есть діаволъ, а правдѣ предводитель и начальникъ —Богъ. И того ради, егда даси ся во лжесловія каковая, тогда возымѣетъ надъ тобою власть діаволъ, понеже ложь его есть и ложью присвоишися ему; и аще отъ тоя лжи не отстанеши и съ покаяніемъ къ Богу не прибѣгнеши, то сведетъ тя въ погибель вѣчную. И сего ради лжи паче огня бойся и еже бы и отъ невѣденія своего въ чесомъ либо ложнаго словесе не изрещи; но и во всякомъ дѣлѣ и словѣ держися самыя правды. И предводитель правды, Богъ, введетъ тя въ вѣчное веселіе, амо же будеши радоватися въ безконечные вѣки вѣковъ. Аминь.

Трудивыйся

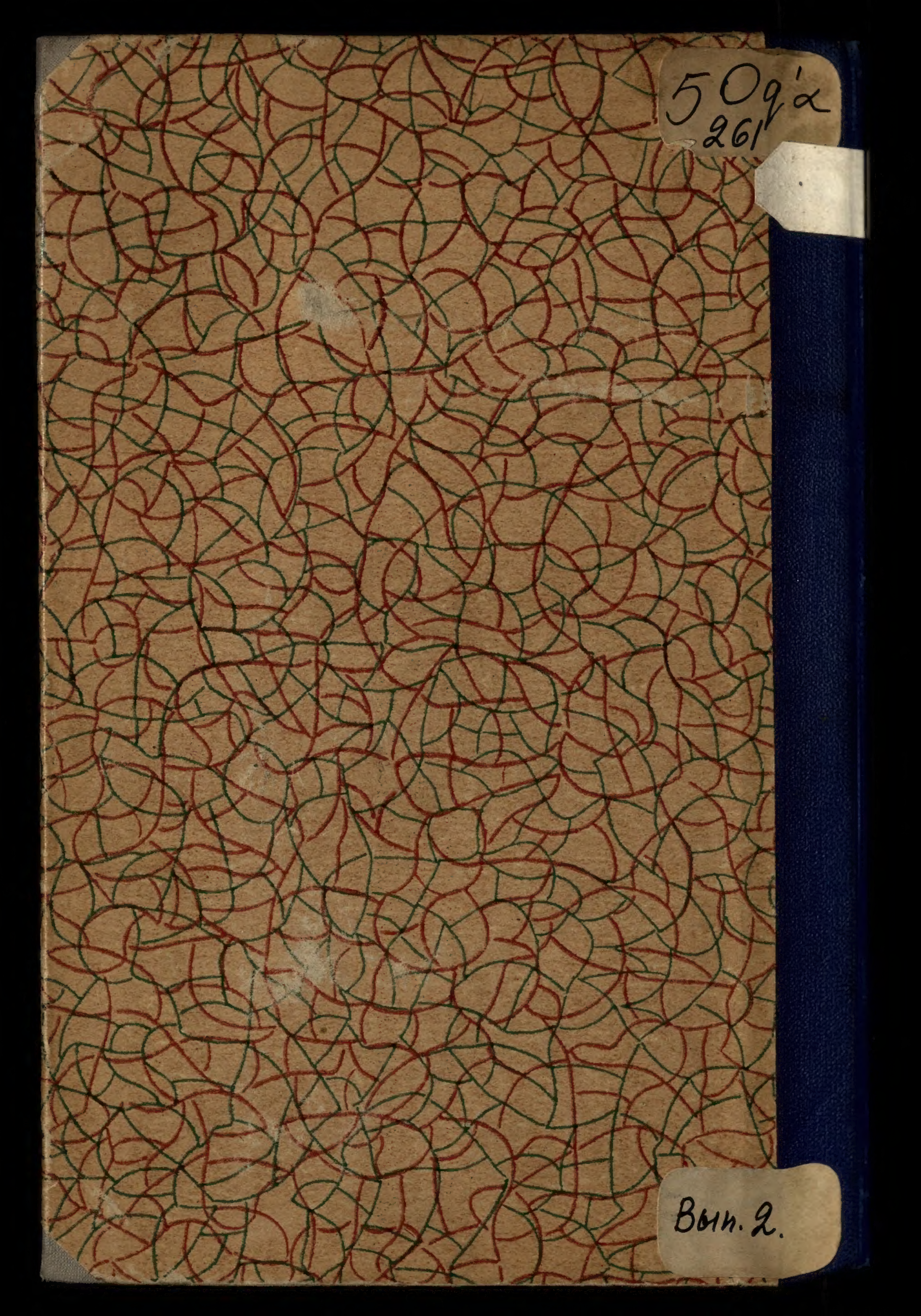
Иванъ Посошковъ

прощенія проситъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ II выпуска.

---

[1]) Въ текстѣ рукописи эта статья не значится главою девятнадцатою, но, конечно, это только по недосмотру или ошибкѣ писца.


50q'α
261
Вып. 2.